

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ

СОВЕРШЕННО НЕСЕКРЕТНО

КУЛУАРЫ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Annotation

Сергей Филатов — одна из ключевых фигур российской политики последнего десятилетия. С начала 90-х он работал в Верховном Совете РСФСР, три года возглавлял Администрацию Президента, а затем общественное движение поддержки Б. Ельцина на президентских выборах в 1996 году. Анализируя события в стране в самые сложные периоды — путчи, референдумы, войну в Чечне, наблюдая перипетии борьбы за власть, — автор не без горечи пишет об атмосфере интриг в кремлевских коридорах власти, знакомит читателя с многогранными, противоречивыми и не всегда лицеприятными портретами наиболее значимых государственных фигур, и прежде всего Б. Ельцина

- [СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ](#)
 - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
 - [Глава 1. «ТЫ ТЕПЕРЬ ОСТАЕШЬСЯ ОДИН...»](#)
 - [КАК Я ПРИШЕЛ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ](#)
 - [Глава 2. НЕСПЕЛЕНАТЫЙ ЕЛЬЦИН](#)
 - [ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР](#)
 - [Глава 3. ВЫБОР РОССИИ](#)
 - [ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ](#)
 - [Глава 4. ИЗ ПЛЕНА КРИВЫХ ЗЕРКАЛ](#)
 - [ПЕРВЫЕ ШАГИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ](#)
 - [Глава 5. «МЯТЕЖ НЕ МОЖЕТ КОНЧИТЬСЯ УДАЧЕЙ...»](#)
 - [Глава 6. НАРКОМАНИЯ ВЛАСТИ. ХАСБУЛАТОВ](#)
 - [Глава 7. «СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НАДО КАК-ТО СКОМПРОМЕТИРОВАТЬ...»](#)
 - [АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА](#)
 - [Глава 8. «МЫ ЗНАЕМ, ЧТО НЫНЕ ЛЕЖИТ НА ВЕСАХ...»](#)
 - [ОКТЯБРЬ-93](#)
 - [Глава 9. «В РОССИЮ МОЖНО ТОЛЬКО ВЕРИТЬ...»](#)
 - [КОНСТИТУЦИЯ-1993](#)
 - [Глава 10. МЕЖДУ «СВЕТЛЫМ ВЧЕРА» И «ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ЗАВТРА»](#)
 - [ВЫБОРЫ-96](#)
 - [Глава 11. ЕЛЬЦИН](#)

- [ПОСКРИПТУМ](#)

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ

СОВЕРШЕННО НЕСЕКРЕТНО

*НАУЧИ МЕНЯ, ГОСПОДИ,
СПОКОЙНО ВОСПРИНИМАТЬ СОБЫТИЯ,
ХОД КОТОРЫХ Я НЕ МОГУ ИЗМЕНИТЬ,
ДАЙ МНЕ ЭНЕРГИЮ И СИЛУ
ВМЕШИВАТЬСЯ В СОБЫТИЯ,
МНЕ ПОДВЛАСТНЫЕ,
И НАУЧИ МЕНЯ МУДРОСТИ ОТЛИЧАТЬ
ПЕРВОЕ ОТ ВТОРОГО.*

Теодор Рузвельт

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Так кто же мы такие, если выворачиваем себя наизнанку вот уже многие столетия, корчимся в судорогах бесконечной гражданской войны и нетерпимости? И никак не приплывем к берегу, где человеку было бы просто спокойно.

Александр Н. Яковлев

Весна 1997 года. Я стою на крыльце дома на Николиной Горе и наблюдаю за повисшей над землей кометой с большим светящимся хвостом. Она появилась на небе Подмосковья несколько дней назад, по моему, 8 марта, и, говорят, уже через несколько дней исчезнет, чтобы вернуться вновь в видимость земли через несколько столетий... Вот так, наверное, видятся и наши земные будни и потрясения, которые уходят в бесконечное время, называемое историей, чтобы оттуда наблюдали, изучали и переживали другие происходящее в наши дни. Увиденное и прожитое нами — это тоже уже история для всех последующих поколений.

Вечерами в это время мы обычно прогуливаемся с Галей, моей женой, обсуждаем прожитый день. Это наша давняя привычка. Так было и в Ясенева в Москве, и в поселке Архангельском на госдаче, и на Николиной Горе, хотя здесь бывает такая непролазная грязь, что приходится отказываться от прогулки. Но сегодня Галя в хлопотах по дому.

Поженились мы с ней в совсем зеленом возрасте, вырастили двух дочерей — Марину и Машу, теперь уже взрослых и, на мой отцовский взгляд, красивых женщин, обросли пятью внуками, словом, вместе пережили (и сейчас переживаем) много трудного и счастливого. Но — странное дело — я и сейчас вижу в ней, кого давно уже окружающие зовут по имени-отчеству, а в доме — бабулей, ту зеленоглазую, с нежно загнутыми светлыми ресницами девочку, увидев которую я когда-то, давным-давно и навсегда потерял голову

Я мучительно пытаюсь охватить мысленным взглядом и подытожить все, что наполняло жизнь мою, моей семьи, моих друзей,

политических единомышленников и оппонентов в минувшие годы, когда по стечению обстоятельств я был вынесен на гребень важнейших событий, происходивших в стране, и стал не только их очевидцем, но и участником. Мне жаль отдавать все накопленное забвению, и я неожиданно для себя нырнул однажды летом в воспоминания о ближнем и дальнем. Память проделывала со мной странные штуки: она то щедро опрокидывала на меня событие за событием, подсовывая давно забытые детали, то поступала по-скупердяйски, открывая лишь схему того, что представлялось мне еще недавно таким важным и незабываемым.

Книга писалась неровно — работалось то захлеб, то с трудом, с преодолением какой-то немыслимой, наваливающейся порой тяжести, то не работалось вовсе. Этому были причины, и прежде всего — неровное развитие событий в стране, порой пугающее, порой обнадеживающее, порой угнетающее. Особенно тяжело сознавать, что ты не можешь на эти события коренным образом повлиять.

Я стою на крыльце, мой взгляд упирается в сложенные у забора тяжелые квадратные плиты, которыми я давно уже начал выкладывать дорожку к дому, и каждый день она подступала к нему все ближе. Оставалось немного. Наклоняясь за очередной плитой, я мысленно сравнивал это занятие с единоборством, в которое вовлекала меня память, заставляя переворачивать, поднимать и нести к намеченному рубежу свой очередной блок. Та и другая работа не из легких, но я втянулся в них, и мало-помалу дорожка обретала достойный вид, а будущая книга — конкретные очертания. Главным было, как в любом деле, войти в рабочий ритм, соразмерить с ним свои силы и дыхание.

Память открыла мне очередной свой блок. Оставалось охватить его внутренним зрением, повертеть из стороны в сторону, поднять, понести...

С 1989 года мы живем сложной, до предела насыщенной событиями жизнью. Трудно сказать, как это время будет выглядеть в истории, как воспримется нашими потомками. Но то, что оценки будут различными, будут вспыхивать об этом времени споры, — в этом не сомневаюсь. Поэтому видение его как бы изнутри современниками, логика их мыслей и действий могут помочь в осмыслении всего того, что происходило в стране в эти — наши — годы, лучше понять и свой народ, и самого себя.

Мне хотелось рассказать о прожитом не только и не столько в хронологическом порядке, сколько отталкиваясь от наиболее важных событий и экстремальных обстоятельств, переломных процессов, не раз приближавших общество к опасной черте гражданской войны.

Это не мемуары, это мое видение и происходившего, и поведения людей, запутанных человеческих отношений, извечных интриг, амбиций политиков, их порой неискренних отношений с избирателями, общественностью, интеллигенцией, оппонентами. Это и извечные исторически типовые ошибки, сомнения и просчеты, и плата и расплата за них.

Я не бегал по вечерам верноподданнически в парную за президентом и тем более за Хасбулатовым, не подавал своевременно тапочки по утрам, не открывал перед ними двери, не стелился в застольях. Я отстаивал свое мнение, как мог, уходил от интриг и политических перевертышей, хотя не всегда это мне удавалось. Не всем это нравилось. Система нашептывания и провокаций сделала свое дело, и в начале 1996 года я был отправлен в отставку с поста руководителя Администрации Президента. Правда, не так, как этого хотели недруги. Но за президента я боролся и на выборах 1996 года. Надеюсь, что и в этой книге мне удалось сохранить свободным от зла и обид свой взгляд на события и на их участников.

Мы шли от коммунистического тоталитарного режима к демократическому и правовому государству в условиях двух бед: страшной экономической разрухи и зачатков свободного, но, по сути, дикого рынка. Именно тогда особо проявилось противоборство политических сил, противостояние в структурах власти между сторонниками тоталитарных и демократических принципов построения государства. Мы не сумели найти путей к примирению, чтобы вместе строить, так и жили: одни строили, другие разрушали или мешали строить. Страна вынесла несколько кризисных ударов: кризис власти, кризис конституционный, чеченский кризис, кризис финансово-экономический.

Хотя судьба, видимо, помогает России совершить возвратный путь от «коммунистического будущего» к цивилизованному мирным образом, к сожалению, на этом пути складывались не раз такие обстоятельства, которые требуют особого анализа, а их возникновение и развитие весьма поучительны сами по себе.

Тревожное предчувствие гражданского столкновения должно было появиться и появилось в обществе еще во времена Михаила Сергеевича Горбачева. Я имею в виду, прежде всего, Россию, а не СССР, потому что противостояние внутри России — наиболее категоричное, острое и опасное. Конечно, ожидания и надежды, связанные с М.С.Горбачевым, были большими. В стране тогда мало кто был равнодушен к новым веяниям, многие стали усиленно следить за политикой и его шагами в ней. Горбачева отличало от предшественников многое. Прежде всего — возраст. Мы отвыкли за многие годы от того, что у власти может оказаться человек сравнительно молодой, и поэтому сразу поверили в возможность преобразований. Для меня было существенным и то, что еще до своего прихода к высшей власти он установил деловые, даже товарищеские, отношения с Маргарет Тэтчер, женщиной удивительной по своим гражданским и человеческим качествам, политиком с прогрессивными взглядами.

Оглядываясь из сегодняшнего дня на то, что происходило (да и сейчас происходит) у нас, не могу отделаться от ощущения, что постоянно — и в те годы, и теперь — довольно умело действует некая скрытая оппозиция, которая то и дело ставит подножки прогрессивной власти и ее руководителям, дискредитируя ее наиболее популярных и талантливых лидеров, их партии и движения.

Причем чаще всего такая дискредитация связывается совсем не с тем, что осуществляют власть, партии, движения, общественные деятели. Скажем, Горбачев впервые начал создавать у нас демократические институты, впервые заговорил об открытости общества, о плюрализме, о гласности. А чем его отвлекли и очернили практически сразу, с первых шагов? Пресловутой борьбой с пьянством. Казалось бы, никакого отношения это не имело к нему напрямую, но все, сделанное им, оказалось дискредитированным. Все как бы потухло. Зная историческое коварство большевиков, думаю, что компрометация Горбачева могла быть подготовлена специально. Мне и по жизни известно, как ломали человеческие судьбы, как выхватывались какое-то событие или какой-то факт, вроде бы не имеющие непосредственного отношения к деятельности человека, и на этом основании перечеркивалась работа всей команды. Второстепенное приобретало значение главного и угнетало человека, и он готов был сам бежать куда глаза глядят, — только бы избавиться от этой абсолютной

высвеченности, только бы вернуться в прежнюю, как ему казалось, более безопасную, ситуацию, где не было давления на него, не было провокаций и вражды.

Такими методами пользовались при всех правителях. Только разница в том, что при Ленине и Сталине людей уничтожали, а после Сталина, не отказываясь от арестов и тюрем, КГБ обратился к более «мягким» методам, вроде ссылки в провинцию, высылки за кордон, заключения в психушку. Всегда находились люди, которые, выполняя волю хозяина, готовили материалы для расправы или выбирали жертвы сами. В те времена это были Берия, Ежов, Ягода. Но и в наше время, при нашем президенте нашлись такие. Только теперь в ход активно пошли провокации, компроматы, слухи, чтобы сломить человека прежде всего морально. Так, по крайней мере, действовал Коржаков. Правда, остается пока вопрос: самостоятельно или выполняя чью-то волю?

Такие «атаки» были предприняты против В.Черномырдина, Ю.Лужкова, А.Чубайса, Е.Гайдара и многих других. Что-то подобное случилось и с председателем Госкомпечати Грызуновым, когда его направили в Чечню и потребовали от него «нужной» информации, а он ее, в силу своего характера и моральных качеств, организовать просто не захотел. В итоге в ход были пущены несправедливые обвинения его в непрофессионализме и грязные намеки черт знает на что.

Один из сотрудников бывшего КГБ, человек из элитной партийной семьи, как то передал мне свои записи, где подробно были расписаны повадки наших органов МГБ — КГБ и их связи с КПСС. Если верить этим материалам, то в стране была создана мощная агентурная сеть, которую, по должности, держал в своих руках первый заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС. И, судя по этим материалам, в случае потери власти КПСС агентура должна была продолжить свою работу по дискредитации видных политических деятелей, новой власти и реформаторов, с тем чтобы вернуть власть прежнюю. Это по формуле. Если присмотреться к тому, что происходит в нашей жизни, в это можно поверить.

Я думаю, что Горбачев в свое время скорее всего испугался не того, что пошли такие массированные преобразования в Германии, Польше, Чехословакии, у нас в стране. Наоборот, это должно было его как раз морально поддерживать. И, по-моему, поддерживало. Во всяком

случае, он не мог не видеть меняющегося к себе отношения Запада — не политиков, а простых людей.

Я был свидетелем, как Запад высвобождался от бремени страха войны. Горбачев, по-моему, начал колебаться оттого, что атмосфера доверия вокруг него — в своей стране — стала меняться и, прежде всего, возобладали рядом с ним совсем другие взгляды, постепенно его окружили совсем другие люди, стал совсем другим круг его общения.

Знаете, как бывает, когда наступает пора бесчисленных анекдотов о видном руководителе. Случайно ли при Хрущеве гуляло так много анекдотов о нем? Ну а почему сейчас не так обильно сочиняют анекдоты, разве меньше забавного стало в нашей жизни? Да потому, что прежде работала целая система — и вот уже осмеянный Хрущев слился с осмеянным Чапаевым. Помните, сколько баек да анекдотов ходило про Чапаева? Не знаю почему, но меня не покидает убеждение: большевизм опасен еще и тем, что всегда использует второстепенное, чтобы ударить по главному. Не исключая, что и сейчас какие-то потаенные силы могут специально поддерживать у иного человека ощущение, что он «под колпаком», что за ним наблюдают, что если он только посмеет решиться на поступок...

И вот теперь я хочу перейти к основному в своих нынешних размышлениях. Многие считают слабостью Ельцина его выдержку и терпимость по отношению к своим оппонентам, к оппозиции, да и просто к житейским противникам. Конечно, кое-кому хотелось бы видеть силу власти в ее неумолимости и кровожадности. Конечно, немало наворочено в кадровой политике, хотя были попытки выстроить логическую линию на ее ясность и результативность. Но на деле, к сожалению, действовали другие правила, в том числе — субъективные оценки, науськивания президента на верных членов команды со стороны самых ближайших его фаворитов. Правда, тут Ельцин не переступал порога права — он не преследовал свою «жертву», как правило, был далек от мелкого мщения, но и не оставался равнодушным к таким науськиваниям, предпринимая свои контршаги. Известно, когда меняется общественный и экономический строй, строй государственной власти и ее идеология, как правило, с этим бывает связано, в лучшем случае, то, что отдаляются, изолируются, а в худшем — уничтожаются все те, кто работал в прежней системе. И такое случалось уже на нашей памяти.

Однако Борис Николаевич первым, пожалуй, из первых лиц государства не опустился до таких шагов. Конечно, он убирал и переставлял ключевые фигуры, и, прямо скажем, в его поведении ощущается кадровый «зуд», но весь аппарат чиновничий, в широком смысле этого слова, не был предан чисткам, не подвергся гонениям, не говоря уже, упаси Господи, уничтожению... То же самое можно констатировать и в отношении к руководителям различных рангов. Конечно, государственный аппарат во многом обновился, но, повторяю, без тех карательных акций, которые с большой охотой и тщанием проводились большевиками несколько раз — когда вслед за чисткой партии начинались чистки в учреждениях, среди командного состава армии, в судах, прокуратуре и так далее

Не случайно именно при Ельцине прозвучал призыв прекратить «охоту на ведьм», гонения одних на других, кончить затянувшееся гражданское противостояние, пойти, наконец, на согласие, хотя это всепрощение и породило те конфликты, те тяжелые ситуации, о которых мы сейчас говорим и будем еще говорить не раз. Конечно, есть опасность, что наше благородство нас же и опрокинет и даст власть тем, кто в этих вопросах менее щепетилен, кто будет по-большевистски уничтожать нас под улюлюканье толпы.

С исторической точки зрения лучшим умам России пора задуматься над ее выживанием и оздоровлением нации. Россия сегодня больна. И не только потому, что переживает болезненную полосу преобразований: ее естественные устремления были извращены на протяжении семи с лишним десятилетий...

Возвратимся к вопросу о щепетильности и, более того, нравственности в политике. Расчет подлинно демократического государства всегда основывается на том, что все его институты высокопрофессиональны, неполитизированны, ответственны, и все мерки, с которыми мы подходим к своим государственным структурам, приближены к идеалу. Но вот когда в этом расчете что-то не срабатывает и происходит сбой, тогда и начинается давление на человека, занимающего высший пост: «Что же ты, президент? У тебя власть — ты ее примени!» Но вместе с этим возникает вопрос, на который никто отвечать не хочет: как применить власть? Так же, как большевики? Тоща зачем эту власть было у них брать? Если же применять ее высокоинтеллектуально, как это делается в

цивилизованных странах, тогда нам придется ждать еще несколько лет, пока мы поднимемся к соответствующему уровню и у нас появятся соответствующие кадры и развитая судебная-правовая система.

Но я о дне сегодняшнем. А его главная проблема состоит в том, что из-за неподготовленности кадров, из-за отсутствия четкого законодательства и по целому ряду других причин — в том числе и в силу инерции нашего все еще пробольшевистского мышления — нам требуются величайшие терпимость и терпение как во власти, так и в обществе.

По роду своей работы в научном институте-я имел отношение к непрерывным технологиям. Вот то же, по аналогии, видится и в наших преобразованиях и реформах. Нетерпение подобно аварии, а пробуксовка ведет к малоэффективному процессу с поломками на пути.

Существует определенная закономерность развития процессов как в физике и химии, так и в экономике и в развитии общества. Большевик воспитал в нас беспочвенное нетерпение: мы всего и сразу ждем к определенному, заданному сроку, не желая порой понимать того, что объективные законы любого развития не подчинены желаниям вождей и революционных кумиров. Так же, как и законы природы, с которыми следует считаться.

Помню, с каким восторгом и доверием восприняло общество появление в правительстве академика Леонида Ивановича Абалкина, связывая с ним надежды на новую экономику в стране. И как быстро угас к нему интерес и даже появилась некая враждебность, когда он сказал точные, но роковые слова о том, что нам потребуется не менее 15 лет для перехода на новую экономику. Команда Егора Гайдара, наоборот, все время поддерживала миф о том, что не сегодня-завтра в стране все изменится к лучшему. Мы до сих пор еще с удовольствием заглазываем этот крючок с наживкой оптимизма, не желая думать о реальных прогнозах.

Наше общество постепенно втягивается в новую, хотя и очень тревожную для России, ситуацию, когда народу предоставляется право самому осмысливать, а порой и определять свою судьбу. Мы привыкли к тому, что за нас, малых и сирых, кто-то там, наверху, принимает решение, а мы слепо верим в его правильность, связываем с ним, как повелось еще от дедов-прадедов, свои надежды, пытаемся разглядеть путеводную звездочку впереди... Одним из строгих наказов, которые в

прошлом наш народ давал своему правительству, считался такой: главное — чтобы не было войны. А ныне положение дел иное: на суд людей отдается решение многих — едва ли не всех — вопросов (например, местного самоуправления). А общество пока еще не готово ни к их постановке, ни к их зрелой оценке. Виной тому и нехватка объективной информации, и обилие дезинформации и наше неумение отделить первое от второго, и трудности при осуществлении реформ, и досадные глупости, сопутствующие реформам, и бездействие власти или вдруг чрезмерно «отважные» ее шаги, при которых происходит прямое нарушение Конституции и прав человека. Причин пробуксовки много, а нужный механизм — правовой и демократический (хотя они неотделимы друг от друга) — в России пока не работает.

Еще одна немаловажная проблема состоит в том, что и сегодня, и на протяжении последних лет — со дня выборов в марте 90-го года в Верховный Совет РСФСР — мы не представляем и не представляли себе реальной расстановки сил в обществе. Коммунисты — те умеют так по-большевистски раскрутить напряженность, что даже после победы Президента России на выборах и на референдумах через некоторое время начинаешь теряться в догадках: какова же действительная расстановка сил в обществе? И в наши дни демократические силы никак не научатся ценить, оберегать и учитывать завоеванное ими на выборах и референдумах доверие общества.

Думаю, что октябрьская (1917 года) драма нашей страны будет длиться и длиться, пока все мы — и не по слухам, а воочию! — не убедимся точно, что большевизм навсегда канул в прошлое.

Верно ставит вопрос академик А. Н. Яковлев: для очищения общества и прояснения Истории нужен всенародный процесс над большевистской, коммунистической идеологией.

Большевизм как таковой не должен уйти от ответственности. Россия нуждается в последовательной дебольшевизации. Я не без основания убежден, что мы не обо всех кровавых преступлениях большевизма узнали: ох как много хранят бесстрастные архивы того, что еще способно потрясти наши сердца, наподобие Катыни или Варшавского восстания!

Отсутствие правовой определенности в оценке ленинско-сталинской диктатуры мешает обществу окончательно и бесповоротно

перейти к главенству Закона и прав человека.

Это хорошо видно и по заседаниям Государственной думы, где блокируются так необходимые для продвижения вперед законы. Идет постоянное накаливание добела политических вопросов, разворачивание политических дебатов и выдача политических оценок — по любому поводу и по любому событию — как в стране, так и в мире. Депутаты находят время для бесконечных конфронтаций, полемик, прогнозов, связанных и со здоровьем президента, и с окружением Бориса Николаевича, и с кадрами исполнительной власти, — для чего угодно, только не для эффективного принятия законов. А именно их не хватает обществу для реформирования экономики, укрепления порядка в стране, завершения государственного строительства и строительства демократических институтов.

Глава 1. «ТЫ ТЕПЕРЬ ОСТАЕШЬСЯ ОДИН...»

КАК Я ПРИШЕЛ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности прошедших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины...*

Борис Пастернак

Отчий дом

Я родился и вырос в семье, где особо ценилось общение с людьми. Мама моя, энергичная и красивая женщина, практически всю свою трудовую жизнь занималась общественной работой, причем на низовом — на самом близком к рабочему человеку — уровне. Да и отец, профессиональный писатель, любил людей, радовался встречам с коллегами, друзьями и читателями. Он часто вспоминал слова Марка Твена: «Избегайте тех, кто старается подорвать вашу веру в себя. Эта черта свойственна мелким людям. Великий человек, наоборот, внушает чувство, что и вы можете стать великим».

После войны много ходило по домам нищих. Не помню случая, чтобы отец хоть раз проявил безразличие к ним: обязательно накормит, напоит, поговорит, если нужно — напишет какое-нибудь ходатайство в высшие инстанции. А один раз затащил к нам старичка с крупными, отвисшими губами, в потрепанном пальто, но — в шляпе. Наличие этой самой шляпы, поразившей меня с первого взгляда, — неперменного атрибута тогдашних уничижительных анекдотов об интеллигенции — стало понятным к вечеру, когда после ужина отец попросил нашего гостя что-нибудь почитать. Поразительно! — тот знал наизусть чуть ли не всего Льва Николаевича Толстого (кто-то из нас даже проверял его по тексту). Мы в то время жили в коммунальной квартире, всей семьей

— родители и трое детей — в одной комнате, но это не мешало нашему дому быть хлебосольным.

Поколение моих родителей было удивительным — оно искренне стремилось добиться процветания Родины. Это была эпоха почти мистической веры в будущее, небывалого в истории оптимизма и энтузиазма, за которые так горько потом пришлось расплачиваться.

Выпала этому поколению и жестокая война с фашизмом, самым ненавистным врагом не только нашего народа — всего цивилизованного мира. И оно победило.

Хранило это поколение и пугающую, непонятную тайну уничтожения собственного народа: призрак врага бродил от дома к дому. Шла скрытая гражданская война — как продолжение открытой войны, когда одна часть населения уничтожала неуютную ей другую.

Достались этому поколению и страшные бессонные ночи, и еще более страшные рассветы, приносившие пугающие известия об арестах и исчезновении близких и друзей — людей ярких и талантливых.

Задавались и мучительные вопросы: почему наш народ — именно наш народ! — никак не может вырваться из нищеты и несправедливости?

Были и тяжелые, изнуряющие минуты, когда уже не хотелось жить и тянуло просто-напросто отключиться от безысходной действительности и угнетающей раздвоенности.

Вернувшись с войны, отец постоянно навещал своих фронтовых товарищей, нередко и они гостили у нас. Наш дом всегда был людным. Собираясь в гости к поэтам или на литературные встречи, отец часто брал меня с собой. Я бывал с ним вместе и у Ярослава Смелякова, и у Алексея Недогонова, и — особенно часто — у Якова Шведова, автора знаменитого «Орленка», а несколько позже — у Александра Жарова, чья песня о картошке прошла через все детдомовские годы отца, хотя, конечно, Александр Алексеевич особенно прославился песней «Взвейтесь кострами, синие ночи...». Отец по-разному оценивал творчество каждого из них. Ездил я с отцом и в «Агитплакат», куда в свое время его привел Александр Жаров и где отец многие годы, и, кажется, вполне успешно, писал стихотворные тексты к разным плакатам. Приходил я и на занятия литературного объединения «Вальцовка» на Московском металлургическом заводе «Серп и Молот», — литобъединения, которому отец отдал большую часть своей

жизни не только потому, что сам причислял себя к поэтам рабочей темы, но и по причине того, что вся его биография фактически с подросткового возраста была туго-натуго связана с «Серпом и Молотом». И уже после смерти отца литобъединение было названо его именем.

Может быть, во время всех этих встреч и благодаря им у меня с юности формировался свой взгляд на то, что происходит в стране, почему талантливые люди живут в нужде и столь значительные проблемы перед страной вырастают. Мы иногда, подолгу гуляя, размышляли с отцом о наших горестях. Он усиленно пытался разобраться в сложных процессах, которые проистекали в стране и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе. И многое он, как и другие, сводил к личностям, к неведомым заокеанским врагам и к бездарям, заполнившим партийные и государственные кабинеты.

Я тогда впервые, находясь рядом с отцом при его общении с людьми, в полном объеме и так остро ощутил внутренние противоречия в писательской среде, отражавшие, как в зеркале, взгляды и настроения, царившие в обществе, правда, далеко не всегда публично высказываемые. Отец с присущей ему живостью воспринимал все то, что происходило рядом с нами и окрест. Он много знал веселых и опасных по тому времени частушек, прибауток и анекдотов. Ну, к примеру:

**Скажи мне, Фадеев, любимец ЦК,
Что сбудется завтра со мною.
Быть может, меня вознесет в облака,
А может — сравняет с землею.**

Мне кажется, кое-что он придумывал сам: любил и умел рассказывать и петь в дружеском кругу частушки про наши непутевые российские дела. В этих припевках было больше обнаженной правды и острого взгляда на вещи, чем в обычных спорах-разговорах. После смерти отца осталось несколько блокнотов с обилием недомолвок и многоточий — он любил и часто со вкусом использовал «нецензурные» слова. Но чаще встречались частушки и довольно мягкие, вроде:

Я каталась на льду,
Простудила ерунду,
А без этой ерунды —
Ни туды и ни сюды.

Наиболее интересными казались мне споры писателей. Скажем, существовали сторонники и поклонники Маяковского, но были и те, кто его вообще на дух не принимал. Полемика вспыхивала особо горячая вокруг Есенина — вокруг его поэзии, его жизни, его человеческого облика, его преждевременной и загадочной смерти. Отец отдал много сил восстановлению славного имени великого русского поэта, пропаганде его самобытного творчества. Он написал поэму о матери Есенина. В этот период его тесно связала дружба с сестрами Сергея Есенина — Екатериной и Александрой, много появилось друзей-есенинцев, среди которых был и известный литературовед Юрий Львович Прокушев.

Обсуждались порой — тогда еще как бы в завуалированном виде, но тоже довольно остро — вопросы, связанные со Сталиным и его временем. Но во всех перепалках и при всех обсуждениях отец всегда оберегал образ одного из своих кумиров — Ильича: ему долгое время наивно казалось, что все беды у нас от Сталина, который извратил Ленина — в теории, в практике, в жизни. А рядом с Лениным — что было, то было! — для отца таким же кумиром стоял Дзержинский (видимо, потому, что его в 20-е годы, как и многих других детей-беспризорников, выловили чекисты и передали на воспитание в детскую коммуну); другими — особы-ми — кумирами были Жуков и Есенин, в несть которого я и получил свое имя.

В восприятии людей многое в те сложные годы складывалось под воздействием жесткой пропаганды и партийного влияния, закрытости и цензуры в печати, в литературе и в искусстве, партийной их направленности, в результате чего трудно было определить истинную ценность той или иной личности. Но отец до конца дней своих так и не смог понять и поверить, что именно ленинская идеология разделила страну на нужных и ненужных людей, на героев и врагов народа. Он, как и большинство его сверстников, долгое время полагал, что это кто-то плохой наверху сдерживает животворные процессы (Сталин, Берия,

Суслов...) и, лишь уйдет этот кто-то, — все изменится к лучшему, как в сказке.

Для меня же наиболее ценным из того, что дала мне семья, было общение с людьми, плоды которого остались надолго, они всегда существовали как бы параллельно со знаниями и навыками основной профессии, которой я отдал сорок лет жизни. Это и вывело меня в конце концов на ту активную жизненную позицию, которая подкрепляется желанием общаться с человеком — слушать его и разговаривать с ним. Может быть, поэтому я охотно работал в общественных организациях «Серпа и Молота», на Кубе и в научно-исследовательском институте.

Я начал свой трудовой путь с завода «Серп и Молот», куда пришел после окончания металлургического техникума. В техникуме был секретарем комитета комсомола. И на заводе тоже. Мне тогда еще не исполнилось двадцати. Комсомольская организация завода насчитывала тысячу четыреста человек, но ребят настоящего комсомольского возраста в ней почти не было — основной массе за тридцать. Существовало много проблем и социальных, и политических, и чисто человеческих. Люди жили трудно, именно в эти годы началась хрущевская «оттепель». Она породила новые проблемы для власти — многое нужно было объяснить и на многочисленные «почему» ответить.

Помню, как пришел я в заводское общежитие. Там долгие годы работала воспитателем моя мама. Что такое комната в общежитии, где фактически проживают несколько семей, не имея на то законных оснований, объяснить очень трудно: теснота, постоянный страх быть выброшенным на улицу, умение быстро спрятаться. Вся обстановка — четыре кровати, отделенные занавесками друг от друга и от общего стола в центре комнаты. Жили там ребята, работавшие по основным для завода профессиям: сталевары и вальцовщики, литейщики и формовщики, с женами и детишками... Захотелось им помочь, создать человеческие условия.

Именно у нас на заводе впервые зародилась комсомольская стройка жилого дома. Строителей не хватало, их заработки были низкими, условия работы — тяжелыми, условия быта — еще хуже. Охотников работать строителями было мало, в основном приходили работать за жилье и за прописку в Москве люди с периферии. Чем же

хуже, думалось мне, наши рабочие, которые временно могли уйти с основной своей работы и после окончания строительства дома вернуться к ней снова? Стали по путевкам комитета комсомола направлять на два-три года на стройку жителей общежития. Меня поддерживали и начальник управления капитального строительства, и директор завода. Мы организовали такую стройку, и острота проблемы была на время снята, но тогда она не могла быть решена кардинально: москвичи идти на стройку не хотели, и приходилось в техническом училище обучать периферийную молодежь основным профессиям — сталеваров, прокатчиков, литейщиков, — сразу поселяя ее в общежитие с последующим направлением на стройку. И так — по замкнутому кругу.

В те времена в столицу ежегодно приезжало около ста тысяч людей различных профессий, большинство из которых оседало в Москве. Фактически Москва в значительной степени застраивалась для обустройства лимитчиков и жителей близлежащих деревень и поселков, что порождало социальную напряженность среди коренных москвичей.

Между тем надвигался Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года. Подготовка к нему — это бессонные ночи, как в «лучших» сталинских традициях, это впервые приоткрытая информация о жизни нашей страны и других стран, это первые талоны на приличную одежду в специальных магазинах, это новые встречи, которые впервые открывали неведомый и долгие годы закрытый для нас мир.

К тому времени я стал секретарем заводского комитета комсомола и членом бюро райкома. Я пытался увидеть смысл любой работы в ее результатах. Здесь же я иногда терял почву под ногами, не находя ответа на многие вопросы, а самое главное, понимая, что если нас не будет, то ничегошеньки не изменится. А время уходит, его степенно перемалывает будничная мельница — то заседания, то субботники, то массовки, то собрания... И единственные ощутимые результаты — жуткая усталость и пустота. А к этому примешивается горечь от сложившейся в комсомоле чиновничьей субординации, когда ощущаешь себя сталинским «винтиком» в бюрократической машине. Очень было заметно, как комсомольская номенклатура, активно работая локтями, готовится к прыжку в партийную номенклатуру.

Пробовал учиться в институте — не получилось, ведь основное время работы — вечера и ночные рейды. Причем впервые увидел, как многие беседы «по душам» проходят за чаркой водки, — пить надо было уметь крепко.

И тут пришло осознание того, что в комсомоле только на низшем уровне сохранялись товарищеские и человеческие отношения, выше — в номенклатуре — все было иное, дорогу вверх прокладывала беспрекословная подчиненность, полная зависимость, постоянное «чего изволите» по отношению к партийным верхам, виртуозное владение демагогией. Меня же тянуло к аналитическому и логическому мышлению. Принял решение уйти из секретарей, объяснил это тем, что без высшего образования жить будет трудно. Очень помогла мне тогда мама. Она сказала: «Сын, я всю жизнь занималась общественной работой, всю жизнь уговаривала кого-то сдавать металлолом, выходить на субботники, организовывала ночные рейды по цехам — и так из года в год... Те, кого я уговаривала и кто с папочкой под мышкой уворачивался от всех мероприятий, постепенно окончили институт, получили хорошее образование и соответствующие должности, а я все продолжала уговаривать, ходить на поклон с различными просьбами теперь уже к этим людям. Смотри, как бы и с тобой того же не произошло...»

Она была права, моя мама, хотя сама продолжала гордиться своей работой, но я, пожалуй, только сейчас понимаю, как ей было обидно. Она радовалась, получив значок «50 лет в КПСС», но когда уходила на пенсию, ей положили 48 рублей. Я даже не знал, что такие пенсии бывают. Это сегодня многие из КПРФ как бы забыли, какие пенсии были при их власти. А мама была настоящей активисткой, много читала, владела чисто мужскими профессиями. Она умела водить самолет, у нее был значок «Ворошиловский стрелок», но на фронт ее не взяли — с ней оставались трое детей, Мы все в семье имеем любительские водительские права, — у нее были профессиональные. Она освоила редчайшую профессию тянульщицы (сейчас это называется «волочильщик») на проволочном волочильном стане. Я много работал на металлургических заводах, но так ни разу и не встретил женщину-волочильщицу. А потом — работа в женсовете, директором Дворца культуры завода, в библиотеке и т. д., и т. д. При

такой энергии, конечно, нужно было оканчивать институт, но, видно, рядом не оказалось никого, кто бы посоветовал и помог в этом.

Мне, конечно, было лестно в двадцать лет входить в заводской «четырехугольник», лестно, что к моему мнению прислушиваются. Но тяга к учебе, к науке в конце концов победила. Московский энергетический институт я окончил в 1964 году, а через два года его окончила и моя жена Галя. Я бы, наверное, так и не дошел до диплома, если бы она не пошла учиться. У нас уже была дочка Марина, и проводить вечера без меня Гале становилось все труднее и труднее, иногда она срывалась, Нет-нет, да и у меня появлялось чувство вины, и я решительно сказал: «Будешь готовиться к поступлению в институт». Готовились вдвоем. В 1960 году она поступила в МЭИ, а в конце первого года учебы родила вторую дочь — Машу. Мы прошли свой институтский путь без перерывов, в чем нам очень помогли наши соседки — замечательные баба Саша и тетя Маруся, которые частенько оставались с нашими девочками вечерами. По могли нам и заводчане, устроившие дочерей на пятидневку сначала в ясли, а потом и в сад.

Вхождение в науку

В 1966–1968 годах мы с семьей жили на Кубе, где я работал на металлургическом заводе имени Хосе Марти. Как-то, прогуливаясь с Галей по поселку Аламар («У моря»), где мы обитали в домиках, предназначенных для туристов, заговорили о будущих планах. Галя на Кубе не работала и первое время очень от этого страдала — ведь всю жизнь она была одержима работой. Иначе она не умела — все с колоссальным напряжением и без счета времени. У меня тоже возникли проблемы: меня влекло в науку. Но останавливала боязнь безденежья — у нас росли такие «дорогие» члены семьи, как наши девчушки. Вот это я и сказал во время прогулки. На что Галя ответила:

— Пусть эта сторона тебя не заботит, делай так, как подсказывает внутреннее желание. Нет ничего хуже чувства неудовлетворенности — тогда будет плохо всем: и нам, и тебе. Я верю в тебя, а то, чего ты боишься, — временно...

По возвращении в Москву мне понадобилось полгода, чтобы выбрать новое место работы, хотя выбор был невелик: наши

государственные научно-исследовательские и проектные институты — Гипромез, Тяжпромэлектропроект и ВНИИметмаш, возглавляемый академиком А.И.Целиковым. Вот туда я после недолгих раздумий и поступил на работу главным инженером проекта. Должность громко звучит, на самом деле — ведущий инженер, которому предстояло многое познать из новейшей техники и новейших технологий в металлургическом машиностроении.

Институт академика А.И.Целикова мне особенно нравился тем, что здесь, к какой бы ты профессии ни относился, нужно было хорошо знать технологический процесс того агрегата или машины, которые проектировались. К этому побуждала и традиция, установившаяся в институте, — непосредственно участвовать в проектировании, наблюдать за изготовлением и участвовать в монтаже, наладке и отработке процесса вплоть до сдачи машины в эксплуатацию «под ключ». А потом тебя частенько вызывали производственники для устранения неполадок или усовершенствования. Такая практика сильно обогащала в инженерном плане.

В институте меня хорошо приняли и коллектив, и руководство. Я очень сблизился с руководителем группы Олегом Кирилловичем Храпченковым, мы подружились семьями. Мне повезло: он оказался одаренным инженером и верным товарищем. Много мы с ним пробыли на наладках, — а это почти как в разведке. Ведь ситуации бывали разные — не все получалось так, как задумывалось в проекте.

Но, как иногда бывает в жизни, после удачного начала случаются сбои. Такой сбой произошел и у меня, что резко изменило мое положение и научную карьеру. Вмешался даже не Его Величество Случай — вмешалась наша партийно-закулисная система. Событие, может быть, и не слишком значительное, но оно позволило мне собственной кожей почувствовать умение партийно-номенклатурной системы расправляться с людьми, пошедшими в чем-то против нее. Конечно, этот случай был не первым толчком к критическому анализу происходящего в нашей жизни, и сегодня, когда мы живем в другом обществе и принципы отношений на работе иные, случай этот смотрится наивным, но...

В институте тогда существовало жесткое правило: тот, кто, на время перейдя из института на другую работу, возвращался затем обратно, должен был занять свою прежнюю должность — не выше. И

это, вообще говоря, придавало чистоту и справедливость деловым отношениям, не позволяло никому и ни при каких условиях шагать через головы сослуживцев.

И вот произошло нарушение этого правила. Сотрудник, наш коллега, ушел от нас в туполевскую систему и оставался там полтора года. Затем вернулся снова к нам, но уже на оклад, значительно превышавший прежний, перепрыгнув сразу через две должностных ступеньки. А это конечно же задевало и обижало тех, кто с ним на равных должностях работал прежде, — среди них были подлинные ученые и инженеры, которым стало при этом очень неудобно. Естественно, начались шушуканья по углам, возникла напряженность. Надо было что-то делать, чтобы вернуть в нашу трудовую среду прежние деловой стиль и справедливость.

Я тогда только пришел в институт с «Серпа и Молота», пришел из той рабочей среды, где властвовала атмосфера открытости, где отношения строились без хитростей и обиняков. Там, даже если и захочешь что-то утаить от других, рабочие выведут тебя на чистую воду, вывернут душу наизнанку, да еще и потом будут тебя долго подначивать.

Мне, еще не отвыкшему наивно верить, что все большие вопросы нужно решать напрямую, посоветовали пойти в партком — тогда я уже был избран партгруппоргом. И я пошел в партийный комитет, сказал, что если мы не преодолеем подобную практику, то в коллективе утвердится несправедливость. В ответ секретарь парткома стал громко возмущаться инцидентом. Я ушел довольный, попытался успокоить и своих коллег. Но впоследствии для меня все двери оказались закрыты. Правда, через несколько месяцев всем «униженным и оскорбленным» оклады повысили, то есть вроде бы формально равновесие в коллективе было восстановлено, но и я, и многие другие уже успели пережить все это, переболеть и перегореть этим...

Пятнадцать лет я провел за «черновой» работой в командировках, занимаясь наладкой и проектированием, — без научной работы. Так продолжалось практически до момента, когда Госпожа Удача принесла мне успех в одной очень объемной и трудной работе. Но то, что в мою судьбу бесцеремонно вмешалась «великая и направляющая», заставило меня еще раз задуматься: есть ли у нее, у этой силы, основания посягать на права человека? Я думаю, едва ли не каждый, кто прожил

жизнь или часть жизни в той системе, может припомнить похожий случай из своей жизни, похожую драматическую ситуацию. Для меня же это стало еще одним серьезным жизненным уроком.

В один из дней меня пригласил к себе академик Целиков:

— Я познакомился с вашей работой в журнале «Сталь», это же готовая кандидатская.

Отвечаю:

— Спасибо за оценку, она мне очень дорога. Но у меня в этой работе еще есть недорешенные вопросы с внедрением.

Он так лукаво смотрит на меня и продолжает:

— Ну, все эти вопросы вы можете в докторской диссертации домуссировать, а сейчас я даю вам на все про все три месяца, и после этого, будьте любезны, положите работу мне на стол.

Так практически была решена моя научная судьба. Правда, я представил ему первый вариант только через полгода, а окончательный — через год.

Работа заключалась в следующем. В 1976–1978 годах мы провели важные исследования в Липецке под руководством директора Новолипецкого металлургического комбината Серафима Васильевича Колпакова, впоследствии министра черной металлургии СССР. Исследование было связано с внедрением в производство наших отечественных машин непрерывного литья крупных слябов. На этих машинах очень недолговечными оказались роликовые проводки, в которых проходил и охлаждался непрерывнолитой сляб. Причину поломок очень долго не удавалось найти, а значит, машины подолгу простаивали. И Серафим Васильевич пошел на смелый эксперимент, названный тогда, между прочим, «экспериментом века». Директор фактически рискнул несколькими десятками плавок, по 300 тонн каждая, с тем чтобы исследовать все параметры литья — технологические, энергетические, силовые — и выявить слабые места и причины разрушений отдельных элементов машины.

Наша часть работы заключалась в непрерывной многочасовой фиксации на самописцах более 30 параметров разливки. Для этого работали три бригады круглосуточно — одна подменяла другую. Приборы, как избалованные дети, капризничали и требовали постоянного к себе внимания, переходящего во вмешательство в их работу. Скорость записи составляла миллиметр в секунду, и можете

себе представить, сколько многокилометровых диаграмм нам пришлось обработать, чтобы получить и осмыслить результат.

В ходе эксперимента возникало немало и других проблем. Скажем, нам был выделен полугрузовой «рафик», который мы использовали, чтобы возить людей на каждую из трех смен и не прерывать процесса исследований. Но, как назло, шофер «рафика» оказался из тех, о ком говорят: «С утра дурной, а после обеда пьяный». Я отправил его «гулять» и сам возил людей, хотя у меня были только любительские права. Хорошо еще, что меня ГАИ ни разу не остановила, а то бы лишился я своих любительских прав, а наша бригада — нехитрого транспорта.

Но все это пустяки по сравнению с тем, чем оказался труд по обработке записей каждой плавки. Титанический труд. Все силы отнимающий труд. Порой у самых завзятых энтузиастов руки опускались, и казалось, что все наши четырехгодичные изнурительные усилия потрачены впустую.

В те дни одно интересное открытие сделала наша команда.

Дело в том, что в машине непрерывного литья жидкий металл подается в специальную форму (это может быть прямоугольник — для слябов, квадрат — для блюмов, трэф — для круга), называемую кристаллизатором, который совершает возвратно-поступательное движение с малой амплитудой качания, чтобы застывающая корочка слитка не прилипала к стенкам. Далее слиток поступает в роликовую проводку, которая его ведет до полного затвердевания в сечении. И здесь существуют жесткие законы, с которыми необходимо считаться, если хочешь получить хороший слиток и избежать аварии.

Сечение слитка застывает за строго определенное время. Скажем, для крупного сляба это время составляет 25–30 минут, и тогда при длине роликовой проводки 25–30 метров скорость вытягивания слитка не может быть выше 1 метра в минуту. Если она будет выше, то при выходе из роликовой проводки — когда его начнет резать на заданные размеры специальная машина — из внутреннего сечения слитка выльется жидкий металл. Это крупная авария с тяжелыми последствиями. А при низкой скорости, напротив, слиток рано затвердеет и начнет ломать на своем пути роликовую проводку, если она имеет радиальную форму. На этом принципе были построены результаты нашей части исследований, описанные в журнале «Сталь».

Когда в конце 1989 года мы с Галей отдыхали в подмосковном санатории «Дорохово», у нас как-то зашел разговор вот о чем: в институте мне предложили баллотироваться в депутаты Моссовета. В душе я был согласен принять предложение и получил поддержку жены. Но когда мы приехали в Москву, ситуация круто изменилась — мои коллеги по институту решили, что я должен баллотироваться в народные депутаты РСФСР. Я принял решение самостоятельно, так как поддержки от Гали тогда не было.

После защиты кандидатской диссертации вернулся интерес к активной политике. С появлением в Москве Бориса Николаевича Ельцина мы в семье и на работе с товарищами горячо сочувствовали всем его начинаниям, следили за его передвижениями, встречами и желали ему хороших результатов. Хотя многое из того, что он делал, выглядело наивным, но, нам казалось, очень необходимым: и частые — напрямую — встречи с жителями города, и попытки насыщения товарами московских магазинов и рынков, и открытость московской прессы. Наивность состояла в том, что все это делалось через партийную номенклатуру, которая сопротивлялась и которую Борис Николаевич часто менял. Уже тогда становилось понятно, что необходимо пересмотреть саму систему и производительных сил, и производственных отношений, вводить демократические институты и строить правовое государство. И все же мы видели, как оживала Москва, как она выходила из спячки. Чувствовался канун серьезных перемен.

Мы с Галей очень внимательно следили за всем, что происходило в стране в 1989 году, переживали за смелых и ярких союзных кандидатов, а в последующем — депутатов Верховного Совета СССР; особенно волновались за Андрея Дмитриевича Сахарова, всей душой понимая его и сочувствуя ему. По всему миру прошли фотографии и кинокадры сидящего в кресле зала Дворца съездов такого, казалось, беспомощного и одинокого Андрея Дмитриевича и — бесновавшихся вокруг него народных депутатов.

И годы спустя сами депутаты оценили поступок А.Д.Сахарова, многим из них стало неловко за те мгновения, когда они не захотели услышать его голос против постыдной войны в Афганистане и

покаяться. На его фоне особо стали заметны ханжество, бескультурье, полная отрешенность от жизни партноменклатуры, которая устраивала академику обструкции. А для нас каждый его шаг, каждый его поступок были огромной школой человечности, наукой просвещения. Наверное, и силы к демократам в значительной степени пришли от этой науки и от чувства великой потери, когда не стало Андрея Дмитриевича.

Тогда мы все как будто враз проснулись и увидели, что живем в нищем и бесправном государстве. Нищем, потому что государство не может быть богатым при нищих гражданах. Бесправном, потому что в стране правил не закон, правила партия — «ум, честь и совесть нашей эпохи», а вернее, кучка функционеров. Сколько унижений претерпели люди за годы партийного тоталитаризма! Сколько было уничтожено жизней, растоптано национальных обычаев и традиций! Какой воинственной пытались сделать нашу нацию! Что сотворили, словно бы в издевку, с нашими семьями, семьями родственников и друзей: жилье — в одном районе города, работа — в другом, гараж — или в труднодоступном месте, или в другом конце города, родня похоронена на разных кладбищах, садовый участок, если он есть, — за сотню километров от города, да еще пешком сквозь леса и болота километров пять — семь. И так во всем. Хочешь удобств — получай на всю катушку! Ведь, по идеям социализма, распределительная система находится в руках государства и оно должно обеспечивать выполнение лозунга «Все для человека, все во имя человека», хотя на деле все было направлено на подавление всякой инициативы. Не говоря уже о том, что социализм создал страну вечных очередей и дефицитов.

Особенно явственно все это осознавалось в зарубежных поездках. В последние годы работы в институте я несколько раз ездил в Японию в командировку, где мы с японской компанией «Кавасаки Стил» осваивали новую технологию на машине непрерывного литья стали с двусторонним вытягиванием слитка. «Ноу-хау» этой технологии принадлежала нашему институту, но отработать ее до конца в нашей стране не представлялось возможным.

И вот японцы, заинтересовавшись новой машиной, предложили совместный проект и совместное изготовление машины с ее доводкой и отработкой технологии на их заводе. Это были очень интересные и познавательные поездки — мы воочию убедились в трудолюбии

японцев, в их пунктуальности, дотошности и заинтересованности в работе.

В этих же поездках мы убедились и в том, что именно там, у них, больше заботы о человеке, чем здесь, у нас, в стране говорунов. На заводе, где мы были, — а это металлургический завод с полным циклом, построенный на насыпном грунте, расширившем морское побережье, — мы увидели и ботанический сад с редкими растениями, каждое из которых снабжено табличкой с описанием истории его появления, и прекрасно оборудованные стоянки у цехов для личного автотранспорта, и отличные дороги, и единый час обеда, и сам обед, который привозят прямо на рабочее место, и много-много чего еще, о чем нам можно пока мечтать. 90 процентов работников завода приезжают на работу на личном транспорте, остальных развозят заводские автобусы. Время на работе не считают — работают столько, сколько требует обстановка (не начальник). Мне не раз там вспоминался замечательный тележурналист Владимир Цветов, влюбленный в Японию и рассказывавший о ней так, как обычно рассказывают сказку.

Как и по всей стране, в нашем институте с началом преобразований с особенной очевидностью проявилось несуразное положение вещей. Институт — госбюджетное учреждение, долгие годы тут существовали строгие правила: на каждый затраченный рубль получать рубль двадцать копеек прибыли. Но в последующем с каждым финансовым нововведением начались извращения в расходовании государственных средств. И при этом становились особенно популярными закупки оборудования за рубежом, что всячески поощрялось центральным руководством: лучше, мол, купить в Германии. Центр все меньше интересовали отечественные разработки на будущее. Но при этом происходили парадоксы — институты не сокращались. Очень яркий пример привел однажды Б.Н.Ельцин: еще будучи первым секретарем МГК КПСС, он дал задание уменьшить количество никчемных научно-исследовательских институтов, а при проверке через год обнаружил, что их количество выросло. И так во всем: результат с точностью до наоборот. Или как позже не без сарказма изрек Черномырдин: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

И это тогдашнее повсеместное положение выдавалось за переход к реформам. Было очевидно, что так долго продолжаться не может, что страна находится накануне взрыва или на пороге глубоких перемен.

И вот когда М.С. Горбачев в Верховном Совете Союза впал в сомнения и колебания, перестал быть последовательным, у нас в институте — сначала в кулуарах, а затем открыто — заговорили о том, что надо идти на помощь тем, кого мы видели в Верховном Совете Союза-проводниками демократических преобразований и за кого голосовали и всей душой переживали. И если М.С.Горбачев все-таки определится и протянет руку, то и ему надо помогать.

Тогда же мои коллеги завели со мной разговор относительно российского депутатства. Я попросил время на раздумье — подумать было о чем. Нужна была своя команда. Я понимал, что в одиночку, не успев обрасти политическими соратниками, идти в политику невозможно.

Дав согласие баллотироваться, я должен был на институтской конференции развернуть свою программу. Конференция была назначена на 27 декабря 1989 года. А накануне мы собрались с группой поддержки, человек двадцать, которую возглавил Олег Храпченков. Я начал с вопроса: «Представляете, на что меня толкаете?» И понял, что они не представляют. А у меня были ощущения, что предстоят и острые ситуации, и интриги, и, может быть, кровь и даже репрессии. Такому неискушенному в политике человеку, как я, нужны были и поддержка, и защита. Хотя бы здесь, в коллективе института.

В институте было два кандидата в депутаты России, оба демократической ориентации: заместитель секретаря парткома и я. Я не представлял, что на конференции будет так много вопросов, касающихся самых разнообразных сторон нашей жизни и зарубежья. Чувствовалось, что у людей многое наболело. Один из вопросов касался ввода войск в Чехословакию в 1968 году. Значит, переживания за бесчестный поступок брежневских властей были все еще живы.

Я очень волновался перед выступлением. Но стоило войти в разговор, понял, что хорошо чувствую аудиторию. Для меня словно приоткрылась дверь в новую жизнь. Там, в прежней жизни, были другие процессы, и реакция на них была другая: нервозность, неудовлетворенность, трудность выбора. Помню, как подходил к

своему пятидесятилетию: был весь в сомнениях (что же удалось сделать?), переполняло недовольство собой.

Для кого-то возрастной рубеж — тридцать или сорок лет, у меня, наверное, таким рубежом стали мои пятьдесят. Ко мне многое пришло позже, чем к другим, — учеба в институте, начало научной работы, защита диссертации. Но я очень рано женился, очень рано обзавелись мы с Галей дочурками, очень рано и помногу занимался общественной работой. И все же тяжелый это рубеж — пятьдесят. Но когда его переступишь, дальше все идет спокойней, и чувствуешь себя раскованней. В моем случае это совпало еще и с переменами в обществе. У меня словно началась вторая жизнь,

Хорошо помню всех, кто хотел избираться по нашему избирательному округу, но их по разным причинам не зарегистрировали. Значительно позже я понял, что этот округ берегли для секретаря горкома партии В.К.Белянинова. Он был генеральным директором нашего института после смерти А.И.Целикова, хорошо знал партийную работу, наукой почти не занимался, и через некоторое время Б.Н.Ельцин в порядке укрепления кадров забрал его сначала в райком партии, а затем в московский горком. Но для меня это второй человек после Александра Ивановича Целикова, который вернул меня к жизни, я всегда питал к нему самые добрые чувства. И мне было бы морально труднее с ним бороться, если бы он представлял себя в личном качестве, а не партийную систему, которая пыталась сохранить свое правящее господство. Тем не менее это был единственный, по моему, округ, где было зарегистрировано всего два кандидата. В остальных — по шесть, восемь, двенадцать кандидатов...

Парадокс в том, что и мы оба, и наши команды — из одного института, ну и, конечно, каждый из нас следил, как и что сказал соперник. Создавалось много поводов для подозрений, попыток нас открыто поссорить. Но были и попытки как бы показать, что разницы между нами нет. В стандартном плакатике, который выпускала избирательная комиссия с биографией каждого кандидата, я вдруг обнаружил, что вместо слов: «Филатов С.А. активно поддерживает программу межрегиональной группы народных депутатов СССР и является участником блока «Демократическая Россия», было написано: «Ведет активную общественную работу, является руководителем

теоретического семинара по изучению экономической реформы». Пришлось перепечатывать всю партию плакатов.

Почему-то перед тем, как войти в суматоху предвыборной кампании, я вдруг почувствовал: надо съездить в Прибалтику, в Литву. Встретился со многими политиками и руководителями демократических движений. И понял, как далеко они ушли в подготовке законодательных I актов, как тесно связаны со шведами, с соседними Латвией и Эстонией, при этом на шаг опережая и ту и другую республики. Я почерпнул там много концептуальных идей и вернулся как бы обновленным. Мне стало очевидным, что Литва не просто стремится уйти из Союза и создать независимое государство, а хочет создать именно правовое государство и законодательно защищенное общество. Это понимание привнесло особую окраску в мои выступления перед избирателями: я постоянно повторял, что нам нужна законодательная база, правовое государство, всенародно избранный президент страны.

Между тем к выборам активно подключились ставшие уже довольно популярными Гавриил Попов, Сергей Станкевич, вся межрегиональная группа Верховного Совета СССР.

Сергей Борисович Станкевич непосредственно взял шефство над новичками-выдвиженцами от демократов: нас собирали, всесторонне инструктировали, как вести предвыборную кампанию. Деловой парень, мой тезка, он мне очень понравился своей основательностью, умением говорить просто и убедительно. Помню, работая в последующем советником Президента, он тщательно продумывал и отработывал каждый шаг, прежде чем предложить его главе государства. И, конечно, меня очень огорчила история (я уверен — сомнительная) со взяткой и то, что именно мне пришлось предложить ему уйти по этой причине с должности советника Президента в то время, когда я был руководителем Администрации Президента.

Примерно в середине февраля прошла первая встреча кандидатов в депутаты демократической ориентации, на которой был создан предвыборный блок «Демократическая Россия». Вот наши семь приоритетов: интересов народов России над интересами государственной бюрократии Союза; прав наций над структурами унитарного государства; власти Советов над партийными иерархиями; депутатского мандата над партийным билетом; прав граждан над

интересами государства; экономики над идеологией; общечеловеческих ценностей над классовой моралью.

Тогда же мы приняли обращение к избирателям, чтобы помочь им понять: на выборах появилась демократическая сила, противостоящая партноменклатуре.

Надо сказать, что роль межрегиональной группы была велика в том, что «ДемРоссия» получила на выборах двадцать восемь процентов голосов. Во-первых, люди проявляли к ним в то время большой интерес, их рекомендации будоражили умы... Во-вторых, их присутствие рядом с нами придавало уверенности и нам. В-третьих, они сблизили нас как команду уже на предвыборной стадии. И эта команда назвалась «ДемРоссией», объединившись в движение.

В последующем оно взяло на себя и подготовку Первого съезда народных депутатов РСФСР. Благодаря такой поддержке мы подошли к нему, уже хорошо зная друг друга, имея на руках необходимые проекты документов, и своей энергией, своим напором переломили ситуацию на съезде не только при выборах Председателя Верховного Совета, но и по всей повестке дня, вопросы которой мы заранее готовили. И это было уникально: не имея большинства в парламенте, используя то ораторское искусство, ту логику, которыми владели, мы сломили не партноменклатурное большинство в четырехста человек, а «болото», которое мало что знало и понимало, не было организовано, но поддавалось эмоциональному воздействию.

Когда закончились выборы — а для меня они закончились в первом туре 4 марта 1990 года (я набрал 64,2 %), — мы всей нашей немногочисленной командой праздновали победу. Происходило это на квартире у одной женщины, заведовавшей партийной библиотекой в нашем институте, первой ринувшейся за меня в бой на выборах, но потом первой же и предавшей, перейдя, уже в Верховном Совете, к коммунистам. Помню, какими недобрыми словами предупреждали меня избиратели на наших встречах, когда видели ее рядом со мной: «Ну что вы с ней везде ездите? Посмотрите на ее лицо — это ведь партноменклатура!»... Меня вообще предавали довольно часто, но я зла ни на кого не держал и не держу, хотя обида долго не проходит.

В самих выборах у меня была неприятная ситуация с Училищем имени Верховного Совета РСФСР, в котором разместился один из

шестидесяти четырех избирательных участков округа, по которому я баллотировался

Это единственный участок, где избиратели проголосовали явно не в мою пользу. Я бывал в этом училище в предвыборную кампанию, выступал и после избрания депутатом решил позвонить его начальнику, узнать причину своего поражения. Тот в ответ:

— Что я мог сделать? Приехали накануне выборов к нам Белянинов и председатель исполкома, пообещали за Белянинова двадцать тысяч рублей на памятник выпускникам училища, павших в Великой Отечественной войне. Как я мог им отказать? Это так повлияло на настроение курсантов училища, что все проголосовали против вас...

На самом деле, я понимал, была команда начальства.

А в день выборов, 4 марта 1990 года, я сидел в штабе на Волгоградском проспекте. Отсюда ребята из моей команды разъезжались по участкам и снова возвращались обратно, а я сидел, отмечая в блокнотике итоги голосования по каждому избирательному участку, записывал и ждал. Галя была со мной всю ночь и тоже ждала. Только в половине третьего утра мы узнали результаты. Меня не покидало внутреннее убеждение, что пройду, и, когда стали известны первые результаты по участкам, понял, что идет победа.

Потом приехал вымотанный вконец руководитель штаба Петр Петрович Королько, деловито раскрыл кейс, вытащил одну за другой три бутылки — водку, коньяк и вино — и торжественно изрек:

— Выпьем за победу!

И мы выпили, поздравили друг друга, а когда расходились по домам, Петр Петрович сказал мне в дверях на прощанье знаменательные слова:

— Ты теперь, Серега, остаешься один на один сам с собой. Мы тебе там уже не помощники. Для тебя наступает очень тяжелый период, когда ты будешь в одиночестве, когда станешь искать других союзников. С этого момента между нами и тобой уже возникла дистанция, и она будет разрастаться.

Тогда я еще не сообразил, насколько он прав, но потом день за днем проникался этой истиной все глубже и глубже.

На самом первом этапе со мной рядом были и Олег Храпченков, и Саша Андреев, с которым я впоследствии работал в Администрации

Президента. Он принадлежал к группе молодежи, поначалу стихийно объединившейся в клуб избирателей: юноши и девушки из московских дворов, из институтов, выискивавшие себе кандидатов, которых они могли бы поддержать. И у них, естественно, были выходы на демократов. Не помню, кто меня с ними свел, но мне сказали:

— Ты должен для своей же пользы перед ними предстать и показать, кто ты и что ты по сути.

И я «предстал». Помню, набилась полная комната молодежи, я выступил и услышал:

— Ну, по первому впечатлению, вы нам подходите... Но мы еще все обсудим, посоветуемся, а потом скажем вам свое резюме...

Я ушел, размышляя: «Черт их знает, глянулся я им или нет?..» — довольно-таки отстраненно со мной они держались. А через какое-то время мне сообщили:

— Вы нам подходите.

Ну и правда, они много и здорово работали. Саша был с теми, кто вел агитацию в метро, развешивал плакаты. Помню одного седого мужчину, который каждый раз брался разносить неподъемные кипы плакатов. Когда его пытались остановить: «Куда ты столько, тяжело, оставь!» — он одно отвечал: «Я буду носить эти плакаты день и ночь, у меня растут две внучки, и я хочу, чтобы они жили при нормальной власти».

А моя Галя, когда я ей впервые сказал, что мне предложили стать кандидатом в депутаты, нахмурилась:

— Я тебе не советую соглашаться на такое.

Галя у меня умница, и я всегда считаюсь с ее мнением, но в тот раз впервые, наверное, поступил по-своему, и сделал это опять по какому-то наитию:

— Знаешь, я чувствую, что не могу отказаться, иначе буду потом себя казнить — не использовал шанс, не сделал какого-то важного шага...

Но и до моего избрания, и после Галя была со мной рядом, особенно в трудные минуты.

Помню первую встречу московских депутатов, она проходила в Мраморном зале Моссовета. Московская депутация была очень представительной. Я отметил пристальное внимание к Владимиру Петровичу Лукину и бережное отношение к Сергею Адамовичу

Ковалеву. Заметные места занимали Евгений Аршакович Амбарцумов, Николай Ильич Травкин, Олег Максимович Попцов, сотрудники самого популярного еженедельника «Аргументы и факты» во главе с Владиславом Андреевичем Старковым. Особняком держались депутаты из системы МВД Александр Иванович Гуров, Борис Петрович Кондрашов и Анатолий Николаевич Егоров.

Вел встречу Михаил Борисович Челноков. Встреча была посвящена знакомству и определению желающих работать в Верховном Совете. Таких оказалось больше восьми, что превышало численную квоту московской депутации. Тогда решили проверить рейтинговым голосованием всех присутствующих. Неожиданно для себя я попал в восьмерку. И тогда, и позже я считал, как же важно, чтобы собственная оценка не была выше оценки твоих коллег. Михаил Челноков в восьмерку не попал. Но он и потом все время стремился быть на виду, выступать и председательствовать. Он брал слово чаще других, как-то нехорошо навязывал свое мнение. Да и в последующем он запомнился стране тем, что всегда выступал с одним и тем же: сначала «В отставку Горбачева!.. В отставку Рыжкова!..», затем, в зависимости от меняющейся в стране ситуации, «В отставку Хасбулатова!.. В отставку Ельцина!..».

Как-то на съезде, после очередного его выступления и призыва отправить Горбачева в отставку, я встретил его, и он с горящими глазами в каком-то упоении воскликнул:

— Сережа, получил тридцать шесть телеграмм с похвалой, и только одна — против!

Он этим, оказывается, жил. Я, например, получая письма избирателей, чувствовал себя даже как-то неловко: могу ли я чем-то помочь человеку, пойму ли, чем он живет?

Неожиданной проблемой при подготовке к съезду стал поиск адресов и телефонов депутатов-демократов. Ведь мы хотели знать точно, сколько нас, да и вместе собраться нужно было. По поручению штаба я поехал в Центральную избирательную комиссию. Там и состоялось наше первое знакомство с Василием Ивановичем Казаковым, председателем ЦИК.

Наш разговор, почти дословно:

— Здравствуйте, я депутат Филатов Сергей Александрович.

— Откуда вы?

— Двадцать четвертый избирательный округ, Кузьминки, Москва.

— С чем пришли?

— Пришел с поручением моих коллег. Мы начали подготовку к Первому съезду и хотели бы получить данные об избранных депутатах демократической ориентации — кто и где избран. Нам это нужно, чтобы собраться накануне съезда.

— Я вам в этом помочь не могу.

— Как же так, у вас же есть все данные...

— Во-первых, не все данные есть, во-вторых, даже те, что есть, я вам не дам.

— Но почему, Василий Иванович?

— Да потому! Я могу их раскрывать только с согласия самих депутатов. А то вы начнете им звонить, да еще по ночам, а претензии обрушатся на меня. Поэтому вы сначала спросите у своих коллег разрешение на то, чтобы я сообщил вам номера их телефонов и адреса, а уж потом приходите.

— Как же мы получим такое разрешение, если мы не знаем, к кому и по какому адресу и телефону обращаться?

— Вот видите, круг-то сам и замкнулся. Смотрите, вот у меня визитная карточка, на которой только и написано: «Казаков Василий Иванович» — и ни одного телефона, чтобы зря не беспокоили. Как же я вам предоставлю данные, если знаю, что вы завтра же начнете людей звонками тревожить?

— Ну и что с того? Ведь в противном случае по первому кругу мы можем не пройти...

— Ну, тут уж как хотите, так и поступайте! — При этом и его специфическая ласкательная интонация в голосе, и та самая улыбочка, которая в свое время — помните? — буквально вывела из себя Беллу Куркову, словно бы извинялись: мол, вы должны меня правильно понять, я ведь только выполняю некую волю свыше... И тем не менее он мне тогда еще раз жестко подтвердил: нет и нет! Так же несговорчиво и упрямо он вел и Первый съезд народных депутатов.

Бог ему судья, но все интересовавшие нас данные мы узнали помимо него, знакомясь по газетам со списками депутатов и через доверенных лиц уточняя, насколько демократичны их программы. Затем связались со своими коллегами, пригласили их в Москву и, благодаря проведенному учету, выяснили, что можем рассчитывать на

съезде на двадцать семь — двадцать восемь процентов голосов. Работу эту организовал Михаил Александрович Бочаров: он стал как бы руководителем нашего штаба, с его авторитетом считались, им постоянно интересовалась пресса.

Впервые мы заговорили о Ельцине как о будущем Председателе Верховного Совета РСФСР сразу после выборов народных депутатов, когда сформировался штаб подготовки к Первому съезду. Штаб расположился в помещениях Комитета по строительству и архитектуре, который возглавлял Борис Николаевич в Верховном Совете СССР.

В период подготовки к съезду Борис Николаевич какое-то время находился в отпуске — отдыхал с Наиной Иосифовной в Кисловодске. Его появление ожидалось в начале апреля. А у нас всю кипела работа над будущей повесткой дня и подготовкой документов к съезду. Очень активно нам помогала группа юристов, возглавляемая Валерием Дмитриевичем Зорькиным: чаще всего в разгар полемики на наших тусовках они неслышно заходили в зал, тихонечко садились и очень осторожненько, профессионально вступали в разговор. Как правило, вносили существенные коррективы в наши решения.

Я с волнением ждал встречи с Борисом Николаевичем. Его появление в начале апреля 1990 года на Новом Арбате, в небольшом, всего человек на триста — четыреста, зале встретили бурно, с цветами, с улыбкой, с надеждой на успех. Не помню, кто еще хотел выдвигаться на пост Председателя Верховного Совета, но отношение к кандидатуре Бориса Николаевича было неоднозначным. Кое-кто, по-моему, из ленинградской группы депутатов, не очень ему доверял, помня, что он еще недавно был крупным партработником. Некоторые в своих высказываниях делали упор на то, что неясна его позиция по вопросу демократического развития страны, как, впрочем, неясны и его взгляды на будущее нашей экономики.

Я хорошо помню тогдашнее выступление Бориса Николаевича, его ломаную речь, расплывчатость программы действий и будущего устройства России. Но это и понятно: тогда трудно было всесторонне охватить грядущее развитие государства. В основном, конечно, все у нас строилось на противоречиях с Советским Союзом, и вся речь Бориса Николаевича тоже проецировалась не на Россию, что воспринималось вполне объяснимо: огромная Россия, кроме коммунального хозяйства, ничем другим не распоряжалась.

Правительство только им одним и занималось, да еще, правда, штамповало свои ни для кого не обязательные постановления.

Эта наболевшая тема была главной и на первых наших съездах, где нас постоянно осаживали и пытались загнать в традиционное коммунальное русло, мотивируя это тем, что нужно, мол, проявлять заботу о людях (подразумевалось, видимо, — в пределах «достижений» страны, экономикой которой занимался ЦК КПСС и подвластный ему Совет Министров).

В тот раз на собрании депутатов от «Демократической России» присутствующие большинством дружно поддержали Ельцина и настоятельно советовали ему всерьез готовиться к главному выступлению — с программой и ответами на возможные вопросы.

Подготовка к съезду продолжилась. Сам Борис Николаевич не принимал участия в наших тусовках, в работе комиссий, но мы постоянно чувствовали его присутствие и влияние. Не могу сказать, как это происходило, но чувствовали, часто слыша его точку зрения по тому или иному вопросу. Дальнейшая работа с Ельциным шла примерно в таком же плане — он как бы дистанцируется от подготовки вопроса, но всегда мы знаем его точку зрения, поэтому всегда есть ощущение, что он рядом.

Сегодня многие попрекают демократов тем, что они привели к власти завлабов, не знающих промышленности и экономики, не имеющих навыков управления. Но, как показали последующие события, именно новые управленческие кадры, которые были подготовлены усилиями завлабов, и дали толчок в развитии рыночной экономики и пробуксовывавшего производства. Да, мы многое делали по интуиции, больше, может быть, зная, как делать не надо. Не секрет, что многому мешали и старые кадры, старая номенклатура, искушенные в интригах и в организации саботажа и торможения процессов. Но я в жизни знал одну великолепную троицу, которая добивалась удивительных результатов именно потому, что один знал, что делать, другой — как делать, а третий — как не надо делать. Среди нас были все представители такой троицы, и мы на ходу многому учились.

Глава 2. НЕСПЕЛЕНАТЫЙ ЕЛЬЦИН

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

*Могущество Отечества в завтрашнем дне
России, но никак не в дне вчерашнем...*

Борис Васильев

Его открытие намечалось на 16 мая 1990 года, а где-то в апреле месяце Президиум Верховного Совета РСФСР не без давления Михаила Бочарова, который начал возить в Дом Советов предложения к съезду от депутатской группы «ДемРоссии», создал подготовительную комиссию, в которую вошли 102 народных депутата РСФСР. Комиссии предстояло подготовить предложения по повестке дня съезда и проекты документов. В нее пришло и много добровольцев, работавших в ней на общественных началах. Работал в ней и я, будучи причислен к шестой подкомиссии, которая занималась выработкой предложений по справочно-информационному обеспечению съезда и сессии Верховного Совета. За нами также были закреплены контакты со средствами массовой информации и проект регламента. Кроме того, мы просматривали все документы, которые готовились в других подкомиссиях.

Во время нашей работы обстановка в самом Верховном Совете была для большинства из нас непривычной — практически во всех переходах из Верховного Совета в Совет министров и на этажах, где сидели их высшие руководители, стояли милиционеры и проверяли документы. (В отличие от Кремля и Старой площади, где охрану несла спецслужба КГБ, в Белом доме охрану несли работники МВД.) Это порой очень нервировало вечно торопящихся и снующих туда-сюда депутатов.

Сам же аппарат Верховного Совета, что бы ни говорили, вел себя по отношению к депутатскому корпусу довольно корректно, с готовностью отзывался на любую просьбу. Сотрудники хорошо знали свою работу, выполняли ее грамотно, но видно было, что они нервничают, находятся в состоянии ожидания: что же нового принесли

вновь избранные народные депутаты, с чем пришли депутаты-демократы. Этот факт стал для нас некоторой неожиданностью.

Вторая неожиданность проявилась в лояльном, с некоторым нескрываемым любопытством — по крайней мере внешне, — отношении к нам Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Виталия Ивановича Воротникова и его заместителя Татьяны Георгиевны Ивановой. Мы видели, сколь интересно им было понять новую волну депутатов. Виталий Иванович Воротников, я думаю, искренне хотел разобраться в нас: пришли новые люди, непонятные, со своими взглядами, со своими планами построения нового общества... И мне кажется, он не лукавил.

Как оказалось, Татьяна Георгиевна, будучи еще секретарем Калининского райкома партии Москвы, хорошо знала моего отца. Я тоже помню, как тепло он отзывался о ней, и у нас сложились доверительные отношения. Мы довольно откровенно говорили о многом. У Воротникова оказалось более сложное положение — его постоянно таскали в ЦК КПСС, он должен был соединить несоединимое. Чувствовалось, что и там свои конфликты, свое непонимание происходящего, и по поведению Виталия Ивановича это было заметно, в том числе и по его душевным метаниям. Очень жаль, что в последующем, оставшись на разных идеологических полюсах, мы так и не смогли использовать его опыт и знания для совместной работы. Но, видно, такова реальность всех революционных эпох.

Вообще же подготовительная комиссия в основном состояла из коммунистов, и это не мудрено: среди народных депутатов РСФСР их 86 процентов, в том числе 75 процентов первых секретарей обкомов КПСС.

Первое столкновение с партноменклатурой произошло на заключительном заседании, когда Воротников собрал всех — комиссию и актив — в Малом зале Белого дома. Мы наметили немало вопросов для рассмотрения на съезде, но они были неожиданно заблокированы коммунистами, как всегда, пытавшимися нас осадить своими громовыми:

— Да замолчите вы там!.. Да хватит их слушать!.. Да что они демагогию разводят!..

Посмотришь, сидит такой амбал и буквально глоткой хочет тебя подавить. Прямо по пословице: «Сила есть — ума не надо!»

Их план понятен — свести повестку дня лишь к четырем вопросам: к выборам Председателя Верховного Совета и его заместителей; к формированию двух палат Верховного Совета; к формированию правительства; ну и к принятию закона о статусе народных депутатов. По всем этим положениям они успели договориться заранее.

Мы же требовали включения в повестку дня принятия Декларации о суверенитете Российской Федерации, изменения Конституции РСФСР, рассмотрения концепции развития страны и ее экономической политики... В общем, у нас набиралось до пятнадцати пунктов. И мы поняли, что воевать — и крепко воевать! — придется непосредственно на съезде. И были здесь две коренные задачи: включить в повестку дня все наши вопросы и избрать Б.Н.Ельцина Председателем Верховного Совета.

Коммунисты, возможно, забили бы демократов, но среди нас были прекрасные юристы — Сергей Шахрай, Сергей Бабурин, прошедший Афганистан и поначалу горячо поддерживавший преобразования в стране, Владимир Варов, адвокаты Борис Золотухин и Игорь Безруков, экономисты — доктор экономических наук Виктор Шейнис, Владимир Исправников, Петр Филиппов, политологи, журналисты, ученые — Евгений Амбарцумов, Геннадий Веретенников, Евгений Кожокин, Сергей Носовец и десятки других, которых еще не знала страна. Ну и Юрий Рудкин, личность которого мне представлялась достаточно интересной. Юрист по образованию, он в последующем стал членом Комитета по законодательству, работал в одной упряжке с Сергеем Шахраем, а затем — секретарем Конституционного суда. Любопытно, что с

самого начала функционирования комиссии принципиальный Рудкин в спорах, касающихся Конституции РСФСР, чаще всего оказывался на стороне самой Конституции, которая не позволяла инициировать процесс ее изменения.

Мы попали в ловушку: не изменив старую, еще коммунистическую Конституцию, невозможно даже и помыслить о демократических преобразованиях в стране, а изменить Конституцию при существовавшем тогда — большевистском — составе Верховного Совета мы не могли. И оказались, таким образом, в замкнутом круге, не сразу это осознав.

Вместе с нами очень активно работали в те дни Андрей Головин, впоследствии возглавивший фракцию «Смена», Михаил Бочаров, проявивший себя прекрасным организатором и знавший — что было для нас исключительно важным — все входы и выходы в самые разные государственные инстанции, Олег Румянцев, который с первых шагов приметил для себя работу над новой Конституцией. Очень горячо поддерживал Ельцина на первых порах и Владимир Исаков, тоже деятельно включившийся в подготовку к съезду. В тот период среди нас находилось немало интересных людей, которые впоследствии — по тем или иным причинам — ушли в оппозицию к Ельцину.

И все-таки неодолимое желание энергично включиться в жизнь и прогрессивно повлиять на происходившие в ней процессы позволили нам, «ДемРоссии», при наличии на съезде всего 28 процентов голосов выйти на победную прямую по многим вопросам повестки дня. Практически каждый день мы собирались, обкатывали, прорабатывали идеи, представлявшиеся нам жизненно необходимыми; более детально узнавали друг друга, получив наконец возможность выговориться; учились точно и кратко формулировать мысли — для максимально эффективных последующих выступлений.

Уже во время работы съезда стало понятным все неудобство помещения, где он проходил: вытянутый, как кишка, зал, в котором почти ничего не видно и не слышно без применения спецтехники — микрофонов и наушников. Позже я пришел к выводу, что в Кремле в этом смысле все помещения сделаны ненормально, с отвратительной акустикой, — видимо, чтобы того, кто захотел бы что-нибудь выкрикнуть во время заседания, никто не разглядел и не расслышал. Да и сам человек, не узнав собственного голоса и осекшись, опустился бы униженно на свое место. Я видел, как такие чувства посещали многих депутатов и гостей.

Похожие условия для заседаний существовали и в самом Кремле, и в Кремлевском дворце съездов, и в Малом зале, где заседали политбюро, и в Свердловском зале, где в те времена проходили пленумы ЦК КПСС. Все тут отделано под дерево и рассчитано таким образом, что даже стоящего у микрофона человека бывало еле слышно, а уж с места... То есть система акустики создавала впечатление никем не прерываемой, ничем не нарушаемой работы председательствующего. Не могло же, в конце концов, случайно

совпасть, что во всех крупных советских залах — одинаково отвратительная акустика?! В кабинете — в нем да, необходимо, чтобы голоса гасились, а там, где собираются сотни и тысячи человек...

По такому вот принципу был сооружен и зал заседаний в Большом Кремлевском дворце, образованный из двух залов — Александровского и Андреевского, лишенных, по приказу Сталина, перегородок: та самая кишка с длинным, низко нависающим чуть ли не над половиной помещения балконом для гостей. Практически в зале заседаний хорошо просматривалась лишь центральная часть, куда когда-то выходил «вождь всех времен и народов» и где стояла в полный рост мраморная фигура Ленина...

Разве мог я тогда, на Первом съезде народных депутатов, предположить, что перед Шестым съездом нам выпадет решать задачу, как убрать эту семитонную махину, и что вместе с Владимиром Шумейко придется во время ведения заседаний съезда отбиваться от нападков фракции КПРФ и, наконец, не найдя решения, просто загородить Ленина плотным занавесом. Но все было сделано в соответствии с законом о государственных атрибутах, к каковым ни бюсты, ни скульптуры, ни портреты уже не относились.

Когда же Василий Иванович Казаков начал вести заседания Первого съезда, эффект от этого длиннющего и нелепого для работы депутатов зала получился ошеломляющим: в зале стоит гул, трудно понять не только, что говорят, но и найти глазами, кто и откуда говорит, нелегко разглядеть своих единомышленников, чтобы договориться о том, как действовать во время заседаний.

Избрали координационный совет «ДемРоссии», куда вошли Анатолий Манохин из Новосибирска, Михаил Челноков из Москвы, Виктор Дмитриев из Ленинграда, Евгений Ким из Ульяновска, Владимир Подопригора из Ижевска и я. И мы срочно начали создавать сеть связных по делегациям. В каждой выбирали координатора, который садился на видном месте, чтобы его могли быстро отыскать связные и чтобы, ориентируясь на него, остальные видели, как голосовать по тому или иному вопросу. В московской делегации таким координатором стал я. Постепенно мы научились всем премудростям работы в коварном зале: у нас появилась схема рассадки депутатов, мы стали собираться в перерывах между заседаниями для консультаций,

постепенно выработали оптимальную в тех условиях систему деятельности.

Перед самым съездом народных депутатов М.С.Горбачев пригласил членов подготовительной комиссии — членов КПСС в Малый конференц-зал на Старой площади. Демократических депутатов в этом списке не оказалось, но, когда мы заявили о желании участвовать в таком собрании, отказа не поступило. Помню, мы так особнячком и сидели — М.А.Бочаров, С.Н.Красавченко, Н.И.Травкин, В.П.Лукин и я.

В то время КПСС уже не была ни единой, ни монолитной: в ней зрели серьезные противоречия, и многие ее члены надеялись, что она плавно перейдет с коммунистической на социал-демократическую платформу. И многие депутаты — члены КПСС пытались тогда помочь Владимиру Лысенко и Вячеславу Шестаковскому, которые предлагали разумный по тому времени ход: расколоть компартию на демократическую и консервативную части, чтобы создать таким образом нормальную, цивилизованную ситуацию двухпартийной системы в обществе. Об этом кандидаты в депутаты от «ДемРоссии» много говорили в предвыборную кампанию. Какую-то лепту, уже после выборов выполняя наказ избирателей, пытался внести и я, написав письмо в Волгоградский РК КПСС:

«...У многих коммунистов зреет решение покинуть КПСС. Каждый из них задержал свое решение в надежде на то, что в предсъездовский период и на самом съезде произойдет наконец демократизация партии, ее структур, полный отказ от монополии на власть советскую, отказ от монополии на власть хозяйственную, на власть общественную, на печать, радио, телевидение и другие средства массовой информации.

Пока же происходит обратное: захват власти в Советах руководителями партийных комитетов, присвоение в собственность зданий, издательств, газет. Организация молчаливого саботажа в работе демократических народных депутатов.

Таким образом, призыв консолидироваться на самом деле оборачивается размежеванием сил в обществе. Все это приводит к еще большему разочарованию и массовому выходу из партии».

Оказалось, что все это как мертвому припарки: по всей вертикали руководители различных организаций КПСС озабочены, как бы изолировать «деструктивные» силы от «здоровых». Несколько позже

последний партийный съезд все это подтвердил и показал, что никаких конструктивных перемен в коммунистической партии, увы, произойти не может, и тогда часть делегатов во главе с В.Лысенко покинули съезд, а шестьдесят четыре депутата из «Демократической России» вышли из КПСС, опубликовав свое заявление в еженедельнике «Аргументы и факты». Опережая события, скажу, что Хасбулатов вышел из КПСС 23 августа 1991 года, а Борис Николаевич Ельцин — уже после избрания его Президентом России.

На собрании на Старой площади зал был заполнен до отказа. В президиуме — многие члены политбюро. Михаил Сергеевич, как всегда, пространно и утомительно рассуждая, подвел наконец всех к главному вопросу — кого же избирать Председателем Верховного Совета РСФСР. Назвали Власова, Воротникова, Полозкова. Но тут неожиданно попросил слово Владимир Борисович Исаков, депутат от Свердловской области, и начал объяснять, почему он будет выдвигать Бориса Николаевича Ельцина и агитировать за него. Зал зашумел, но выступление Исакову дали закончить. Наступила напряженная пауза.

По-моему, это было неожиданностью для Горбачева, не ожидали такой дерзости и члены политбюро. После некоторого замешательства Михаил Сергеевич закрыл встречу, а впоследствии стал работать только с депутатами, вошедшими в коммунистическую фракцию. Собирались они конспиративно, иногда поздно вечером и даже ночью. Плоды их бессонных бдений во время работы съезда все мы ощущали на следующий день по очередям у микрофонов, громогласным выкрикам и атакам на Ельцина и демократов. В основном они пытались взять не убеждением, а глоткой, не искренностью, а на испуг. Часто пускали в ход различные компрометирующие и бездоказательные слухи, особенно когда предстояло серьезное голосование, понимая, что проверить и опровергнуть их никто не успеет. При этом обрушивали атаки прежде всего на тех, кто на предыдущем заседании проявил себя активно и сильно им насолил.

Говоря о Ельцине, Михаил Сергеевич все время ставил акценты на его непредсказуемости, капризности и невразумительности позиции. Обычно заканчивал словами: «Ельцин — это война!» Потом он об этом стал говорить открыто.

Нет, не зря мы такое внимание уделили подготовке к съезду! Многие проблемы звучали именно так, как мы их ставили, и они

прошли.

Съезд начался трудно. Повестку, принятую только к концу второго дня, все-таки удалось расширить, включив почти все вопросы, которые мы намечали заранее. Всего было принято к рассмотрению пятнадцать вопросов.

Потом съезд долго шел к избранию Председателя Верховного Совета. Очень переживали мы за Бориса Николаевича, очень волновались, особенно когда он выступал, когда его подкусывали заранее заготовленными каверзными вопросами. Какая же порой неугасимая ненависть слышалась в них, в этих вопросах, исходящих от депутатов-коммунистов! Это была боевая партноменклатура человек в четырехста, и ей было что терять при избрании Ельцина.

М.С.Горбачев поначалу скорее всего не осознал до конца, что его ждет с появлением на политической сцене мощной ельцинской фигуры. Более того, по тем острым дискуссиям, которые велись в преддверии съезда, он вполне мог полагать, что Ельцин не пройдет в Президенты Верховного Совета. Горбачев пришел на первое голосование по этому вопросу вместе с Лукьяновым, явно предвкусывая поражение Ельцина. Он сидел наверху, на маленьком балкончике, и какая-то туманная ухмылка гуляла по его лицу.

С Горбачевым, как и с Лукьяновым, я никогда не контактировал, к ним обоим не ходил. Но наблюдать за ними наблюдал. Горбачев, видимо, обо мне слышал, так как, выступая на Первом съезде, он мою фамилию назвал. Меня действительно можно было узнать с Первого съезда, потому что как только мы уперлись лбами с коммунистами — Ельцин не прошел в Президенты Верховного Совета с первого раза, — они предложили образовать что-то наподобие согласительной комиссии, но работать в этом «что-то» скрытно, обмениваясь только предложениями и объяснениями для лучшего понимания ситуации. С нашей стороны были выделены для этой цели мы с Виктором Леонидовичем Шейнисом, позднее подключился Лев Александрович Пономарев, а от коммунистов вошли Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов, контр-адмирал Равкат Загидулович Чеботаревский и секретарь Курского обкома КПСС Геннадий Васильевич Саенко. Последний был агрессивным, крайне несдержанным, да и попросту злым. В Рамазане Абдулатипове чувствовался специалист по национальной политике. Ею он занимался еще во времена своей работы

в ЦК КПСС и в новых условиях проявлял себя отнюдь не консерватором.

Считается, что на Кавказе мудрость приходит с годами. Рамазан Гаджимурадович, несмотря на молодой возраст, уже тогда постоянно пытался понять противоположную сторону, был внимателен и часто старался находить компромиссы. Товарищеские отношения у нас сохранились с тех пор и по сей день.

После первой же встречи мы могли разойтись, ни о чем не договорившись, потому что разговор начался с непонимания и взаимных обвинений. Потом, правда, все успокоились и начали определять круг требующих нашего внимания вопросов. Консультации практически продолжались на протяжении всего съезда. Первые консультации — по кандидатуре Председателя Верховного Совета. Коммунисты стояли на своем, мы — на своем, но доводы друг друга слушали терпеливо.

У Бориса Николаевича при первом голосовании, результаты которого объявили утром 26 мая, не хватило 34 голосов, у Полозкова — 58. При повторном голосовании вечером 26 мая у Бориса Николаевича не хватило уже 28 голосов, а у Полозкова — 73. То есть налицо была положительная динамика у кандидата от демократов и отрицательная — у кандидата от коммунистов. В этой обнадеживающей ситуации я позволил себе куда-то отлучиться, и согласительная группа собиралась без меня. Когда я вернулся, уже в раздевалке встретился с Саенко и Чеботаревским, которые меня огорошили сообщением о том, что, по обоюдному согласию сторон, решено искать новые кандидатуры.

— А чего вы сопротивляетесь? Он ведь не получил достаточного количества голосов.

Как же не любили, вернее, боялись коммунисты — а больше всего те, кто стоял за этими, так сказать, солдатами партии, — Ельцина, раз готовы были на любую другую кандидатуру!..

Я им ответил:

— Вы поймите, перевес-то небольшой, но динамика положительная; вот когда она будет отрицательная, тогда мы и поговорим. А пока мы будем бороться за этого кандидата. Мы понимаем, какие силы направлены на то, чтобы его не пропустить.

Ответил так я не случайно. Действительно, накануне третьего голосования Горбачев собрался в Канаду. Он созвал ночью

коммунистов, и их координатор — доктор экономических наук Игорь Братищев, депутат из Ростова-на-Дону, заверил его:

— Михаил Сергеевич, можете лететь спокойно, мы все ваши инструкции выполним, мы сделаем все, чтобы Ельцин не прошел Председателем Верховного Совета!..

Но ничего у них не вышло. Председателем был избран все-таки Борис Николаевич, и я убежден, что тогда это был единственно верный выбор. А В.И.Казаков после съезда еще долго оставался председателем Центральной избирательной комиссии. Забегая вперед, скажу, что В.И.Казаков в последующем перешел в нашу команду, провел референдум, и это был уже другой Казаков.

Вообще, оглядываясь назад, я вспоминаю ощущение единства, которое сопутствовало подготовке к съезду. У нас, как я уже говорил, была очень мощная юридическая поддержка от Института государства и права: В.Зорькин, Л.Мамут, В.Кикоть и другие, которые нас практически бесплатно консультировали по всем вопросам — и по Конституции, и по законам. Постепенно к нам начали подбираться корреспонденты, понемногу начали нас снимать для ТВ. Поначалу мы как демократы были закрыты для публикаций. Нас никуда не пускали — ни на радио, ни на телевидение. Правда, был 5-й канал, по которому Белла Куркова атаковала коммунистов. Но истинный прорыв произошел уже после съезда, с открытием на втором канале Российского телевидения, и этого добился своей энергией Олег Попцов.

К открытию съезда у нас сложилась довольно сильная команда. В ней были Михаил Бочаров, Сергей Красавченко, Олег Румянцев, Андрей Головин, Сергей Шахрай, Александр Вешняков. Они работали постоянно, готовя материалы к съезду. Нам помогало много активистов. Реже появлялись Владимир Лукин, имевший по многим вопросам неординарную точку зрения; Николай Травкин — в то время для нас недостижимый авторитет, самородок, личность; Евгений Амбарцумов, который мог ответить практически на любой вопрос международной и внутренней политики, человек с очень широким кругом общения; журналистский коллектив «Аргументов и фактов» во главе с Владиславом Старковым, многие другие.

Олег Румянцев сразу же определил для себя фронт работы — новая Конституция и изменения в действующей (мы его между собой называли «отцом» Конституции); Сергей Шахрай еще не сблизился с

нами, но мы уже ощущали, что он рядом как серьезный законник и виртуоз по части подготовки законодательных актов; Федор Шелов-Коведяев взял на себя разработку межнациональной политики...

Мы засиживались допоздна и возвращались домой, только чтобы лечь спать. Для меня началась новая жизнь, и Галя это понимала. Мы тогда уже остались с ней вдвоем в двухкомнатной квартире: дочери Марина и Маша жили отдельно со своими семьями и детьми...

И вот долгожданная победа! После долгих дебатов и споров та сторона заменила своего прежнего кандидата: им стал Александр Владимирович Власов — Председатель Совета Министров РСФСР. И при первом же голосовании Борис Николаевич Ельцин получил 535 голосов, то есть на четыре голоса больше, чем предусмотрено регламентом. Мы все не просто вздохнули с облегчением, но после оглашения результатов, стоя и, как говорится, бурными продолжительными аплодисментами, приветствовали избрание Председателя Верховного Совета РСФСР. Это стало нашей победой на Первом съезде, ответом Горбачеву, который из кожи вон лез, чтобы не допустить избрания Бориса Николаевича. Нас поддержали колеблющиеся депутаты, которые не вошли ни в какие политические союзы. Мы поняли, что их можно переубеждать, и в дальнейшем старались строить работу с ориентацией на них.

Уже тогда было очевидным, что организованность работе депутатского корпуса могли придать партийные фракции со своими программами и взглядами на политическое и социально-экономическое развитие общества, обеспечивающие предсказуемые голосования. Но КПСС не дала возможности для такого развития ни при избрании народных депутатов СССР, ни при избрании народных депутатов РСФСР, хотя некоторая подвижка произошла благодаря межрегиональной группе. На протяжении всех лет реформ и демократических преобразований в стране демократические силы так и не сумели организовать сильный либерально-демократический центр. Вместо укрепления такого центра каждый лидер занимался созданием собственной партии или движения. Примеры тому — Г. Явлинский. Е.Гайдар, В.Лысенко, И.Рыбкин, А.Яковлев, В.Черномырдин, В.Шумейко, С.Шахрай, Л.Пономарев, Г.Старовойтова, И.Хакамада, А.Вольский, А.Николаев, Ю.Лужков, Б.Немцов, С.Кириенко и многие другие. Эту тему очень часто поднимал Д.А.Волкогонов, который как

историк хорошо понимал опасность отсутствия уравнивающей, а может быть, и ведущей политической силы в наших серьезных преобразованиях. И даже сам организовал в депутатском корпусе группу такого центра. Но дальше этого дело так и не продвинулось.

На съездах народных депутатов РСФСР принятие того или иного документа зависело от многих факторов, чаще всего действовала не аргументация, а эмоциональный настрой зала. Осложняло положение наличие множества депутатских групп (более тридцати), образованных либо по профессиональному, либо по территориальному, а то и по половому признаку. Каждая депутатская группа, конечно, кроме политических, хотела защитить и свои социальные интересы. Поэтому часто съезд выплескивало за спокойные, деловые рамки, и это заканчивалось потасовками, демонстративным уходом из зала, ультиматумами, накатом на председательствующего или на кого-либо из депутатов.

Но многое зависело и от выступлений. Хотя последнее было сделать непросто — сначала нужно было попасть в непомерно длинный список выступающих и получить слово, а потом — ярко, доказательно и доходчиво высказаться, иногда при враждебно настроенном и шумном зале... Такую возможность агрессивно накачать зал почти всегда использовала партноменклатура. А мы каждое выступление старались сделать обоснованным, обобщенным, грамотным по постановке вопроса, чем иногда загоняли номенклатуру в тупик — ей нечего было возразить. За счет жесткой логики удавалось довольно часто перетягивать на свою сторону и «болото». Это было чрезвычайно важным для нас.

И все-таки часто на решения съезда оказывала огромное влияние взвинченная обстановка, которой охотно пользовались обе стороны, может быть, еще и потому, что и той и другой надоел уже изрядно побитый В.И.Казаков. Когда я смотрел, как он ведет съезд, мне вспоминалась наша встреча, его манера поведения, его интонация и улыбочка, которые словно говорили: «Вы должны меня понять, я ведь только выполняю волю...» Может быть, именно эта манера и выводила из равновесия депутатов.

В каждодневной борьбе нервы у всех напряжены до предела — иногда разгорались скандалы, бывали и срывы.

Первый скандал разразился уже на второй день, когда недовольство ведением съезда В.И.Казаковым привело к избранию ему помощника — Геннадия Васильевича Рассохина, ректора Ростовского университета. Рассудительный, твердый в своем мнении, Геннадий Васильевич умел успокаивать разгоравшиеся страсти. Он уравнивал Василия Ивановича, так как ближе стоял по взглядам к демократической части съезда, и оставался в президиуме вместе с В.И.Казаковым вплоть до избрания Б.Н.Ельцина. Таковы были законы о выборах и регламент съезда. Видимо, все происходящее переживал и Василий Иванович. Это особенно проявилось в его заключительной речи, когда он уступил председательское место Борису Николаевичу:

— ...Хотел бы поблагодарить съезд за нашу, может, не всегда дружную, работу. Но мы исходили из интересов страны. Поэтому я хотел бы поблагодарить всех товарищей, которые мне помогали. Мне много писем пришло в эти дни. Спрашивают: кто мной управлял, кто мной руководил? Я вам скажу, товарищи, как говорил один мой ленинградский шеф: я вообще трудноуправляемый. *(Оживление, аплодисменты.)* У меня есть своя позиция, свое мнение, я не привык их быстро менять. У меня нет излишнего чиновничества и никогда его не было. И, к сожалению, я еще упрям. *(Аплодисменты.)* Поэтому я вел съезд так, как говорила моя гражданская позиция и моя партийная совесть, а член партии я уже сорок четвертый год и не жалею об этом, горжусь этим. *(Аплодисменты.)*

Я прошу у вас извинения, что нечетко вел съезд. Я это прекрасно понимаю. Но, товарищи, это первый съезд, опыта не было. И ситуация была достаточно сложной. Поэтому прошу вас меня извинить. *(Аплодисменты.)*

Я хотел бы поблагодарить Геннадия Васильевича Рассохина, который мне очень много помогал. Жалею, что я не сделал этого сразу.

По поводу некоторых некорректных выражений в мой адрес: «узурпатор» и прочее. Почему я не реагировал? Товарищи! Я всегда разделял людей, грубо говоря, на два сорта: тех, для кого важна его роль при деле, и тех, кому важно само дело, а не его роль. Я отношусь ко вторым. Я могу и стерпеть какую-то обиду, но я считал: если дело делалось, то это — главное. *(Аплодисменты.)*

Я еще раз благодарю вас. Желаю съезду, председателю дружной работы в интересах России. *(Аплодисменты.)*

На третий день работы съезда из зала ушли 200 депутатов, не согласившихся с текстом телеграммы, подготовленной от имени съезда в адрес Литвы. Страсти раскалились до такой степени, что съезд отказал в слове Николаю Ильичу Травкину, попытавшемуся объяснить свой уход с заседания.

Другой скандал произошел 23 мая, когда депутат нашей московской группы Михаил Астафьев пришел в зал с российским трехцветным флагом. В это время обсуждался вопрос о Декларации о суверенитете Российской Федерации. Мы сидели с Мишей рядом, и он через некоторое время вытащил из кейса и установил флаг на миниатюрном флагштоке на столе. Горбачев, сидевший наверху на балконе, видимо, заметил это и что-то шепнул своим приближенным, подал знак Казакову. Первым отреагировал выступавший в это время депутат от Рязанской области В.В.Калашников. Он говорил о том, чтобы не торопились принимать Декларацию:

— Я глубоко убежден в том, что на нашей демократически обновляющейся законотворческой почве скоро сам вырастет достойный политический, правовой и государственный суверенитет. Вырастет и механизм народовластия республики. А вот если начать декларировать его сейчас, то он может оказаться недоношенным ребенком. **И уж если мы присягнули жить не по лжи, так давайте решать все по совести. Давайте перестанем вставать с мест и целовать руки тем, как это было вчера в зале, кто острее и хлестче, левее и радикальнее изложит вариант диктатуры России в Союзе республик. И давайте уберем со столиков имперские флажки, товарищи депутаты-москвичи!** (выделено мной. — *С.Ф.*) (*Аплодисменты.*)

Может быть, вы уже живете в монархическом государстве, но вы вспомните, что на вас смотрят не только зарубежные корреспонденты, но и наши российские избиратели. (*Аплодисменты.*)

Затем последовал выпад председательствующего:

— Товарищи, видимо, в этом зале кое-кому не нравится, что съезд проходит в нормальном рабочем режиме. Об этом товарищ Калашников говорил. Поступила также записка от депутации Челябинской области, которую она просит огласить. Читаю: «В зале, а также в рядах одной из делегаций появляются флаги с символикой царской России. Считаю для себя оскорбительным присутствие данной символики в нашем зале

и просим ее убрать. Возможно, инициаторы этого перепутали съезд депутатов России с очередным митингом. Просим огласить нашу записку и навести порядок в зале». Такая же записка поступила от орловской депутации. Как поступим, товарищи? *(Шум в зале.)*

Ставлю на голосование вопрос о том, чтобы убрать из зала все символы, не относящиеся к нашему государству и к России. *(Шум в зале.)*

И под аплодисменты проголосовали — 649 «за».

Председательствующий:

— В случае необходимости съезд поручит коменданту Кремля исполнить это решение. *(Аплодисменты.)*

Круто, ничего не скажешь. Видимо, кое-кому хотелось сыграть на этом эпизоде и задавить нас. Но Астафьев не испугался, направился с флагом к трибуне и, преодолевая шум в зале и не обращая внимания на выключенный микрофон, разъяснил безграмотным крикунам, что это за флаг. Астафьев, как я уже говорил, тогда однозначно находился в демократической фракции. Кончи лось тем, что скандал обернулся переменной обстановки в нашу пользу, — у нас оказалось много сочувствующих, зал стал более спокойным, крикуны поутихли.

Еще один срыв — 28 мая — был связан с попыткой председательствующего и группы депутатов-коммунистов вопреки утвержденному регламенту выставить новые кандидатуры на голосование и оказать давление на Бориса Николаевича, чтобы он снял свою кандидатуру. Это было перед третьим голосованием. Мы не на шутку встревожились упорством, с которым гнул свою линию В.И.Казаков. Зал поднялся в негодовании, демократы вылетели к сцене, практически началась настоящая потасовка...

Успокоил всех Борис Николаевич, выросший на трибуне в самый пик свары. Я, правда, сильно испугался и подумал: «Вышел, чтобы снять свою кандидатуру», подбежал к нему и успел выкрикнуть, чтобы он этого не делал. «Все в порядке, садитесь, садитесь», — ответил он. И обратился к залу:

— Товарищи! Мы ответственны перед всеми народами России за то, что происходит в этом зале. И когда мы вернемся к своим избирателям, первый спрос за это будет с каждого из нас. Мое мнение такое.

Первое. Надо дать возможность съезду идти так, как полагается по регламенту. (*Аплодисменты.*) Изменение регламента со стороны нашего большого депутатского корпуса будет сейчас просто несерьезным.

Второе. Какими бы результаты повторного голосования ни оказались, но, если будет выдвигаться моя кандидатура, я выступлю с предложением о создании коалиции с представителями всех основных групп депутатов, которые у нас есть в депутатском корпусе. Спасибо. (*Аплодисменты.*)

Дальше все пошло по нормальному руслу. Думаю, что этот срыв стал прелюдией ко второму перелому на съезде: с третьей попытки Ельцин выиграл голосование.

Из тех трех голосований два прошли ночью. Мы не расходились по домам: во Владимирском зале кто-то спал на полу, кто-то на лавке, кто-то на лестнице, кто-то просто сидел и ждал, когда выйдут из комнаты счетной комиссии и шепнут, как складывается расстановка сил. Дежурила в машине у Кутафьей башни и моя Галя с горячим чаем и неизменными пирожками. Ночью мы с друзьями выходили к ней и немного расслаблялись. Все происходящее она переживала вместе с нами.

И вот — победа! Ощущение было совершенно удивительным, потому что как только Борис Николаевич занял председательское кресло, мы поняли, что в ситуации, связанной с дальнейшей работой съезда и Верховного Совета, наступил решительный перелом.

Очень бросалось в глаза одно обстоятельство: водоразделом между депутатами чаще служило не отношение к преобразованиям в России (за них были почти все, и это убедительно доказывает голосование за Декларацию о суверенитете РСФСР, где оказалось всего три воздержавшихся), а отношение к Ельцину. Видимо, это вообще характерно для России — субъективное отношение к личности лидера.

Мы понимали, что только теперь и начинается настоящая работа.

На Первом съезде проявились яркие фигуры депутатов, стремящихся по-настоящему реформировать нашу жизнь на принципах демократии, права и свободы. Листаю свои прежние бумаги и как будто бы слышу голоса с нашего Первого съезда.

А.Х.Галазов: «Самая многочисленная и многонациональная, самая обширная и самая богатая, самая сильная и воистину великая, Россия

оказалась самой бесправной среди других союзных республик, и не нужно быть большим политиком, юристом или экономистом, чтобы дать объяснение происшедшей исторической метаморфозе...»

Г.В.Рассохин: «Не может быть, чтобы крупнейшее и богатейшее в мире по своим ресурсам государство с гордым названием Россия, дающее Союзу более 60 процентов совокупного продукта и 80 процентов валютных поступлений, не смогло побеспокоиться должным образом о своем будущем...»

О.В.Басилашвили: «У каждого человека, религиозен он или нет, в душе есть Бог — это идея Отечества! Для нас, собравшихся здесь, это свободная, богатая, многонациональная Россия! Наместником такого Бога на российской земле должно быть Российское государство, провозгласившее ценность каждой отдельной личности, ее право хозяина, право человека. *(Аплодисменты.)* Такого государства у нас пока нет. А есть система власти, маскирующая свою суть, да догматическая проидеология, доведшая Россию и ее граждан до униженного состояния...»

А.М.Бочаров: «Говоря о деформации развития производительных сил республики, необходимо подчеркнуть, что уникальные природные богатства Российской Федерации использовались как хозяйственная территория колониальной страны, где роль метрополии выполнял небольшой слой правящей административно-командной системы...» *(Аплодисменты.)*

Д.А.Волкогонов: «Россияне! Все мы до боли в глазах всматриваемся в марево грядущего, пытаюсь предугадать, что же ждет нас, как выйти из кризиса, Этот великолепный зал за 140 лет своего существования видел достойных людей, которые поднимали суверенитет России, видел он и тех, которые опустили его до фикции. Исторический 70-летний эксперимент окончился исторической неудачей. И сегодня мы рассматриваем вопросы, которые другие государства решили давно...»

Р.Г.Абдулатипов: «Я считаю, что одной из самых болезненных проблем в нашей стране, в том числе в Российской Федерации, является развитие национальных отношений...Сейчас у нас все национальные проблемы политизированы — отсюда и межнациональные конфликты, и притязания различных наций, Нужна коренная реформа Федерации...»

И так что ни выступление, то боль и озабоченность, и проблема, и категоричность ее решения.

На этом фоне появление Бориса Николаевича, открытого, порой в чем-то наивного, но мужественного и честного, сильного и подчас противоречивого, готового решать все вопросы и все проблемы, вселяло в нас надежду на их действительно скорое разрешение. Мы и сами были во многом наивны, нам казалось, что теперь-то все плохое отступится и все нерешенное будет решаться по разуму, по справедливости, в согласии и наискорейшим образом.

Однако нам предстояла длительная, упорная, порой почти бессмысленная борьба, как будто мы не единое государство и не одно общество.

Никак не могли успокоиться коммунисты. В последний день съезда вновь состоялась встреча народных депутатов фракции «Коммунисты России» с М.С.Горбачевым. Видимо, речь шла о задачах в связи с избранием Б. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР. Тогда один из координаторов фракции заверил Президента СССР:

— Не волнуйтесь, Михаил Сергеевич, мы Бориса Николаевича спеленаем со всех сторон (выделено мной. —С.Ф.).

Под этим лозунгом и шла их работа в последующие годы, по принципу — чем хуже, тем лучше. Конечно, лучше — для их подвижки к власти.

Мы пережили несколько глубоких кризисов, оказывались несколько раз на грани самой настоящей гражданской войны. И я абсолютно убежден в том, что мы тогда избежали многих великих бед только благодаря тому, что у руля государства стоял Б.Н.Ельцин. Хотя в последние годы, уже после вторых его выборов, к сожалению, он все больше терял активность и стал допускать просчеты, которые скатывали страну в кризисные ситуации.

При всех наших спорах, при всех противостояниях, при всех ссорах главным для нас было найти возможность наиболее эффективной реализации политических и экономических реформ в стране. К сожалению, нам препятствовало в этом поиске руководство Союза. Налоговая и бюджетная системы надежно связывали по рукам и ногам самостоятельность России. Нас постоянно заставляли заниматься лишь коммунальным хозяйством, а остальное оставляло для себя союзное руководство.

Вторым препятствием для реформ стало (и долгие годы продолжается) противодействие коммунистов: если не проходило их решение, они автоматически проваливали наше. Тем самым мы обрекали страну на отупляющее топтание на месте.

Третье препятствие — несовершенная структура власти: принцип Советов был хорош на этапе, когда необходимо лишить власти компартию. Здесь действительно существовал парадокс: народ избирает депутатов, но страной-то правят не они, а партия, которая, не получив доверия народа, сама взяла да и монополизировала власть через партийную дисциплину депутатов-коммунистов. Советы же, в свою очередь, узурпировав всю власть, были не способны мобильно решать множество сложнейших вопросов оперативного управления.

Четвертым препятствием стали неопытность и непрофессионализм новых политиков. Ясно, что с решением главных задач могла справиться либо хорошо организованная политическая сила, каковой не было у демократов, либо сильная личность, какой являлся в тот период Б.Н.Ельцин. Напрасно его упрекают в том, что он-де не созидатель, а разрушитель. Да, в тот период, чтобы страна развивалась и целенаправленно шла к благополучию, нужно было — во имя созидания! — разрушить многие препятствия, потому что эти препятствия «сопротивлялись»!

Тогдашняя команда демократов была довольно разношерстной, едва ли не каждый в ней жаждал первенства, известности и выступал на съезде непременно «от имени и по поручению» чуть ли не всего народа... Не было у нас ни общей программы, ни единой идеологии.

Среди делегаций, конечно, выделялись московская и ленинградская, куда входили заметные политические фигуры, представители культуры и журналисты. У ленинградцев это отец и сын Толстые — потомки писателя Алексея Толстого. Их интеллигентность, эрудированность, их позиция очень помогали поддерживать атмосферу нравственности при столкновениях, да и просто при решении различных вопросов. Владимир Варов выделялся степенностью, фундаментальностью и некоторым упрямством, когда отстаивал свои предложения. Олег Басилашвили, Белла Куркова — настоящие бойцы, хотя и не имеющие профессиональных знаний как законодатели, но с очень сильной гражданской позицией, много раз выступавшие в самых горячих схватках.

Марина Салье своим поведением, категоричностью напоминала скорее диссидента, чем лидера демократического движения или партии. Словом, каждый вносил свою лепту в общую борьбу за демократические ценности. Очень деятелен был и Илья Константинов, позже ушедший в оппозицию. Правда, он всегда удивлял меня тем, что с утра появлялся на заседаниях Верховного Совета, во время 30-минутных тусовок обязательно выходил к микрофону, выражал недовольство по тому или иному поводу и затем исчезал до следующего утра.

У москвичей, помимо уже названных, энергично работали Николай Травкин — яркий оратор, умеющий очень метко и едко высмеять ту или иную ситуацию, Сергей Ковалев, речь которого была тяжелой по языку и манере говорить с большими паузами, но ее отличала острота ума, глубина знаний и смелость суждений; адвокат Борис Золотухин, а также Виктор Аксючиц, Михаил Челноков, Олег Попцов, Михаил Захаров, Сергей Юшенков... Мне повезло сблизиться со многими из них.

Впоследствии я подружился с Михаилом Львовичем Захаровым, который возглавил социальный комитет и в этом деле был не просто профессионалом, но и человеком с очень передовыми взглядами. К сожалению, не все его идеи получили развитие — например идеи об индексации доходов, о создании пенсионного фонда и отделения суммы минимальной зарплаты от минимальной пенсии. У него и комитет подобрался очень дружный, в основном из молодых депутатов. Он привел в Верховный Совет начальником юридического отдела Роберта Макаровича Цивилева, очень много сделавшего для повышения профессионализма наших депутатов и улучшения качества законов. Цивилев был неотлучно со мной, когда готовилась новая Конституция, и его заслуги в ее создании не меньше, чем у любого политика.

Московские депутаты (абсолютное большинство из них — демократы, то есть единомышленники) проводили вместе долгие часы, стремясь свести к общему знаменателю свои точки зрения на те или иные вопросы, но практически никогда к полному согласию не приходили.

Поэтому обычно наши длительные прения заканчивались тайными голосованиями, демонстрировавшими, кто есть кто.

Когда настал черед определять депутатов, которые будут работать в Верховном Совете на постоянной основе, и мы, и коммунисты ринулись составлять свои списки. В итоге ни тот ни другой списки с первого раза в полном объеме не прошли: дело в том, что и мы, и они поименно знали, кого вычеркивать обязательно в общем списке (как правило, радикалов), а за кого голосовать. Ну и, конечно, повычеркивали очень многих...

Со второй волной голосования меня тоже включили в список, и я прошел в Верховный Совет, хотя, как говорил, изначально работать там на постоянной основе не собирался. Но — так уж сложилось.

Съезд предполагалось закончить чуть ли не через неделю. Фактически он продлился почти до начала июля.

Очень интересно шел подбор заместителей Ельцина. Когда все убедились, что с первого раза это сделать будет невозможно, я по поручению согласительной группы подошел к Борису Николаевичу (помню, он еще сидел в зале в делегации Свердловской области) с предложением собрать согласительную комиссию. Он своей рукой написал примерное количество участников от основных фракций и депутатских групп. Список оказался небольшим. В дальнейшем Борис Николаевич изменил этот план и, когда после своего избрания выступал перед депутатами, между прочим, сказал слова, которыми, мне казалось, ему нужно было руководствоваться всегда в последующей работе:

— ...Я подтверждаю то, что сказал вчера: ради будущего единства Верховного Совета, ради национального согласия всех народных депутатов Российской Федерации, всего съезда формирование руководящих органов Верховного Совета, правительства надо вести только на основе консультаций с депутатскими группами, которые зарегистрированы и с которыми нужно советоваться, учитывать их предложения. Надо, чтобы их представители вошли в руководящие органы, и тогда Верховный Совет, правительство, комитеты и комиссии Верховного

Совета смогут принимать более радикальные, более смелые законы на принципах национального согласия...

И предложил делегировать в согласительную комиссию от каждой депутатской группы своих представителей, до пяти человек, чтобы

сообща определить кандидатуры на ключевые посты в Верховном Совете, правительстве, в комитетах и комиссиях.

Это выглядело грандиозно: в Георгиевском зале расставили столы в каре и собрали за ними 250 человек, делегированных от субъектов Федерации и различных депутатских групп. Каждая делегация предлагала свои кандидатуры — по 7–8 на каждое место. Борис Николаевич всех записал, но не стал обсуждать, а сказал:

— Я принимаю все ваши рекомендации. Буду решать сам, кого предложить для избрания, но при этом буду придерживаться ваших рекомендаций. С кем мне в дальнейшем работать, все-таки решать в первую очередь мне...

Уже на следующий день начались мытарства с избранием заместителей. С первого голосования прошли С.П.Горячева и Б.М.Исаев. Но они относились к оппозиции и компромиссным фигурам: Светлана Петровна Горячева, конечно, никакой демократкой не была, но представлялась меньшим из возможных коммунистических зол; Борис Михайлович Исаев, председатель Челябинского исполкома, — человек и вовсе недалекий, угрюмый и, как мы уже потом поняли, склонный к закулисным интригам. А союзников Ельцина сразу избрать не удалось: застряли при избрании Хасбулатова первым заместителем и Шахрая — заместителем Председателя Верховного Совета. Хасбулатов все же был избран после второго внесения его кандидатуры, а вот Шахрая так и не удалось отстоять.

Хасбулатов тогда произвел на всех большое впечатление своим остроумием, глубиной суждений, умением заставить себя слушать. Последнее было особенно важным при неоднородности зала. Возможно, тут помог Хасбулатову профессорско-лекторский опыт. Да и язык у кавказцев, как правило, яркий, с точным подбором слов, и, ей-богу, мне иногда казалось, что они владеют русским не хуже самих русских.

Хасбулатов с первых дней своего избрания всегда приходил на выручку Ельцину, часто подвергавшемуся нападкам то со стороны Горбачева, то со стороны Янаева, то со стороны номенклатурных журналистов.

В ту пору у российского парламента и у демократов, повторяю, не было ни своих газет, ни своего телевидения, которые отражали бы демократические взгляды. Правда, существовали и пятый,

ленинградский, телеканал с блестящим «Пятым колесом», а в последующем и с «Политическим Олимпом» Беллы Курковой, и команда еженедельника «Аргументы и факты», самого популярного в стране, — не случайно В.Старков, Н.Зятков, А.Мещерский, А.Угланов стали народными депутатами и охотно предоставляли страницы газеты для освещения работы народных депутатов из «ДемРоссии». Другая команда народных депутатов-журналистов была из популярнейшей телепрограммы «Взгляд»: А.Любимов, А.Политковский, В.Мукусев. И они тоже горячо помогали всем нам выйти со своими взглядами и предложениями к людям. Вот, пожалуй, и все.

Этого было явно недостаточно. Поэтому Хасбулатов, став заместителем Председателя Верховного Совета, первым делом взялся за организацию средств массовой информации. В этом проявился его талант организатора. Нужно было во что бы то ни стало прорвать блокаду молчания вокруг демократических начинаний, помочь попасть на телеэкраны, в эфир, на газетные полосы наиболее заметным реформаторам с объяснением своей линии, своих шагов, своих приоритетов в политике и в экономике. Он часто выступал в периодике и немало сделал для создания «Российской газеты», еженедельника «Россия», для других газет и журналов.

Мне как координатору московской группы хорошо виделось, насколько неоднороден состав наших депутатов: из шестидесяти четырех человек четверо или пятеро находились явно в оппозиции. Не знаю, чем это можно объяснить, но, к сожалению, многие из тех депутатов, кто работал в здравоохранении и в народном образовании, были в тот период особенно политизированы, агрессивны и до такой степени настроены против демократических преобразований, напичканы коммунистическими идеями, что порой становилось страшно за здоровье народа, и за его образование. Гуманнейшие профессии — и вдруг такое.

Мне думается, дело тут в уровне компетентности человека, в степени его одаренности, в широте кругозора. Когда человека душит бесталанность, он ищет причину не в себе самом, а во «врагах». Вот как об этом сказал Булат Окуджава: «По сути, бесталанных большевиков роднят одни и те же корни — поиск врагов».

Когда Бориса Николаевича упрекают, что указ № 1, посвященный образованию, не выполняется, то нужно иметь в виду, что сам-то указ

появился, чтобы сбить волну агрессии и ненависти. Организаторы указа — тоже, кстати, представители народного образования — отлично понимали, что он популистский и в тех экономических условиях не может быть реализован.

А сколько за эти годы вспоминается примеров, когда под давлением агрессивной оппозиции принимались вроде бы социально значимые законы и указы, которые, заранее известно, невыполнимы и приведут к еще большей социальной напряженности! Эти факты как раз и говорят о том, что наше общество страдает от невозможности объединиться даже в критические минуты, угрожающие самому существованию российского государства.

Общество больное, общество непримиренное — это очень опасно. Не случайно трудами и самого президента, и его окружения предпринимались неоднократно шаги к примирению и согласию. Конечно, выходом из положения могло бы стать создание двух- или трехпартийной системы. Тогда бы появилась определенность и в обществе, и в парламенте, возможность компромиссов ради согласия. А пока реально организованная политическая сила — только КПРФ. Вот и не получается никакого согласия.

В нашей группе как-то особняком держался Александр Иванович Гуров, занимавшийся борьбой с коррупцией. Меня всегда удивляло, что он был как бы в одиночестве и в этой борьбе тоже. А вот Борис Петрович Кондрашов, возглавлявший тогда Следственное управление в Московском УВД, в Верховном Совете ведущий большую работу как заместитель председателя Комитета по законности и правопорядку, и Николай Егоров — очень тихий и симпатичный человек, тогда — начальник Московского уголовного розыска, — оба они с самого начала, хотя и с некоторыми сомнениями, но были на стороне демократии и реформ.

Вообще замечено, что депутаты из органов МВД значительно прогрессивней некоторых гуманитариев. Это можно сказать и о Евгении Журавель, занимавшейся детской преступностью, и об Андрее Федоровиче Дунаеве, министре МВД России, и о Василии Николаевиче Травникове, работавшем в ГУВД Ленинграда и области.

И все-таки, как ни разнородно демократическое движение, я нередко задумываюсь: почему люди, причислявшие себя на первых порах к демократам и действовавшие довольно последовательно, все же

перешли в оппозицию, а некоторые из них даже возглавили ее? И всякий раз прихожу к выводу, что на это было несколько причин, в том числе и такие.

В демократическом крыле всегда присутствовали расхождения по различным проблемам, но, по мере продвижения вперед, они углублялись. Особенно это касалось вопросов введения поста президента, программы «500 дней», назначений на ту или иную должность в правительство. Процесс этого расхождения был постепенным, но ускорение ему сообщил развал СССР, события в Беловежской Пуще, которые не всеми были восприняты однозначно, как и начало реформ. Таким образом, накапливались разногласия по различным поводам, и неизбежно наступал момент, когда каждый должен был сделать выбор.

Кроме того, начала проявляться карьерная неудовлетворенность у тех депутатов, которые оказались обойденными чиновничьими постами. Причина эта столь же серьезная, сколь и неприятная. Скажем, у кого-то амбиции были основаны на видении себя председателем определенного комитета или какой-то комиссии, а кто-то заранее наметил себе должность в правительстве. Некоторые при этом себя явно переоценивали, да и — как это поется у Булата Окуджавы — «пряников сладких всегда не хватает на всех...».

Напомню, что на пост председателя правительства первоначально рассматривались три кандидатуры: Юрий Алексеевич Рыжов, Михаил Александрович Бочаров и Иван Степанович Силаев. Рыжов отказался сразу. Бочаров, было очевидно, дальше своего БУТЭКа не поднялся, а поэтому при голосовании не прошел. И остался очень обиженным на демократов, которые его не поддержали... Большинство сошлось на Иване Степановиче Силаеве.

Постепенно некоторые демократы начали отходить от активной деятельности в Верховном Совете. Стал заниматься политическими делами где-то на стороне Михаил Александрович Бочаров. Резко ушел из Верховного Совета Николай Ильич Травкин. То, что произошло с ним и вокруг него, я бы назвал человеческой драмой. У Травкина изначально было свое видение местного самоуправления, но в Верховном Совете он не получил необходимой поддержки. Травкин разработал несколько проектов законов о местном самоуправлении — все они были встречены в комитете, который он возглавлял, буквально

в штыки. Согласиться с этим он не смог. В результате — повоевал, повоевал и ушел.

Очень много появилось противников, когда мы вплотную подошли к реформам. Характерен в этом смысле пример Татьяны Корягиной. Не пройдя на должность заместителя Председателя Верховного Совета, она попросилась в правительство, но и туда ее не взяли. И тогда она обиженно стала чуть ли не в каждом видеть коррупционера. Таких примеров можно насчитать десятки.

Тяжело шел и процесс формирования правительства. Союзные министры тут явно не подходили, а у самой России имелись только неопытные и неизвестные кадры. Особенно трудно подбирались кандидатуры на такие направления, как приватизация, земельная реформа, Центральный банк РСФСР, антимонопольная политика и другие рыночные направления. На многие из них назначались депутаты РСФСР, что являлось большой потерей для законодательного органа и демократической части депутатского корпуса и не всегда адекватным приобретением для исполнительной власти. Так, ушли из депутатов М.Д.Малей, С.М.Шахрай, А.А.Титкин, Ю.А.Лебедев, Л.П.Прокопьев, да еще многие другие.

Министром иностранных дел был назначен Андрей Козырев, в ту пору, может быть, и не во всем соответствовавший этой высокой должности. Но, начав работать он набрал силу, видно было серьезное, порой дружеское к нему отношение зарубежных коллег. Андрей Владимирович не случайно дольше всех проработал в том, самом первом нашем правительстве, да и продолжал работать долго при Гайдаре и при Черномырдине.

Формирование правительства шло сложно еще и потому, что на каком-то этапе вступили в подковерную борьбу различные группировки депутатов, каждая из которых навязывала свою кандидатуру и «топила» при голосовании конкурентов. Я с тревогой думал о том, как же будут жить страна, промышленность, как будут осуществляться реформы, если правительство формируется так долго. По-моему, по прошествии даже шести месяцев оно еще не было полностью сформировано. Это, кстати, к вопросу о парламентской республике: никто не смог ответить, каким все-таки интересам служит такое правительство.

Из всех последовавших затем съездов, — а их было девять плюс один, сфальсифицированный Хасбулатовым в октябре 1993 года, —

Первый стал самым ярким, определившим дальнейший путь развития России.

Но и остальные съезды хорошо показывают динамику реформирования по всем направлениям — в государственном устройстве, в экономике и политике. Далеко не все намеченное удалось воплотить в жизнь. Но каждый съезд стал вехой в движении России к возрождению. Напомню вкратце о них.

Первый съезд. Впервые в истории Российской республики приняты Декларация о государственном суверенитете РСФСР и первый акт, реализующий принцип Декларации, — постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основы нового Союзного договора)». Съезд положил начало новому этапу в законодательном процессе и государственном строительстве в РСФСР, направленному на позитивные преобразования в политической и экономической жизни республики.

Второй съезд. Принята программа возрождения российской деревни, земельной реформы. Суть ее в том, чтобы создать условия для равноправного развития различных форм собственности, включая частную, и хозяйствования на земле. Съезд отменил монополию государства на землю и передал ее Советам народных депутатов.

Третий съезд. Созван под давлением группы «Коммунисты России», чтобы отстранить от работы Б.Н.Ельцина и И.С.Силаева, выразить недоверие Верховному Совету и Совету Министров РСФСР. Но депутаты не только отказались от этого замысла, но и проявили понимание: нам в наследство досталась неработоспособная структура власти. Как результат — назначена дата референдума о введении поста Президента РСФСР.

Второе важное значение съезда — в признании правильности концепции программы правительства РСФСР по стабилизации социально-экономического положения в республике. Принято постановление «О перераспределении полномочий между высшими государственными органами РСФСР для осуществления антикризисных мер».

Четвертый съезд. Прошел на мирной ноте и окончательно определился в вопросе выбора Президента РСФСР и изменения структуры исполнительной власти.

Пятый съезд. Инаугурация первого Президента России, избрание нового Председателя Верховного Совета.

Все остальные съезды — ожесточенная война левого большинства с президентом и правительством, оппозиция реформам Гайдара и преобразованиям общества.

Глава 3. ВЫБОР РОССИИ

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

*Нет, если вы действительно полюбите Россию,
вы будете рваться служить ей...*

Николай Гоголь

Довольно быстро, буквально в начале 1991 года, многие стали понимать, что пробиться через съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет и союзный центр ни с реформами, ни с демократическими преобразованиями практически невозможно. А время идет, и ситуация в стране ухудшается. В союзном руководстве началась усиленная подготовка ко Всесоюзному референдуму с замысловатыми вопросами, подготовленными А.И.Лукияновым и запакованными в одну фразу: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

И как ни строй свой ответ — а он в этом контексте и не мог быть отрицательным, — но удовлетворения от голосования не было. Оставались тревога и недосказанность: «Какая будет в стране экономика? Будет ли государство демократическим или останется тоталитарным при монополии КПСС? Что будет с КГБ и как оценим прошлое — где гарантии того, что не повторится расправа над своим народом?»

Демагогический обман вскрылся, когда СССР начал разваливаться буквально в считанные дни. Одновременно пошло наступление на права республик и прежде всего на Россию. По сути, это уже было противостояние двух систем: старой — тоталитарной, союзной — и нарождающейся — демократической, российской. По отношению к России наиболее явственно проявлялись все эти «не пущать», «не давать», «прижать»... Сложилась парадоксальная ситуация, когда советский человек в Верховном Совете Союза должен был противостоять советскому человеку в Верховном Совете России.

Тогда это называли войной законов. И если в российском парламенте удавалось принять прогрессивный закон, отвечающий духу Декларации о суверенитете Российской Федерации, то в ответ на это принимался консервативный закон в союзном парламенте. Мы не только не были в состоянии что-либо с этим сделать, но и вполне реально ощущали дыхание гражданской конфронтации. В самом худшем положении в конечном счете были избиратели, потому что одни депутаты — союзные — противостояли другим — российским, избранным в тех же округах, а значит, кто-то из них перед избирателями лукавил...

Мы видели, что коммунисты ведут игру по-крупному, дабы ничего не дать нам сделать, а потом свалить на нас же всю ту разруху, в которую неминуемо будет погружаться парализованная ими страна, и таким образом дискредитировать ненавистную им демократию, навсегда покончить с ней. Да заодно и людям показать, что это вовсе не демократы, а всего лишь какие-то оборванцы, для которых главное — разрушить государство, продать его иностранцам.

И когда на заседаниях Верховного Совета, на его президиумах премьер И.С.Силаев и министры все чаще начали ссылаться на то, что они не в состоянии по объективным причинам выполнять решения ни Верховного Совета, ни съезда, — вот только тогда многие из нас начали осознавать, что встал вопрос о создании президентской структуры власти и введении принципа разделения властей. К этому мы шли очень трудно, и не случайно в системе Советов Борис Николаевич неоднократно просил депутатов наделить его дополнительными полномочиями.

В то время мы понимали, что самая значительная личность во власти, самая ударная сила в обществе —

Ельцин, и поэтому именно его «Демократическая Россия» стала выводить с Председателя Верховного Совета на уровень Президента России. Борьба за претворение этого плана в жизнь оказалась жесткой, но короткой: от идеи иметь своего президента до ее реализации прошло всего несколько месяцев. В апреле 1991 года состоялся референдум, на котором избиратели одобрили введение поста президента, а уже 12 июня, в годовщину принятия «Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации», состоялись президентские выборы.

Вначале была одна загвоздка: как быстро организовать голосование народных депутатов для принятия решения о проведении референдума. Такое решение — в компетенции только народных депутатов РСФСР. Собрать съезд едва ли позволила бы оппозиция. А референдум хотелось присовокупить к союзному — 17 марта 1991 года. Наш закон о референдуме давал возможность при наличии определенного количества голосов народных депутатов ставить вопрос на референдум. В тот период я работал секретарем президиума Верховного Совета и, посоветовавшись с Р.И.Хасбулатовым, разослал телеграммы народным депутатам РСФСР с проектом двух вопросов к избирателям, которые были сформулированы группой депутатов от «ДемРоссии» и звучали так:

Первый: «Хотите ли вы сохранения РСФСР как единого многонационального государства, входящего в обновленный Союз?»

И второй: «Как вы относитесь к тому, чтобы в РСФСР ввести пост президента?»

В отличие от союзной формулировки наши отличались своей элегантностью, логической завершенностью. Но после того, как стали поступать ответы, и особенно когда стало очевидным, что народные депутаты положительно отнеслись к идее нашего референдума, разразился скандал. Начались обвинения в том, что нет нужного количества подписей, что было-де какое-то вмешательство президиума и другие формальные нарушения. По настоянию С.Горячевой, Б.Исаева и В.Исакова создали комиссию, которую Р.И.Хасбулатов поручил возглавить С.Горячевой, и начались тщательные проверки представленных нами результатов и особо тщательный анализ телеграмм-вопросов и телеграмм-ответов. Особую рьяность при проверке проявил Н.Т.Ведерников, ныне судья Конституционного суда России, который вносил сильное напряжение в работу.

Все же несколько десятков телеграмм удалось признать недействительными, так как в одних было написано «за единое Российское государство», в других — слово «единое» написать забыли, но написали — «за многонациональную РСФСР». В общем, юридических оснований снять первый вопрос референдума не было. Но поскольку поставлена под сомнение чистота формулировки, первый вопрос с референдума был снят. Хотя положительный ответ россиян на первый вопрос, наверное, предотвратил бы дальнейшие события,

приведшие к августу 1991 года, потому что из состава РСФСР пытались вывести республики на уровень союзного государства.

По чистоте второго вопроса не возникло никаких сомнений, хотя неоднократно делались попытки снять его — именно он и раздражал оппозицию и центр Союза. Верховный Совет РСФСР вынужден был формально подтвердить решение о проведении референдума. Итоги голосования на референдуме еще раз показали, что расстановка политических сил в депутатском корпусе не соответствует расстановке сил в обществе. Но к этому времени россияне уже были по горло сыты различными, большей частью пустыми, обещаниями народных депутатов, Верховного Совета, съезда. С введением поста Президента РСФСР они связывали реальные перемены к лучшему в своей жизни. За это проголосовало почти 70 процентов граждан, которые пришта участие в процедуре. От списочного состава граждан, которые могли голосовать, это составило 52,4 процента.

Задача демократов тогда состояла в том, чтобы провести президентские выборы. Нельзя забывать, что вокруг Москвы существовал «красный пояс» — Тамбовская, Брянская, Курская, Орловская, Рязанская и другие области особой, прокоммунистической направленности. Они стали поджимать Москву с продовольствием, и никакая система власти с ними не могла справиться. Показательно, что вместе с выборами Президента России руководители Москвы Г.Х.Попов и Ю.М.Лужков предложили провести выборы мэра Москвы. Следом за ними с аналогичным предложением вышел и А.А.Собчак. Причем Г.Х.Попов через президиум Верховного Совета РСФСР провел новое административное деление Москвы, перейдя от районирования к префектурам и муниципалитетам. Это дало возможность сразу избавиться от партийного вмешательства на местах: партноменклатура подстроиться под новую структуру уже не смогла.

Руслан Имранович и я активно помогали Попову, Лужкову и Собчаку, хотя противников у них было очень много. Особенно резко выступали депутаты из «Смены», которые уже тогда вынашивали новую концепцию о местном самоуправлении и отдельный закон о Москве. Если бы своевременно удалось перестроить структуру регионов, разрушив таким образом в них вертикаль КПСС (КПРФ), наверное, мы бы достигли больших результатов, так как значительно

уменьшили бы сопротивление реформам на местах. Но это осуществилось только в Москве...

Вспоминаю, когда была организована первая встреча руководителей местных органов власти с Ельциным, атмосфера в зале царила, как перед грозой. Это было еще до референдума, и жила надежда найти некий компромисс, взяв регионы в союзники. Я находился тогда в зале и видел, как цинично и язвительно по отношению к Ельцину вели себя региональные «верные ленинцы». После этого у Бориса Николаевича надолго отпала охота встречаться с ними еще раз. В дальнейшем Хасбулатов много ездил по стране, много выступал, и это тоже сыграло большую роль в формировании союзников Верховного Совета России.

Нам были нужны свои кадры, своя опора на местах, без чего вряд ли удалось переломить ситуацию в стране. В российской глубинке все оказалось задавленным партийным влиянием. Исполкомы, существовавшие при Советах, не могли ничего без этих Советов сделать, а во главе Советов — в последние годы Горбачев проводил эту идею — стояли секретари районных, городских и областных комитетов партии. Да и депутатский корпус самих Советов был таков, что большинство в них составляли убежденные коммунисты, являя очевидное партийное руководство всем хозяйством, в том числе и кадровой политикой в регионах.

И если где-то на выборах коммунисты не набирали абсолютного большинства и в Советы все же проходили демократы (зачастую тоже в недавнем прошлом члены КПСС), не позволявшие осуществлять партийный нажим, то борьба разворачивалась острейшая и предпринимались любые попытки, чтобы нейтрализовать демократическую часть Советов.

У «демороссов» в Верховном Совете была такая ситуация, когда одного из энергичных депутатов фракции — Евгения Кима — коммунистам нужно было любым путем нейтрализовать: его острый язык многим не давал покоя. И тогда к нему приставили девушку из КГБ, которая вскружила ему голову, каким-то образом вывела Евгения на откровенный разговор о его сотрудничестве с КГБ в прошлом (рабочее имя «Акимов») и вынудила написать заявление в КГБ, отказаться в новых условиях от сотрудничества. Он и написал, а к съезду народных депутатов газета «Голос» полностью опубликовала его

заявление «Я не могу больше быть секретным агентом», с большими комментариями. И политическая карьера Евгения Николаевича на этом рухнула. Его не избрали в Верховный Совет, от него отвернулись почти все, так как сотрудничество с КГБ не прощалось. Широко распростер крылья свои над делами человеческими печальной памяти Комитет государственной безопасности. И сколько еще сломается людских судеб от соприкосновения с этой организацией...

Итак, нужна новая структура власти, способная воспринимать влияние российского центра. Заговорили о жесткой вертикали. Если раньше она строилась по партийному принципу, то сейчас со стороны Верховного Совета, его руководства и в особенности Хасбулатова речь велась о вертикали Советов, а со стороны Ельцина — он задумывался об этом еще не будучи президентом — о вертикали исполнительной власти, которая бы гарантировала возможность работать, не отвлекаясь на политические игры.

Выборы президента в 1991 году стали для демократов большим испытанием — отсутствовала мощная и разветвленная организация, а движение «ДемРоссия» уже начало слабеть по той причине, что многие лидеры из него ушли во властные структуры, не успев подготовить себе достойную замену. И тем не менее именно «демороссы» горячо включились в предвыборную кампанию. В Москве ее возглавил Геннадий Бурбулис, в поездках Ельцина сопровождал Юрий Скоков. Но, как всегда, основную нагрузку взял на себя Борис Николаевич. Был организован штаб по подготовке выборов, которым стал руководить Геннадий Эдуардович Бурбулис — бывший свердловчанин, депутат Верховного Совета СССР, член Межрегиональной группы. В команду Бориса Николаевича он пришел не сразу — я даже не помню точно, как и когда он появился среди нас, но его появление ощутилось по тому, как стали исчезать в действиях команды непросчитанность ходов и непредвиденность их результатов.

Центр постоянно находился в ситуации, когда требовалась нестандартная реакция. Тогда же впервые возникла идея создания института представителей президента. Договорились, что в каждом субъекте Федерации должно быть доверенное лицо Бориса Николаевича. Оно назначалось с прицелом в последующем стать представителем президента. Руководители регионов — председатели Советов — тогда по своему настрою были анти-ельцинскими, они же,

как правило, возглавляли областные комитеты КПСС и КПРФ. Могли ли они смириться с утратой партией ее «руководящей роли», с потерей собственного всеисия? Но авторитет Ельцина, надежды на него избирателей оказались настолько велики, что местная власть не смогла этому противопоставить ничего, кроме заведомой лжи и обливания его грязью. А уж как могли подтасовывать факты соответствующие службы — об этом люди стали давно догадываться.

Представители президента получили тогда полномочия Контрольного управления, то есть практически контролировали на местах выполнение решений центра и законности действий местной власти. И это видится мне на тот период очень важным. Как правило, представителями президента были либо народные депутаты РСФСР из демократической его части, либо их помощники. В результате в регионах усилилась связь с центром, кое-кто немного поутих в своей демагогической, особенно антипрезидентской, агрессивности. Это стало, на мой взгляд, переломным моментом в практическом переходе многих регионов под контроль президента.

Но все же есть у Б.Н.Ельцина, есть — увы! — особенности характера и поведения, которые способствовали зарождению определенного недоверия к нему со стороны граждан. Одна из них — его прямо-таки фантастическая способность вдруг куда-то исчезать в самые критические и напряженные моменты. Так это случилось, например, при введении чрезвычайного положения в Грозном в 1991 году, когда он был почти недоступен. И не случайно как-то у Руцкого, тогдашнего вице-президента, вырвалось в сердцах на трибуне Верховного Совета, что он вот уже неделю не может связаться по телефону с президентом.

Я был бы не до конца искренен и честен, если бы не сказал, что вопрос здоровья Ельцина волновал и нас тоже — как говорили, его ближайшее окружение. Хотя, конечно, его самым ближайшим окружением была семья, затем в разные периоды — фавориты: Коржаков, Баранников, Ерин, Грачев, Барсуков. Нам часто приходилось говорить на эту тему с Бурбулисом, особенно когда мне передавали те или иные горькие факты, свидетелем которых я сам не был. Геннадий Эдуардович бледнел, лицо его становилось суровым, и видно было, что он собирается предпринять по этому поводу какие-то решительные действия.

Во всем этом ощущалось что-то непонятное, и нам, кто по долгу службы общался с Ельциным, его исчезновения доставляли массу неудобств, особенно когда они затягивались. Если в Кремле связь с Борисом Николаевичем всегда была прямая, то при отсутствии его она осуществлялась только через прикрепленного, а когда президент находился в отпуске — через помощника. В последний период работы Коржакова появилась еще и таинственная фигура адъютанта...

Вот и получалось, что нам важно, чтобы президент чаще присутствовал в Кремле, а кое-кому — чтобы он находился как можно дальше от Кремля (то ли по состоянию здоровья, то ли из-за запоев — откровенно говоря, не знаю).

Я координировал демократическую часть депутатов, поэтому мы с Бурбулисом работали вместе: он — в органах исполнительной власти, я — с депутатами. Короче говоря, у меня были довольно широкие возможности разглядеть в нем энергичного, живого человека, способного вдумчиво и добросовестно вникать в детали любой проблемы. С ним приятно работало хотя бы потому, что он постоянно был нацелен на будущее. Аналитический ум Бурбулиса выводил его на конкретные предложения и конкретные решения. Я думаю, Борис Николаевич не случайно не только обратил внимание на него, но еще и во многом на него полагался.

Очевидно, не всем в окружении президента соседство с такой фигурой пришлось по душе, и довольно скоро закулисные силы начали усиленно работать на дискредитацию образа «соперника». Активно против него работал и Коржаков, хотя в то время у него еще не было таких сил и возможностей, какие он заполучил позднее, в 1994–1995 годах.

Ведь в итоге Бурбулис ушел вовсе не потому, что действовал неправильно. Многие он, я считаю, делал верно. И поскольку ничего конкретного, дискредитирующего его, выискать было невозможно, ударение стали делать на нерусской фамилии, на разрезе глаз, на внешнем облике. И все это подгонялось спецслужбами под образ некоего «серого кардинала», чуть ли не «демона», за которым водятся какие-то неблагоприятные, темные, правда, никому не известные делишки. Расчет строился на том, чтобы все негативное в общей работе связывалось в представлении и президента, и общественности с именем Бурбулиса, а ко всему хорошему он, мол, никакого отношения

не имеет. Обычно в таких случаях человека еще и отсекают от необходимой ему каждодневной служебной информации, и он вынужден тогда действовать как бы вслепую, и тут избежать ошибок действительно непросто.

Думаю, в случае с Бурбулисом была применена хорошая профессиональная «проработка». Именно ею Бурбулиса в конце концов и «взяли». Вообще-то многие из тех, кто находился в окружении президента, почувствовали в свое время на себе определенную работу спецслужб. Скажем, против меня она велась все годы вплоть до снятия с должности Александра Коржакова, руководителя Службы безопасности президента, и даже после снятия он не оставлял меня в покое. Причем «работали» весьма примитивно, но найти в моих действиях компрометирующие факты было невозможно по той простой причине, что таковых просто-напросто не существовало. Тогда их придумывали или специально провоцировали.

Но вернусь к предвыборной команде президента. В нее входил и очень работоспособный, колючий в общении Михаил Никифорович Полторанин, которому Ельцин явно симпатизировал. Они часто виделись, и Борис Николаевич всегда прислушивался к его мнению. Однако в их отношениях существовала некая дистанция, которую поддерживал и сам Михаил Никифорович.

«Приятельских отношений у нас не было и нет, — говорил в одном из интервью Полторанин. — Как-то Ельцин спросил меня, почему я никогда не приглашаю его к себе домой в гости. И я ответил, что боюсь быть неправильно понятым окружением и потому буду чувствовать неловкость в наших отношениях. Считаю, что пока близкие мне люди при силе, я могу находиться от них в стороне. Бориса Николаевича приглашу к себе, когда, не дай Бог, случится что-нибудь и он окажется в нужде. Тогда я скажу: «Борис Николаевич, пожалуйста в мой дом, все, что у меня есть, будем делить по-дружески».

На пост вице-президента, как впоследствии стало проясняться, рассматривались три кандидатуры: Хасбулатов, Бурбулис и Руцкой. Все трое переживали, волновались и ждали решения Бориса Николаевича. И только в последнюю ночь, говорят, под самое утро того дня, когда заканчивалась регистрация кандидатов в президенты, Ельцин остановил свой выбор на Александре Руцком. Многих это решение тогда удивило, но было понятно, что для завоевания голосов среди

силовики требовалась именно такая, военная фигура. И биография у Александра Владимировича очень подходящая: афганец, Герой

Советского Союза. Конечно, никто не мог предположить, что Руцкой-ведомый в скором времени станет Руцким-атакующим и президент с ним досрочно расстанется. Уже через полгода после выборов в прессе стали появляться требования о его отставке.

Из сообщений СМИ:

«Похоже, нам не везет на вице-президентов. Западная новинка пришлась явно не ко двору. Чеченской операцией вице-президент нанес своему шефу удар такой силы, что, не спохватись вовремя парламент, южный фронт боевых действий был бы России обеспечен. Летчик такого класса, как Руцкой, должен, конечно, понимать, что в подобной ситуации принято катапультироваться. Добровольно» («Пролог», № 47).

«Вчерашний парламентский день начался с пресс-конференции вице-президента А.Руцкого. Он ответил категорическим отказом уйти в отставку и добавил, что после его поездки у многих сложилось неправильное мнение, будто у него возник конфликт с Ельциным. А конфликта нет, но есть убеждение вице-президента, что в России сейчас *существует* одна власть — власть улицы. То, что делает правительство, — «гигантский эксперимент, который в очередной раз проводят над Россией». Правительству удобно творить все что вздумается, потому что оно полностью бесконтрольно. Парламент этим не занимается, а у вице-президента такие функции потихоньку отбирают» («Куранты», 27 декабря).

В ночь после выборов с 12 на 13 июня ни Бурбулис, ни Полторанин, ни я домой не уезжали — ждали результатов голосования. Информацию о подсчете голосов мы все трое получали практически одновременно от В.И.Казакова, по-прежнему возглавлявшего Центризбирком. Он хорошо знал свое дело, работал четко, и мы разговаривали на одном языке.

Уже под утро мы узнали, что первым Президентом России — за всю ее историю — стал Борис Николаевич Ельцин.

В течение месяца после выборов должна была пройти инаугурация, то есть торжественное вхождение президента в должность. Подготовка к инаугурации была поручена мне, предстояло

только определить ее дату. И тут, каюсь, я предложил 10 июля, это день моего рождения. Дата была принята и утверждена, и мы стали готовиться.

Конечно, никто из нас не знал, как проводить в России процедуру, которая должна положить начало новой традиции. Борис Николаевич большое значение придавал новой атрибутике, и нам надо было предусмотреть все до мелочей, включая и размер российского флага, который отныне станет развеваться на флагштоке в Кремле, и высоту самого флагштока, и конструкцию трибуны по типу той, за которой выступает американский президент и которую впоследствии можно было бы брать в президентские поездки.

Требовалось подумать и о том, как рассадить приглашенных на торжество глав союзных республик. Первоначально предполагалось — в президиуме, на сцене. Потом мы дружно отказались от этой мысли — слишком живы еще были у всех в памяти недавние партийно-номенклатурные президиумы.

Всё в организации этого дня было нам внове, но его сценарий постепенно выстраивался, обретая логичность и законченность. Сначала — российский гимн, затем — слово президента. Я предложил пригласить для выступления Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Сразу же возникла необходимость «уравновесить» Его Святейшество светской фигурой. Выбор пал на Олега Басилашвили, и не случайно. Конечно, были важны его изумительные артистические данные, но главное не это. Олег Валерианович среди депутатов выделялся не только демократическими взглядами, но и нравственной чистотой и вызывал этим особое к себе притяжение. И отношение всего депутатского корпуса было к нему очень уважительным.

Переговоры о выступлении велись и с М.С.Горбачевым. Договорились, что он выступит по сценарию вслед за Патриархом. И вдруг поздно вечером 9 июля, в самый канун инаугурации, Михаил Сергеевич, получив сценарий торжества, передал через своих людей, что придет не на открытие, а несколько позже и выступит в самом конце процедуры, то есть последним, за рамками официальной части. В то же время его сотрудники и руководство Верховного Совета СССР накануне заказали у нас очень большое количество билетов — на всю ложу правого крыла в Кремлевском дворце съездов — и в последний

день перед инаугурацией обрывали наши телефоны, требуя дополнительных билетов. Мы никому из них не отказывали.

Наступило 10 июля 1991 года. Кремлевский дворец съездов. Вот-вот начнется церемония. Зал переполнен, и только правое крыло зияет абсолютной пустотой. Правда, желающих занять свободные места у нас и без того предостаточно. Но позже у меня сложилось впечатление, что эта история с запросом непомерно большого количества билетов была не случайна — вполне вероятно, делался расчет на то, что пустые ряды произведут подобающее моральное воздействие и на присутствующих, и на телезрителей.

И вот оно, начало. Мы с Бурбулисом сидим как на иголках в первом ряду, перед самой сценой. Звучит бой курантов, звучат аплодисменты. Председательствует первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И.Хасбулатов:

— Уважаемые народные депутаты и гости съезда! Соотечественники! Сегодня открывается новая страница в истории государства Российского. Здесь, в историческом центре Российского государства, в Кремле, определена резиденция Президента Российской Федерации. *(Аплодисменты.)* В момент принесения присяги над ней будет водружен флаг республики. *(Аплодисменты.)*

Далее Руслан Имранович начал приветствовать гостей — президента страны Михаила Сергеевича Горбачева *(аплодисменты, в зале отсутствует)*, Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова *(аплодисменты, в зале отсутствует)*, премьер-министра Валентина Сергеевича Павлова *(аплодисменты, в зале отсутствует)*... Когда это вспоминаешь — мурашки бегут по коже.

Выступает Олег Басилашвили:

— ...Непросто, противоречиво, но вместе с тем и неотвратимо увеличивается доля реального народовластия, нарождается многоукладность экономической жизни городов и сел, возникают начала многопартийности. Огромный исторический опыт нашего Отечества свидетельствует, что только тогда наша страна добивалась успеха, выходила из глубокого кризиса, когда ее граждане получали возможность непосредственно участвовать в судьбе России. Сейчас граждане разделяют ответственность с властью. Сейчас государственная власть ответственна перед народом. В союзе

государства и его граждан — залог возрождения России.
(Аплодисменты.)

К трибуне поднимается Борис Николаевич Ельцин.
(Аплодисменты. Звучат фанфары.) Он очень волнуется — это чувствуется и по его голосу, и по той скованности, с которой он держится. Положив левую руку на Конституцию, а правую на сердце, он произносит клятву.

К трибуне подходит Патриарх Московский и всея Руси Алексей II:
— В эти минуты, первые минуты первого Президента России, я хотел бы обратиться к Вам не со словами поздравления (я их скажу позднее), а со словом о России. Мой долг Патриарха в этот день сказать Вам слова о том, какую ношу Вы принимаете на себя. Вы приняли ответственность за страну, которая тяжело больна. Семь десятилетий разрушения ее духовного строя и внутреннего единства сопровождались укреплением внешних тяжких обручей принудительной государственности. Три поколения людей выросли в условиях, отбивавших у них желание и способность трудиться.

Борис Николаевич, я напоминаю Вам это для того, чтобы терпимость и мудрость никогда не оставляли Вас. Прощайте людей. Я говорю не только о Ваших политических оппонентах или о сотрудниках, но и обо всех россиянах — их нельзя переделать ни за ночь, ни за 500 дней. Больное общество и столь много пережившие люди нуждаются в понимании, любви и терпимости. Поэтому надлежит нам чаще вспоминать слова апостола: «Друг друга тяготы носите и тако исполните Закон Христов».

На Вас выбором народа возложен тяжкий крест. Ответственность же Вы несете не только перед народом, но и перед Богом. Вы приняли не честь, не привилегии, но ответственность...

Выступил — и очень хорошо, эмоционально — Борис Николаевич. А Горбачева нет как нет. Вот уже раздаются первые аккорды «Славься»...

Мы с Бурбулисом то и дело посматриваем на дверь, через которую обычно входят в зал члены президиума. И вдруг в самом конце глинковской мелодии в зал буквально вваливается М.С. Горбачев. Он едва успевает прикоснуться к креслу в первом ряду, как мы с Бурбулисом начинаем ему жестами показывать — пора на сцену. И тут он, кажется, наконец понял, что торжественная процедура вот-вот

закончится без него! Он быстро поднялся на сцену, выступил с заранее заготовленной речью, в которой было и признание ошибок:

— Введение института президентства является логическим результатом тех демократических преобразований, которые происходят в русле перестройки политической и правовой реформы. Сама жизнь подвела к выводу, что рядом с сильной и компетентной законодательной властью должна эффективно действовать столь же сильная и компетентная исполнительная власть.

Надо признать, что осознали мы это с известным опозданием, когда обнаружилось, что не только старые проблемы, но и новые задачи решаются медленно, а то и вовсе откладываются в долгий ящик, когда повсеместно, на всех уровнях, с освобождением от несвойственных функций партийного аппарата мы почувствовали слабость управления, разлаженность механизма исполнения. Свое негативное воздействие на ситуацию оказала война законов. Словом, нам всем стало ясно, что если мы не избавимся от паралича власти, не наладим эффективного взаимодействия между Союзом и республиками, не обеспечим последовательного проведения в жизнь принятых законов, то кризис, в котором оказалась страна, грозит затянуться, принять хронический характер...

Окончание речи Михаила Сергеевича зал встретил аплодисментами и стоя приветствовал его рукопожатие с Ельциным. После чего оба — Ельцин и Горбачев — спустились в зал и, как по команде, разошлись в разные стороны.

Коллеги же М.С.Горбачева — Лукьянов и Павлов — не пришли даже на его выступление. Может быть, уже тогда зрело их противостояние и внутренне готовился август-91.

Трудная задана досталась телевизионщикам: совместить в коротком сюжете и клятву президента, и поднятие российского флага на флагштоке, расположенном в новой резиденции Президента России, и другие немаловажные составляющие этого дня. Флагшток сделали за одну ночь. Этим занимался наш главный хозяйственник, очень энергичный и удачливый Юрий Георгиевич Загайнов. Трудность состояла в том, что не было проекта установки флагштока, многое делалось вслепую и с большим риском.

После официальной части был скромный — очень немногочисленный по настоянию Ельцина — прием. В основном для

глав государств СНГ. В эти трудные для страны месяцы закатывать в Кремле пир представлялось действительно неуместным. Но день торжественный, и надо накануне приема определиться с выпивкой. Столкнулись с неожиданной трудностью, скорее напоминающей курьез: коньяк в нашем распоряжении только азербайджанский. Как отнесутся к этому представители Грузии, Армении, Молдавии? В результате обсуждений и споров было решено коньяк загодя разлить в рюмки и вот так — на подносе — вносить в зал.

Демократическая часть депутатов, конечно, пребывала в радостном настроении — это ведь еще одна победа на пути преобразования России. Все понимали, что теперь в чем-то будет нам легче пробиваться через союзные барьеры, но в общем станет и труднее. Да и союзное руководство отдавало себе отчет, что это уже иная, не безлика, поглощенная союзным руководством Россия и многое нужно менять в отношениях с ней.

На следующий день открылся Пятый съезд народных депутатов РСФСР. Изменение на сцене — место для президента, которое оборудовано и с почетом, и с возможностью его участия в работе (телефоны спецком-мутатора и связи с председательствующим, микрофон, государственная атрибутика). То же сделано и в зале, где проходили заседания Верховного Совета. В новом качестве Борис Николаевич всегда участвовал в работе съездов и был вначале частым гостем Верховного Совета, но в последующем государственные дела оставляли ему все меньше и меньше времени для участия в работе сессий. Хотя при решении всех важнейших вопросов, которые рассматривались в Верховном Совете, он обязательно присутствовал и участвовал в их обсуждениях вплоть до конца 1992 года, когда началась целенаправленная травля президента в законодательном органе.

Съезд приступил к избранию своего нового председателя. Кандидатами на этот пост стали, помимо Хасбулатова, Шахрай, Лукин и чуть позже — Бабурин. Честно говоря, может быть, Хасбулатов прошел бы с первой попытки, если бы Лукин и Шахрай сняли свои кандидатуры. Но у обоих такая откровенная неприязнь к Хасбулатову, что ни один из них от кандидатства не отказался. А тут еще всплыл С.Н.Бабурин. И тогда все три кандидата всерьез обеспокоились, потому что слишком хорошо знали, кем к тому времени стал Бабурин. Я и до сих пор убежден, что этот человек, при всех его достоинствах, добра не

приносит. В нем слишком много самолюбования. Мне кажется, он — вечный оппозиционер, а это, как известно, связано не с созиданием, а, скорее, с разрушением. Но Бабурина активно поддерживали коммунисты, и была реальная опасность его избрания. Однако выборы закончились ничем — никто из кандидатов так и не смог набрать достаточного количества голосов, и вопрос был перенесен на осень. Для Хасбулатова это значило пересмотр своего места в политическом спектре, чем он вскоре и занялся.

Неудача в конце съезда никак не повлияла на наше удовлетворение тем, что формально была поставлена точка в создании президентской республики РОССИИ.

Глава 4. ИЗ ПЛЕНА КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

..А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.

Петр I

В 1991 году в стране сложилась тяжелая экономическая ситуация, в том числе и с продовольствием. Каждая семья это на себе почувствовала. Магазины совершенно опустели. Опасаясь возможного голода, люди простаивали часами в очередях, сметая с прилавков всё — макароны, крупы, сахар, соль, мыло... Квартыры превращались в продовольственные склады, последние запасы которых подчас доедались спустя год-два — когда в свободной продаже снова все появилось, правда, по многократно возросшим ценам...

И у нас с Галей на руках были, как и у всех, талоны, и она довольно успешно по ним отоваривалась: дома стояли гарантами выживания мешок сахара и мешок крупы.

В Верховном Совете еще оставался от прежних времен буфет, в котором я, перед тем как ехать домой, мог что-то ухватить, иногда даже курицу. Если же задерживаться приходилось допоздна, а это бывало практически постоянно, меня выручали сотрудницы, которые, еще днем прикупая что-то для себя, вспоминали и обо мне. Загрузка в Верховном Совете была без преувеличения сумасшедшая — и утром, и особенно вечером, когда стекались все материалы, требующие подготовки к следующему дню. Я очень волновался из-за возможных огрехов, которые могли бы сказаться на работе Верховного Совета. И хотя я привык по жизни много работать, такое постоянное нервное напряжение оказалось непривычным. Я возвращался домой поздно вечером, почти ночью, со свинцовой тяжестью в затылке. Короткие прогулки не давали забыть о дневной круговерти, заснуть было невозможно.

После избрания в Верховный Совет я почувствовал несколько неуютное свое состояние: трудно было себе представить, что отойду от дел в институте. Остались научные разработки, остались аспиранты, которым нужна была моя помощь, остались агрегаты и машины, требовавшие доведения до кондиции и внедрения в производство. Не закончена работа в Японии.

Какое-то время занятость в Верховном Совете и в институте я пытался совмещать, но дел в Верховном Совете становилось все больше и больше, и произошло то, что должно было произойти, — я полностью ушел в депутатство. Тем более что на мне лежали обязанности куратора и в московской депутации, и в депутатской группе «ДемРоссия». Самый большой дискомфорт я ощущал из-за отсутствия профессии, которая, убежден, нужна для работы в законодательном органе, — или экономиста, или юриста. Но у меня был опыт жизни, опыт производственника и научного работника, наконец, были навыки системщика, что совокупно пригодились в новой работе.

Непросто было выбрать комитет. Тянуло заняться правами человека, но увидел, как дотошно в них разбирается Сергей Ковалев, уже тогда слывший известным и авторитетным правозащитником. Я тогда сделал все, чтобы помочь Сергею Адамовичу стать и членом Верховного Совета, и председателем Комиссии по правам человека. Сам же вошел в Комитет по экономической реформе. Кандидатуры на председателей комитетов и комиссий мы предварительно рассматривали на депутатских собраниях «ДемРоссии», с тем чтобы дружно поддерживать во время голосования. Главными критериями были личное желание и профессиональная принадлежность.

Как-то на сессии ко мне подсел Михаил Астафьев и начал уговаривать войти в комиссию по вероисповеданию и свободе совести. Что-то внутри подтолкнуло меня согласиться с предложением, и я вошел в эту комиссию Слишком много натворила бед большевистская власть в области религии. Когда-то в России было 800 монастырей, в СССР осталось — 26. Тысячи храмов были разрушены, отданы под хранилища или увеселительные учреждения. А главное, нас заставили забыть нашу истинную историю, обеднили культурой. И это нужно было отрабатывать — ради детей и внуков. Кстати, первый закон,

принятый Верховным Советом, был как раз о свободе совести и вероисповедания.

Комитет по экономическим реформам активно работал при формировании правительства, точнее, его экономической части. Через комитет прошли Григорий Явлинский, Борис Федоров, Юрий Скоков, Геннадий Филь-шин и другие кандидаты в силаевское правительство. Пожалуй, впервые при встрече с Федоровым и Явлинским мы почувствовали возможность реформирования нашей экономики, настолько четко они представляли себе перспективу. Однако с законами комитет начал разбираться с приходом Владимира Исправникова, который руководил подготовкой закона о собственности, и Владимира Шумейко, возглавившего подготовку закона о предприятии и предпринимательской деятельности. Руководителем комитета был С.Н.Красавченко, но мне как-то больше запомнилось обилие иностранных гостей в его кабинете, чем озабоченность комитетом и законопроектами.

Мы все, депутаты Верховного Совета, с первых дней работы ощущали физически тот ее гигантский объем, который необходимо было сделать. В России еще не было закона о правительстве, о прокуратуре и судебной системе. Не было законов экономических, особенно для рыночной экономики, — о собственности и предпринимательской деятельности, о финансовой и налоговой системах, о бюджете. На Верховном Совете все последующие годы принималось по семьдесят — восемьдесят законов, а потребность в них для страны исчислялась несколькими тысячами. Большую нагрузку — и организационную и политическую — тащил на себе Хасбулатов, особенно когда Ельцин бывал в отъездах.

После Первого съезда народных депутатов РСФСР, когда наметилась возможность экономической самостоятельности России, в обществе стала ощущаться потребность в объединяющей общенациональной идее, роль которой могла бы сыграть программа экономических реформ. Эти реформы все ожидали, их необходимость была почти осязаемой. Программы реформ были у М.А.Бочарова, И.С.Силаева, некоторых других видных экономистов...

Была своя программа и у Григория Явлинского. Позднее к ней подключился академик Станислав Шаталин, она получила название «программа Шаталина — Явлинского», привлекла внимание

общественности и наделала в то время много шума. Что в ней прельщало нас, депутатов?

Во-первых, под эту программу у Г.Явлинского, пожалуй, у единственного, была своя команда молодых профессионалов — Михаил Задорнов, Сергей Зверев, Александр Михайлов, каждый из которых обладал и своим видением проблемы, и своим подходом к ней. Члены его команды и сегодня представляют собой яркие личности на политической арене страны.

Во-вторых, программа была доходчива и понятна, содержала конкретность намечаемых действий. И хотя кое-кто считал ее наивной, иронизировал по поводу именно пятисот дней, — дескать, тут и пяти тысяч дней не хватит, чтобы все разложить по полочкам, — все-таки именно благодаря этой программе становилось понятным, что рынок — это вовсе не базар, а отточенная, во многом адаптивная, саморегулируемая система. С этим согласились и экономисты, и политики.

Было очевидно, что для приведения в действие сложного механизма реформ нужна своя законодательная база. Итак, третьей особенностью программы Явлинского стала очевидная необходимость разработки и принятия пакета законов, призванных обеспечить работу рыночной экономики.

Я познакомился с Григорием Явлинским в комитете по экономической реформе. Он пришел туда по представлению председателя правительства И.С.Силаева вместе с Борисом Федоровым летом 90-го года. Борис Федоров уже тогда считался профессиональным финансистом, освоил большую зарубежную школу и был очень сведущ в банковском деле. Г.А.Явлинский намечался на пост первого вице-премьера правительства по экономической реформе, Б.Г.Федоров — министра финансов. Оба изложили свои взгляды на работу в правительстве и на практическое внедрение реформ.

Идея Явлинского состояла в том, чтобы построить правительство из двух крупных блоков: один осуществляет экономическую реформу, другой занимается той частью хозяйства, которая требует жесткого управления из центра на некоторый переходный период.

Явлинский возглавил первую из этих структур, которая включала антимонопольную политику, приватизацию, земельную реформу, финансы. Он своей манерой разговора, постановкой вопроса, логикой

мышления как-то быстро завоевывал внимание аудитории и быстро вызвал интерес и доверие к себе. Верил ему и я. У него ясный взгляд не только на экономику, но и на политику. Он обладает удивительным свойством увязывать и то и другое, прекрасно различая политические нюансы, точно оценивая политические фигуры и отлично разбираясь, где в политике ложь, а где правда. Не случайно у него по сей день многочисленный и устойчивый контингент — то, что принято называть непонятным и непривычным для нас словом «электорат», — поддерживающих его.

Меня располагало к нему и его желание всегда говорить правду, как бы неприятна она ни была. Впоследствии я заметил, что он наделен еще одним интересным качеством: умеет заставить собеседника высказывать именно то, что сам хочет от него услышать. Явлинский не допускал мысли, что на его месте может появиться кто-то иной. Напротив, был убежден и ждал подтверждения от других, что лучше него никто ничего не сделает для развития экономики. И если в ходе многочисленных обсуждений все-таки принималось не его решение, надо было искать приемлемую форму для объяснения с ним, так как частенько он вставал в позу, а терять его не хотелось.

Впрочем, это достаточно тонкий вопрос. Помню, работая уже в Администрации Президента, я собрал лидеров различных партий и общественных движений демократической направленности с целью начать процесс объединения. Тогда быстро все рассыпалось из-за произнесенной Явлинским фразы:

— Почему я должен идти к кому-то объединяться? У меня самый высокий рейтинг, пусть другие идут ко мне...

Тогда он мне казался не таким конфликтным, как, скажем, Борис Федоров, который накануне выборов в Госдуму 95-го года выпустил книжку, на обложке которой, кажется, значилось: «Достижения правительства В.С. Черномырдина в 1994–1995 годах», и далее шло 30 чистых страниц с текстами «Вместо введения» на первой странице и «Вместо послесловия» — на последней, написанными самим Борисом Григорьевичем. Явлинский, думаю, так не поступил бы.

У него и тогда, и сейчас — явная антикоммунистическая позиция. Он прекрасно разбирается в любых программах коммунистов, их маневрах и очень быстро раскладывает все по полочкам. Тогда же, перед выборами 95-го года, он заявлял:

— Если я пойду на выборы, то только затем, чтобы не победили коммунисты. Я пойду, чтобы разоблачить их, потому что лучше меня этого никто сделать не сможет.

Последовавшая вскоре его теледискуссия с Зюгановым убедила многих в правоте Явлинского: он «раздел» оппонента, выражаясь фигурально, догола. Хотя помешать коммунистам победить на выборах Григорий Алексеевич не смог. Но это все было уже потом...

В первый год важно было определиться концептуально в направлениях законотворческой деятельности. И прежде всего — в экономическом направлении. Этим же занималось и руководство Союза. На каком-то этапе даже появилось чуть ли не пять вариантов программ экономической стабилизации. Надо сказать, что Россия начала опережать другие республики и Союз в целом в постановке и рассмотрении этого вопроса. До этого все старые решения, которые принимались, разговоры о кадрах на пленумах и т. д. — все это было часто пустой тратой времени. Первое крупное концептуальное решение по рынку ожидалось в августе. Но при этом проявилось столько нерешительности, столько затяжек и проволочек в верхних эшелонах союзной власти, что время ушло и нужно было принимать уже республиканские решения.

Программа Шаталина — Явлинского исходила из того, что, поскольку реформаторские процессы синхронизированы по республикам и в центре, необходимо сильно укрепить экономические функции центральной и, в частности, президентской власти. И республики пошли на ущемление своих республиканских прав. Но в августе ситуация качественно изменилась. В принятых Верховным Советом СССР «Основных направлениях» ощутимую тяжесть реформ и ответственность за них переложили на республики, а право принятия всех экономических решений оставили за центром. Это был абсурдный подход, не имеющий никакой логики.

Через некоторое время последовала просьба Г.Явлинского об отставке, прозвучавшая на сессии Верховного Совета РСФСР:

— Вы, очевидно, знаете, что поддержанная вами программа перехода к рынку «500 дней» по выходу из кризиса не может быть реализована. Программа одобрена как союзная. Ожидание договоренности между республиками о единой экономической политике выхода из кризиса превысило все разумные сроки. Хуже того,

возникли трения между республиками. Инерция разлагающих экономику дезинтеграционных процессов очень высока: Программа содержала в себе специальные механизмы, которые позволили бы остановить ухудшение ситуации, но за 50 дней, а это половина первого этапа реформы, ничего не было сделано...

В общем, оказалось, что нет согласия среди глав республик, как нет политического союза Горбачева и Ельцина, что явно мешало установлению финансовой стабилизации. Нужно было учредить межреспубликанский экономический совет, решить вопрос о новых кадрах, передать часть полномочий республикам. Но, как и прежде, все упиралось в центр. Упущенное время и абсолютно несогласованные действия правительств республик и центра, повышение в тот критический момент закупочных цен на мясо и зерно нанесли самый чувствительный удар по положению внутри страны.

То есть фактически мы все уповали на программу Шаталина — Явлинского, а на практике реализовывалась программа союзного правительства.

В заключение Григорий Алексеевич сказал:

— Выполнение программы перехода к рынку, как она была задумана, фактически невозможно... Вход в рынок в данном случае будет не через стабилизацию, а через усиливающуюся инфляцию.

Поскольку считаю себя одним из основных авторов программы, которая хотя и была принята, но не реализована, в том числе и в результате решений, принятых правительством, в котором я состою, прошу Верховный Совет РСФСР принять мою отставку...

Позднее Борис Николаевич так охарактеризует этот период:

— Да, мы допустили несколько тактических ошибок. Я лично тоже. Убаюкал нас Горбачев, сделав вид, что программа «500 дней» — это совместная программа... И мы поверили. Мы ведь и раньше знали, что он обманывает постоянно и народ, и тем более демократов и демократию... Мы потеряли четыре месяца. Нам пора идти в наступление. Демократия в опасности.

Уход Г.Явлинского из правительства многие из нас восприняли как предательство. Хотя, конечно, по-своему, он, вероятно, был прав.

С тех пор Г.Явлинский постоянно находится в оппозиции к власти. И чем дольше он остается в оппозиции, тем больше привыкает к этой

роли. Он стал практически постоянным дежурным критиком курса президента и правительства. И только. Удобная позиция.

Как бы там ни было, союзный пакет законов, связанный с программой Шаталина — Явлинского, был направлен на экспертизу в США, в юридический институт «Арнольд и Портер». Когда же институт был готов к обсуждению законопроектов, решено было направить туда российских депутатов.

Из Распоряжения первого заместителя Председателя ВС РСФСР:

«1. Принять предложение советско-американского фонда «Культурная инициатива» о направлении группы народных депутатов РСФСР и экспертов в США для проведения независимой экономико-правовой экспертизы проектов законодательных актов, обеспечивающих Программу стабилизации экономики РСФСР и перехода к рынку (список прилагается)...

18 октября 1990 года».

Нас было, без переводчиков, 22 человека — членов различных комитетов и комиссий Верховного Совета РСФСР, специалистов Минюста РСФСР, Минфина РСФСР, АН СССР, научных и учебных институтов страны. Экспертизе должны были подвергнуться более двадцати законопроектов, касающихся основополагающих положений рыночной системы. По тематике законопроектов были созданы шесть групп во главе с депутатами: денежная и банковская система, государственный бюджет и государственный долг, акционерные общества и ценные бумаги, имущественная ответственность предприятий, реорганизация и банкротство, иностранные инвестиции, товарная биржа, биржевая торговля.

В ту поездку мы большую часть времени бывали вместе с Ю.М.Ворониным и по дороге в институт или возвращаясь оттуда в гостиницу, часто просто прогуливаясь по Вашингтону, много говорили о наших российских делах. Тогда же я узнал, что Воронин до избрания народным депутатом работал в Татарстане заместителем председателя правительства. В Вашингтоне стояла нежаркая, а по утрам даже прохладная погода. Рано утром мы видели много бомжей, которые спали на картонных, из-под упаковочных коробок подстилках, расстелив их прямо на мраморных площадках у входов в офисы. Для

нас видеть это было и непривычно, и неприятно. Как-то мы задали вопрос нашей сопровождающей Катрин:

— Как же вы терпите в своей самой богатой и в самой свободной стране такое положение?

На что она с вызовом ответила:

— А почему мы должны из своих доходов доплачивать этим бездельникам — они ведь не хотят устроить свою жизнь сами, не хотят работать.

Мы потом часто видели стайки здоровых мужиков, преимущественно негров, которые слетались в скверы города, не зная, куда себя девать от безделья. Чаще всего они проводили время за играми. А работать, по утверждению горожан, не хотели. Это был наглядный пример свободы по-американски.

Наш разговор с Юрием Михайловичем Ворониным вращался вокруг российских проблем и преобразования экономики. Он принадлежал к КПРФ, я — к «ДемРоссии». Но я бы не сказал, что разговора между нами не получалось. Наоборот, мне как-то было любопытно, на чем еще держится привязанность людей к КПРФ после такого краха партийно-тоталитарной системы? Его привязанность к КПРФ, пожалуй, оказалась конъюнктурной — нужно было (уж очень хотелось!) стать зампредом правительства РСФСР. И он выбирал, какая фракция сильнее, чтобы осуществилась его мечта. Был даже период, когда он вступил в «ДемРоссию» ради этой цели. Был и период, когда он пытался надавить на И.С.Силаева с помощью компромата (тогда было такое надуманное, но эффектно звучащее «дело Фильшина о 140 миллиардах»), Не получилось.

Я все это понимал, но отношения с ним всегда держал ровные. К сожалению, он был хитрее, чем мы думали: работая один на один с Хасбулатовым, оказал на того решающее влияние, чтобы тот стал ярким противником реформ в 1992–1993 годах.

Тогда же Ю.М.Воронин нормально оценивал нашу поездку в США. Понимал, что хватит искать выход на пути планового развития страны, нужно переходить к рынку, но с регуляторами в руках государства. Он все эти годы больше склонялся к китайскому варианту. В его руках была сосредоточена главнейшая комиссия Верховного Совета — налоговая и бюджетная. И от его понимания рынка многое зависело в формировании нашего законодательства. У нас ведь раньше

бюджет разрабатывался не на налоговой основе, а на сырьевой: сырье продавалось за границу, деньги клались в кошелек и оттуда распределялись по лимитам. Налоги? Были мизерными, да и кому они были нужны? Нефть, золото, алмазы широкой рекой текли за рубеж. А для того чтобы нас признавал и боялся мир, нужны были внешняя политика на грани войны и образ врага — для сплочения общества внутри страны. При мизерной зарплате огромные суммы тратились на вооружение. Вот и вся незатейливость коммунистического режима.

Сейчас мы начинаем жить по налогам, а что это значит? Сколько произвел, сколько продал, столько и получил. В недавнем прошлом экономика наша с огромным ускорением летела в тартарары, потому что производили мы немало всего, но это в подавляющем большинстве случаев никому не было нужно из-за низкого качества. Потому-то и началось падение производства. В те времена на складах сосредоточилась готовая продукция на сумму, равную трем годовым бюджетам страны. Но если товары никому не нужны, то зачем их производить, зачем отбирать у потомков сырье?

И вся система поехала вниз: те отрасли, которые производили неходовой товар, стали резко разрушаться и потянули за собой остальные. И потому-то основной задачей было сохранить, — по возможности, в условиях продолжающегося экономического падения — тот уровень стабильности в стране, который бы не дал производству сдвинуться до роковой черты, после чего нам грозил бы самый настоящий обвал. И когда сегодня коммунисты заявляют, что государство и сейчас можно вернуть в дорогое их сердцам прошлое, они, к сожалению, правы. Да, можно, и понятно, каким образом: снова гнать на сторону сырьевые ресурсы, снова вырученные за них деньги накапливать, снова подключить все хозяйство к распределительной системе. Коммунисты все эти годы, спекулируя на экономических трудностях страны, стремятся подкупить наиболее незащищенную часть населения, на словах выступая за увеличение пенсий и различных льгот, но на деле прекрасно понимая, что деньги для этого пока взять неоткуда.

Это мои доводы в разговоре с Ворониным. Он со многими соглашался, но считал, что с этим составом правительства мы ничего не сделаем, да и программа Явлинского казалась ему наивной. Вот так в далеких США мы вели дискуссии о российских проблемах,

одновременно набираясь знаний и опыта в общении с американскими коллегами.

Останавливаюсь на этой теме подробно потому, что слишком несправедливо представляет наша коммунистическая оппозиция помощь зарубежных специалистов, и особенно из США, приписывая нам полную идеологическую зависимость от них.

Дело в том, что, как ни пытались нам доказать наши коммунисты за 70 с лишним лет, что наука и политическая идеология связаны и первая зависит от второй, это не так. Только невежды и неучи связывают научные знания с политической зависимостью и «купленностью» тех, кто их приобретает. А с нашей исковерканной экономикой нам нужны были знания, упущенные и извращенные за годы советской власти, чтобы выйти к стабильной жизни общества. И когда в США мы проводили дискуссии по этим законопроектам, у меня впервые сложилось впечатление, что мы вступаем в иной мир, подчиненный строгим правилам, с которыми необходимо так же считаться, как с законами физики, химии, природы.

С другой стороны, мы увидели мир порядочности, противоположный тому, образ которого у нас стремились закрепить в течение долгих лет как некоего человеконенавистнического, ненасытного, жестокого монстра. Я почувствовал защищенность людей и их открытость с первой встречи, с первой начавшейся дискуссии. Во всех группах, кроме представителей института и экспертов, делавших заключения по нашим законопроектам, присутствовали приглашенные американской стороной представители другой экономической школы, более мягкой с точки зрения рыночных законов, к которой относилась школа европейская. Это должно было уравновесить дискуссию иными мнениями, иными точками зрения. В нашей группе присутствовала, например, Сара Рейндольдс из Гарвардской юридической школы

Эксперты в основном высоко оценили представленные законопроекты, но сразу высказали и принципиальные замечания и пожелания. Если бы мы им следовали думаю, экономические реформы шли бы у нас с большим эффектом. Например, начиная дискуссию по управлению государственной собственностью и приватизацией, эксперт Стивен Теппер заявил:

— Опыт практически каждой страны, приступившей к реализации программы приватизации, свидетельствует о том, что приватизация

быстро становится центром острых политических противоречий. Поэтому решающее значение имеет максимальное отражение в этой программе широкого политического консенсуса в поддержку приватизации, а также обеспечение ею независимости от политической борьбы как органов, созданных для проведения программы, так и самих операций.

Тогда казалось, что нам удастся соблюсти такой консенсус. Однако чем дальше шел процесс приватизации, тем глубже и непримиримее становились противоречия.

Может быть, виной всему была скороспелость и поспешность, которую и не скрывали демократы, опасаясь возврата к власти партийной номенклатуры, и поэтому добивались такого результата, который бы сделал процесс необратимым. В этой скороспелости и поспешности не произошло главного — у людей не проявилось понимания того, что же они должны делать и чего делать не следует. Я не зря многократно просил руководство Госкомимущества и А.Б.Чубайса почаще выступать по радио и телевидению. Но этого почему-то не получилось. Отсюда, может быть, и искривления в самом процессе приватизации, и полное отсутствие ее общественного понимания и поддержки. Народ оказался обобраным.

Когда в 1991 году демократия была в опасности, Борис Николаевич, выступая перед демократами, говорил:

— Конечно, демократам сейчас надо идти прямо к людям, разъяснять все. Нас критикуют за частную собственность — объяснять. Обвиняют в развале Союза — объяснять. Позицию в отношении армии обвиняют — объяснять. По проблемам Прибалтики обвиняют — разъяснять. Если бы не было наших шагов и наших усилий, коммунисты «оккупировали» бы еще раз Прибалтику. Вот в чем дело.

К сожалению, так было только в начале деятельное ти Бориса Николаевича. В последующем он не только не разъяснял ничего сам, но очень ревностно относился, когда это делали другие. Я думаю, к этому столь же ревностно относилась и ельцинская семья.

Сегодня, оглядываясь назад, я склоняюсь к тому, что фигура А.Б.Чубайса была не совсем удачной на этом посту с точки зрения его принадлежности к определенной политической партии, выразившей крайние, радикальные взгляды на либерализацию цен, приватизацию и отношение к социальным вопросам. И хотя я был сторонником этих

взглядов и считался в одной с ним команде, все же, наверное, в тех условиях тут должен был находиться известный, но независимый человек, пользующийся максимальным доверием в обществе. То есть фигура, которая могла бы консолидировать общество в решении важнейшей общенациональной проблемы. Тогда бы и Договор об общественном согласии приобрел иное значение и содержание. Ведь в стране проводилась беспрецедентная по своим масштабам приватизация: за 1992–1995 годы было приватизировано более 400 тысяч предприятий, что составляет более 50 процентов всех имеющихся в России.

Но было и второе условие, которое подчеркнул Стивен Теппер:

— В Положении о приватизации должна быть отражена концептуальная договоренность о том, какие цели являются первостепенными. Как правило, приватизация проводится с целью повышения производительности, эффективности и финансовой независимости предприятий, накопления фондов для улучшения их финансового положения, сокращения государственного сектора, уничтожения монополий, а также развития рынков капитала, расширения акционерной собственности и поощрения инвестиций иностранного капитала, импорта новых технологий и выхода на международные рынки...

Из всего этого тогда мало что получилось. Мне пришлось много раз беседовать на эту тему с Юрием Михайловичем Лужковым, и он, аргументируя свои доводы против «приватизации по Чубайсу», как раз и говорил о многообразии целей приватизации и отсутствии практических результатов. В начале ударение ставилось на отходе от монополии, но созданный антимонопольный комитет так и не заработал, потому что был поставлен в труднейшее положение, в том числе и в материальном обеспечении своих работников. Зато позже наши молодые реформаторы делали неоднократные попытки реструктурировать естественные монополии РАО ЕЭС и Газпром, но каждый раз встречались с большим сопротивлением. Тогда их решение относительно РАО ЕЭС меня тоже беспокоило, и я просил вмешаться в эти процессы ГАЯвлинского, что он и сделал, остановив процесс разрушения РАО ЕЭС.

Что же касается звонков к нашим молодым реформаторам — это отдельная тема. Некоторые из них, переселившись в большие кабинеты,

становятся недоступными не только для личных встреч, но и для связи по телефону. В тот раз, как и не единожды в других случаях, я не мог дозвониться до Б.Е.Немцова, курировавшего естественные монополии. Также невозможно бывает дозвониться и до А.Б.Чубайса — ни по АТС, ни по спецсвязи. Они как будто живут в своем круге общения — похоже, очень узком.

В условиях рыночной экономики демонополизация промышленности — фактор очень важный. Но она не должна приводить к распылению крупного капитала. Ведь чем крупнее капитал, тем выше его инвестиционные возможности. И это особенно важно для вхождения в мировую экономику, когда экономике отечественной, и прежде всего нашим естественным монополиям, приходится конкурировать с гигантами большого бизнеса.

На приватизацию — в зависимости от ее целей — влияют как выбор того или иного предприятия, так и методы ее проведения. Например, если главная цель заключается в накоплении доходов для государства, антимонопольный комитет должен выбрать самые крупные и прибыльные государственные предприятия для продажи их через аукционы зарубежным или отечественным покупателям, назначающим наивысшие цены. Если главной задачей является импорт новых технологий и выход на международные рынки, вероятно, менее прибыльное государственное предприятие будет продано зарубежному покупателю, который передаст ему новую технологию и обеспечит его выход на рынок, при этом цена будет иметь первостепенное значение. Если главной целью является развитие внутренних рынков капитала и расширение акционерной собственности, в таком случае акции могут быть проданы работникам предприятия и частным лицам с большой скидкой на их рыночную стоимость.

Пожалуй, ни одна сфера рыночных реформ не подверглась у нас в России такой критике, как приватизация. Конечно, можно поверить, что все выполнялось в соответствии с утвержденной программой. Но допущенные тогда крупные ошибки лишь сейчас стали яснее видны и поддаются осмыслению.

Во-первых, малый доход государству от приватизации. Общий удельный вес всех доходов от нее составил всего 0,13 — 0,16 процента общего дохода российского бюджета. Если сравнивать Москву и Россию, то Москва получила за приватизацию значительно больше, чем

Россия в целом. Видимо, причина здесь в том, что изначально не была четко определена цель приватизации и не найдены ее механизмы в последующем развитии событий. Кроме того, Москва сразу взбунтовалась и стала проводить приватизацию по своей собственной программе. Таким образом, с самого начала был заложен принцип конфронтации Москвы и Госкомитета РФ по имуществу.

Во-вторых, многие предприятия после приватизации не смогли улучшить свое экономическое положение, а некоторые просто рухнули. Одна из причин состояла в том, что после приватизации государство их «покинуло», А ведь на семинаре в США это обсуждалось как отдельная тема. Практически даже после приватизации государство может временно продолжить осуществление некоторых контрольных функций посредством «золотой доли» или поддерживая коммерческие отношения с предприятием через концессии или через иные контрактные отношения. Может даже и оказать временную финансовую поддержку недавно субсидированным предприятиям в виде займов, налоговых льгот и т. д.

В-третьих, практически мало кто приобрел что-то от приватизации, а если и приобрел, то явно в завышенных размерах, что сразу породило разговоры о воровстве. У большинства же населения нет даже ощущения, что какая-то доля собственности принадлежит ему. А если кто и приобрел небольшое количество акций, то государство и банки своей налоговой и кредитной политикой создали такие невыносимые условия для предприятий, что там постоянно стоял только вопрос о выживании и ни о каких дивидендах даже помыслить было невозможно. Наверное, все-таки было ошибкой и то, что мы тогда приватизационные чеки сделали безымянными — это породило их массовую скупку за бесценок различными жуликами, подорвало доверие к государству.

Так что если с приватизацией не получилось, то скорее всего по нашим внутренним причинам. Здесь особое место занимают постоянные конфликтные взаимоотношения с законодателями, которые, собственно, и должны поддерживать согласие в обществе.

На деле многие депутаты от оппозиции вели себя враждебно по отношению к исполнительной власти. На одной из встреч с избирателями после очередной вспышки инфляции депутата Госдумы (кстати, известного кинорежиссера) попросили объяснить, что

происходит в стране. И он ответил так, как будто сам был вне власти, бросив в зал:

— Я против этой власти, вот и вы поднимайтесь против нее.

В то время для нас была актуальной проблема, связанная с имущественными отношениями и банкротством предприятий. В США нашими собеседниками были Ричард П. Шифтер и Маршалл Трахт.

Ричард П. Шифтер, приятный молодой человек, пытался до мелочей разобрать наши законопроекты и, по-моему, камня на камне от них не оставил. Тем не менее мы подружились и даже в один из вечеров были приглашены к нему домой, где встретились с его родителями, женой и двумя очаровательными дочурками... Жили Шифтеры отдельно от родителей. Дом двухэтажный, отделанный мрамором, располагался на одной из тихих и богатых улиц Вашингтона. Нас заинтересовала стоимость дома, условия его покупки и многое другое. Дом куплен в рассрочку на 25 лет под льготные условия. Его стоимость по тем временам — 400 тысяч долларов. Но заработок хозяина позволял и выкупить дом, и содержать семью. Посидели за скромным столом, разговаривали через переводчика и видели неподдельный интерес к тому, что происходит у нас на родине.

Но вернусь к делу. Закон о банкротстве отдельных лиц должен служить двум важнейшим и в какой-то мере противоречащим друг другу целям. С одной стороны, следует дать возможность лицам, оказавшимся в затруднительном положении, начать все сначала, сделать еще одну попытку добиться личного успеха и внести свой вклад в развитие экономики. Однако, с другой стороны, необходимо усилить ответственность за соблюдение личных обязательств, а также прав других сторон, вступивших в отношения с дебитором.

Поэтому слишком строгий закон о банкротстве может отбить охоту к предпринимательской деятельности и к риску, столь благотворно действующим на развитие рыночной экономики. В то же время слишком мягкий закон может спровоцировать дебиторов на объявление себя банкротами, что повлечет за собой недоверие ссудодателей и затормозит создание рынка. К сожалению, и то и другое мы в своей экономике в первые годы пережили. И это ощутимо ударило по психологическому состоянию общества, подорвало его веру в либеральные реформы.

В наши дни мы часто наблюдали ту картину, о которой нас предупреждали наши коллеги из США. Задерживают по подозрению предпринимателя, замораживают его счета, предприятие приходит в упадок, а когда обвинение не подтверждается, он оказывается разоренным. И виноватых нет. Типичная картина наших дней. Вот бы где прокуратуре нужно было проявить себя, вместо того чтобы гоняться за скандальными и сомнительными делами по Собчаку и Станкевичу.

Все услышанное и увиденное в Америке было для нас хорошей школой. Мы узнали и то, что малое предпринимательство имеет в год по десятку тысяч банкротств и это считается в порядке вещей. Всерьез этим никто не обеспокоен. Но малое предпринимательство затыкает собой дырки, возникающие из-за той или иной нехватки, то есть оно стабилизирует рынок.

Но, допустим, экономика предприятия разрушена. Часто государство берет это предприятие в свои руки, доводит до ума и вновь передает предпринимателю. Так может повторяться не один раз, то есть государство буквально стоит над предприятием, как мамка. Скажем, в Японии скоростная железная дорога раз в год-два переходит из рук частного владельца в руки государства и наоборот. Во Франции дороги строит государство, потом передает их в собственность частному лицу, которое за ними смотрит, собирает налоги и постепенно расплачивается с государством. Короче говоря, система «государство — частник» находится в постоянной внутренней гармонии. Думаю, нам до этих отношений еще топать и топать, потому что экономическую реформу должен вести человек, понимающий, что частник и государство — союзники.

Многим из нас после этой поездки стало ясно, что формирование парламента на персональной основе — по принципу «понравился — не понравился» кандидат в депутаты кому-то — неудачное и неэффективное.

В парламент должны приходить люди, хорошо понимающие, что значит принять плохой закон и что значит не принять закон вообще. Они должны осознавать свою ответственность за каждую статью закона, предвидеть последствия его принятия. У нас, к сожалению, этого нет, и присутствует коллективная безответственность, когда человек, чтобы поднять голос за или против какого-нибудь решения, ориентируется на соседа или на политиков без программы в голове.

Поэтому и законы у нас — при их дефиците — зачастую так нежизненны и противоречивы. Поэтому у нас и законодатели порой самовольно принимают решения, противоречащие Конституции. Особенно часто это наблюдалось, пока у нас не было Конституционного суда. Существовала самая настоящая диктатура законодателей, как в свое время диктатура пролетариата в союзе с крестьянством, диктатура большевиков.

Не случайно среди демократической части депутатов все энергичнее пробивала себе дорогу идея разделения властей. Законодатели должны разрабатывать законы и бюджет, исполнительная власть — руководствуясь бюджетом, управлять страной, суд — выполнять свои функции.

Практически же съезд народных депутатов и Верховный Совет присвоили себе эти функции, решали, кого снять, кого наказать, какое правительство назначить и как им руководить, вызывая по любому поводу на ковер министров.

Это был абсурд, в котором невозможно было разобраться. И если бы встал вопрос, кто виноват в том или ином решении, в принятии того или иного закона, виноватого найти было бы невозможно.

Потому-то надо было все расставить по местам, чтобы знать, за что конкретно отвечают президент, парламент, правительство, суд. В общем, мы к этой системе постепенно пришли, хотя элементы хаоса остаются и по сей день. Но все-таки сегодня разделение полномочий существует, хотя, к сожалению, президент, получая на подпись тот или иной закон, не всегда — часто в угоду компромиссу — пользуется правом «вето». А править должен не компромисс, а закон.

В 1991 году, после ГКЧП и особенно после развала СССР, вновь остро встал вопрос об экономической реформе в России. Этот вопрос готовился к рассмотрению на Пятом съезде народных депутатов. И он дал «добро» президенту на проведение реформ в России.

Из сообщений СМИ:

«Президент России получил полномочия для проведения реформ. Было принято и постановление, в котором говорится, что съезд одобряет основные принципы экономической реформы, изложенные в обращении Президента РСФСР. Съезд поручает Президенту и правительству до 1 января 1992 года принять нормативные акты, обеспечивающие ход реформ, а Верховному

Совету с этой же целью внести соответствующие изменения в действующее законодательство и принять новые законы...»

«Съезд прошел под лозунгом «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас» («Коммерсант», На 42).

И хотя этот съезд называют самым миролюбивым, отношение народных депутатов к программе реформ в России было неоднозначным. От резко отрицательного («Движение к рынку надо начинать не с того конца...», «Разверзается огромная пропасть, в которой спрессованы трудности» и даже «Боже, какие авантюристы пришли к власти!») до одобрительного («Похоже, наконец мы от слов переходим к делу», «Возврата быть не может», «Партии готовы поддержать реформы...»).

Из сообщений СМИ:

«В субботу по окончании съезда российских депутатов на пресс-конференции был обнародован протокол о намерениях девяти крупнейших партий, за несколько часов до того переданный Российскому Президенту» («Независимая газета», 5 ноября 1991 г.).

Выступил на съезде и я. Суть моего выступления сводилась к следующему. Планы у Верховного Совета большие. Но для их реализации нам всем нужна консолидация на деловой, конструктивной основе. Ради России, ради будущего наших детей. Сегодня плохо везде — и там, где у власти демократ Попов, и там, где у власти коммунист Мальков, и там, где демократ Ельцин, и там, где коммунист Горбачев. Но еще никому не удавалось что-либо посеять со сжатыми кулаками. Кто не может разжать кулаки, должен уйти с политической арены.

Из сообщений СМИ:

«Сейчас доверие к экономическим шагам зиждется на авторитете Б.Н.Ельцина, завтра его авторитет сможет опираться только на реальный результат» («Правда», 31 октября).

«Ну что ж, вперед, Борис Николаевич!» («Рабочая трибуна», 2 ноября)

В те дни, когда решался вопрос, кто возглавит союзное правительство, вернее, это уже называлось «межреспубликанский экономический комитет», мы с Е.А.Амбарцумовым попросились на встречу с Борисом Николаевичем. Он был в особо приподнятом настроении и несколько раз в нашем присутствии разговаривал по

телефону с М.С.Горбачевым. Тогда уже было известно, что М.С.Горбачев поддержал общее направление радикальных экономических преобразований, предложенных Б.Н.Ельциным, но резко критиковал отдельные ключевые элементы этого плана, особенно в части быстрой либерализации цен. По телефонному разговору нельзя было сказать, что в чем-то у Ельцина и Горбачева есть расхождения. Хотя ситуация была очень напряженной.

Сообщение газеты «Монд»:

«В СССР ускоряется процесс ослабления центральной власти. Всем тем на Западе и Востоке, кто все еще мечтает о возрожденном, демократизированном и более-менее стабильном Союзе, придется согласиться теперь с фактом, что распад центральной власти ускорился. Серия экономических соглашений, заключенных в эти дни, касается только части республик. К тому же эти документы не являются ни обязательными, ни по-настоящему применимыми в действительности. Проект же политического союза совсем застыл на «мертвой точке». МИД находится на пути к роспуску, а Министерство обороны опасно шатается».

Страна как бы замерла в страхе, ожидая серьезных потрясений, и в то же время подсознательно воспринимала их как спасение от невзгод этого столетия и его последних лет в особенности.

Но разговор между Ельциным и Горбачевым проходил в хорошем тоне и был деловым — ни одного лишнего слова. В разговоре присутствовала и тема назначения И.С.Силаева главой Межреспубликанского экономического комитета. Потирая руки, Борис Николаевич обрадованно сообщил, что Горбачев согласился. А мы пришли, чтобы посоветовать поставить во главе российского правительства Ю.А.Рыжова. Этот вопрос мучил и Бориса Николаевича: кому доверить реформы? Кандидатура Г.А.Явлинского тоже всплывала. Анализируя сегодня те причины, по которым президент не смог доверить Явлинскому соответствующий государственный пост, я вижу их несколько. Одна из них в том, что Явлинский, поняв на определенном этапе, что его программа, требовавшая, как и всякая другая, строгой щепетильности и последовательности в осуществлении, недостаточно оценена Ельциным, попытался перетащить ее к Горбачеву. И, видимо, именно тогда Борис Николаевич решил поставить на нем крест. Во всяком случае, во время встречи

Ельцина и Горбачева в Хвалынском Явлинский оказался между двух огней.

Из сообщений СМИ:

«Тягучая, изнуряющая неопределенностью недельная пауза, отсчет которой связан с выступлением Президента РСФСР Б.Ельцина на съезде, похоже, кончается... В среду или сразу после «революционных» праздников президент должен сделать выбор и объявить состав «команды» для реализации заявленных экономических реформ» («Известия», 5 ноября 1991 г.).

После перехода Силаева в конце 1991 года в союзные структуры, возглавил правительство РСФСР сам Президент России, а первыми заместителями председателя правительства стали Геннадий Бурбулис и Егор Гайдар, который хотя и не имел тогда своей программы типа «500 дней», но, приобретя даже сравнительно небольшой опыт, проявил себя достаточно решительным в этой сложной работе. Вскоре он стал исполняющим обязанности председателя правительства, сосредоточив в своих руках проведение реформы в стране. У него довольно быстро сформировалась команда. Концепция реформы приобрела заметные очертания. Да к тому времени и Верховный Совет уже принял некоторое количество экономических законов, многие из которых были ключевыми — как, например, законы о собственности, о предприятиях и предпринимательской деятельности, о банках, об антимонопольной политике. Верховный Совет начал последовательно осуществлять решения Пятого съезда. Однако не всегда все проходило гладко,

Из сообщений ТАСС:

«19 ноября заседание Президиума Верховного Совета Российской Федерации вел первый заместитель Председателя ВС РСФСР С.А. Филатов.

Обсуждена информация заместителя Председателя Верховного Совета В.Ф.Шумейко о результатах экспертизы первого пакета Указов Президента и постановлений правительства, затрагивающих экономические реформы и социальную защиту населения.

Решено внести изменения в действующие законодательные акты для приведения их в соответствие с основными направлениями программы экономической реформы. Президенту и Правительству предложено также изменить положения

некоторых Указов и постановлений согласно действующему законодательству.

В заседании Президиума принял участие первый заместитель Председателя Правительства Г.Э.Бурбулис».

В СМИ после этого заседания начали появляться сообщения о конфликте между законодательной и исполнительной ветвями власти. Сергей Шахрай, в то время госсекретарь РСФСР по правовой политике, даже назвал это заседание президиума «черным днем», потому что «указы президента, направленные на проведение реформ, парламент один за другим отклоняет, а принимает вместо них постановления, идущие вразрез с линией президента». Да, на президиуме выявились две принципиально разные позиции относительно того, кому должны подчиняться Центральный банк и Гохран РСФСР — законодательной или исполнительной власти, возникли разногласия по поводу антимонопольного комитета. Это дало повод говорить о нарастании конфронтации между парламентом и президентом.

Из сообщений СМИ:

«Новые признаки отношений между Верховным Советом и Правительством РСФСР вновь налицо в связи с демонстративным отказом парламентариев утвердить проект Указа Президента «О финансово-кредитном обеспечении экономической реформы и реорганизации банковской системы РСФСР» {«Известия», 25 ноября 1991 г.).

По поводу этих разногласий у меня произошло тяжелое объяснение с Геннадием Бурбулисом, но, похоже, нужен был разговор с Борисом Николаевичем, чтобы восстановить взаимопонимание и не дать разрастись конфликту. Такой разговор состоялся в аэропорту, где мы с Хасбулатовым встречали президента после его возвращения из Германии. Президент отнесся к нашим решениям с пониманием. Пресса по-разному комментировала эти разногласия: одни пытались раздуть пламя конфронтации, другие — осмыслить происходящее и дать объективную информацию. К последним относилась Тамара Замятина, корреспондент ТАСС, с которой у нас сложились дружеские отношения, хотя по своему журналистскому характеру она была неудобной, а в некоторых случаях — просто, что называется, въедливой. Она атаковала и меня, и В.Ф.Шумейко, чтобы разобраться в сложившейся ситуации.

— Сергей Александрович, так в чем причина конфликта?

— Я бы пока не называл это конфликтом. Мы получили от президента десять указов и постановлений правительства, в ряде которых заложены противоречия с законодательством и несоответствие с концепцией экономической реформы. С одними депутаты согласились и будут менять законы, с другими — не согласились. Нужно спокойно разбираться.

— Разногласия носят принципиальный характер?

— Пожалуй, да. Ведь речь идет о независимости Центрального банка и антимонопольного комитета.

— Вы считаете, что Верховный Совет может обеспечить такую независимость?

— Ну, это лучше, чем их зависимость от исполнительной власти. Это принципиально — иметь возможность проводить политику в соответствии с законом, а не в угоду складывающейся в правительстве ситуации.

— И какой выход вы видите?

— Мы представили президенту предложение о создании согласительной комиссии, в которую войдут члены правительства и депутаты. Думаю, получится. Надо делать все возможное для конструктивного взаимодействия парламента и правительства. Полного согласия никогда не будет и, по определению, не может быть. Но хотя бы палки в колеса друг другу не нужно ставить. В этот раз острота проявилась еще и потому, что проекты документов не успели побывать в комитетах и комиссиях, что вызвало взрыв — многие усмотрели в этом подвох правительства.

— Шумейко считает, что есть в правительстве люди, которым хотелось бы создать из парламента образ врага, чтобы в случае неудачи реформ свалить вину за это на Верховный Совет.

— Я думаю, что теперь такие подозрения будут присутствовать всегда. Именно поэтому нужно чаще общаться. Мы договорились с Бурбулисом, что будем делать регулярные встречи депутатов с членами правительства для лучшего взаимопонимания.

Из сообщений СМИ:

«Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Сергей Филатов и первый заместитель Председателя Правительства Геннадий Бурбулис подписали

распоряжение о создании соответственно парламентской и правительственной комиссий по оперативной подготовке проектов указов Президента России и других документов, связанных с реализацией радикальной экономической реформы. Парламентскую комиссию возглавит Владимир Шумейко, правительственную — Егор Гайдар».

Встречи депутатов с членами правительства стали проводиться регулярно, и, по-моему, многие вопросы удавалось снять. Практически всегда в этих встречах принимал участие Г.Э.Бурбулис, иногда приходил и Е.Т. Гайдар.

Развитие реформ на начальном этапе шло сложно, но удавалось находить точки соприкосновения, компромиссы, решения, несмотря на радикализм и нетерпение некоторых членов правительства. Конечно, кое-кому хотелось все делать по указам президента — так проще, не нужно бороться, доказывать правоту и отвечать за свои ошибки. Этой идеологии, конечно, был поставлен заслон в Верховном Совете. По этому поводу выступил и Р.Хасбулатов:

— К нынешнему тяжелому положению привела гла боко ошибочная политика искусственной реанимации увядающей экономики начиная с 60-х годов, когда проблему общего обнищания народа решали лишь реформированием на уровне управления, не меняя базисных отношений. Перспективы дальнейшего развития экономики нашей страны можно рассматривать как некий симбиоз индивидуального пути и согласованного реформаторского движения вместе с другими независимыми республиками.

Обстановка стала резко меняться, когда страна вступила в период либерализации цен.

Из сообщений СМИ:

«Появившаяся было мысль, что после путча российский съезд постепенно стал превращаться в команду единомышленников, оказалась не более чем иллюзией» («Московский комсомолец»).

Тогда действительно казалось, что после ГКЧП российский съезд станет съездом единомышленников, но, пожалуй, дело ограничилось решениями Пятого съезда, а дальше вновь разгорелось противостояние, не без уча стия и активного подталкивания к противостоянию со стороны Р.Хасбулатова.

Уже в начале января 1992 года в СМИ промелькнули негативные оценки и деятельности правительства, и начала реформы.

Из сообщений СМИ:

«Б. Ельцин совершил большую ошибку, возглавив правительство, — заявил в интервью газете «Файнэншл тайме» глава парламента России Р.Хасбулатов» («Советская Россия», 16 января 1992 г.).

«Не нужно ждать полгода, чтобы понять: линия правительства ведет к банкротству, — считает Р.Хасбулатов» («Московский комсомолец», 16 января 1992 г.).

Конечно, требовалось большое мужество, чтобы пойти на либерализацию цен в начале 1992 года. Многие и сейчас считают, что это было преступлением и ограблением народа. Но так могут думать только те, кто не знал (или делают вид, что не знали) истинного положения в стремительно разваливающейся экономике. Тогда важно было определить место России в СССР. У нас практически отсутствовала власть политическая, экономически мы были связаны бесконечными долгами и обязательствами. В республике полностью отсутствовала валюта, в некоторых областях муки осталось на несколько дней, не было сырья для легкой промышленности.

Выступая на телевидении в середине декабря 1991 года в передаче Николая Сванидзе «Лицом к России», на вопрос: «Как Россия прожила эту неделю?» — Егор Гайдар ответил:

— Осложнилось и без того сложное положение. Нужно учитывать, что экономические реформы не могут устранять некоторые конкретные ситуации, например затруднения с энергоснабжением в Хабаровске. Однако местные органы власти отказались принять оперативную правительственную группу, которую мы хотели направить в Хабаровск для оказания им помощи. И вместе с тем все подобные проблемы не должны уводить нас от главного — от задачи выхода из кризиса. Сейчас все каналы снабжения парализованы. Зерно в наличии есть, но его не продают, ожидая изменения цен. Мяса даже немного больше, чем в прошлом году. Но и продавцы мяса ждут освобождения цен. Склады забиты телевизорами, автомобилями, холодильниками. Заставить их продавать мы не можем. Старого механизма уже нет, а новый еще предстоит создать. Было бы хорошо, если бы мы могли это делать

постепенно. Но времени уже нет. Каждый день промедления все больше затрудняет ситуацию.

Из сообщений «Интерфакса»:

«Известный американский экономист русского происхождения. лауреат Нобелевской премии Василий Леонтьев призвал к скорейшему и всеобъемлющему воплощению концепции экономических реформ, разработанной российским правительством. Выступая в понедельник на церемонии открытия Санкт-Петербургского международного центра социально-экономических исследований, названного его именем, В.Леонтьев заявил, что преодолеть «королевство кривых экономических зеркал» в стране возможно лишь через полноценную либерализацию цен и широкомасштабную приватизацию».

О Гайдаре же я могу повторить только то, что считал всегда: какое бы негативное отношение к нему ни культивировали его противники, Гайдар выбрал единственно правильный путь: он решился на мужественный поступок в тот критический момент, когда у страны не было иного выхода. Он поступил как хирург, который не побоялся риска во имя цивилизованной жизни нашей и наших потомков.

Глава 5. «МЯТЕЖ НЕ МОЖЕТ КОНЧИТЬСЯ УДАЧЕЙ...»

АВГУСТ 1991 ГОДА

*Нам выпал трудный век —
Ни складу в нем, ни ладу.
Его огни слепят —
Не видно ничего.
Мы ненавидим тех,
Кого жалеть бы надо,
Но кто вовек жалеть
Не стал бы никого...*

Наум Коржавин

19 августа 1991 года я находился в Железноводске в санатории «Русь», где тогда отдыхало много таких же, как я, депутатов. В семь утра меня разбудила встревоженная Галя: по радио передавали что-то непонятное. Я прислушался — играла музыка. Включил телевизор — то же самое, какая-то заунывная музыка, сменившаяся танцем лебедей из балета «Лебединое озеро». Затем появилась заставка «Заявление советского руководства».

Все это мне напомнило день смерти Брежнева. Тогда тоже передавали траурные мелодии и лишь изредка читали официальные сообщения. Что ж, явно у нас в стране что-то в очередной раз случилось. И я тоже не на шутку встревожился, а сработавшая интуиция подсовывала сознанию одно предположение хуже другого. Первая мысль была, конечно, о непростых российских делах наших, но, прослушав текст «Заявления», я понял, что как будто в одночасье смещен с поста Горбачев.

Сценарий перетряски был все тем же, отработанным за 73 года советской истории, но только на этот раз он подавался как-то помягче или как-то поверхностней, что ли.

Долго раздумывать не пришлось — сразу же, в семь часов пять минут, набрал телефон Москвы, чтобы выяснить, как срочно нужно вылетать.

Хасбулатова дома в Москве не оказалось, пришлось перезванивать в Архангельское. Там тоже долго никто не отвечал, затем Руслан Имранович взял трубку и очень удивился раннему моему звонку. Зампреду Верховного Совета РСФСР пришлось вернуться к телефону с порога — он уже выезжал на работу в Белый дом. Кстати, замечу: Хасбулатов приезжал в Белый дом, пожалуй, раньше всех и уезжал из него последним, поскольку — этого у него не отнимешь — работал очень много.

А тогда, дозвонившись, я первым делом спросил у него:

— Руслан Имранович, что там у вас случилось?

— У нас ничего! А у вас?

Я удивился такому его спокойствию:

— Это у нас-то как раз ничего, а вот у вас в Москве вроде бы переворот произошел! Если у вас есть телевизор, включите.

До него, видимо, дошел наконец смысл моих слов, потому что уже более твердым голосом он произнес:

— Позвоните мне через час на работу.

Понял, что Хасбулатов сейчас пойдет не к телевизору, а прямо к Борису Николаевичу, который жил в соседнем доме.

Мне же предстояло достать минимум три билета на самолет, так как вместе со мной отдыхали в Железно-водске члены Президиума Верховного Совета Екатерина Филипповна Дахова и Ефим Владимирович Басин.

Позвонил Кате Паховой — она сразу все поняла и попросила, чтобы мы вылетели вместе. Ефим Басин сказал, что вылетит позже. Видимо, он хотел дождаться полного прояснения обстановки.

Неожиданно для меня моя Галя решительно заявила, что полетит вместе со мной. Спорить было бесполезно, тем более что сам я на ее месте поступил бы точно так же. Это у нас семейное: все самое трудное переживать неразлучно и сообща.

С авиабилетами помог наш хороший друг, обозреватель ставропольской телестудии Владимир Петрович

Поляков, пользующийся в родных краях большим авторитетом. Впоследствии судьба еще крепче нас связала: Владимир Петрович

долгое время был моим помощником, когда я возглавлял Администрацию Президента, и до сих пор остается любимцем моей многочисленной семьи. Наши с Галей дети и внуки его буквально обожают, попросту и ласково называя Петровичем. А уж когда они появляются с Эдитой Пьехой, с которой после этих событий он связал свою судьбу, радость становится еще больше. У нас в семье нет равнодушных к искусству. На гитарах играют все, внучка Оля учится в школе Галины Вишневской, внучка Таня — в Академии Софьи Николаевны Головкиной.

В тот же суматошный день меня удивило, что была устойчивая междугородная телефонная связь, хотя при столь значительных событиях первое, что обычно делают власти, — отключают автоматическую связь между городами. Видимо, в их советской «системе» было уже тогда что-то нарушено.

А в аэропорту «Минеральные Воды» нас встретили командир авиаотряда Василий Бабаскин и его заместитель. Я еще раз позвонил в Москву, спросил, как там само здание Дома Советов, и мне ответили:

— Всё там спокойно, всех туда пропускают, внешней охраны никакой нет. Уже собрался президиум, и Ельцин на месте.

В голове постоянно гудел вопрос: почему так неожиданно? Неужели настолько слабы и бездеятельны российские спецслужбы? Уже позже, встретившись с председателем КГБ РСФСР Виктором Иваненко, я понял, что их отсекали от информации. Он тогда рассказал следующее:

— О перевороте узнал по телевизору. У нас ведь своей дежурной службы не было. Пользовались союзной. Ночью Крючков поднял по тревоге часть руководителей, а нас было приказано «отсечь» от информации. Об этом узнал уже в Белом доме, обзванивая своих сослуживцев. Что происходит — они тоже не знали.

— И что, для вас это все было неожиданностью?

— Полной. Накануне, в воскресенье, мы встречали в аэропорту Бориса Николаевича. Разговорились с Юрием Скоковым. Он рассказал, как видел шедшую в Москву Колонну армейского спецназа. Я не придавал этому значения. Хотя мы и говорили, что напряжение нарастает. И думали, что-то будет осенью. Оказалось — завтра.

— А вы говорили с Крючковым?

— Да, позвонил. Его первый вопрос: «Где вы находитесь?» Я ответил и спросил: «Что все это значит?» А он: «Надо наводить порядок в стране». Я ему говорю: «А вы понимаете, что народ вас не поддержит, выйдет на улицы?» Он с издевкой: «За кого? За Горбачева?» Я сказал, что это авантюра, а он в ответ с пафосом: «История нас рассудит». И бросил трубку. Вот такая история.

— Так что, он действительно был центральной фигурой?

— Да, окончательный замысел переворота созрел у него на даче. Мозговой центр — Крючков, Язов, Шенин, Пуго.

— А остальные?

— Янаев — пешка, которую решили использовать, чтобы перевороту придать видимость законности. Павлов — трус. Как только его втянули, он тут же ударился в запой. Стародубцев — человек в заговоре случайный.

Вот так группа безответственных и бесцветных людей бросила страну в пучину хаоса, на грань гражданской войны...

Мы вылетели в Москву дополнительным рейсом на Ту-134, который специально выделил Василий Бабаскин, так как с билетами оказалось трудно в результате крайне тревожно складывающейся ситуации. Конечно, в голове теснились самые беспокойные мысли: что? как? в какой степени? И вот, подлетая к столице, видим жутковатую картину: все дороги, насколько они просматривались с высоты, были забиты военной техникой. Внутри у меня похолодело. Я, честно говоря, в таком впечатляющем количестве ее никогда не видел. Ну разве что только в кино. А тут, внизу, танки, бронетранспортеры, крытые брезентом грузовики, полевые радиостанции двигались едва ли не впритык друг к другу, напоминая гигантских ползущих по земле змей.

В аэропорту «Внуково» меня встречала машина нашего Верховного Совета, водитель которой — Иван Дмитриевич — держался собранно и деловито. Я еще больше, помнится, удивился, когда увидел, что нас всюду свободно пропускают. А Иван Дмитриевич по пути рассказал, как московский люд выражал свое отношение к происходящим событиям. Увидев цековскую машину с номером «МОС» у аэропорта, какие-то парни в момент вывернули на ее колесах ниппеля и спустили весь воздух. Нашу машину не тронули — номер у нее был не цековский, да еще и эмблема — российский флажок на переднем стекле.

Пока мы ехали к Дому Советов — сначала по Киевскому шоссе и кольцевой дороге, а потом по Кутузовскому проспекту, — я опять обратил внимание на невероятное скопление военной техники. Причем часть ее была согнана в сторону от дороги, в рощу, ближе к Хованскому кладбищу. Но как же много попадалось по пути вышедших уже из строя боевых машин! По две-три единицы скучивались они на обочине, а некоторые — и вообще в кювете, и по ним лазили растерянные и чумазые мальчишки — солдаты нашей армии. С некоторых бронированных монстров соскочили гусеницы, но встречались и машины, просто перевернутые в кювете. Их мы насчитали больше десятка, и мне показалось, что во всем этом была какая-то закономерность, а еще я подумал, что, наверное, молодые танкисты просто искали повод не лезть в ту опасную игру, в которую их втравливали.

Это, кстати, и к вопросу о развале армии, и к вопросу о том, кто ее первым стал разваливать, — разумеется, уже после Тбилиси, Баку, Сумгаита, Литвы, а теперь еще и Москвы. Событий вполне достаточно для солдата, чтобы понять причины, почему и для чего его используют, и чтобы задуматься о целях, которые ставит перед собой верхушка власти. К тому же впоследствии выяснилось, что большинство рядовых, сержантов и младших офицеров даже не знали, куда и зачем их направляют. Дали командирам частей приказ занять позиции там-то и там-то, а что дальше делать — дескать, скажут потом.

Солдат, по правде говоря, никто на этот раз не настраивал против кого-либо, никто и ничем не возбуждал их «боевой дух», как это делается обычно, чтобы заставить выполнять приказы командования не задумываясь. Видимо, путчисты боялись открывать перед народом свои карты, чтобы это не обернулось затем против них самих, все с самого начала строивших на заведомой лжи.

Работу по разъяснению солдатам что к чему взяли на себя российские депутаты и москвичи, причем у последних здесь роль оказалась особой. Действительно, в то время как в регионах и в других республиках спокойно наблюдали за развитием событий в Москве, а кое-где еще и ждали победы ГКЧП, москвичи сразу же, с первых минут, как только узнали о том, что произошло, пошли на защиту Дома Советов. Ну а те, кто не смог к нему пойти, были ощутимо солидарны с его защитниками.

К самому Дому Советов нам подъехать на машине оказалось непросто. Тут уже работало много народу и было полно молодежи. Парни и девушки деловито прикидывали, что можно использовать для ограждений, хотя это было несерьезно для танков.

Около 14.30 мы с Екатериной Филипповной прошли в здание, которое для всех россиян уже стало своим — российским — Белым домом. Галя поехала домой к детям и внукам — там тоже нужны были глаз и поддержка.

Первое впечатление от всего происходящего в здании — муравейник. Только если в настоящем муравейнике все отлажено и движение идет по потокам тепла или лучам света, то здесь возникало ощущение полной хаотичности.

Необходимо нам, подумал я тогда, наладить информационную службу. А то ведь что получилось: мой кабинет все время был заполнен приходящими по разным поводам людьми, взволнованными депутатами, которые предлагали свою помощь и жаждали каких-то немедленных дел, отчего были совершенно нетерпимы к бездействию. Словом, кабинет превратился в некий депутатский штаб, хотя уже было известно, что официальный штаб организован в крыле Белого дома, где располагался президент.

В такой вот сумбурной обстановке мы и начали соображать, что нам делать в первую очередь. Я позвонил

Хасбулатову, и он одобрил мои действия по развертыванию информационной работы.

Прежде всего нужно было наладить радиотрансляцию снаружи Белого дома, чтобы огромные толпы людей, скопившиеся вокруг него, а через них и другие, знали, как развиваются события. Один из радиоузлов в Белом доме мог работать независимо от воли его обитателей: он управлялся непосредственно с центрального пульта. Его динамики оставались включенными всегда, и, что бы там ни происходило, по ним можно было давать «наильно» любую информацию. По этой системе аварийного оповещения иногда диктор передавал информацию в самое неподходящее время: или шло совещание, или шел разговор с посетителем, и этим она доставляла большое неудовольствие и Руслану Имрановичу, и Борису Николаевичу, и мне. И хотя прежде ею пользовались крайне редко, именно теперь она

оказалась нужнее всего. По ней мы и начали передавать объявления, организационные указания и прочую информацию.

Внутреннюю трансляцию удалось-таки вывести наружу. Подобрали бригаду, которая начала собирать информацию, писать листовки и через радиорубку передавать их тексты на улицу. К этой работе я попросил подключиться депутатов Сергея Носовца и Расула Микаипова, а также сотрудника орготдела Владимира Малышева и Ларису Ефимову из «ДемРоссии».

Позже выяснилось, что Белла Куркова одновременно с нами создала такую же бригаду, в которую вошли известные журналисты, теле- и радиокомментаторы.

Таким образом, не одна, а две группы выходили в эфир попеременно.

Наша группа территориально находилась в 318-й комнате, где постоянно трещал телефон, и с него на магнитофон записывались все поступающие известия, из которых можно было узнать, что происходит вокруг нас. Скажем, Галя Русских из «ДемРоссии», которая в это время находилась на Украине, звонила нам и рассказывала, что о нас сообщает радио «Свобода». Депутат Вячеслав Волков из Фороса докладывал обстановку вокруг дачи Горбачева.

Вторая же группа располагалась в информационном центре на 11-м этаже у Виктора Югина — председателя комитета Верховного Совета РСФСР по гласности и массовым движениям. Там был главный корреспондентский пункт, и работа в нем началась с трансляции выступлений Ельцина, Хасбулатова, Бурбулиса, Шахрая перед защитниками Белого дома. Туда стекалась вся информация, и наша группа стала поставлять свои сведения туда же. По радио выступали Сережа Носовец, Расул Микаилов, а около двух ночи — уже 20 августа — удалось выкроить время и выступить мне. Я всегда стараюсь поделиться с людьми известной мне информацией, понимая, что ничто так не будоражит умы и ничто не порождает так панику и ложные слухи, как отсутствие информации. И в этот раз я просто рассказал, как построена работа в Белом доме по организации получения и распространения сообщений и что делается в данный момент руководством России и Верховного Совета по защите Белого дома и нейтрализации ГКЧП.

Многие сообщения печатались на множительных аппаратах, и заполненные листки выбрасывались в окна, а если кто-то выносил такие листки на улицу, то у него их буквально вырывали из рук. Да, на информацию был повышенный спрос.

Я тоже несколько раз выбирался на улицу и видел реакцию людей на правду, шедшую из динамиков и через листовки. И вдобавок к ней люди жаждали знать, что им делать и куда приложить силы, требовали дать им все официальные документы, которые были приняты.

К тому времени уже существовали и Обращение к народу, и Постановление Президиума Верховного Совета о созыве чрезвычайной сессии, и указы президента Ельцина. Все это печаталось у нас во многих экземплярах, брошюровалось и раздавалось толпившимся у Белого дома москвичам. Таким образом, информационную работу в столице мы, можно сказать, наладили.

Но существовала и вторая задача — это распространение информации на периферию. Сейчас трудно поверить в то, что ничего подобного в стране пока еще не было. Да ведь и не могло быть, поскольку действовала тоталитарная партийно-командная система, а к тому же и ГКЧП «прихлопнул» ряд демократических изданий и ввел строгую цензуру на информацию.

Не случайно и народ, и должностные лица на местах, не зная не только истинного положения вещей, но зачастую и вообще ничего о происходящем в Москве, находились в полной растерянности. Объявились, правда, потом отдельные начальники, которые оправдывали этим свое бездействие, хотя не секрет, что связь по ВЧ продолжала действовать. Но, как бы там ни было, все множительные приборы работали на полную мощность, а депутаты и добровольные их помощники срочно отвозили кипы бумаг с нашей информацией о происходящем в аэропорты, откуда самолетами доставлялся этот бесценный груз в разные уголки страны. Кроме того, наши материалы раздавали пассажирам в аэропортах и на бурлящих людьми вокзалах.

Организовав такую почту, мы в значительной степени поколебали на местах позиции тех, кто поначалу рассчитывал на успех мятежа. Местные путчисты, пользуясь неосведомленностью населения, попытались было манипулировать искаженными фактами. К примеру, в Железноводске до отлета я видел, что никто ничего толком не знает, однако циркулировал тревожный слух, что еще в пятницу-де повезли

врача к Горбачеву. Хотя потом, несколько лет спустя находясь в Кисловодске, я встретился с нашим замечательным профессором мануальной терапии Анатолием Андреевичем Лиевым, и он рассказал, как его срочно доставили к Горбачеву, у которого просто-напросто обострился радикулит. А ведь в дни путча казалось, что этим фактом хотели подтвердить версию о плохом состоянии здоровья Горбачева.

Те наши депутаты, у которых сохранялись хорошие отношения с Советами, с их исполкомами и у которых в своих краях имелся надежный актив, садились к телефонам — диктовать из Москвы тексты документов.

И третье из того, что нас тревожило, — это незнание обстановки в войсках, задействованных в тогдашней дьявольской игре. И тактика и стратегия «восьмерки» оказались спланированными на ликвидацию российского демократического потенциала, были нацелены против Белого дома, — в этом уже не было сомнений, но мы верили, что солдаты и офицеры в армии не безмозглые чурки, а грамотные люди, имеющие свои корни в народе. В этом плане у нас оставалась надежда на сочувствие и здравый смысл военных. Но тем не менее приходилось быть готовыми ко всему, и мы начали комплектовать группы по 3–4 депутата для встреч в армейских частях и военных училищах.

Особое внимание уделили Училищу имени Верховного Совета РСФСР, дивизии имени Дзержинского, батальону и полку связи в Сокольниках. А одна группа поехала даже в спецназ, располагавшийся в Теплом Стане. Именно эта группа проводила наиболее опасную работу, и так надолго прервалась ее связь с нами, что мне пришлось звонить нашему депутату Гению Евгеньевичу Агееву — заместителю председателя КГБ СССР.

Только часам к четырем утра 22 августа 1991 года исчезнувшая группа обнаружилась. Оказалось, три депутата — Алексей Сурков, Владимир Шумейко и Владимир Ребриков — вели все это время в спецназе целенаправленную беседу, призывая рядовой состав и офицеров не предпринимать никаких действий против руководства России. Ну а раз там был Владимир Шумейко, прекрасный рассказчик, то и не мудрено, что они так задержались.

В итоге проведенной работы в войсках, находившихся в Москве, выяснилась их определенная лояльность к нам или, по крайней мере, намерение не предпринимать никаких активных действий. А отдельные

подразделения выразили еще и готовность обеспечить защиту Белого дома и даже расположить боевую технику вокруг здания дополнительно к той, которая уже находилась там под командованием майора Евдокимова.

Все это хорошо, но оставалась опасность штурма нашей «крепости», как говорили специалисты, с воздуха. Такое казалось нам абсурдом, в такое не хотелось верить, но руководство штаба Белого дома, по-моему, готовилось и к такому повороту событий. То, что специальные штурмовые группы десантников существуют, мы знали и, честно говоря, хорошо представляли, что они смогли бы натворить здесь. В Белом доме уже работал военный штаб во главе с генералом Константином Ивановичем Кобецом — российским депутатом. Мы надеялись, мы очень уповали на то, что военный штаб найдет решение по предотвращению грозящих нам нападений.

Первая тревога, объявленная по радио по поводу вероятного начала штурма, случилась днем 19 августа. Руслан Имранович позвонил и попросил меня быть в распоряжении Бориса Николаевича. Я поднялся к нему в приемную, и тут мне передали трубку междугородного. Звонили из Алма-Аты, из Президиума Верховного Совета Казахстана: председатель комитета по экологии интересовался, что происходит у нас. Я объяснил, что объявили тревогу и дали команду покинуть всем Белый дом, и тут же задал ему пару прямых вопросов:

— А что вы там делаете? Почему молчите?

Мы уже хорошо знали позицию других краев, которые — кроме Молдавии и Прибалтики, выступивших с резким осуждением путча, — сонно молчали, все еще чего-то ожидая. Я начал упрекать далекий Казахстан в предательстве, заметив, что одной Россией путчисты не ограничатся. Звонивший ответил с явным сочувствием:

— У нас сейчас перерыв в заседании президиума, но я говорил на нем то же самое — после России они возьмутся за Казахстан, а после Ельцина — за Назарбаева.

Но я считал, что Казахстан должен что-то немедленно предпринять:

— Учтите, если вы сейчас не разбудите другие республики и сами у себя ничего не сделаете, оставив таким образом нас в одиночестве, история вам этого не простит.

Впрочем, я понял, что этот человек — наш единомышленник и агитировать его незачем. Похоже, я его только еще сильнее взбудоражил своими упреками, в результате чего, видимо, на президиуме у них потом произошел очень резкий разговор, так как Назарбаев вскоре начал определять свою позицию, и у него состоялось несколько бесед с Янаевым.

А я после звонка из Алма-Аты направился к Ельцину. Пятый этаж был уже забаррикадирован и очищен от лишних людей. Я шел быстро, и вдруг — окрик:

— Стой, кто идет?!

Одновременно с этим я увидел направленный на меня пистолет и охранника в черной маске, вынырнувшего откуда-то из-под перевернутого кресла. Я еще по инерции шел, недоумевая по поводу выходки охранника, но мурашки по телу уже побежали. Положение было нелепое — я не знал, что делать. Но охранник опустил оружие, видимо, заметив мой депутатский значок. В приемной Бориса Николаевича было много народу, в том числе депутаты, некоторые при оружии. Помню Олега Максимовича Попцова, Александра Григорьевича Гран-берга, Федора Вадимовича Шелова-Коведяева, Виктора Пименовича Миронова и других.

Заходить в кабинет не стал — Борис Николаевич уже спустился с Хасбулатовым в подвал, специально оборудованный для чрезвычайных ситуаций. Приблизился было к окну, но ко мне подошли и вежливо посоветовали держаться от него подальше, потому что оно может, дескать, хорошо простреливаться снайперами из гостиницы «Украина».

— Наблюдать за улицей лучше из зала...

Я послушно переместился в зал, но не успел толком там осмотреться, как меня и всех вокруг оглушил выстрел. Это было настолько неожиданно, что мы вздрогнули и на мгновение нас охватил страх. А что, ведь при таком напряжении и простой хлопок в ладоши наделает немалый переполох!

Не зря же те, у кого было оружие, вскинули его на изготовку, поскольку выстрел-то был настоящий, да к тому же кто-то предупредительно крикнул:

— Идут!

Но никто на нас не нападал, а из комнаты, где громоздилась замысловатая конструкция из мебели, слышался чей-то жалкий

голос:

— Не волнуйтесь! Ошибка произошла. Здесь один из наших нечаянно нажал на спуск автомата...

Получилось так, что мне с Попцовым и Мироновым пришлось ненадолго отлучиться, а когда я вернулся, то застал в приемной Бориса Николаевича в окружении корреспондентов. Он только что поднялся из подвала, выглядел усталым, но тем не менее был спокоен и обстоятельно рассказывал о своих впечатлениях от различных встреч, от телефонных разговоров с Янаевым, а также с Назарбаевым и другими руководителями республик. Ельцин охарактеризовал все случившееся в Москве как преступление, а организаторов путча назвал преступниками. Думаю, что в те дни победа демократии и Ельцина стала складываться со всей очевидностью благодаря его наступательной, я бы даже сказал, радикальной позиции: от правовой оценки происходящего до действий по нейтрализации — задержанию и аресту гекачепистов.

Я слушал беседующего с журналистами Ельцина и вспоминал наш с ним разговор, который состоялся немногим ранее: тогда Борис Николаевич рассказал, как он узнал о начале путча.

Утром его окликнула дочка: «Папа, послушай, по радио что-то непонятное передают». Из текста диктора он сразу понял — переворот и тут же позвал к себе Силаева и оказавшегося в Москве Собчака. Затем к нему пришли Хасбулатов и Бурбулис. «Мы писали воззвание, — продолжал Борис Николаевич, — но я понимал, что нужно отсюда уезжать, так как танки были где-то неподалеку. Я позвонил Грачеву и сказал: «Прикрой». Тот понимал, чем рискует, и тем не менее прикрыл».

Получается, что уже тогда у нас появились союзники, и о них Борис Николаевич тоже теперь рассказывал корреспондентам. Когда был дан отбой тревоге, мы разошлись по своим местам, чтобы вскоре собраться с депутатами в Малом зале. Такие недолгие встречи оказались очень результативными, и мы стали проводить их систематически два раза в день — в 10 и в 17 часов. Во время этих встреч координировались действия депутатов, участники встреч обменивались информацией, искали оптимальные решения возникающих проблем. Несколько раз собирался Президиум Верховного Совета для принятия официальных документов.

Предстояло решить еще одну важную задачу — подготовить и провести чрезвычайную сессию Верховного Совета. Из Белого дома уже нельзя было давать телеграммы, тогда мы посадили сотрудников на машины и направили людей на почту разослать депутатам телеграммы с приглашением на чрезвычайную сессию. Ночь накануне 20 августа провел без сна, было много поездок и текущих оперативных дел. Вместе с другими депутатами ездил к связистам в Сокольники — там было все спокойно. Утром 20 августа, часа в четыре, я вышел на площадь поговорить с людьми, пробыл среди них до шести...

С отцом Глебом Якуниным и Беллой Денисенко ходили мы среди наших защитников и рассказывали им все, что нам было известно самим. Мы с отрядным удивлением смотрели на людей, на то, с какой жадностью они впитывали получаемую информацию и как эта информация и наше с ними общение поддерживают их в бессонные утренние часы, когда и силы уже растрачены, и сознание словно бы притуплено. Если уж та заговорщическая мразь и отважилась бы на что-либо, то непременно выбрала бы эти расслабляющие утренние часы.

Однако часто выходить на улицу не удавалось — мне были подчинены транспорт, связь с президентскими структурами и связь с комитетом обороны, созданным у Геннадия Бурбулиса. Кроме того, нужно было координировать действия по подготовке документов и по организации проведения Президиума Верховного Совета. Так что с точки зрения личного общения с защитниками на улице я оказался фигурой не самой удачной. И все же, как только у меня появлялось хоть несколько свободных минут, я выходил к ним. А в один из вечеров, когда уже объявили комендантский час, мне сообщили, что где-то на площади видели мою жену. Тут же позвонил домой, там ее действительно не оказалось, и мне ответили, что она поехала к Белому дому. Шел дождь, я пытался найти Галю, но при таком скоплении людей дело это оказалось безнадежным. А жена моя на самом деле находилась в толпе перед Белым домом. Потом Галина рассказывала перед телекамерой Беллы Курковой:

— Оставив Сережу у Белого дома, я поехала домой в Ясенево, обзвонила и собрала в дом всех детей и внучек. Приготовила обед и направилась к Белому дому, пообещав звонить оттуда. Я хотела сама убедиться в том, что там происходит, поскольку информации по радио и

телевидению еще не было, дозвониться до мужа я не могла. Выйдя из дому, я пыталась найти такси или машину. Но ехать туда никто не хотел, и тогда я поехала на метро. Чем ближе подъезжала к станции «Баррикадная», тем больше ощущалось волнение людей, которые направлялись туда же. Оказывается, пока ехала в метро, был объявлен комендантский час, но мы этого еще не знали. В основном ехали молодые люди. Выйдя из метро, многие из них уже бежали к Белому дому. Подойдя туда, увидела огромное скопление людей, одни уже строили самодельные и хлипкие баррикады, другие тащили трубы, бревна — похоже, все, что встречалось на их пути и могло пригодиться для баррикад. Мне показалось, что все это как-то по-детски и несерьезно. Я поняла полную незащищенность людей — тех, которые собирались вокруг Белого дома, и тех, кто находился внутри. Толпа постоянно пребывала в каком-то хаотичном движении, то ли пытаюсь получить хоть какую-нибудь информацию, то ли в поиске применения своих сил. Некоторое облегчение я ощутила, когда увидела, что к Белому дому поползла тяжеловесная техника в виде поливальных машин и катков. Они за собой тащили бетонные блоки. Чувствовалось, что действие разворачивается по намеченному плану, загораясь подъезды к Белому дому. К этому времени прошло уже несколько часов, как я уехала из дому, и начинался дождь. Я решила найти телефон-автомат, чтобы позвонить домой. Хотела съездить и взять зонт и плащ. Но когда дозвонилась, то услышала тревожный голос дочери и сразу поняла, как они волнуются. Дочь сказала, что звонил папа и очень сердился по поводу моего отсутствия. Не просто сердился, а выражался словами, которые дети никогда от него не слышали. Я поняла, что нужно немедленно вернуться домой...

Перед намечавшимся штурмом в ночь на 20 августа мы собрались в зале Совета Национальностей, где разгорелась дискуссия, нужно ли безоружным депутатам оставаться в здании Белого дома или им выйти к собравшимся на улицу. Я полагал, что пользы от безоружных людей во время боевых действий не будет — только лишние жертвы, а вот присутствие депутатов на баррикадах может обеспечить духовный подъем защитникам Белого дома.

Здесь же, на этом шумном собрании, Руцкой и другие военные предупреждали, чтобы мы, штатские, при перемещении по Белому дому не делали никаких резких движений, не совали неожиданно руки

в карманы, потому что охране дана команда — стрелять без предупреждения.

На заседании штаба у Константина Ивановича Кобеца было намечено построить пять внешних заградительных сооружений, дабы не пропустить к Белому дому военную технику: на Калининском проспекте, на мосту через Москву-реку, на Кутузовском проспекте и у станций метро «Улица 1905 года» и «Баррикадная». Туда отправились народные депутаты и члены президиума, были созданы бригады Василия Федорченко, Ефима Басина, Георгия Жукова, было много депутатов Моссовета.

Нам хотелось, чтобы каждую бригаду обязательно сопровождала машина ГАИ: тогда можно было бы в случае необходимости остановить движение, а какой-то транспорт развернуть и поставить в нужное место. Ведь одна только форма сотрудника ГАИ производит на всех должное впечатление. Но, к сожалению, нагрузка на эту службу была столь велика, что нам выделили всего одну машину, которая и моталась по всем вышеназванным городским точкам до тех пор, пока поставленная задача не была выполнена. В дело шли и бетонные плиты, и какие-то брусы, и большие грузовики, и даже поливочные машины. Заградительные сооружения были возведены грамотно, и военная техника мятежников не могла бы подступиться напрямую к Дому Советов. Она вынуждена будет искать лазейки, а значит, мы выиграем спасительное дополнительное время. Вокруг баррикад собирался народ, создавая что-то вроде ополчения, готового отражать атаки. Но что у них было против грозной боевой техники? Только мегафон — зыбкая надежда образумить солдат и офицеров. Одна такая попытка едва не закончилась трагически. У Басина в машине был радиотелефон, и вдруг он звонит мне:

— Слушай, Сергей, идет колонна танков, штук двадцать, по Садовому кольцу. В контакт они с нами не вступают, когда одна машина остановилась, другая ее толкает сзади и, чтобы не задерживалась, стреляют вверх трассирующими...

Это уже было в ночь с 20-го на 21 августа, когда происходила замена воинских частей. Было такое ощущение, что от нас убирали войска, вставшие на нашу сторону или не предпринимавшие никаких активных действий, и вводили другие. Нам отовсюду звонили и

предупреждали, что новые колонны ведут себя с признаками агрессивности.

Во время второго звонка Басин сказал, что у прибывших на смену танкистов ненормальные глаза и что эти экипажи не хотят ничего слушать.

— Вот они близко, я попробую сейчас поговорить с командиром. Слышишь, Сергей, это они стреляют трассирующими поверх головы. Вы что, ребята, совсем ошалели, что ли?

Нам многие звонили и предупреждали, что в Москву идет воинская часть, одурманенная наркотиками. Различная информация начала состыковываться, и тут на сердце у меня стало действительно беспокойно. Бронетранспортеры пошли как-то в обход по набережной, я понимал, что мы близки к кровопролитию и, если что-то тотчас не предпринять, может произойти самое страшное. Я знал, что в эти минуты каждый действует самостоятельно, так как на согласование нет времени.

Примерно в половине второго ночи я попросил соединить меня с Назарбаевым — не знаю, почему именно с Назарбаевым, но мне он виделся наиболее влиятельным политиком. Дежурный в Верховном Совете Казахстана не обнаружился, но, видимо, телефонистка почувствовала серьезность происходящего в Москве, и через какое-то время у меня раздался ответный звонок:

— Вы искали Назарбаева? Сейчас соединю вас с его домом.

Оказалось, Назарбаева подняли с постели. Я стал объяснять ему ситуацию, рассказал, что стреляют уже совсем рядом с Домом Советов и он должен срочно вмешаться. Назарбаев долго уточнял у меня подробности, интересовался, как там Борис Николаевич. Я ответил, что Борис Николаевич спустился в подвал, и еще раз настоятельно попросил Нурсултана Абишевича предпринять любые возможные шаги для избежания кровопролития в Москве...

Кажется, он связался с Янаевым, потому что, когда мы пришли на собрание депутатов, Бурбулис сообщил: звонил Назарбаев, которому Янаев дал клятвенное обещание, что крови не будет.

В конце 1991 года в Алма-Ате проходила встреча всех глав СНГ, я там присутствовал в составе российской делегации и на приеме, попросив слово, предложил тост за Назарбаева и других руководителей республик, поддержавших Ельцина и демократию в августовские дни.

Я, конечно, не преминул вспомнить и тот эпизод ночного звонка в Казахстан. Нурсултан Абишевич взмахнул руками и пошел меня обнимать. Оказывается, он все никак не мог вспомнить, кто ему звонил тогда, хотя очень гордился своим вмешательством в августовские события.

...Но кровь уже была. Трагедия на Садовом кольце стала очевидным фактом и в то же время — достоянием истории. Может быть, и, наверное, именно это остановило трагическое развитие событий и то безумие, которое шло в эту ночь. Безумцы пришли в себя и остановились. Это позволило Борису Николаевичу связаться с президентом США Джорджем Бушем, переговорить с Назарбаевым и, видимо, с Янаевым. В комплексе, я думаю, все это и дало возможность предпринять ряд других решительных шагов по пресечению дальнейшего развития кровавых событий.

События в Доме Советов и вокруг него подхлестнули очень многих людей встать рядом с защитниками демократии. Очень ободрило всех появление в Доме Советов Мстислава Леопольдовича Ростроповича, который и в последующем в самые трудные минуты был с Ельциным, с новой Россией. Он был с нами и в тяжелые дни октября 1993 года, безошибочно и четко отделяя защитников демократии от сил реакции. Когда Ростропович появился около Дома Советов в августе 91-го, во время «Ч», было немножко смешно наблюдать, как знаменитый музыкант напористо прорывался в здание. Я даже не успел сообразить, что нужно вмещаться, — у него был такой до смешного задиристый вид и такие решительные движения, а на лице читалось такое желание пробиться к Ельцину, что всех это буквально заворожило. Сотрудники охраны Дома Советов, похоже, его не узнавали, хватали за руки, но подбегали знавшие его, объясняли, кто это, и охранники отступали. И так, от кордона к кордону, он упрямо и энергично продвигался к дверям Дома Советов, пока не скрылся за ними. Потом я узнал, что Мстислав Леопольдович специально примчался из Франции, чтобы быть с нами, быть с Ельциным.

Интересно, как на появление Ростроповича у Дома Советов реагировали люди. Они сначала стояли в некотором замешательстве, потом, узнав, выходили из оцепенения и бросались приветствовать его и помогать ему. Ростропович — единственный, кому удалось проникнуть в здание во время тревоги. Это был единственный в те дни

удавшийся штурм Дома Советов! Ростропович провел с нами несколько дней, не уходя из Дома Советов принципиально, пока не кончилось известное противостояние.

Но была и еще одна попытка пройти в здание во время второго «Ч», кажется от 5 до 6 часов утра. Группа депутатов во главе с Евгением Аршаковичем Амбарцумовым и Сергеем Николаевичем Юшенковым яростно прорывалась в здание — то ли они несли какую-то важнейшую информацию, то ли просто хотели отдышаться за стенами нашей «крепости», но депутатов не впускали, что бы они ни предпринимали: стучали в двери, шумели, размахивали своими удостоверениями, — нет, ничего у них не получилось.

В одну из ночей среди нас появился Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Я почему-то был уверен, что он рано или поздно придет: ведь очень помнились его слова, сказанные на союзном съезде народных депутатов смело и эмоционально: «Диктатура идет!» Видимо, он эту «идущую диктатуру» остро предчувствовал и в том августе не задумываясь встал на защиту демократии. До самого подъезда его восторженно сопровождала толпа корреспондентов и защитников Дома Советов.

Августовские события сплотили такой неоднородный депутатский корпус. Помнится, как подошел ко мне Сергей Николаевич Бабурин и несколько застенчиво попросил подключить его к какой-нибудь работе: он тоже хотел участвовать в защите демократии, но — только внутри Белого дома:

— Вы понимаете, как могут отнестись к моей личности защитники, поэтому прошу использовать меня здесь...

А ведь Сергей Николаевич был и остался в открытой оппозиции Ельцину и демократическому крылу Верховного Совета!

Мне кажется, что наиболее весомым вкладом в победу над ГКЧП стала чрезвычайная сессия Верховного Совета Российской Федерации, на которой Борис Николаевич заявил, что президент Горбачев жив, здоров, работоспособен и что сам он, Ельцин, поедет к нему в Форос.

Одно это, я думаю, сокрушило все остатки агрессивности заговорщиков, потому что, как мы знаем, главари путча вскоре сами улетели к Горбачеву.

Правда, мы долго гадали: зачем? Некоторые полагали, что у них с Горбачевым существует тайная связь и, похоже, они летели в Форос

вымаливать себе прощение. А прощения уже быть не могло.

Около двух часов ночи я позвонил Г.Е.Агееву, первому заместителю председателя КГБ СССР, нашему депутату. Он сообщил:

— Первый сейчас сядет.

Это означало, что приземляется самолет с Горбачевым, возвратившимся в Москву. Спрашиваю:

— А где сейчас вся эта банда? Ведь пока она не арестована, «покой нам только снится», так как в их распоряжении довольно серьезные силы.

На это Агеев ответил, что команды на их арест нет, хотя самолет с ними летит следом за президентским. Правда, Горбачев приказал сменить их машины со спецсигналом на обычные «Волги». Но больше, во всяком случае пока, — ничего.

Я, конечно, понял, что это был первый шаг к их нейтрализации, а когда самолет с путчистами приземлился, наша российская команда не мешкая взяла их под стражу, после чего нам всем стало немного спокойнее. Но на воле оставался еще Пуго, у которого была довольно реальная сила, да кружили по городу еще и отдельные «ястребы», которые тоже могли что-то предпринять самостоятельно. Окончательно напряженность, конечно, не спадала, но она теперь шла хотя бы параллельно с ликованием, потому что уже закончилась сессия Верховного Совета РСФСР и миновала тревожная ночь, когда арестовали верхушку ГКЧП.

К чрезвычайной сессии Верховного Совета почти все народные депутаты оказались в пределах связи и могли прибыть на заседание. За границей было восемь депутатов, болели шестеро, и мы не смогли установить место пребывания семи депутатов. Это из 252 членов Верховного Совета. В последующем для многих станет вопросом чести иметь оправдательный аргумент отсутствия на сессии Верховного Совета, и почти все отсутствующие это зафиксировали письменно. Вот, например, информация о причинах отсутствия на сессии, написанная депутатом Подопригорой В.Н.:

«Девятнадцатого августа 1991 года, находясь в пути из Джамбула в Балхаш (Каз. СР), в 12 часов по местному времени я получил информацию о государственном перевороте. В 20 часов в городе Балхаше, после безуспешных попыток связаться с Верховным Советом РСФСР, дозвонился до вахты в доме по улице

Академика Королева (дом депутатов. — С.Ф.). Выяснил, что депутатам приходят телеграммы о предстоящей сессии 21 августа. После безуспешной попытки вылететь на самолете продолжил поездку вместе с семьей на машине (протяженность пути около четырех тысяч километров). 28 августа 1991 года».

На сессии Верховного Совета было очень яркое и поучительное выступление Александра Николаевича Яковлева, которого зал встретил исключительно тепло. Выступление было очень коротким и мудрым.

— Вот вы победили, — констатировал Александр Николаевич. — Вы сделали великое дело, отстояв демократию. Теперь ее нужно защищать и развивать. А я боюсь, что, как это бывает у нас всегда, придет политическая шпана и именно она себе припишет эту вашу победу!

На сессии эмоции буквально захлестывали каждого депутата, да так бурно, что ее не удалось закончить организованно. Тот проект постановления, который был представлен на сессии, потом еще долго дорабатывался. Но зато сразу приняли под дружные аплодисменты постановление о признании национальным трехцветного российского флага.

Депутаты, переполненные чувствами, были недовольны быстрым завершением сессии. Депутат В.Витебский прислал в президиум целую петицию за подписью 101 депутата с требованием «немедленно продолжить работу чрезвычайной сессии» и «рассмотреть» вопросы: о роли КПСС в государственном перевороте; об отношении к Союзному Договору; об отношении к решениям сессии ВС СССР.

Всем хотелось поговорить, помитинговать, и сессия для этого была, конечно, самым удобным местом. Очень многие жаждали скорой расправы со сторонниками ГКЧП — уже было известно, где и как восприняли ГКЧП. Ситуация этих трех дней высветила истинную картину: кто поддержал путчистов, а кто, присмирив, ожидал результатов, в душе желая победы реакции. Конечно, депутаты не могли простить этого и требовали, чтобы сессия продолжила свою работу.

Однако у нас произошла накладка: в 10 утра — начало сессии, а на 14.00 объявлен митинг не на Манежной площади, а прямо здесь, на площади у Дома Советов, которую уже переименовали в площадь Свободной России. Поэтому Хасбулатов предпринял отчаянные усилия,

чтобы завершить сессию и пойти на митинг, чем вызвал большое недовольство со стороны многих депутатов. Но праздник был праздником — народ ждал нас. Пригласили и Горбачева, но он не приехал. Правда, позднее он изъявил желание встретиться с депутатами, членами Верховного Совета. Мне позвонил Хасбулатов, попросил связаться с В.Бакатиным и согласовать время встречи с М.С.Горбачевым. Бакатин в это время находился в машине, и мы по телефону быстро договорились организовать встречу с Горбачевым в 16 часов следующего дня. Это совпало и с желанием Бориса Николаевича.

Мы готовились к этой встрече, понимали, что она может пройти по-разному. И собирались провести ее в таком контексте: мы защищали Конституцию и президента, хотя к Горбачеву у нас, российских депутатов, были свои претензии. Ведь все наши беды и трагедия этих дней были в общем-то и на его совести. Готовясь к разговору с Президентом СССР, определили список вопросов, и многие депутаты заранее просили записать их на выступление.

К встрече зал был переполнен. Меня несколько покорила атмосфера, в которой эта встреча и началась, и проходила. В последующем пошел поток телеграмм от избирателей такого содержания:

«ПРОТЕСТУЕМ ПРОТИВ ХАМСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ ВСТРЕЧЕ ГОРБАЧЕВА=ЗОЛОТАРЕВЫ»,
«СТЫДНО ЗА ПОВЕДЕНИЕ ДЕПУТАТОВ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР НА ВСТРЕЧЕ С ГОРБАЧЕВЫМ М С = ГРУППА НИЖЕГОРОДЦЕВ».

Мне кажется, мы не должны были опускаться до грубостей, криков и шума в зале. Я очень это переживал — как же нам всем не хватает элементарной человеческой и политической культуры! Но, похоже, это сыграло свою положительную роль и в поведении Горбачева, и в его оценках происходящего. Это чувствовалось.

Возбуждение депутатов отчасти было вызвано тем, что они увидели перед собой голого короля, который продолжал тянуть за собой раздевших его портных. Ведь накануне Михаил Сергеевич всех ошарашил тем, что назначил исполняющим обязанности министра обороны СССР Моисеева. Того самого Моисеева, при котором и пролилась кровь в Москве, сразу, как только он пересел в кресло Язова. Мы в своих кругах больше всего опасались именно Моисеева, потому

что он военачальник весьма решительных действий. Что, собственно, сразу и проявилось, как только он заступил на должность.

И то, что Горбачев перед самым приездом сюда изменил все свои прежние решения, думаю, было продиктовано и тем, что ему, видимо, уже сообщили о крайнем недовольстве российских депутатов. А о том, что его достоверно о наших делах информируют, мы-то уж точно знали, потому что еще раньше, когда у нас проходили обычные собрания демократов, даже на проспекте Калинина, 27, у Горбачева на столе через некоторое время появлялись стенограммы — подчас даже с комментариями... Так что, я думаю, Михаил Сергеевич, получив сообщение о настроениях депутатов, принял правильное решение — не испытывать судьбу.

На встрече состоялся знаменитый диалог Ельцина и Горбачева, прозвучали слова покаяния Президента СССР перед депутатами России, которые его отстояли в то время, как депутаты Советского Союза фактически сдали его мятежникам...

На митинге было всеобщее ликование. Но сказалось и переутомление от напряжения предыдущих дней — я стоял на балконе и видел, как то тут, то там люди теряли сознание и падали, а медицина срочно оказывала помощь, унося их на носилках. Правда, и погода в тот день была солнечная и очень жаркая.

Радость победы, тревога за будущее и усталость шли рядом. Все тут перемешалось в вихре событий, свидетелями и участниками которых мы оказались. А в голове у меня постоянно вертелось двустишие из английской поэзии в переводе Маршака:

**Мятеж не может кончиться удачей —
В противном случае его зовут иначе...**

Неприятного в эти дни тоже было достаточно. С первых минут начала путча нашлись какие-то чиновники, которые создавали нам многочисленные препоны. Непонятно откуда шли команды (или на них лукаво ссылались), чтобы не допустить радиотрансляцию, передвижение депутатов на машинах. Нам приходилось предпринимать значительные усилия, чтобы сломить такое чиновничье сопротивление. Создавалось впечатление, что кто-то умело отсекал депутатский корпус от активной деятельности.

И это «отсечение» было не абстрактным, а вполне реальным и постоянно ощутимым. Например, прошу секретаря вызвать машину для бригады, которая должна поехать в воинскую часть, и выясняется, что получена команда ни одной машины из Белого дома не выпускать. Начинаю разбираться, кто дал такое архиразумное распоряжение. Ссылаются то на Третьякова, управляющего делами правительства, то на Бурбулиса. Звоню поочередно тому и другому — оба уверяют, что ни о чем подобном и слыхом не слыхивали. Но ведь команда откуда-то поступила? Возился с выяснением этого казуса час-другой, пока не взорвался и не распорядился выполнять заявки по нашим машинам только по нашим распоряжениям.

Ну а попытки прекратить трансляцию предпринимались постоянно, так как кто-то якобы дал команду передавать объявления только через какого-то определенного чиновника. Нашел его, грозно озадачил вопросом, но оказалось, что тот впервые обо всем этом слышит. Может быть, тут происходили обычные аппаратные игры, а может, и что-то почище...

Я не раз впоследствии встречался в Кремле с такой ситуацией, когда сотрудники службы безопасности, проводя какую-либо операцию — по опечатыванию кабинета или по лишению кого-либо пропуска, — ссылались на мои распоряжения, которых я, как правило, не отдавал.

Конечно, много неурядиц возникало оттого, что в здании было два, даже три, хозяина: президентская команда, правительство и Верховный Совет. Например, вдруг ко мне вторгается в девять часов вечера служба охраны с автоматами наперевес и требует, чтобы из моего кабинета и из приемной ушли все, кто не имеет депутатских значков. Я, конечно же, возмутился и спросил:

— Скажите, мужики, кто вам дал такую команду?

Отвечают:

— Петров.

Тогда я им говорю:

— Вот идите и действуйте в той половине здания, за которую отвечает Петров. И выгоняйте там кого хотите и откуда хотите, а здесь депутатская часть здания, и мы сами уж как-нибудь решим, кто нам нужен.

Но эти ребята так просто не уходят и проговариваются, что, мол, депутаты, конечно, неприкосновенны и как-никак им они доверяют, а

вот тем, кто около депутатов, лично они не верят. Вот такая ситуация!

Или, скажем, в самое время «Ч» к моим дверям выставляют одетую в какую-то особую, черную форму охрану, которая просит меня предупредить всех, чтобы тут не возникало никакого движения, особенно чтобы не лазили в карманы — будут стрелять без предупреждения. Я, помнится, заволновался: почему именно ко мне выставили такую охрану? Хотя бы предупредили заранее, а то ведь я никого из этой охраны не знаю. Оказалось, что это ребята из «Щита», и великое им спасибо, конечно. Но в первый момент я почувствовал себя более чем неуютно, так как ко мне заходили многие, и всякая напряженность при встречах только мешала.

Особой благодарности достойны водители наших автомашин. Когда кто-либо поднимал трубку и произносил: «Машину на выезд!» — это означало, что необходимо доставить депутата, может быть и в небезопасную точку. Тут нужно было обладать не только профессиональными навыками, но и немалым мужеством.

Нельзя не сказать и о служебном коллективе — о сотрудниках Белого дома, особенно о работавших в аппарате Верховного Совета. В те дни в одной из своих телепередач «На политическом Олимпе» Белла Куркова не очень-то тактично сообщила, что аппарат бежал первым, как «крысы с тонущего корабля». Не знаю, к какому коллективу это относилось, но — не в обиду известной и любимой мной журналистке будет сказано! — только не к аппарату Верховного Совета. Работая с этими людьми какое-то время, я видел, как происходило их вживание в наши проблемы, причем происходило настолько полно, что они их воспринимали как свои. У них у самих как бы даже изменилась психология, поскольку они видели качественную разницу между старым депутатским корпусом и сегодняшними избранниками народа.

Когда я в те тревожные дни в первый раз собрал руководителей отделов, встал вопрос — как быть с сотрудниками аппарата? Ведь всё при тогдашнем противостоянии перемешалось — и то, что делалось добровольно, и то, что вынужденно, то есть по служебной обязанности.

Для начала я порекомендовал отпустить домой женщин, но женщины из аппарата Верховного Совета все-таки остались на своих местах. Когда же мне сообщили, что Третьяков отпустил аппарат правительства, то я, в свою очередь, позвонил Руслану Имрановичу и спросил, как он смотрит на это. Хасбулатов, подумав, ответил, что если

они отпускают, то и нам нужно поступить так же. И хотя аналогичное третьяковскому решение мы объявили всем, до позднего вечера никто не ушел, и лишь к ночи небольшая часть женщин разъехалась по домам — к детям. Все работали на совесть, и, если бы не помощь аппарата, нам пришлось бы очень туго. На плечи этих скромных, терпеливых людей легло не только печатание и размножение многочисленных документов, но и связь с регионами. Многие работники аппарата влились в группы, которые занимались строительством баррикад и выполняли целый ряд других дел за пределами Дома Советов.

В общей сложности, согласно регистрации, в эти дни работало примерно 240 народных депутатов и 200 сотрудников аппарата Верховного Совета, вообще не выходявших из Белого дома. Ко всем им у меня — и, надеюсь, не только у меня! — сохранились особые чувства.

Тех, кто предлагал сюю помощь, было достаточно много. Когда каким-то образом разошлась молва, что у нас плохо с радиосвязью, к нам хлынул поток радиолюбителей, которые владели всевозможными радиоустройствами, работавшими на коротких и средних волнах. Радиолюбители осуществляли отсюда выход в эфир, передавая информацию многотысячной армии своих коллег, а те, в свою очередь, доносили ее до миллионов наших сограждан. R3A и R3B — любительские радиостанции, развернутые в Доме Советов спустя считанные часы после начала путча, — стали чуть ли не единственными правительственными и парламентскими эфирными информационными каналами связи. В часы, когда москвичи под угрозой танковой атаки строили баррикады, операторы R3A и R3B, под оптическими прицелами снайперов, засевших на верхних этажах зданий СЭВ и гостиницы «Украина», натягивали антенны на крыше Дома Советов. В эфире непрерывно, через глушилки, звучали голоса операторов, передававших на любительских КВ- и УКВ-диапазонах, а затем и на средних волнах подписанные указы Президента России, воззвания, решения правительства. Их принимали радиолюбители Москвы, Ленинграда, в городах Украины, Белоруссии, Молдовы. Они передавались от станции к станции, незамедлительно направлялись в демократические газеты, размножались на ксероксах, в небольших типографиях и в виде листовок появлялись в метро, на площадях, улицах.

Информационная блокада, задуманная заговорщиками, чтобы задушить гласность, демократию, свободу, не получилась. На шестом этаже работало несколько любительских радиостанций Андрея Громова, Дмитрия Гуськова, Владимира Казакова, Александра Пономарева, Юрия Промахова, Антона Ребезова и многих других. И им — особая благодарность. Но они выполняли еще одну важную оборонную задачу — собирали через радиолюбителей Москвы сведения о передвижении войск, тут же передаваемые в штаб обороны.

Пришли к нам предприниматели и принесли ксерокопировальные устройства, факсы, компьютеры, бумагу. Вначале у нас работали три мощные копировальные машины, потом их стало пять. Все они размножали так необходимые людям информационные материалы.

Восхищало меня и поведение корреспондентов, особенно иностранных. Когда в напряженные часы ожидания «Ч», обходя здание, мы пытались очистить помещения от посторонних, сделать это было невозможно, так как ни один из журналистов не уступал. Труженики пера с вызовом заявляли, чтобы их не трогали, — это их работа, и они отсюда никуда не уйдут. Так никто из них и не поддался на наши уговоры — где считали нужным, там и оставались. А располагались они преимущественно в тех местах, которые, в их понимании, были наиболее оптимальными для работы, то есть откуда было хорошо все видно. Но ведь именно эти точки и были самыми опасными в случае обстрела — балкончики, крыши, навесы, окна в комнатах и залах. Да и для снайперов, расположившихся на здании СЭВ, на крышах гостиниц «Мир» и «Украина», не найти было лучших мишеней.

Вспоминается и огорчительное Скажем, когда 21 августа собралась сессия Верховного Совета, вышли ребята из охраны президента с автоматами наперевес и встали лицом к депутатам, совершенно не понимая того, что собрался высший орган власти Российской Федерации. Выглядело это и глупо, и трагикомично — депутаты под дулами автоматов. Я подбежал к Коржакову и сказал:

— Александр Васильевич, что происходит? Немедленно уберите этих добрых молодцев с оружием в руках!

Охранники, правда, тут же опустили стволы автоматов, а кое-кто из них даже вышел из зала.

После победных торжеств начались будни, но будни весьма напряженные. Нужно было готовить сессию Верховного Совета, чему

мешали начавшиеся многочисленные проверки, в которых была задействована масса депутатов, в том числе проверки в КГБ и МВД СССР. Появилось опасение, как бы не началась повсеместная «охота на ведьм». А такое могло произойти, так как в ряде указов Президента РСФСР содержался некоторый перехлест. Это давало возможность прокоммунистическим силам не только вновь поднять голову, но и обвинить нас в попрании существующих законов. Прежде всего такие обвинения относились к закрытию некоторых газет. Одно дело — взять на себя командование войсками (тут вопрос касается жизни или смерти), другое — в отместку или для собственного спокойствия закрыть «плохие» газеты. Многих депутатов пугало то, что вместо одного переворота мы получили бы другой, то есть новые революционные потрясения. Что может быть хуже этого? И, слава Богу, президент отменил часть своих не на холодную голову изданных указов.

На сессии Верховного Совета 21 августа было принято постановление собрать на следующий день заседание Совета Республики и на нем рассмотреть вопрос о руководстве Советом, в действиях которого постоянно ощущалось не просто кое-какое несоответствие, а явное несовпадение с деятельностью самого Верховного Совета. Возмущало то, что сам депутат Исаков — председатель Совета — на заседании Президиума Верховного Совета 19 августа выразил несогласие с Президиумом о созыве чрезвычайной сессии, манипулируя формальными принципами то ли конституционности, то ли неконституционности.

Его позиция была на руку ГКЧП: естественно, большинство депутатов простить ему такое не могли и работать с ним не хотели. Перевоплощение Исакова из депутата с демократическими взглядами в председателя Совета с диктаторскими замашками, его постоянная особая позиция, которую он пытался всем навязать, для меня остаются загадкой. Ведь его избирали председателем Совета по рекомендации «ДемРоссии». Он стал груб и амбициозен, его вхождение в знаменитую «шестерку», которая выступила на съезде против Бориса Николаевича, отдалила его от членов Совета Республики и демократической части депутатского корпуса.

22 августа состоялось заседание Совета Республики, председательствовать на котором депутатами было поручено мне, а

В.Б.Исакову и его заместителю А.А.Вешнякову предоставили по десять минут для выступления и объяснения своей позиции. После них выступили еще 13 депутатов. Общее мнение свелось к тому, что недопустимо положение, когда во главе Совета, задающего тон в работе Верховного Совета и всего депутатского корпуса, стоят люди, все время находящиеся в противофазе с большинством. В этом есть какая-то ненормальность, хотя до последних событий депутаты по отношению к своим руководителям проявляли терпимость.

Голосование за доверие председателю Совета и его заместителю дало всего лишь 14 и 8 процентов голосов соответственно. Вешняков тут же подал в отставку.

Из сообщений СМИ:

«Владимир Исаков сам не уйдет, и демократы собираются бороться с ним до конца» («Независимая газета»).

По Исакову Совет Республики решил провести отдельное тайное голосование. Но в этот момент появился председатель комитета Верховного Совета по правопорядку и борьбе с преступностью Аслаханов и сообщил, что создались опасные ситуации на площади Дзержинского, где толпа пытается скинуть «железного Феликса», накинув памятнику на шею веревку, и на Старой площади, где — того хуже — в зданиях ЦК и МГК КПСС бьют стекла...

— Там могут случиться любые провокации, и тогда в Москве создастся действительно чрезвычайная обстановка! — Аслаханов напомнил нам, что в центре города кочует союзный спецназ, который, глядишь, еще откроет огонь по толпе, тем более что в ней, похоже, много пьяных.

После такого объявления я прервал заседание Совета и вызвал машины для депутатов: мы помчались в «горячие точки». Однако обстановка на Старой площади была довольно спокойной, при том что кое-где стекла все же были выбиты. Когда Александр Ильич Музыкантский опечатал здание Московского городского комитета КПСС, стоявшую там толпу это вполне удовлетворило.

А на площади Дзержинского люди обступили памятник первому председателю ВЧК и верному ленинцу плотным кольцом. В центре площади, около автомашины, был установлен микрофон, рядом подрагивал какой-то дохленький подъемный кран. Когда я подошел, у памятника уже находились Сергей Борисович Станкевич, Александр

Ильич Музыкантский и много других наших депутатов. Было объявлено, что вызвана мощная техника, чтобы цивилизованно снять памятник с пьедестала, ничего вокруг не повредив. Переговорив с Сергеем Борисовичем и Александром Ильичем об обстановке, убедившись, что все спокойно и есть уверенность, что порядок будет до конца, я вернулся в Дом Советов.

К сожалению, в этот день Совет Республики не смог принять решение по своему председателю, и в последующие дни этого сделать не удавалось, так как часть депутатов, заранее сговорившись, не регистрировалась, явно срывая кворум, а значит, и постановку вопроса об Исакове. Сам же он вел себя не очень-то мужественно и честно: заявил, что если ему членами Совета будет отказано в доверии, он тотчас уйдет, но когда голосование выявило лишь 14 процентов «за» из 114 депутатов, в отставку не подал:

— Повторяю, я готов уйти! Но снимите меня на законных основаниях!

Кажется, такие люди слеплены из особого материала, не поддающегося никаким нравственным нормам. Член Совета Республики Евгений Евтушенко в связи с этим сострил:

— Таких можно оторвать от «сановного» корыта только вместе с челюстью.

Исаков требовал провести голосование не за доверие, а за недоверие председателю Совета Республики. Это был вызов. В дальнейшем он не сделал ни одной попытки снова собрать Совет Республики: расчет был явно на оттяжку и на то, что депутаты поостынут и потеряют интерес к его персоне. Так оно мало-помалу и начало складываться. Когда депутаты-коммунисты убедились, что после поражения ГКЧП никаких репрессивных мер демократами не предпринимается, они осмелели, и уже стали раздаваться голоса:

— Зачем нам снимать Исакова? Это кто-то сводит с ним счеты!

Через некоторое время открылась осенняя сессия Верховного Совета. В эти же дни начал плановую работу и наш Совет Республики. Вопрос об Исакове вновь был поставлен на голосование, и когда не хватило шести голосов, чтобы его освободить, торжествующий Исаков вернулся на председательское место и начал с оскорбления демократических депутатов, заявив:

— Вот мы начали 19 августа с одного переворота, а кончили 22-го другим. И пока эти силы действуют, я в отставку не уйду.

После такого заявления мы почли делом чести для демократической части депутатов Совета Республики отстранить зарвавшегося председателя от должности и покончить с этим вопросом...

Через несколько дней народные депутаты помогли Исакову выбраться из патовой ситуации: с первого же захода на заседании 2 октября абсолютное большинство членов Совета Республики отдают голоса за его освобождение, а председателем Совета Республики стал Николай Тимофеевич Рябов.

В дни ГКЧП произошел показательный случай в моем родном институте ВНИИметмаш, где демократическая часть сотрудников, которая выдвигала меня народным депутатом РСФСР, организовала людей на защиту Дома Советов. Когда начались их активные попытки приостановить работу и уехать к Дому Советов, руководство института прибегло к помощи работников КГБ. Их было двое из Волгоградского района Москвы, фамилию одного я помню — Макаров. Они стали вызывать сотрудников института в специально выделенный для этого кабинет и угрожать им серьезными осложнениями, если те не откажутся от своей поддержки демократов. Один из институтских сотрудников, мой друг Олег Кириллович Храпченков, возмутился и спросил, по какому праву ведется у нас — у нас! — подобный разговор. Ему откровенно и нагло ответили:

— По праву силы. Пока сила на нашей стороне, право действовать так, а не иначе, остается за нами. А завтра она окажется на вашей стороне, и тогда вы, может быть, будете поступать так же с нами.

Я подписал поручение председателю КГБ разобраться с этим случаем политического шантажа — случай подтвердился. Дело об этих двух сотрудниках госбезопасности было передано в прокуратуру...

К чему мой рассказ? С одной стороны, я против «охоты на ведьм» и азартных погонь за ними, но с другой — внутри все восстает против таких фактов, чтобы их оставлять без последствий. Слишком много мы натерпелись за 73 года, и нам нужно от этой разъедавшей общество проказы избавляться. Пусть по праву силы, но — избавляться. Ведь довольно часто в эти дни приходилось — по жалобам и тревожным сообщениям из регионов — вмешиваться в ситуацию, когда то одного,

то другого сторонника демократии или сажали в следственный изолятор, или упекали в психушку. По всем этим случаям очень оперативно и решительно действовал Валентин Георгиевич Степанков.

Из сообщений СМИ:

«Думаю, что Бог наставляет, как некогда Моисея, именно умеренных демократов, и именно они, сохраняющие в смутное время разум и доброту, спасут многострадальную Россию» («Российская газета»).

Даже в Администрации Президента уже по прошествии нескольких лет мне пришлось встретиться с очень неприятным противоправным случаем. Как-то пришла ко мне молодая наша сотрудница и со слезами на глазах стала рассказывать, как ее пытаются заставить написать объяснение, почему она встречается с гражданином другого государства. Да и речь-то шла о парне из Белоруссии. Я позвонил в управление кадров и попросил оставить женщину в покое, а ребятам из службы безопасности посоветовал навсегда забыть старые замашки. Сотрудницу эту действительно оставили в покое, но ровно до моего ухода. Как только я перестал работать в Администрации Президента, ее через несколько дней пригласили в управление кадров и попросили написать заявление с просьбой об увольнении. А затем состоялся ее разговор с сотрудником службы безопасности Н.И.Кузьминым, который ей прямо заявил, что в прежние добрые времена такого разговора просто бы не было, и они, то есть особы и вершители людских судеб, с ней бы «так не возились». Чувствовалось, что сотрудникам спецслужб очень мешают жить и работать новые демократические принципы.

Вскоре после событий ГКЧП Белла Куркова решила в своей передаче «На политическом Олимпе» рассказать о событиях августа-91 и попросила меня спуститься с ней в подвалы нашей «крепости», где еще недавно укрывались и Борис Николаевич Ельцин, и Руслан Имранович Хасбулатов, и Гавриил Харитонович Попов. Я же, как уже рассказывал, в час «Ч» туда опоздал и поэтому теперь, когда мы спустились в подвалы с Беллой Алексеевной и телеоператором, был приятно удивлен увиденным.

Здесь все было предусмотрено для работы под землей на случай чрезвычайных обстоятельств: одно слово — бункер. Вообще-то я знал о нем, но никогда в нем не был, хотя по долгу службы мне следовало бы

хоть ра-зок в него наведаться. Там находились кабинеты и для Председателя Верховного Совета, и для его заместителя, и для секретаря президиума, то есть, на то время, — для меня. Если бы я не опоздал и спустился в бункер с Борисом Николаевичем и Русланом Имрановичем, то, видимо, уже тогда свел бы знакомство со своим подземным кабинетом...

Нас с Беллой Алексеевной повели по лабиринтам подземных ходов и показали систему охраны, налаженную во время путча. Без этой системы, без паролей можно было запросто перестрелять и чужих, и своих.

Белла Алексеевна сделала интервью со мной, и вскоре вся страна увидела тот бункер, то подземелье, где в час «Ч» находился Борис Николаевич.

А через два года, во время октябрьских событий 93-го, в этом же подземелье укрывались засевшие в Белом доме вооруженные боевики. Как-то Валентин Степанков рассказал, что когда он 5 октября 1993 года вошел в Белый дом вместе со своими коллегами, из подземного бункера ему навстречу поднялся молодой — лет восемнадцати на вид — человек и на глазах Степанкова и следователей застрелился. Но то было другое время — время надежд и разочарований: видимо, парень оказался из числа обманутых, из числа не понявших сути конфликта между частью законодательной и всей исполнительной властью страны...

На 2 сентября 1991 года были назначены торжества — около Белого дома должны были состояться митинг и концерт. Накануне мне позвонил Лев Евгеньевич Суханов и сказал, что Эльдар Рязанов хочет показать нам первым свой новый фильм. Интересно, что фильм этот еще до путча закупил один предприниматель, и оказалось, что события 19 августа могли поставить его на грань катастрофы, если бы ГКЧП взял власть. Фильм этот, «Небеса обетованные», был о событиях, очень похожих на события августа-91. Снята картина была в ноябре 1990-го, но в ней удивительно точно была смоделирована ситуация, потрясшая нас почти год спустя.

Я с благодарностью согласился на показ этого фильма у нас в Белом доме. Двери зала были открыты для свободного входа. Пригласили участников событий. Эльдар Рязанов привел практически

всех участников съемок. Они вышли на сцену в приподнятом настроении, они приветствовали зал, а зал стоя аплодировал им.

После просмотра на душе тем не менее стало мрачновато — все, о чем говорилось и что показывалось в картине, уготовано было и нам в случае победы ГКЧП. Это и самолеты, чтобы оперативно интернировать неугодных в места не столь отдаленные, и сотни тысяч наручников, заказанных на различных предприятиях. Конечно, в нашем случае во всем должно разобратся следствие — и в тех трех списках, по одному из которых людей должны были уничтожить; по другому — куда-то увезти, а входящих в третий — подвергнуть экзекуциям. К сожалению, юридической оценки событиям августа-91 не было дано, и уголовного наказания за них никто не понес. Лишь осталось в сердцах людей горькое воспоминание об острых осколках тоталитарного времени, да вот еще в истории, наверное, сохранится горящий шрам переходного периода страны от коммунистической системы к демократической.

Я вышел на сцену и обратился к гостям и сидящим в зале:

— Если бы ГКЧП победил, то все, кто рядом со мной стоит и кто вообще участвовал в создании этого фильма, оказались бы в одном из трех списков и наручники для всех бы нашлись. Просмотренный нами фильм — это пристальный взгляд свободного человека на тот кошмар, в котором мы жили...

Фильм был снят достаточно зло по отношению к нашему прошлому, но в тот послепобедный день он смотрелся немного комично. И все-таки он произвел фурор. И когда фильм закончился, на сцену полезли все — и казак, и кто-то из Якутии, и кто-то из Башкирии. Каждый хотел лично поблагодарить создателей фильма. Женщина из Бурятии приглашала артистов в гости, на родину, а предприниматель на радостях накрыл в артистической комнате стол с коньяком и фруктами. Мы было двинулись туда, но долго не могли пробраться сквозь возбужденную толпу. Все артисты были «разобраны» корреспондентами и чуть ли не час давали им интервью.

Был и еще один эпизод, который до крайности взволновал меня. Я подарил Эльдару Рязанову картину с изображением Дома Советов на память о встрече с его защитниками. Поблагодарив за подарок, творческий коллектив попросил... значки с российским флагом. Таких

значков было еще очень мало выпущено, но два мы все-таки нашли и торжественно подарили их артисту Вячеславу Невинному.

К сожалению, спустя уже много лет наши законодатели все еще не хотят принять закон о государственном флаге — может быть, кто-то из них надеется на возврат старорежимных порядков...

Через некоторое время появилась еще одна проблема — посыпались заявления и ходатайства руководителей комитетов и комиссий о приеме на работу на постоянной основе многих народных депутатов. В основном это были бывшие партийные работники. И это представляло определенную угрозу сложившейся в Верховном Совете атмосфере. Руслан Имранович даже написал мне отдельную записку-поручение:

«Сейчас, как вы, возможно, уже заметили, многие парработники устремились к нам, желая оформиться на постоянную работу. Это опасно.

Прошу отработать какую-нибудь идею, блокирующую этот натиск. Хорошо бы с ней вам выступить на Президиуме ВС 23-го. Может быть, сослаться на финансовые ограничения или рекомендовать отложить до ротации — на послесъездовский период».

Действительно, на ближайшем заседании Президиума Верховного Совета было принято такое решение, тем более финансы на самом деле не позволяли увеличивать штат. Но в последующем таких депутатов все больше и больше стало проникать в комитеты и комиссии Верховного Совета, и, с учетом вытеснения депутатов-демократов руками уже самого Хасбулатова, атмосфера и климат в Верховном Совете, содержание законопроектов и выступлений резко стали меняться в сторону «покраснения». Так мы постепенно двинулись к 1993 году — второму кризису власти.

А вот предприниматель Артем Тарасов, наоборот, прислал письмо на имя Бориса Николаевича, которое своим содержанием поставило многих депутатов в тупик. Вместе с письмом в папке, которую мне передали неизвестно откуда, были удостоверение и значок народного депутата РСФСР. А в письме были такие слова:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Направляю Вам следующее заявление:

1. Считаю своей обязанностью просить Вас о снятии с меня полномочий народного депутата РСФСР. Причиной является то, что я не смог быть в критический период среди моих друзей, защитивших демократию и свободу России. Я не имею морального права занимать место, которого более достойны люди, рисквавшие своей жизнью рядом с Вами.

2. Призываю немедленно последовать моему примеру всех тех «народных» депутатов РСФСР, которые в силу своих убеждений или обстоятельств отсиживались дома...»

И хотя заявление Артема Тарасова шло из-за рубежа на фоне его преследования правоохранительными органами и скандала вокруг его коммерческой деятельности, но многим народным депутатам и в Верховном Совете, и на съезде, думаю, при его оглашении было не очень уютно.

Когда закончились все эти напряженные дни, 23 августа я поехал наконец домой и, к своему удивлению, нашел в почтовом ящике телеграмму Виктора Югина, председателя Комитета ВС РСФСР по средствам массовой информации, датированную 20 августа:

«ПРЕЗИДЕНТ ЕЛЬЦИН ПРИЗВАЛ ГРАЖДАН РОССИИ К БЕССРОЧНОЙ ЗАБАСТОВКЕ ПРОТЕСТА ДОЛГ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ПОДДЕРЖАТЬ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР МЫ ПРИЗЫВАЕМ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СОВЕТОВ ВСЕХ УРОВНЕЙ ВСТРЕТИТЬ ДЕНЬ У ПРОХОДНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И НА КПП ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ТОЛЬКО ВЫ МОЖЕТЕ ПОБУДИТЬ ИХ К ЗАБАСТОВКЕ САМОМУ ЭФФЕКТИВНОМУ СРЕДСТВУ БОРЬБЫ С ИЗМЕННИКАМИ НАРОДА ОТЧИЗНЫ И КОНСТИТУЦИИ ПРОСИМ ДАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ДОВЕСТИ ДО СВЕДЕНИЯ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ВСЕХ УРОВНЕЙ».

Каждый старался вложить свою лепту в победу и выступал со своей инициативой...

Из сообщений ТАСС:

«Вашингтон, 3 сентября. В американскую столицу сегодня прибыли секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР Сергей Филатов и заместитель председателя комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета РСФСР Евгений Амбарцумов. Поездка представителей парламента России в США организована влиятельными «мозговыми центрами»

страны — Атлантическим Советом и Институтом Брукингса, под эгидой которых С.Филатов и Е.Амбарцумов примут участие в завершении работы над совместным советско-американским проектом «Перестройка и федерализм». Эти первые политические деятели РСФСР, прибывшие в США после провалившейся попытки государственного переворота в СССР, также проведут серию встреч с официальными представителями США и руководителями американской общественности по вопросам, связанным с внутривнутриполитической ситуацией в СССР и Российской Федерации, расширением экономических, культурных и иных связей между Соединенными Штатами и РСФСР».

Да, буквально в начале сентября 1991 года мы вместе с Евгением Аршаковичем посетили США. Интерес к нам был огромный. Буквально на каждой встрече нас положу не отпускали. Угадывалось большое удовлетворение тем, как развивается демократия в России. А самое главное, заговорили о равном партнерстве с Россией — уже не как с одной из республик СССР.

Глава 6. НАРКОМАНИЯ ВЛАСТИ. ХАСБУЛАТОВ

*Последствия мы видим без начал, А иногда
наоборот бывало: Довольно ясно видели начала,
Последствий же никто не замечал!*

Леонид Мартынов

«...Владеет аналитической логикой, стремится дойти до первопричин. К решению проблем подходит творчески, демонстрируя неожиданные логические ходы. Логика — его сильнейшая функция. Обладает волевым типом мышления. Готов отстаивать свою точку зрения в споре с любыми авторитетами. Действует смело, наступательно, не придерживаясь готовых схем и общепринятых норм. Может осуществлять диктат, делать безапелляционные заявления. Склонен скорее к изучению абстрактных вопросов, нежели к практике и производству. Отличается глубиной понимания вещей. Развитый вербальный интеллект: умеет точно вербализовать, выразить в слове себя, свои состояния, мысли, свое понимание других людей. Рациональный, отличается последовательностью, стремлением доводить начатое дело до конца. Умеет планировать и работать по плану. Настроен на объективность и справедливость (естественно, в его понимании), считает, что в мире все должно быть логично, а следовательно — справедливо. При этом не пренебрегает собственной выгодой и безопасностью. Тип революционера или политического заговорщика. В конфликтной ситуации организует «комитет по борьбе с обидчиком». Наделен способностью бережного обращения с конкретными людьми, умеет заметить человека в деле и помочь раскрыть его способности, вселить веру в собственные силы. Не склонен менять людей, которые его окружают, — скорее они уходят от него. Держит большую психологическую дистанцию. Довольно скрытен, не любит непрошенных визитеров. Редко кричит на людей. На замечания реагирует резко, но иногда скрывает раздражение за несколько искусственной улыбкой. Демонстративно игнорирует

назойливые советы и нравоучения. Когда кто-то пытается играть роль учителя, идейного вдохновителя, лидера, это его раздражает. Склонен к эмоциональной сдержанности, даже холодности, рассудочности, скрытности, осторожности, подозрительности. Нуждается в моральной поддержке своих начинаний, в людях решительно и оптимистически настроенных. Питает отвращение ко всему, что нарушает планы, тишину, размеренный ход его жизни.

Работоспособный, методичный, терпеливый, целеустремленный. Умеет ждать. Выносливый. Жесткое осознание понятия «надо» вне зависимости от собственного «хочу — не хочу». Работа без отдыха и перерывов. Упорство и... тщательно скрываемая застенчивость. Идет до конца. Всякая попытка надавить на него неминуемо ведет к конфликту. Никогда не поддастся грубому нажиму. Демонстрация вздорности, нетерпимости, свойственная ему иногда, — превентивная мера против таких попыток. Спокойно воспринимает неодобрительное отношение окружающих. Единственно, в чем охотно подчиняется, — это в вопросах одежды, вкуса, быта. Не терпит никакого над собой командования. Включается в работу не по прямому указанию, а когда видит вокруг много суеты и лишних движений. Такой фон его вовлекает, он включается, наводит свой порядок, и работа идет быстро и логично. Очень заботливо относится к своему здоровью.

Не придумывает сам новых систем, а изучает старые, известные, старается довести их до совершенства. Для него государство — это прежде всего система отношений и только потом совокупность граждан, территория. Чувства людей для него — объективная данность, влиять на них не умеет, но изучает их очень внимательно, не любит неясностей и неопределенностей: или друг — или враг, или добро — или зло.

Тщательно скрывает свое болезненное самолюбие.

В общении старается играть роль человека вежливого, любезного, пытается надеть маску учтивости, которая, однако, находится в контрасте с его сутью и утомляет. Иногда прорывается строптивость, предубежденность, беззастенчивость, злость. Но иногда вместо уверенности проявляется фанатизм, суть которого — свехкомпенсированное сомнение. Вместо надежды — непреклонность и нетерпимость. Вместо поиска компромисса — активный поиск врагов...»

(Из материалов психологического портрета Р.М.Хасбулатова.)

Поначалу мне нравилось в Хасбулатове многое — неукротимая работоспособность, яркая речь, острый, ироничный ум, смелость, наконец, кавказская широта и щедрость на внешнее доверие к другим. Позже, когда мы уже достаточно долго поработали вместе, я стал замечать и другие его качества — отталкивающие. Для меня четче проявилось его умение повсюду расставлять «свои» кадры, так ли, сяк ли подкупать эти кадры, создавать с их помощью личную информационную сеть, а говоря попросту, делать из них персональных стукачей.

Поначалу меня притягивало в Хасбулатове то, как он защищал Ельцина в своих емких и хлестких выступлениях, укладываясь в короткие промежутки времени, которые скупно выделялись на Центральном телевидении для России. Мне импонировало, как он отстаивал суверенитет России, ее самостоятельность, особенно в экономике и в области необходимых реформ. Привлекало, как вел съезды и сессии Верховного Совета, на которых в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях добивался принятия прогрессивных решений. Юмор, остроумие, быстрая реакция вкупе с находчивостью привлекали к нему всеобщее внимание: у кого-то вызывали восторг, у кого-то — лютую ненависть. Многие депутаты действовали тогда как загипнотизированные им. Так мгновенно было принято решение по новому флагу Российской Федерации, ратифицировано Беловежское соглашение, без рбсуждения было проведено решение съезда по Чечне.

Но отношение к Хасбулатову у депутатского корпуса складывалось далеко не однозначное. Особенно оно стало ухудшаться в ту пору, когда он начал распоясываться и переходить к прямым унижениям своих коллег, используя при этом неравное с ним положение депутата, у которого микрофон включался и выключался по его же, Хасбулатова, команде. Особое возмущение в зале заседаний вызывали его двусмысленные остроты, с некоторым намеком на похабщину:

— Руслан Имранович, вы пользуетесь запрещенным приемом — бьете ниже пояса, — обращается к нему от микрофона депутат-женщина.

— Меня вообще вы ниже пояса не интересуете! *(Хохот и возмущение в зале.)*

Из сообщений СМИ:

«Поведение этого человека (спикера) может войти в Книгу Гиннеса как эталон хамства и интриги в стенах парламента» {«Литературная газета», октябрь 1993 г.).

Думаю, что ничто так не озлобляет политика и не вызывает у него впоследствии такого скрытого чувства мстительности, как прилюдное унижение. Всякий политик — и великий, и невеликий — больше всего внутренне страшится именно унижения, особенно, повторяю, публичного, после которого явно или скрытно, но принципиально меняются отношения между обиженным и обидчиком, и ничто их уже не может сблизить.

Я помню, как менялись отношения Ельцина и Хасбулатова. Все, казалось, мог вытерпеть Хасбулатов, но он не выдержал унижения. И началось ведь с мелочей — ему перестали сообщать время прилета и вылета Ельцина, у спикера отключили телефон прямой связи с президентом, заставляя соединяться через помощников и секретарей. Это все атрибуты прежней партийной номенклатуры, которой, мне кажется, в нашей новой жизни не должно быть места.

Схема сталкивания проста и хорошо отработана ближайшими в окружении президента (обычно это люди из службы безопасности) после прослушивания разговора между тоже ближайшими, только другими, подают информацию наверх и, конечно, в небезобидном, порой необъективном для одного из абонентов, виде. А далее такая информация накапливается, и только от техники исполнителей зависит, как и когда привести дело к развязке. Сколько людей оказались жертвами такой дьявольской кухни! Но Хасбулатов, как гордый человек, на тему своих обид и обидчиков не распространялся. Как-то раз я спросил Руслана Имрановича, почему бы ему не взять трубку прямого телефона и не объясниться с президентом. И амбициозный спикер, поведя рукой в сторону столика с телефонами, горько и коротко ответил:

— Но ведь ЭТОТ телефон отключили...

Как-то в декабре 1990 года Хасбулатов предложил мне стать секретарем Президиума Верховного Совета РСФСР. Такая должность Конституцией не предусматривалась, но при особом режиме работы Ельцина и Хасбулатова — достаточно напряженном, перемежающемся с частыми поездками Бориса Николаевича и непрестанной борьбой с

союзным центром и коммунистической оппозицией, да и с оппозицией, образовавшейся в руководстве Верховного Совета в лице Б.Исаева, С.Горячевой, В.Исакова и некоторых других членов президиума, — нужно было создать практически новый, работающий аппарат, новую технологию подготовки заседаний президиума и Верховного Совета. И я согласился.

15 января 1991 года на заседании президиума меня утвердили в этой хлопотной должности. Ельцин при этом не присутствовал: он почти никогда не досиживал до конца заседания, уходя через час-полтора после начала работы. Может быть, это приобретенная на партийной работе привычка первого лица, находящегося в особом положении.

Проработав секретарем президиума некоторое время, я понял, что стал в глазах Ельцина человеком Хасбулатова, и с опозданием узнал, что Ельцин с самого начала отнесся к моим новым функциям холодно. Тогда детали взаимоотношений Ельцина и Хасбулатова были мне совершенно неизвестны, видимо, какая-то трещина между ними пролегла уже в то время. Если у Бориса Николаевича возникали вопросы на заседании президиума или в ходе подготовки к нему, он неизменно обращался к Хасбулатову. Но я продолжал искренне верить, что мое назначение состоялось по их взаимной договоренности и при обоюдной заинтересованности.

Так продолжалось почти полгода, а потом, помню, раздался звонок правительственной связи, и телефонистка сказала, что из машины со мной будет говорить Борис Николаевич. Едва я успел поздороваться с ним, как на меня обрушились упреки: довольно грубо Ельцин стал выговаривать мне за то, что все-де социальные, популярные законы почему-то дают на подпись Хасбулатову, а ему — только второстепенные. Почему-то Ельцин винил в происходящем именно меня, хотя я к подписанию законов тогда не имел ни малейшего отношения.

Там действовал хитроумный механизм, присмотревшись попристальнее к которому я понял, что Борис Николаевич прав: многие законы и постановления действительно подписывались в его отсутствие, то есть их готовность к подписанию была как будто специально под-гадана к периоду, когда Борис Николаевич отсутствовал, находясь в это время в поездке. Вызвал руководителя

редакторской группы, из которой и поступал документ на подпись, и попросил, чтобы вопрос этот был снят. Сказал об этом разговоре и Хасбулатову. Ответом было молчание.

На новом посту я начал с организации работы аппарата и создания технологической цепочки подготовки материалов к заседаниям. Общее руководство продолжал осуществлять Руслан Имранович. Он же проводил еженедельные оперативные совещания.

Собрав сотрудников, я сказал, что нам надо постараться забыть о политических баталиях в Верховном Совете. Тут есть и демократы, и коммунисты, но мы должны работать над общими для тех и других решениями. Следующим шагом была организация поездок сотрудников в регионы, так как к тому времени были значительно потеряны связи с ними и объективная информация отсутствовала. Третьим шагом стала отработка структуры аппарата. От этого зависело многое, в том числе и четкость в работе технологической цепочки прохождения законопроектов. Хватало забот и с депутатскими проблемами. Были и курьезные случаи. Как-то в почте обнаружил записку депутата Анатолия Шабада, вечного путешественника по «горячим точкам»: «В связи с утратой мною депутатского значка-флажка с булавкой при облете меня двумя вертолетами-штурмовиками прошу выдать мне новый. 21.05.91 г.».

Подготовленные к сессии материалы, как правило, вечером просматривал Хасбулатов, а рано утром (иногда еще дома) — Ельцин. И довольно часто Борис Николаевич вносил в них существенные изменения и поправки, которые заставляли сотрудников выворачиваться буквально наизнанку, чтобы успеть к началу сессии раздать исправленные документы депутатам. К слову сказать, Борис Николаевич всегда умел быстро разобраться в любой ситуации и оценить ее, ему не надо было ничего дополнительно разжевывать. С другой стороны, он никогда не объяснял причин своих исправлений. Не объясняли это и его помощники. Тогда уже ключевое место около него занимал Виктор Васильевич Илюшин. Если хоть раз окунешься в депутатскую работу, многое в ней начинаешь понимать с полуслова. Скажем, после своего депутатства я не появлялся в Госдуме, но, читая документы, отчетливо представлял, как там складываются дела.

Когда вопрос неожиданно снимался — это еще полбеды, но когда включался новый вопрос, а до заседания оставалось несколько часов, а

то и минут, — это уже беда для всех, кто его готовил. Аврал тоже нужно было предусмотреть в технологической цепи, то есть обеспечить в случае необходимости скоростной режим подготовки документов. Борис Николаевич никогда сам не вмешивался в подготовительный процесс и напрямую не заставлял сделать что-то к определенному времени, но всегда — и это само собой разумелось — работа у нас должна была спориться. Очень помогал Хасбулатов. Я постоянно ощущал его невидимую поддержку, и, даже когда происходили срывы, он никогда не говорил об этом вслух, беря все удары на себя.

Вначале у меня сложилось впечатление, что сотрудники аппарата ходят как потерянные, будучи явно чем-то напуганы и мало что понимая в происходящем. Стал присматриваться. Разобрался: для них оказались ошеломляющими темпы подготовки различных материалов. Угнетало работников аппарата и то, что их роль становилась отныне второстепенной. К тому же разношерстный — и в политическом, и в культурном, и в эмоциональном планах — депутатский корпус стал превращать Белый дом в поле сражений. Да еще едва ли не каждый депутат не скрывал своего недоверия к работникам аппарата, норовил так или иначе проучить их, пригрозить им, ну а уж накричать на них — этого не делал только ленивый.

И еще. Продолжала действовать партийная организация, которая пыталась по-своему вмешиваться в работу аппарата.

Определились главные задачи: организовать работу и увлечь ею коллектив, добиться его доверия, чтобы люди трудились, понимая — это необходимо России и делаем мы все вместе общее дело.

Постепенно удалось скорректировать структуру, усилить организационный и юридический отделы, редакторскую группу, укрепить информационную службу. Наши работники стали ездить по регионам, ощущать свою полезность на местах и, чувствовалось, — начали оттаивать.

На повестку дня встал вопрос о свертывании деятельности партийной организации. Ее секретарь А.А.Смирнов предлагал преобразовать ее в некую ячейку социалистической партии. Но тут я был неумолим, полагая, что уж в законодательном органе вся политическая борьба, вся политическая полемика должны происходить только на поле деятельности депутатов. Правда, беда заключалась в том, что закона о государственной службе не было, и это вносило много

неразберихи во взаимоотношения с общественными организациями, Наконец, в один из дней А.А.Смирнов принес мне протокол собрания, в котором говорилось, что партийная организация в Верховном Совете прекратила свою деятельность и самораспустилась, — коллектив вздохнул облегченно,

Отношение к нам со стороны депутатов постепенно складывалось нормальное, критика звучала лишь единичная, хотя приходилось иногда подыскивать в работе компромиссные решения. Это происходило в тех случаях, когда, например, сверху требовали придержать один документ, а другому дать зеленую улицу. Такое тоже, увы, имело место...

У Хасбулатова и у Ельцина было одно общее качество — оба умели на начальном этапе взаимоотношений с новыми людьми им доверять без назойливой опеки, и за спиной эти «новенькие» всегда ощущали основательную защиту. Но такая защита всегда осуществлялась в обойме с требованием преданности: пока существовала личная преданность, существовала и защита. Когда же доверие нарушалось, у Хасбулатова резче проявлялись подозрительность, мстительность и ядовитость. В такие минуты и часы я невольно сравнивал его со Сталиным.

Они действительно во многом были схожи не только тем, что и тот и другой курили трубку. Оба еще выделялись на общем фоне умением подбирать преданные лично им кадры, быть щедрыми с теми, в ком существовала заинтересованность, отличались талантом плести интриги, способностью мстить и жестоко рассчитываться с мыслившими иначе, наперекор им. Только, по счастью, время теперь наступило другое, и потому возможности у Руслана Имрановича оказались иными.

Как-то раз он и сам непроизвольно дал себе характеристику. Защищая Председателя Центробанка РСФСР Матюхина, он сказал: «Человек он, конечно, своенравный, никого не слушает. Но маленькие люди имеют свойство быть немножко злыми». О ком больше — о себе или о Матюхине?..

Хасбулатов хорошо понимал роль прокуратуры и пути воздействия через нее на своих оппонентов, вплоть до расправы с ними. Не одно поколение ощутило на себе в полной мере, что такое прокуратура и судебная система по-сталински. С этим вопросом мы сталкивались не

раз — и на сессиях Верховного Совета, и на конституционном совещании, когда обсуждали место той и другой в Конституции и вообще предназначение прокуратуры как таковой в демократическом правовом государстве.

Хасбулатов четко уяснил, что Центральный банк и Генеральная прокуратура — это те две силы, которые во власти могут полностью компенсировать силовые структуры, и потому постоянно держал кадровую политику этих двух сил под своим неусыпным контролем.

Пока я работал секретарем президиума, а он — первым заместителем Председателя Верховного Совета, наши отношения с Русланом Имрановичем оставались нормальными. Гавриил Харитонович Попов, ранее знавший Хасбулатова, предупреждал, что тот хороший работник только в роли заместителя, но ему ни в коем случае нельзя доверять первую роль. Этим предупреждением, к сожалению, мы пренебрегли...

Я уже говорил, что после избрания Бориса Николаевича Президентом Российской Федерации на Пятом съезде сложилась патовая ситуация с избранием Председателя Верховного Совета. Вокруг этого поста развернулась целая битва между Хасбулатовым, Шахраем, Лукиным и Бабуриным.

Кончилось тем, что вопрос об избрании председателя перенесли на осень. А во второй половине года на пути к продолжению Пятого съезда народных депутатов вздыбились новые горячие события: в августе — ГКЧП, затем победа демократии и Ельцина; осенью — Чечня, с изгнанием из нее Доку Завгаева, секретаря обкома КПСС и Председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, с захватом власти Джохаром Дудаевым, который сразу развернул движение за самостоятельность Чечни; к зиме — развал СССР, образование СНГ и подготовка России к вступлению в рыночные реформы.

Во всех этих событиях Хасбулатов выглядел героем во время ГКЧП находился рядом с Ельциным, активно участвовал в защите Белого дома, с первых минут организовал бесперебойную работу Президиума Верховного Совета, а 21 августа провел чрезвычайную сессию Верховного Совета с осуждением ГКЧП и принятием решения о национальном трехцветном флаге России, который и взвился в тот же день над Белым домом во время многотысячного митинга.

23 августа я зашел к Руслану Имрановичу в кабинет, где в тот момент присутствовал маршал Евгений Иванович Шапошников. Хасбулатов обратился ко мне:

— Сергей Александрович, как вы посмотрите на то, что мы завтра с Евгением Ивановичем выйдем из КПСС?

Я ответил, что давно пора это сделать. Сам я вышел из КПСС в июле 1990 года и больше не верю в честность намерений ее руководителей. Нам нужно строить нормальное государство, а они — лишь помеха этому.

Говорил я будничным тоном, но чувствовал, что Руслан Имранович усматривает в своем завтрашнем шаге геройский поступок. Но с героизмом тут он явно опоздал.

А в конце августа разбушевалась Чечня. Этой проблемой я не занимался, но видел, как активно начали работать над ней Г.Э.Бурбулис, М.Н.Полторанин, силовые министры. На моих глазах в Чечню собрался Хасбулатов, только-только вернувшийся из зарубежной поездки. Руслан Имранович вылетел в Чечню, пересев с одного самолета в другой, поспешно и в хмуром настроении, а вернулся очень довольным: главный его противник — Доку Завгаев — повергнут; при энергичном участии Хасбулатова разогнан Верховный Совет республики, остался так называемый Малый Совет, какое-то искусственное изобретение, которое должно было работать до проведения новых выборов, назначенных на осень 1991 года. С Малыми Советами история повторится, но уже в других субъектах Федерации: когда нужно будет принимать оперативные решения поддержки Хасбулатова, начнут действовать Малые Советы.

Разгоняли Верховный Совет республики грубо и с явными нарушениями Конституции и закона. У депутатов отбирали с мордобитием удостоверения при выходе из здания, где заседал Верховный Совет республики, а во время самого заседания одного из депутатов — председателя Грозненского горсовета Виталия Куценко — при потасовке просто выбросили в окно, он погиб. 20 человек попали в реанимационное отделение местной больницы. В ходе расследования было установлено, что в нападении на Верховный Совет участвовало большое количество московских чеченцев. На следующий день после этого кровавого побоища в Грозный пришла телеграмма от исполняющего обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР

Хасбулатова: «Дорогие земляки! С удовольствием узнал об отставке Председателя ВС республики. Возникла, наконец, благоприятная политическая ситуация, когда демократические процессы, происходящие в республике, освобождаются от явных и тайных пут...»

В Хасбулатове бурлила прямо-таки лютая ненависть к Завгаеву, а независимость Доку Гафуровича приводила его в бешенство до такой степени, что он по телефону, плохо себя контролируя, требовал расстрелять земляка... Но и тот, видимо, относился к Хасбулатову не лучше и как-то в разговоре даже обронил:

— Когда все закончится и обстановка у меня на родине нормализуется, я добьюсь того, чтобы в тюрьму посадили единственного человека — Хасбулатова. Вот уж кто настоящий преступник!..

Выборы в Чечне были назначены на 27 октября, но Дудаев провел выборы президента Чеченской Республики раньше. И вот непримиримая война Хасбулатова с Завгаевым перешла в непримиримую войну их обоих с Дудаевым. Но и Дудаев приступил к активным действиям за самостоятельность Чечни: начался внутренний террор против оппозиции и русского населения, изгнание российских войск и всех федеральных структур с территории Чечни, Трагедия коснулась и Михаила Полторанина.

Из сообщений СМИ:

«Убийство в чайхане. В час ночи с 13 на 14 декабря в чайхане кирпичного завода Чимкента были обнаружены убитые 60-летняя женщина и десятилетний ребенок. Как потом выяснилось, жертвами оказались родная сестра министра печати и информации России Михаила Полторанина и ее внук — третьеклассник. Убийцы перерезали им горло» («Комсомольская правда», 17 декабря 1991 г.).

На Пятом съезде народных депутатов Хасбулатов провел решение о незаконности выборов и власти в Чечне, а Россия приобрела самую, пожалуй, болезненную проблему, которую ей предстояло и еще предстоит решать в течение неизвестно скольких лет.

Но как бы там ни было, все эти факторы создали некий ореол героя вокруг Хасбулатова и буквально за две-три недели до съезда стало ясно, что уж он непременно будет избран Председателем Верховного Совета. В том, что так оно и вышло, большую роль сыграли национальные

республики и фракция «Демократическая Россия», часть которой — каюсь — мне удалось убедить поддержать избрание Руслана Имрановича. Именно демократы, объединившись, помогли его избранию, хотя мы уже тогда почувствовали что-то неладное в отношении к нему президента, который не захотел выступить в его поддержку. Поддержали Хасбулатова и коммунисты.

Из сообщений СМИ:

«На состоявшемся 27 октября совещании фракции «Коммунисты России» незлопамятные партийцы указывали Хасбулатову, что никто так их не язвил, как он, а теперь они будут его опорой при выборах председателя, — и не обманули...» {«Коммерсант», № 42).

На съезде вновь избирался не только председатель, но и его заместители — Хасбулатову как-то удалось договориться с Б.Исаевым и С.Горячевой об их добровольной отставке. Вместо них он предложил избрать своими заместителями В.Шумейко, Ю.Ярова и Ю.Воронина, а первым заместителем — меня. Съезд на этот раз был настроен благодушно и без вызова нас на трибуну проголосовал за названные кандидатуры. А я перед этим с волнением репетировал свое выступление. Писать его мне помогал Олег Попцов. А между тем в предложениях Хасбулатова пакетом избрать своих заместителей был, конечно, заложен большой компромисс: Филатов — от «ДемРоссии», Шумейко — от промышленников и предпринимателей как генеральный директор крупнейшего краснодарского предприятия, Яров — от субъектов Федерации как председатель исполкома Ленинградской области, Воронин — от коммунистов,

После избрания первым заместителем Председателя Верховного Совета у меня — плюс к новым — практически остались и все прежние обязанности по организации работы Верховного Совета и его президиума. Сам же Хасбулатов больше стал заниматься политическими вопросами, чаще ездить по стране и за рубеж, каждый раз приглашая с собой и депутатов, и работников аппарата, и министров, и журналистов.

На первой же встрече заместителей у Хасбулатова мы договорились о распределении обязанностей и координации нашей деятельности. Так начались наши труды праведные этой командой. На первых порах работали мы столь дружно, что даже Борис Николаевич

не скрывал своей зависти к нашей слаженности. Мы тогда регулярно встречались с президентом и снимали многие вопросы, вызывавшие напряженность.

Когда же все-таки и отчего стали портиться отношения у президента с Хасбулатовым? Думаю, началось это, еще когда решался вопрос о формировании правительства под экономическую реформу. Поговаривали, что Хасбулатов сам просился быть премьером, а тут во главе правительства фактически оказался Бурбулис, до зубовного скрежета не любимый Хасбулатовым, — и это нанесло нашему спикеру серьезную обиду. Правда, может быть, это была уже не первая обида: ведь Руслан Имранович в свое время возжелал стать вице-президентом. Но предложение Ельциным принято не было. Я думаю, что назначение Бурбулиса и Гайдара предопределило негативное и очень агрессивное отношение Хасбулатова к предложенным ими реформам. Буквально в начале января при первой же своей поездке в регион — а это была Рязанская область — он обрушился с резкой критикой в адрес новоявленных реформаторов. О самом президенте в ту пору он помалкивал.

Вспоминаю, какое тяжелое положение складывалось в стране в конце 1991 года: Союз практически развален, экономика разрушена, валюты нет, золотой запас почти на нуле, полки в магазинах пусты, мобилизационные резервы исчерпаны до 30 процентов. Было решено начать отпуск цен на товары 16 декабря, но Президент Украины Кравчук очень просил Бориса Николаевича перенести этот срок хотя бы на две недели, до 2 января 1992 года. И Борис Николаевич при всей сложности российского положения пошел на этот шаг.

В начале ноября, после принятия решения на съезде народных депутатов о незаконности выборов и незаконности власти Дудаева в Чечне, с подачи Руцкого Президент Российской Федерации подписал указ о введении чрезвычайного положения в Грозном в связи с обострившейся там обстановкой после избрания президента республики и его попытками разделаться с действующими силовыми структурами, которые напрямую подчинялись Москве. Возникло много проблем и потому, что Дудаев самопровозгласил независимую Республику Чечню, бросив другую часть республики — Ингушетию. Последняя оказалась вне правового пространства — без Конституции, без границ, без власти.

Чрезвычайное положение вводилось 6 ноября с 5 часов утра, причем по закону было положено объявлять о нем за семь часов до часа его введения. Так что вечером 5 ноября в республике уже знали об указе, и с гор потянулись люди на помощь Грозному. Ситуация начала чем-то напоминать наш август-91, только теперь российские власти встретились с противостоянием народа, который претерпел от советской власти немало унижений, вплоть до репатриации в 1944 году в Казахстан. Но попробуй объяснить kloчущей толпе, что у нас на посту всенародно избранный президент, противостоящий преступникам, а в Чечне — самозванец в генеральской форме, несущий великие беды своей республике и своему народу.

К ночи в Белый дом приехал Хасбулатов, мы вместе с ним спустились к Руцкому, который взял на себя руководство по организации ЧП в Грозном. Ждали пяти часов утра, а в пять или немного раньше выяснилось, что внутренние войска, на действии которых и строился весь расчет, с места не сдвинулись: таков был приказ Баранникова, бывшего тогда министром внутренних дел СССР, полученный от Горбачева. Думаю, если бы Горбачев не сделал этого шага, события в Чечне в дальнейшем развивались бы по-другому, менее драматичному сценарию, ибо каждое нарушение закона должно быть наказуемо.

Горбачевский приказ стал серьезным ударом по реализации ЧП, так как теми силами, что находились в республике, справиться с задачей чрезвычайного положения было невозможно, и лучше бы его не затевать. Встал вопрос об отмене указа, но вот несчастье: Ельцина нет (обычно при таких решениях он, как говорится, «ложился на дно» и был недоступен), Горбачева и Баранникова отыскать не удастся, на месте, в Грозном, требуют или подкреплений, или срочного отказа от чрезвычайного положения. По телефону из Грозного пытались оправдать бездействие какими-то трудностями. В ответ Руцкой, расщвирепев, потребовал арестовать Дудаева и., тут же, в кабинете, попросил председателя КГБ России В.Иваненкова, Генерального прокурора России В.Степанкова и министра МВД России А.Дунаева подписать соответствующую телеграмму. Они ее подписали, но Степанков в ней слово «арестовать» аккуратно исправил на слово «задержать».

Когда ни того ни другого сделать не удалось, да еще дудаевцы захватили здание МВД вдобавок к захваченному ранее зданию КГБ, решение вопроса отложили до 14 часов.

По поручению Хасбулатова в 14 часов я пришел к Руцкому. Там уже были все «полуночники». Александр Владимирович стал докладывать свой план решения проблемы. Мне в эту ночь и особенно при его докладе как-то по-новому пришлось взглянуть на Руцкого — я понял, что этот человек весь во власти амбиций и эмоций, и в тот момент он был беспощаден, предлагая окружить непокорную республику кольцом армейских подразделений и начать тотальную бомбежку ее территории.

Я воспротивился такому жестокому варианту и попросил перенести обсуждение на заседание Верховного Совета, который правомочен утвердить или не утвердить указ о чрезвычайном положении — ведь указ появился накануне праздника, когда депутаты были в отпуске. Ясно было, что чрезвычайное положение организовать не удалось, подготовка его сорвана, каждый надеялся на другого, а сами собой такие дела никогда не делаются. Указ Президента, видимо, не случайно был подписан перед праздником. Расчет мог строиться на том, что к созыву Верховного Совета, который по Конституции должен утвердить указ о введении чрезвычайного положения, дело будет сделано, порядок восстановлен, а победителей, как говорят, не судят. В последующем мы не раз еще столкнемся с использованием президентом факта отсутствия депутатов. Видимо, это определенный принцип его действия, который часто приводил к драматическим событиям, как это произошло в Чечне.

Наутро собрался Верховный Совет и после острых дебатов Указ Президента о введении чрезвычайного положения в Грозном не утвердил. Руцкой твердо отстаивал необходимость чрезвычайных мер против Дудаева, но время было упущено. Операция явно провалилась.

Уже тогда взаимоотношения в верхах власти складывались напряженно. Явно просматривались друзья и недруги, различные группировки, которые вели войну, как правило, через прессу. Вот один из примеров.

Из сообщений СМИ:

«В кулуарах Белого дома имеет хождение версия, согласно которой Хасбулатов с Бурбулисом сознательно подставили Руцкого,

чтобы продемонстрировать *urbi et orbi* его государственную неспособность...» («Коммерсант», № 44).

Думаю, провал операции и неудача с наведением на малой части территории РСФСР элементарного порядка после самозахвата власти Дудаевым обернулись его наглядной победой и не только осложнили дальнейшие отношения с Чечней и вообще в том регионе, но и выдвинули на первый план проблему сохранения Федерации, что явилось вторым ударом по ее единству. Первым следует считать подготовку Горбачевым Союзного Договора, который республики РСФСР должны были, по его замыслу, подписывать на одинаковых правах с союзными республиками.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, — август 1991 года эти «подписантские» события остановил.

В дальнейшем было удачно найдено решение по поводу заключения Федеративного договора о распределении полномочий между федеральными органами власти и субъектами Федерации. И здесь мудро и дальновидно поступили с Татарстаном, где поначалу разбушевались националистические страсти — настолько, что это ставило под угрозу сохранение Татарстана в рамках РСФСР.

В Чечне же начался настоящий разгул беззакония: из республики были вытеснены остатки федеральной армии, базировавшейся на ее территории, боевики отбирали у солдат личное оружие и тяжелое вооружение, захватывали склады. Начали создаваться «свои» государственные структуры и воинские формирования, люди перестали получать социальные пособия и пенсии, школы переоборудовались под военные гарнизоны и военные училища, в разных российских городах появились беженцы из Чечни, или, как принято сейчас их называть, «вынужденные переселенцы».

Теперь уже для всех очевидно, что, как и почему надолго вывело республику из поля воздействия Российской Федерации. Но только в 1994 году, когда после октябрьских событий 93-го года было сломлено изматывавшее нашу страну противостояние двух ветвей власти — законодательной и исполнительной, — стала возможной попытка навести конституционный порядок в Чечне. За это время дудаевская вседозволенность превратила республику в край преступлений и беззакония, куда и откуда потянулись нити чеченской мафии и

криминала, реально угрожавшие многим странам мира. Беженцев из Чечни уже насчитывалось свыше трехсот тысяч человек.

Понимая, как важно дать народу правдивую информацию о том, что происходит в парламенте и в стране, я стал больше внимания уделять СМИ, встречам с журналистами. И это тут же было замечено прессой.

Из сообщений СМИ:

«На встрече с парламентскими корреспондентами С.А.Филатов подчеркнул, что для него едва ли не главными оценочными факторами деятельности Верховного Совета РСФСР являются такие: количество присутствующих на заседаниях ВС журналистов и резкое увеличение аккредитованного при парламенте корреспондентского корпуса» («Ленинское знамя», 26 ноября 1992 г.).

Надо было создать атмосферу открытости в Верховном Совете. Тема освещения депутатской деятельности не сходила с уст депутатов во время заседаний Верховного Совета. То «не так показали», то «не так осветили», то «не то написали», предпринимались постоянные попытки взять под контроль СМИ. Многие никак не могли понять, что пресса независима — в том числе и от законодательного органа, но работает в соответствии с законом, который принял законодательный орган. Выход из этого положения существовал только один — проводить больше встреч с журналистами и давать как можно больше информации. Поэтому мы серьезно занялись пресс-центром, стали выпускать различные информационные и аналитические материалы и проводить встречи с журналистами. Многие депутаты выступали в СМИ.

8 декабря было подписано Беловежское соглашение. Хасбулатова в тот день в Москве не оказалось, а я о подписании узнал только по звонку мне на дачу в Архангельское Г.Э.Бурбулиса, который хоть и несколько витиевато, но объяснил, что там у них происходит. Он же сообщил, что в Беловежской Пуще ждут Назарбаева, только что прилетевшего в Москву и обещавшего Ельцину сразу же направиться к ним. Но, как мы знаем, Назарбаев в Беловежскую Пущу так и не прибыл — то ли раздумал ввязываться в непростую историю, то ли поостерегся Горбачева, который оставался еще Президентом СССР.

Понимая, что неординарное событие может повернуться в стране самым неожиданным образом, я пошел к Руцкому, который, по счастью, оказался дома, готовя удочки к рыбалке, — заядлый рыбак, он очень профессионально обрабатывал рыбу: она получалась у него мягкой, вкусной, ароматной — такой, что пальчики об лижешь. Он был домашнему одет и спокойно распутывал снасти. Пока мы разговаривали, принес вяленую рыбу и подробно объяснил технологию ее приготовления. О Беловежских соглашениях Александр Владимирович ничего не ведал. А услышав о них от меня, немного поднапрягся — идея ему явно не понравилась, — и мы оба стали ждать вестей из Белоруссии.

Одно было важно в той ситуации — чтобы не сорвался Горбачев, который как раз в это время позвонил Руцкому и, видимо, стал с ним советоваться, что делать. Я слышал в жизни немало мата, но эти двое, похоже, упивались смачностью матерщины. Насколько я понял, Руцкой советовал Горбачеву дождаться результатов переговоров и внимательно ознакомиться с тем, что в конце концов получилось. Ясно было одно: Союз практически распался, и если после референдума на Украине ничего не предпринять по части сближения, то потом мы долго-предолго будем искать друг друга. Именно поэтому и была предпринята попытка объединения самых крупных трех, а если удастся, и четырех республик — России, Украины, Беларусь и Казахстана — в некое Содружество Независимых Государств (СНГ).

Позвонил Хасбулатову, он в это время находился, по-моему, в Южной Корее, как мог рассказал о подписанном соглашении. Руслан Имранович тут же вылетел в Москву: соглашение требовало ратификации на Верховном Совете, да и на съезде тоже, вызывало потребность в изменении Конституции РСФСР.

В те дни для всех этот шаг Ельцина казался спешным и непродуманным. Но Борис Николаевич, давая интервью итальянской газете «Република», сам объяснил, как родилась идея Содружества:

— Впервые об этом речь шла в декабре прошлого года, когда центральное правительство торпедировало реформы. Тогда-то Россия, Украина, Беларусь и Казахстан направили своих представителей в Минск, чтобы обсудить возможность образования Содружества. Горбачев препятствовал подобному проекту, однако документы

сохранились, и 8 декабря в Минске мы их вновь проанализировали. Вот почему нам удалось достигнуть согласия всего за день с небольшим...

Я к развалу Союза относился тогда и отношусь сейчас как к неизбежности, как можно отнестись к стихии, например, к лавине с гор — она все сметает на своем пути, но остановить ее невозможно.

Из сообщений СМИ:

«А вы обратили внимание на то, как звучит это слово — Содружество. Теплее, чем Союз, не правда ли? Но я согласен: теперь это теплое слово надо наполнить соответствующим содержанием» (из интервью «Российской газете», 28 декабря 1992 г.).

Тэму Содружества мы продолжили и на парламентском уровне. Уже в начале 1992 года я предложил Хасбулатову начать готовить парламентскую ассамблею стран СНГ. Тогда по нашей инициативе в Минске собрались первые заместители председателей законодательных органов стран СНГ для обсуждения проекта Соглашения о сотрудничестве парламентариев стран СНГ в сфере законотворчества и в правоприменительной деятельности. Учитывая, что к тому времени уже были созданы Совет глав государств и Совет глав правительств стран СНГ, актуальным стал вопрос образования аналогичной структуры межпарламентского сотрудничества. Среди возможных направлений совместной деятельности мы обсуждали вопросы законодательства, прав человека, развития межгосударственных отношений, экономической реформы, миграционной политики, национальной безопасности, энергетики (прежде всего атомной), транспорта, связи, экологии, борьбы с организованной преступностью.

В этой работе с нашей стороны очень много сделали депутат Владимир Подопригора и заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения Юрий Тихомиров. Подготовка документов и концепции Межпарламентской ассамблеи стран СНГ закончилась подписанием Соглашения, которое впоследствии было одобрено Верховным Советом РСФСР, и уже в 1992 году Межпарламентская ассамблея начала свою работу в Санкт-Петербурге. Вопрос о выборе столицы для ассамблеи решался в Киргизии при встрече руководителей парламентов стран СНГ.

И здесь также проявился нрав Хасбулатова, у которого совсем стали портиться отношения с президентом. Из разговоров с другими заместителями руководителей парламентов мы поняли, что Санкт-

Петербург делается столицей как бы в пику нашему президенту, чтобы быть подальше от исполнительной власти и свободней себя чувствовать при выполнении главной задачи — снижение полномочий президентов и подчинение их действий парламентам. Кстати, впоследствии первым таким президентом, у которого в одночасье были ограничены полномочия, оказался Акаев. С остальными — не получилось.

Первым председателем Межпарламентской ассамблеи: стал Р.Хасбулатов, а после выборов Федерального Собрания России в 1993 году — В.Шумейко. Именно при нем появился флаг ассамблеи, который впоследствии стал символом Содружества Независимых Государств.

Да, горячими были деньки 1991 года — за короткий период столько кризисных ситуаций!..

1992 год оказался не только преддверием драматических событий в стране, разразившихся в следующем, 1993 году, но и началом сильнейшей конфронтации между президентом и Верховным Советом, уже возглавляемым буквально на глазах менявшимся Хасбулатовым. Пока еще Руслан Имранович скрывал свои истинные намерения, президента как бы не трогал, но развернул энергичную атаку на правительство и лично на Бурбулиса, Гайдара и Чубайса.

Именно в тот период, когда произошла либерализация цен, во власти должны были проявиться коллективные взаимопомощь и взаимовыручка, чтобы преодолевать шаг за шагом непредвиденные, то и дело возникающие трудности. Вместо этого, как всегда, у нас особо ощущалась нехватка нормативной базы и законодательных защитных мер.

Их отсутствие усиливало криминогенность, коррупцию, организованную преступность. Тут нужны были не одни только разговоры, но и решительные меры. А Верховный Совет, делавший, конечно, немало с точки зрения разработки и принятия законов, чересчур много полемизировал, слишком часто враждовал с исполнительной властью, то и дело терял основную нить концепции развития, да еще и по ходу дела менял правила игры и саму Конституцию Российской Федерации. Она становилась все более неопределенной, внутренне противоречивой и потому опасной: за несколько лет своего существования Верховный Совет внес в нее более 400 поправок!

Жизнь еще раз доказала: если запаздываешь с законами, то страну начинают захлестывать хаос и преступность(она всегда опережает законы и предохранительные меры), а значит, все наши противоядия тут бессильны. Нужна согласованность действий всего общества, его политических и государственных структур, чтобы успешно бороться с миром криминала... Если же коммунистическая партия тормозит развитие государства по выбранному направлению, если она блокирует работу законодательного органа, значит, партия эта играет на руку преступному миру и идет против своего народа.

Коммунисты, оправившись после августовских событий, готовились к первой из новых битв — на Шестом съезде народных депутатов. По поведению Хасбулатова было видно — он что-то затевает. Я впервые ощутил: от меня что-то скрывается. На съезде это проявилось очень определенно: готовилась и была принята резолюция с отрицательной оценкой деятельности правительства и проведения реформ. Сам председательствующий повел себя очень странно — начал атаку на «Известия», отругал Шумейко за самостоятельные оценки в докладе об экономической реформе и о работе правительства и еще за какой-то якобы существующий альянс Владимира Филипповича с коммунистами и аграриями. Это было проявлением явного недовольства докладчиком, который нарушил договоренности с председателем о содержании доклада и сорвал его так тщательно продуманный сценарий.

А сказал Владимир Филиппович буквально следующее: «Мне приходится по роду своей деятельности очень много работать с правительством, и абсолютно ответственно могу вам сказать, что это — профессионалы. И только потому профессионалы, что они делают эти реформы. — И в зале после этих слов раздались аплодисменты. — Они делают эти реформы в тяжелейших условиях, доставшихся им в наследство как раз от тех самых именитых и маститых советчиков от экономики, которые до сих пор продолжают лишь советовать да критиковать правительство. И правильно здесь говорили, что никто из них не согласился бросить все и идти это делать самому».

Это был, конечно, мужественный поступок Владимира Филипповича — в тот непростой период дать такую оценку молодым членам правительства. Теперь весь гнев и весь сарказм Хасбулатова были направлены на депутатов реформаторской части. Мы с членами

президиума начали интенсивно искать возможность отмены неправо́й резолюции съезда. Я предложил Владимиру Шумейко и Юрию Ярову пойти к Борису Николаевичу, посоветоваться с ним, что делать, и поделиться своей озабоченностью относительно Хасбулатова. Они со мной согласились. Позвонил Ельцину, условились о встрече, и в перерыве съезда мы все трое пошли к нему.

Хасбулатов, видимо, что-то почувствовал, начал сожалеть, что переборщил, и попросил меня предложить Борису Николаевичу пообедать нам втроем. Ответ Ельцина был категоричным:

— Нет. Хватит, я натерпелся его лицемерия и изворотливости, ему ни в чем нельзя верить, тем более нельзя доверяться. Опять обманет.

Наш разговор свелся к тому, что нужно созвать президиум вместе с правительством и попробовать выработать документ типа Декларации съезда, где дать другие оценки реформам. Хасбулатов возражать не стал, но на президиум идти отказался.

И вот в воскресенье, 12 апреля 1992 года, я собрал президиум, на котором кроме его членов присутствовали Е.Гайдар, Г.Бурбулис, А.Шохин и другие. Разговор был тяжелым, но полезным. Самым неприемлемым в постановлении съезда выглядело то, что правительство оказалось как бы в подвешенном состоянии на целых 3 месяца (до следующего съезда), то есть стало временным правительством. Мы вновь — в который уже раз! — создали неопределенность в отношении наших целей, в защите реформ, чем, естественно, отпугнули их сторонников и участников, в том числе и зарубежных.

К понедельнику и сами депутаты стали понимать, что резолюция съезда ведет в тупик, более того, это поворот назад, чем непременно воспользуются коммунисты.

Декларацию одобрили, и съезд оказался в двойственном положении, приняв два документа по одному вопросу с разными оценками. Хасбулатов, похоже, остался не очень доволен таким развитием событий. Но решение было принято, и главное — мы ушли от сиюминутных последствий. Стало ясно, что теперь борьба за власть выстроится вокруг реформ.

Хасбулатов двинулся вперед не только с резкой критикой реформ и тех, кто их осуществляет. Он понимал, что тут нужен и позитив, и поэтому энергично включился в разработку Федеративного договора.

Необходимость разделения собственности, полномочий и предметов ведения между центром и субъектами Федерации представлялась очевидной. Конечно, правильной было бы внести эти положения в Конституцию: слишком опасна сама форма документа, подписанного руководителями субъектов Федерации, поскольку возможность последующего его изменения по инициативе любого из 190 подписантов (а их было по два от каждого субъекта Федерации и федерального центра — глава исполнительной власти и глава законодательной власти) могла обернуться совершенно непредсказуемой реальностью.

Неотложность принятия Федеративного договора диктовалась единственным, но наиважнейшим обстоятельством: угрозой нарушить целостность России.

В последующем, при подготовке новой Конституции на Конституционном совещании в 1993 году мы вновь встали перед проблемой Федеративного договора и, как и предполагали, при этом опять-таки создалась трудная коллизия. Хотя положения Федеративного договора, касающиеся разделения компетенции и полномочий властных структур центра и субъектов Федерации, были и так вписаны в проект Конституции, но руководители субъектов Федерации, особенно республик, все же настаивали на сохранении его как самостоятельной второй части Конституции, даже несмотря на то, что многие положения Договора входили в противоречие с положениями проекта Конституции. Да и вообще наличие двух основополагающих документов в стране создавало бы путаницу — по какому из двух строить нормативную базу и каким из них руководствоваться? Или, скажем, прибегать к Конституционному суду?

В проекте Конституции права субъектов Федерации значительно были расширены. Во-первых, власти на местах получали право на свое законодательство. Во-вторых, для более гибкого регулирования взаимоотношений центра и субъектов Федерации предусматривалась возможность заключения индивидуальных договоров. Жизнь уже подтвердила правильность действий президентской команды в этом направлении, что в конечном счете способствовало укреплению государственности и Федерации.

Работа над Федеративным договором шла полным ходом, активно подключились к ней Юрий Яров и Рамазан Абдулатипов.

Способствовало делу и то, что все участники находили в этом процессе большой взаимный интерес. Подписание Договора проходило в Георгиевском зале Кремля в очень торжественной обстановке за большим круглым столом. Однако все понимали, что праздничность праздничностью, а после Шестого съезда нас ждет еще большее усиление борьбы вокруг реформ. Это ощущалось и в верхушке власти, даже в процессе подписания Договора.

Хасбулатов приступил к перестройке своих боевых порядков, одновременно началось каждодневное давление и на меня с тем, чтобы я отказался от собственной позиции, прервал добрые связи с Г.Бурбулисом и Е.Гайдаром, а значит, и с президентом. К экономической части он стал все чаще подключать Ю.Воронина, а к выполнению моих функций — Н.Рябова.

Хочу привести некоторые резолюции Хасбулатова на документах того времени, по которым хорошо прослеживается, как шаг за шагом он усиливал свой диктат.

На письме Питера Принта, заведующего бюро английской газеты «Индепендент», на мое имя, где тот просит дать интервью по поводу алмазодобывающей промышленности в связи с моим обращением к министру финансов г-ну Барчуку: «С.А.Филатову. Что это такое? 11 авг.1992 г. Р.Хасбулатов, P.S. Этот вопрос — не Вашего ведения. Р.Х.»

На представленном членом Президиума Верховного Совета М.Л.Захаровым отчете об участии народных депутатов в работе 26-го Международного конгресса школ социальной деятельности и Международной ассамблеи работников социальной деятельности, который я направил членам Президиума Верховного Совета: «С.А.Филатову, М.Л.Захарову. Это не отчет. Какой смысл его распространять? Где рекомендации, обобщения и т. д.? 13.08,92 г. Р.Хасбулатов».

На письме группы председателей районных Советов народных депутатов г. Москвы, которые обратились к Р.И.Хасбулатову с жалобой на монопольное влияние исполнительной власти на СМИ, невыполнение решений Верховного Совета РСФСР и, прежде всего, по газете «Известия», так вот, на этом письме, которое заканчивалось словами: «Недопустимо мириться с тем, что игнорируются постановления Верховного Совета. Сегодня четвертая власть проводит курс на развал Советов. Хочется верить, что Верховный Совет в силах

воспрепятствовать этому», начертано со скрытой угрозой: «Членам ПВС. Прошу внимательно ознакомиться с этим письмом и сделать выводы (хотя бы для себя). 5.9.92 г. Р.Хасбулатов».

Были резолюции и другого рода, они показывали желание идти как бы и на примирение, но не в ущерб своим гордыне и амбициям. После посещения Хасбулатова С.Ковалевым, С.Юшенковым, В.Волковым и мной и состоявшегося крупного разговора о незаконности его действий при перераспределении обязанностей между заместителями председателя, он поправил (при моем участии) само распоряжение, а через несколько дней прислал мне его с такой резолюцией: «С.А., как видите, Ваши предложения (и просьбы) выполнены мною на 101 %... И только ради интересов дела, а не в силу расхождений между моим распоряжением) и Конституцией. С ув. Р.Хасбулатов 5.9.92 г.».

Начал Руслан Имранович и коренную реорганизацию охраны, видимо, учитывая ее значение в дальнейших своих планах. Мы с С.В.Степашиним выступили против самостоятельной охраны Верховного Совета и его руководства, понимая, что в условиях конфронтации это может привести к кровопролитию.

Словом, обстановка в Верховном Совете и в его руководстве все более обострялась. Появилось злосчастное распоряжение о перераспределении обязанностей, где мне отводилась совсем уже непонятная роль. Готовился Хасбулатов ввести должность секретаря Президиума Верховного Совета, причем на эту должность прочил не кого-нибудь, а В.Сыроватко, бывшего секретаря Брянского обкома КПСС, ярого представителя фракции коммунистов. Началась война и за «Известия», за их подчинение, вернее, за неподчинение Хасбулатову — война, в которой я однозначно выступил в защиту газеты и ее самостоятельности.

Что ж, война так война. Я собрал членов президиума — 14 человек, поддерживающих реформы. Предложил всем выступить против сомнительных хасбулатовских акций единым фронтом, но смельчаков тут выявилось немного — лишь Сергей Адамович Ковалев да Сергей Вадимович Степашин. Остальные выразили благодушную уверенность, что конфликт так или иначе может быть урегулирован. Видимо, они надеялись на чудо и на вечное русское «авось». Но надежды не оправдались — шло планомерное переформирование сил и активная подготовка к следующему решающему съезду в декабре. А

наши миролюбцы продолжили свои хождения с уговорами и к Руслану Имрановичу, и ко мне. Особо проявили себя челноками С.Н.Красавченко и Е.А. Амбарцумов. От меня, с их точки зрения, требовалось одно: поддерживать Хасбулатова, а там все само собой образуется.

Теперь я знал, что спикеру стало известно о нашей встрече с Борисом Николаевичем во время работы Шестого съезда, и почувствовал, как усилилось его давление и на меня, и на других его заместителей. Он предпринял вдвойне удачный ход — «отдал» Шумейко в правительство, вследствие чего соотношение сил среди его заместителей резко нарушилось. Но на этом не остановился: фактически передал многие функции первого заместителя Воронину и Сыроватко, вновь введя должность секретаря Президиума Верховного Совета, и те не мешкая приступили к подготовке Седьмого съезда народных депутатов. Демократическая часть депутатского корпуса и демократическая печать начали атаку на Хасбулатова: шла настоящая подготовка к генеральному сражению.

И тут при открытии сессии Верховного Совета вдруг выясняется, что дела у Руслана Имрановича не так-то уж и плохи. Как только наши сторонники поставили вопрос о недоверии спикеру, он в свойственной ему категоричной манере поставил вопрос на голосование и получил за недоверие ему только 18 процентов голосов! Тогда-то Хасбулатов повернулся ко мне и расправил плечи:

— Восемнадцать процентов — вот и вся ваша поддержка, Сергей Александрович! — И ринулся в бой.

Вспоминается, как тяжело складывался 1992 год.

В то время мы с Геннадием Эдуардовичем Бурбулисом делали многое, чтобы сблизить депутатский корпус и власть исполнительную, для чего стали практиковать регулярные встречи депутатов с членами правительства.

Из сообщения пресс-службы Президиума ВС РСФСР:

«17 сентября состоялась очередная еженедельная информационная встреча представителей Администрации Президента РСФСР с народными депутатами Российской Федерации. В ней приняли участие секретарь Президиума ВС РСФСР С.А.Филатов и госсекретарь РСФСР Г.Э.Бурбулис.

В центре внимания оказались проблемы нормотворчества президентской власти, состыковки указов президента с действующим законодательством РСФСР, а также механизма регулирования смены глав исполнительной власти на местах.

Остро ставились народными депутатами вопросы деятельности Администрации Президента по стабилизации обстановки в зонах межнациональных конфликтов»

Встречи эти вызывали взаимный интерес и нередко помогали нам снять острые вопросы, разъяснить многое, на чем строились спекуляции оппозиции. Но теперь «позицию оппозиции» активно занял Хасбулатов, причем настолько явно, что Ю.Воронин в «Правде» уже открыто осуждал ход реформ и указывал путь «правильного», то есть коммунистического, развития страны. Это надо было понимать и как перекроившуюся позицию Председателя Верховного Совета.

В августе обострилась обстановка на Кавказе: события в Чечне подтолкнули националистические силы в других республиках к действиям — сложилась тяжелая ситуация в Абхазии, Северной и Южной Осетии, назревал конфликт между Ингушетией и Северной Осетией.

Утром 26 августа мне в машину позвонил Бурбулис:

— Куда вы направляетесь?

— К Борису Николаевичу.

— А я только что из Тбилиси, встречался с Шеварднадзе. Он просил направить нашу депутатскую группу в Абхазию, где уже более 2000 добровольцев из северокавказских республик. При всем при том есть все основания считать, что председатель Верховного Совета Абхазии Ардзинба находится в прямом контакте с Конфедерацией горских народов и цель у них определенная — спровоцировать народную войну на Северном Кавказе. Это все очень серьезно. Мы ведь договорились на Совете Безопасности, что 28-го будет встреча Ельцина, Шеварднадзе, руководителей наших республик и председателя Верховного Совета Абхазии Ардзинбы. У него сегодня большинство: 34 депутата за него, 31 — против. Надо бы провести среди его сторонников определенную работу. Там есть и русские, и армяне — нам нужно разъяснить им, что следует уйти от Ардзинбы, и тогда на встрече 28-го он будет гол как сокол, лишившись своего победного большинства. — Бурбулис сделал небольшую паузу и добавил: —

Сергей Александрович, будьте по-государственному крупным и по-человечески мудрым, как вы обычно умеете это совмещать. Желаю успеха.

Я приехал на встречу с Ельциным чуть раньше срока. Подождал в приемной. Борис Николаевич в 10.00 еще разговаривал с кем-то по телефону и задержался минуты на три — случай редчайший. У меня всегда было такое впечатление, что он специально отсчитывает мгновения, чтобы точно в назначенное время пригласить человека или группу людей к себе в кабинет. Но вот секретарь распахивает передо мной дверь — Борис Николаевич стоит посреди кабинета и руки то и дело заводит за спину — видимо, болит после Испании. Прохаживаясь по кабинету, предлагает мне сесть.

— Вы меня извините, — усмехаюсь, — при стоящем президенте сидеть неудобно.

— Ну ладно...

Садимся оба, и он начинает мне пересказывать все, что я только что слышал от Бурбулиса о Северном Кавказе, и все, что необходимо и важно сделать в связи с этим. Потом я докладываю ему о делах в Верховном Совете — хочу и обязан его предостеречь:

— Борис Николаевич, грядет, по-моему, большая беда, и я хотел бы поделиться с вами своими тревогами и посоветоваться. Еще в июне месяце я почувствовал странную перемену в Хасбулатове — он начал строить свою стратегически дальнюю политику. Определить ее в общем-то несложно — это продолжение линии Шестого съезда. Вся его политика будет направлена на то, чтобы убрать Гайдара и дискредитировать реформы. Похоже, это становится политическим кредо Руслана Имрановича, потому что иначе он останется просто ни с чем и будет выглядеть перед народом как человек, противодействующий реформам, а не помогающий им. Он настраивает депутатский корпус против реформ и пытается настроить так же всю страну. Под эту цель он подлаживает работу аппарата и предпринимает шаги по усилению своей личной власти...

Борис Николаевич слушает очень внимательно, и я продолжаю:

— Приведу первый конкретный пример. Двадцатого числа он пишет поручение Воронину курировать вопросы экономической реформы и осуществлять связь с правительством. Вот его резолюция, а вот вышедшая за несколько дней до этого статья Воронина в газете

«Правда», в которой тот с циничной откровенностью признается, что не приемлет эти реформы,

Борис Николаевич бросает на меня пристальный взгляд:

— Ну как же так? Руслан Имранович говорит же совсем другое.

Я пожимаю плечами:

— Второе мое беспокойство состоит в том, что готовится октябрьская атака на нас, и в этой атаке Хасбулатов будет поддержан определенными политическими силами.

— А с Горбачевым у него есть связь?

— Прямой, наверное, нет, но не исключено, что скрытая может существовать — уж больно сходятся они в критике реформ. Да и заведующим своего секретариата Хасбулатов назначил человека Горбачева.

— Но Хасбулатов и Горбачев лично общаются?

— Возможно, но точно не знаю.

Все-таки у Бориса Николаевича сохранялось глубокое недоверие к Горбачеву. И, видимо, не без оснований, что подтвердили президентские выборы 1996 года. Да и в период оголтелой критики реформ к ней, к этой критике, присоединялся и голос Фонда Горбачева.

— И третье, что меня тревожит, — развиваю я «хасбулатовскую» тему, — так это заигрывание Хасбулатова с республиками. Федеративный договор — только первая ласточка такого заигрывания. И тут, заметьте, просматривается связь с тем, что происходит на Северном Кавказе.

— Все эти вопросы и меня в последнее время волнуют, — раздумчиво отзывается Борис Николаевич. — Скажу больше, они меня беспокоят.

Тогда иду дальше:

— В этом же свете предстают три недавно вышедших документа, очень усиливающие личную власть Хасбулатова, ограничившего депутатов и все руководство Верховного Совета в общении с вами как с президентом. Меня тревожит, что теперь только сам Руслан Имранович вправе подписывать документы на ваше имя. При этом он еще и прибрал к рукам всю нашу финансово-хозяйственную деятельность. И вот его последнее распоряжение о перераспределении обязанностей в руководстве Верховного Совета: он практически лишил меня не только всех обязанностей, но и попытался поставить в унижительное

положение. В распоряжении черным по белому начертано, что я являюсь его полномочным представителем в Совете Безопасности.

Борис Николаевич удивленно вскидывает брови:

— Он что, закона не знает?

— Должен бы знать, но идет напролом, тем самым нарочно провоцируя скандал. Есть во всем этом и явный оттенок комичности — он сделал меня ответственным за сельское хозяйство, как бы напоминая тем самым о последних днях работы в ЦК Егора Лигачева. Дело не во мне. В отношениях с Хасбулатовым у нас есть несколько путей, в том числе и путь мира, от которого он заведомо отказался. Я был вынужден предупредить Руслана Имрановича, что наша фракция это расценивает как ущемление ее прав и наступление на демократию, а мы — на встрече помимо меня были С.А.Ковалев, С.Н.Юшенков и В.В.Волков, — в сюю очередь, это воспринимаем как откровенный крен консерватора влево, со всеми вытекающими отсюда последствиями. А второй путь — это путь войны, открытой конфронтации, путь, который, к сожалению, может привести к преждевременному развалу парламента. В сложившейся ситуации были предложения попросить вас вмешаться в этот опасный процесс и, может быть, переговорить с Хасбулатовым или еще что-то предпринять, но, честно признаться, я думаю, что это неуместно. При ваших нынешних отношениях со все более зарывающимся Русланом Имрановичем и уже практически открытой его враждебности к вам мы не должны ставить вас под очередной удар. Нам дорог ваш авторитет лидера, но и ваша поддержка лидера нам необходима.

Борис Николаевич чуть наклоняет голову:

— Конечно, моя поддержка будет вам во всем, здесь нет вопросов. Я даже подумаю о том, чтобы в президентской речи на открытии осенней сессии Верховного Совета покатегоричней обозначить свою позицию.

— И еще об одном, Борис Николаевич! Поскольку я лишен возможности распоряжаться финансами, а иногда возникает необходимость направить группу депутатов в командировку...

Он не дает мне договорить.

— Нет вопросов. Держите связь с Илюшиным, я ему доверяю абсолютно. Сообщите ему о том, что вам нужно — самолет, машина, деньги, — и все будет для депутатских поездок предоставлено.

Я посмотрел на часы: 10.35.

— У меня все, Борис Николаевич. Спасибо.

Он поднялся одновременно со мной и повторил:

— Моя поддержка и мое доверие вам обеспечены. Но идите в открытую и в главном не останавливайтесь...

Президент как в воду смотрел: события развивались стремительно и не позволяли останавливаться.

Со стороны Хасбулатова началась атака на С.А.Ковалева. Конечно, это было связано с позицией защитника прав человека и к тому же явного противника самого Хасбулатова. Нужно было привлекать общественность на защиту С.Ковалева. После очередного выступления Сергея Адамовича я позвонил редактору «Известий» И.Голембиовскому и попросил его со вниманием отнестись к нашим проблемам, а также высветить складывающуюся атмосферу вокруг Ковалева на страницах газеты, именно — высветить.

Мне кажется, тогда же заколебался в выборе своей позиции В.В.Желнин, начальник финансово-хозяйственного управления. Я даже два прищипнул на него за нерасторопность и колебания, когда он начал прикидывать — выполнять или не выполнять мои распоряжения.

— Не хотите выполнять мои поручения — не надо, но вы должны понимать, какой выбор делаете, — сказал я ему и позвонил Александру Петровичу Починку, который не мешкая сделал все, о чем я просил.

Желнин, правда, и сам признался потом в своей неправоте:

— Да, Сергей Александрович, тогда поспособствовал вам не я, а Починок, и я был не прав.

Сам Желнин, видно, очень переживал свое двойственное положение и, чтобы как-то разрешить создавшуюся ситуацию, тоже стал бегать челноком между Хасбулатовым и мной, пытаюсь примирить уже непримиримое.

А ведь раньше Желнин выполнял все мои распоряжения беспрекословно. Вскоре я обратился к нему с еще одной просьбой: сохранить помещение за помощником президента Львом Евгеньевичем Сухановым, который курировал связи Администрации Президента с Верховным Советом. Через некоторое время начальник финансово-хозяйственного управления перезвонил мне:

— Я разговаривал с Пересадченко, он этого делать не хочет.

Тут уж я не выдержал:

— Ну уж дудки, тогда этот вопрос я решу с Хасбулатовым, Желнин и Бойко, начальник охраны Верховного Совета, — сидели как приклеенные каждый вечер в приемной Хасбулатова вплоть до его отъезда домой. Со стороны это выглядело довольно комично и напоминало мне досужее сидение на динамите белобородых восточных старцев в фильме «Белое солнце пустыни».

Примерно в то же «смутное» время заходит ко мне Николай Тимофеевич Рябов:

— Ну что, как дела у вас тут?

Я коротко отвечаю вопросом на вопрос:

— Был у председателя?

Он молчит. Потом неуверенно произносит:

— Вы вот материалы хотели мне дать...

— Да возьмите их в орготделе. — Звоню, чтобы ему выдали эти явно послужившие лишь поводом для его прихода материалы.

Только потом он начинает разговор, а тема всех разговоров в те дни была одна и та же — о моих отношениях с Хасбулатовым. Рябов неоригинален:

— Сергей Александрович, нам нельзя конфликт этот развивать.

— Согласен. А вы можете его погасить?

— Да я вот пытался с ним, — кивает на дверь, — сейчас поговорить...

— Ну и как?

— Никак. Бесполезно. Но все равно нам нельзя сейчас конфликтовать.

— Пожалуйста, предлагайте спасительные варианты. Или это я агрессивно себя веду? Или это меня вы можете обвинить в том, что я его где-то лягнул ни с того ни с сего, или что-то оскорбительное о нем сказал за глаза, или написал в СМИ о нем что-либо недостойное?

— Да-нет, нет, конечно, нет. Но надо же Что-то делать.

— Думайте. Это ведь извечные русские вопросы — «что делать?» и «кто виноват?».

— Знаете, я был у него только что и говорю: «Вот сейчас к Филатову пойду». А он мне: «Зачем вам туда ходить? Я уже новое распоряжение подписал, дал вам новую власть, новые обязанности и полномочия. Работайте и никуда не ходите».

Уже на пороге Рябов оборачивается:

— Я с вами, Сергей Александрович, точнее, и с ним, и с вами...

Позвонил Хасбулатову:

— Руслан Имранович, надо посоветоваться.

— Заходите.

Захожу к нему в кабинет, и, пока иду от двери к столу, спикер все время не отрываясь смотрит мне в глаза. Я поздоровался, сел, вижу на лежащем перед ним пригласительном билете его рукой написано: «Филатову».

— Что это?

— Да вот, если есть желание — сходите.

— Мне такие же самые присылают.

— Да? Ну, может, и этот пригодится.

Хотелось спросить: «Ну что, кроме моей фамилии на билете, вам уже нечего мне написать?» — но я промолчал. Потом рассказал Руслану Имрановичу об обстановке в Абхазии и необходимости направить туда депутатскую группу. Он, казалось, заинтересовался:

— Да я вот тоже подумывал об этом, — встал из-за стола и направился к дивану.

Сели, он — на диван, я — в кресло. Такая дислокация вообще редчайший случай, что называется, для «самых-самых». Я продолжил:

— Если и вы, Руслан Имранович, согласны с этим, надо бы скомплектовать группу депутатов и выделить им самолет.

В то время президент и правительство обслуживались компанией «Внуково-2», а Верховный Совет использовал для своих нужд аэропорт «Чкаловский».

Хасбулатов энергично кивнул:

— Да, я тоже так думаю. Занимайтесь.

Я вышел не прощаясь, так как нам еще предстояло увидеться с ним в тот же день.

Позже зашел сотрудник из протокольного отдела:

— Сергей Александрович, вы собирались завтра на выставку «Авто-92», но, по-моему, туда же идет и Хасбулатов.

Надо сказать, что в Верховном Совете — да и не только там! — очень плохо было поставлено дело с распределением, кто из руководства и на каких мероприятиях будет присутствовать. И в президентских структурах наблюдалось то же самое. Иногда в последнюю минуту выяснялось, что по одному и тому же адресу

направляются сразу несколько официальных лиц, причем еще и выступать готовилось сразу несколько человек.

Снова позвонил Хасбулатову:

— Руслан Имранович, вы на выставке завтра будете?

— Да! А что?

— Тогда я пойду послезавтра.

— А почему послезавтра? Пойдемте вместе.

Я сделал паузу, и в нем разыгралась восточная подозрительность:

— Что? Не хотите со мной идти?

— Ну почему же? Можно и вместе пойти. Спасибо за приглашение.

Но стоило мне только положить трубку, как раздался звонок Сергея Марчука, начальника международного отдела Верховного Совета, который, сославшись на переданную мне накануне соответствующую бумагу, поинтересовался моим намерением встречаться с китайской делегацией. Что-то меня насторожило в этом звонке, и поэтому я довольно резко ответил Марчуку:

— Господи, да заберите у меня эту бумагу и отдайте ее Хасбулатову — пусть сам встречается с иностранцами.

Через некоторое время — снова в трубке голос Марчука:

— Извините, Сергей Александрович, но Руслан Имранович подписал поручение именно вам встретиться с китайской делегацией. Во сколько вам удобнее?

— В одиннадцать часов, — отвечаю, радуясь, что не придется идти на выставку.

Да, у Хасбулатова — контрастная смена настроения, так меняется погода на море — от ясной к шторму.

Раздался звонок прямого телефона председателя:

— Сергей Александрович, вам известно, что по решению Совета Безопасности Бурбулис уже успел побывать в Абхазии?

Я спокойно уточняю:

— Во-первых, не по решению Совета Безопасности, а по решению президента, что не одно и то же. Во-вторых, не в Абхазии, а в Тбилиси, где по пути в Турцию он встречался с Шеварднадзе...

— Но все равно, как это вы допускаете, чтобы Совет Безопасности...

— Я вам еще раз говорю, Руслан Имранович, что по Бурбулису никакого решения Совета Безопасности не было.

Но Хасбулатов словно не слышит меня:

— Да как же вы можете доверять этому человеку? Посмотрите сами, куда он только ни поедет — обязательно провал! Он же в политике ничего не понимает!

— Руслан Имранович, ну зачем вы так горячитесь? Почему же «обязательно провал»? Что, разве в США поездка была провальной? Геннадий Эдуардович готовит президенту все его поездки, все встречи и выступления, во многом определяет его микрополитику...

— Какую там еще микрополитику? Он вообще бездарный человек. Вы что, не видите, как мы по его милости терпим поражение за поражением?! Чего он добился в тех же США? Чего? Скажите мне, какие там грянули громкие победы?

— Руслан Имранович, в таком тоне я не могу разговаривать. А вот спокойно изложить вам свою позицию — могу.

— Позицию, позицию... — язвительно передразнивает он меня. — Какая тут позиция, когда бездаря какого-то при себе держите. Что вы вообще нашли в нем?

После короткой паузы я холодно отвечаю:

— А в чем вы, собственно, пытаетесь меня убедить? Бурбулис — государственный секретарь при президенте, его назначил президент, значит, он нужен президенту таким, какой есть.

Мы одновременно й, видимо, оба недовольные друг другом кладем трубки.

Вечером того же дня я организовал поездку депутатов в Тбилиси и Гудауту.

На следующий день, вечером, мы с Галей, как всегда, пошли погулять по Архангельскому. Я рассказал ей о встрече с китайской делегацией — удачная была встреча, гостей интересовало буквально все, что происходит в нашей стране. Эта вечерняя прогулка восстановила мои силы, да и силы моей неутомимой труженицы-жены.

На следующий день ровно в полдень ко мне на работу заехал О.М.Попцов, которому никогда ничего не нужно объяснять: он многое знает и понимает сам, иногда поболее других. Попцов поинтересовался моей встречей с президентом, бегло просмотрел показанные мной последние распоряжения Ельцина и охарактеризовал их одним словом

— «маразм». Ну а вывод, который мы сделали сообщая, был неутешительным — номенклатура просачивается, где может, и берет реванш. С одной стороны, чиновничество укрепляет свои позиции традиционными трусостью и лакейством; с другой — выпирают из него имперские начала, в том числе и начало идеологическое, которое замешано на предательстве и вероломстве. Именно поэтому Попцов открывает рубрику на Российском ТВ под названием «Аппарат Верховного Совета», чтобы в ней выступали и члены Президиума Верховного Совета, и депутаты.

Я перенес на следующее утро звонок Хасбулатову — было к нему два вопроса, и оба из разряда неприятных. Разговор действительно состоялся тяжелый.

Первый — о том, что Желнин отказался сохранить помещение за Л.Е.Сухановым. Я попросил Хасбулатова оставить его в Белом доме, но он отрезал:

— Нет! Нечего ему здесь делать!

Когда я начал настаивать на своем, Руслан Имранович скрипуче добавил:

— Ну что вы так волнуетесь, я Суханова предупредил, что он здесь не останется, и он на это ничуть не обиделся.

Через две минуты я и сам переговорил с Сухановым: оказывается, Хасбулатов, объясняясь с ним, обещал вопрос о помещении урегулировать. Опять, получалось, ложь, И опять — исходящая от Хасбулатова!

Второй вопрос, с которым я обратился к завзятому правдолюбцу, касался участия представителей президента во встрече руководителей Советов и глав администраций 11 сентября 1992 года в Чебоксарах. Дело в том, что Юрий Болдырев, работавший тогда начальником Контрольного управления при президенте — именно в болдыревском ведомстве находились представители президента, — не без резона любопытствовал, не является ли неким политическим шагом то, что мы их, то есть представителей президента, не приглашаем на эту встречу.

Об этом и продолжился мой разговор с Хасбулатовым, которого, чувствовалось, немного покорила такая оценка его действий. Тем не менее он твердо заявил, что приглашать представителей президента не будет, поскольку их положение противоречит законодательству и

Конституции, да и решение съезда было однозначным — рекомендовать президенту рассмотреть вопрос об упразднении этого института. Правда, после длительных попыток убедить его в том, что нужно здесь соблюсти некоторую государственную разумность, он сдался:

— Да, пожалуйста, но пусть тогда с ними связываются напрямую сами участники встречи, если хотят, но мы (Верховный Совет. — **С.Ф.**) никого приглашать не будем.

Еще один разговор завел Желнин — о наших отношениях с Хасбулатовым. Он продолжал работать в режиме челнока. Желнин принес мне фотоальбом о визите в Россию председателя парламента Турции и сказал, что пришел с доброй вестью: когда передавал Руслану Имрановичу это произведение искусства, Хасбулатов спросил: «А Сергею Александровичу такой альбом подарили?» И при этом у Хасбулатова был якобы очень теплый тон,

— Вот если бы вы сейчас к нему отправились, — увещевал меня Желнин, — и по-мирному потолковали, то у вас бы между собой все, глядишь, и наладилось.

Наивный человек, подумалось мне, неужели он не понимает сути разрастающегося конфликта, и при этом конфликта Хасбулатова не со мной, а, конечно же, с президентом.

Я напомнил начальнику финансово-хозяйственного отдела, что несколько попыток объясниться с Русланом Имрановичем уже предпринял и еще одна ничего тут не изменит. А идти просто так на очередное унижение мне не пристало. И, как показал конец дня, так оно и получилось.

В 14 часов я открыл совещание по алмазным делам. На нем обсуждались три вопроса, которые нас волновали в связи с поручением президиума подготовить соответствующий материал для Верховного Совета. Выяснилось следующее:

1. Алмазная промышленность на сегодня (то есть на конец 1992 года. — **С.Ф.**) преобразована в акционерное общество и фактически вышла из-под контроля государства, как бы оказавшись провальной отраслью, которой никто не управляет, и это, естественно, способствует злоупотреблениям в ней, оборачивающимся большими потерями для государства.

2. Федеральная собственность, к которой относится алмазная промышленность, из-за отсутствия механизма воздействия на нее у

Госкомимущества оказалась вообще отделенной от государства. Решено, что Госкомимущество подготовит решение для Верховного Совета, которое, будучи принятым, все поставит на свои места.

3. В связи с тем, что депутатская группа наряду с большой комиссией занимается проверкой исполнения Указа Президента об акционировании этой отрасли, многие депутаты то ли по неопытности, то ли еще по каким-то причинам пытаются вмешаться в процедуру уголовных дел (а такие там, к сожалению, имеют место) и тем самым вызывают к себе подозрение, проявляя порой нездоровый интерес к алмазным делам. Решено, что депутаты в случае необходимости обращаются в прокуратуру, не предпринимая никаких индивидуальных действий.

После совещания во время обеда подошел ко мне Николай, мой прикрепленный, и сообщил, что меня срочно вызывает Руслан Имранович.

После обеда я позвонил Руслану Имрановичу:

— Вызывали?

— Да. Зайдите.

У него находилась группа из Ульяновска, и разговор шел о том, чтобы помочь в строительстве новых самолетов дополнительными кредитами для пополнения оборотных средств. Положение с гражданской авиацией действительно с каждым днем ухудшалось: это касалось и ее финансирования, и расширения парка машин, и модернизации двигателей. На наш рынок явно нацеливались крупные авиационные предприятия Англии и США — было над чем поломать голову.

Когда мы остались с Хасбулатовым вдвоем, я попросил его подписать распоряжение о поездке депутатов в Абхазию. Он внимательно просмотрел весь список, пробежал глазами само распоряжение, ничего не спросил, подписал, а потом обратился ко мне с двумя претензиями.

Первая:

— Что за совещание вы проводили у себя по алмазам и почему предварительно не посоветовались со мной?

Сдержанно объясняю, что совещание проходило в соответствии с постановлением президиума в порядке подготовки к сессии Верховного Совета.

— Но вы все равно должны были доложить мне о происходящем и до, и после совещания. Пожалуйста, подготовьте материалы и ознакомьте меня с тем, о чем там у вас шла речь.

— Хорошо. — Я крепко держал себя в руках.

Вторая претензия:

— Вы звонили в юридический отдел по поводу «Известий» — ну, так что вам там неясно? Вы со мной поговорите, вы здесь посоветуйтесь, прежде чем такие дела делать.

Я возразил, что как депутат имею право на любой запрос обо всем, вызывающем у меня интерес.

— Имеете право, имеете. Но почему бы сначала ко мне не заглянуть? — гнул свое Хасбулатов..

Спокойно отвергаю такое «пожелание» председателя, пояснив, что не считаю нужным с кем-либо советоваться по вопросу, о существовании которого узнал не из служебной записки, а из печати.

— Вы же меня не уведомили о том, что предпринимаете какие-то шаги против «Известий». Я увидел сообщение в газетах и, конечно, встревожился не на шутку, потому что это прямое нарушение закона с нашей стороны.

— Ну какое же это нарушение закона? Мы с вами просто-напросто должны выполнить постановление Верховного Совета.

— Да, но не такими методами.

— Ну смотрите, Сергей Александрович, смотрите. А вообще-то я вас прошу впредь советоваться со мной. А еще лучше, если бы мы с вами как-нибудь запросто, накоротке поговорили.

Я, пожав плечами, ответил, что готов к разговору.

Но откуда возникла вторая претензия? Я действительно звонил Ф.Х.Табиеву, председателю Фонда госимущества, перед совещанием:

— Фихрат Хаджимурзаевич, вышло ваше распоряжение о передаче газеты «Известия» полностью под начало Верховного Совета и его председателя. Есть ли у этого распоряжения юридическая основа?

Табиев пустился в долгие объяснения того, что газета, дескать, наша собственность. Я заметил ему, что если это и впрямь «наша собственность», то она тогда должна числиться в описи той ликвидационной комиссии, которая принимала собственность Верховного Совета СССР в собственность Верховного Совета России. Должна, но не числится.

Он опять ударился в пространные объяснения, но тут я извинился и пообещал перезвонить ему позже. А сам утром справился в юридическом отделе у Роберта Макаровича Цивилева, какие основания имелись у

Фонда имущества Верховного Совета принимать такое решение. Он подтвердил мои предположения:

— Да никаких у фонда оснований для этого не было, и юридически он, конечно, не прав.

А ведь действительно, по закону Госкомимущество является единственным распорядителем федеральной собственности.

Все так, но тем не менее Хасбулатову каждый мой шаг становился каким-то образом тотчас же известен. Было совершенно очевидно, что и бумаги мои в общем отделе ксерокопируют тайком от меня и кладут на председательский стол.

А потом мне стало совсем грустно: то ли прослушивать начали, то ли какая-то система сыска заработала. Противно все это, — а еще взялись построить правовое, демократическое государство! Даже сегодня комментировать ту ситуацию нет желания, да и необходимости — тоже. И без того все ясно.

Вечером — хасбулатовский звонок мне домой:

— Сергей Александрович, завтра улетаю, вы, наверное, знаете об этом?

— Да, знаю, Руслан Имранович.

— Вы остаетесь на хозяйстве за меня, но прошу вас никаких серьезных решений самостоятельно не принимать. И не устраивать совещаний наподобие того, которое вы только что провели по алмазам. Надо друг с другом обо всем предварительно советоваться. Пожалуйста, звоните мне в любое время, докладывайте, как идут дела, и советуйтесь перед тем, как сделать какой-нибудь шаг. Все будет у нас хорошо, я ведь от вас не отмахиваюсь, когда вы ко мне обращаетесь. Поэтому звоните, Сергей Александрович, звоните.

Конечно, я заметил, что сотрудники аппарата, за редким исключением, перестали ко мне заходить, перестали обращаться с вопросами — вероятно, боялись контактов со мной. Вот он, бывший советский аппарат, которому я еще недавно пытался привить новые подходы к жизни и работе, аппарат, который, казалось мне поначалу, ощутил вкус к творческому труду. А сейчас он опять в страхе затаился.

И опять его толкают на ложь и предательство, опять пытаются превратить в лакея. Когда же мы будем иметь свою законопослушную и законом защищенную государственную службу?

Я никогда не считал нужным кардинально менять аппарат, работал с теми, кто есть, и считал это нормальным. Я с осуждением смотрел на тех руководителей, которые старались перешерстить кадры, внедряя в них своих людей. Последнее с точки зрения того государства, которое мы строим, — ужасно.

Позвонил Бурбулис из Стамбула, поинтересовался, как дела. Я ответил, что в Абхазию улетела делегация, она уже встречалась с Эдуардом Шеварднадзе, и я ждал результатов этой встречи.

Потом заглянул Олег Румянцев с любопытным десятиминутным разговором:

— Сергей Александрович, мне Амбарцумов сказал, что у тебя не ладится с Хасбулатовым. Но я должен сказать — война с ним сейчас не пройдет, Хасбулатова не переизберут.

— Мы такую задачу перед собой и не ставим.

— Вот и хорошо, потому что я хочу тебе помочь. Я ведь со многими общаюсь — и везде слышу: имидж у тебя сегодня, как у крайнего демократа и человека Бурбулиса, или, возьмем шире, человека правительства. Тебе это ни в коем случае не нужно, ты от этого только теряешь. Люди оценивают тебя отрицательно именно по этим соображениям. Я бы очень хотел, повторяю, тебе помочь, и я готов сделать это, но тебе надо занять место ближе к центру. Тогда тебе будет оказана полная поддержка депутатского корпуса. И прежде всего надо определить свою позицию как патриотическую — по защите интересов России.

Я удивился такой постановке **вопроса**, потому как моя позиция никогда крайней не была, она всегда тяготела именно к центризму, к золотой, что называется, середине.

А Олег продолжал:

— Да ты сейчас еще связан с такими людьми, как Юшенков и Якунин...

— ...и с такими, как Амбарцумов и Ковалев тоже. Мне и по должности положено и необходимо общение со всеми. И если тебе показалось, что я на парламентских слушаниях по Курильским островам впал в некую крайность...

Поясню, что в вопросе об островах главным, конечно, является подписанный договор — это правовой документ. Но время и события, происходящие в стране, требуют переноса решения по островам на более поздний срок, когда положение стабилизируется. Проявить терпение нужно и России, и Японии. Вот линия, которую я проводил, председательствуя на парламентских слушаниях. Нетерпение проявляли отдельные депутаты, особенно коммунисты, и Олег Румянцев в том числе.

— Да, мне это показалось, — подтвердил Румянцев.

— Креститься надо, если кажется. Мне ведь тогда важно было, чтобы на твоих крыльях не воспарили правые, то есть коммунисты, которые к тебе торопливо пристраивались. Ты-то рванулся вперед, в атаку, а они хотели с твоего хребта дотянуться до своей цели.

Олег явно смутился:

— С моего хребта? Да как же так?

— А так, сам не видел, что ли? Я же по этой причине и сделал закрытыми слушания. Твоя объективная позиция — она не для сегодняшнего времени, она оказалась им в цвет, подходит для их восприятия и присутствует в их изложении только потому, что сегодня это выгодно им в противостоянии Ельцину. Они готовы тебя поддержать на словах, потому что твоя позиция оказалась чисто патриотической, находясь и вне разумности, и вне законности.

Мне хотелось еще объяснить Олегу, почему я поддерживаю нынешнее правительство. Растолковать, что Хасбулатов поставил главной своей задачей свалить Гайдара и других реформаторов. Это его, Руслана Имрановича, политическое кредо сегодня, его подлинное лицо. И если он этого не сделает, его карьере грозит гибель. Ну а что до страны, так, похоже, до нее Хасбулатову дела не было и нет.

Видимо, Олег не понимал, что нашей главной проблемой в тот период было сохранение в течение предстоящих двух самых тяжелых месяцев существующего правительства. И не только сохранение, а и защита его. Но об этом с Олегом Румянцевым мы продолжили разговор значительно позже.

Развязка ситуации, спровоцированной Хасбулатовым, наступила довольно быстро.

Во время осенней сессии началась подготовка к Седьмому съезду. Этот съезд ожидался как съезд особый, на котором Хасбулатов, видно,

решился разделаться сразу со всеми своими противниками. Предполагался на съезде импичмент президенту или, в крайнем случае, серьезное ограничение его полномочий, для реализации чего тщательно разрабатывались поправки к действующей Конституции.

Значительное внимание уделялось будущему голосованию, организацию которого взял на себя Воронин: его кабинет превратился в приемную депутатов, и, как рассказывали некоторые из них, от Воронина зависело выделение средств из фонда председателя Верховного Совета на нужды того или иного региона. Этот фонд был создан по инициативе Хасбулатова из средств бюджета и оказался для него удобным инструментом при взаимодействии с депутатами и руководителями регионов.

После голосования на сессии Верховного Совета за недоверие Хасбулатову, когда результат оказался в его пользу, представлялось маловероятным поднять депутатов на освобождение Руслана Имрановича от должности председателя. Скорее, большинство было готово за все издержки и потери первого года реформ принести в жертву правительство и даже президента, ограничив его полномочия, а то и проголосовав за импичмент ему. Вероятно, срабатывал тут и принцип самозащиты от роспуска и других неприятностей, а самое главное, Хасбулатов нашел очень верную линию — на защиту депутатов, Верховного Совета, съезда и Советов вообще как формы власти. И, естественно, оказался сам под защитой депутатского корпуса. Изменился тон председателя по отношению к депутатам, он стал выборочно высмеивать тех, над кем, как предполагал, посмеется большинство. Словом, предстоящий съезд был уже полностью обречен на управляемость Русланом Имрановичем.

В преддверии съезда не ожидалось значительных неприятностей: все готовились к крупному разговору о ходе реформ. Было запланировано около 180 поправок к Конституции, предусматривалась ротация в Верховный Совет. В первый день работы съезда не прошло предложение дополнить повестку дня рассмотрением вопроса об обращении в Конституционный суд с тем, чтобы была дана оценка конституционности действий президента и, в частности, соглашения о создании СНГ. В том предложении прозвучала угроза импичмента...

Накануне съезда демократическая часть депутатского корпуса и президент внесли ряд предложений по сотрудничеству между

исполнительной и законодательной ветвями власти.

Но были предприняты и неуклюжие, обидные для демократов действия президента. Так, еще до съезда не по своей воле ушел с поста руководителя телевидения Егор Яковлев, а затем вроде бы сами, вроде бы добровольно тоже с достаточно высоких постов — Михаил Полторанин и Геннадий Бурбулис...

Естественно, многими из нас это воспринималось как сдача демократических позиций президентом и, следовательно, как победа оппозиции. На момент снятия Егора Яковлева в Москве проходил с участием Б.Н.Ельцина конгресс интеллигенции, и я не помню, чтобы кто-либо из выступавших не осудил это решение президента.

Я очень переживал из-за всех трех отставок, особенно — из-за отставки Егора Яковлева. Они, эти отставки, самым удручающим образом сказались на настроениях демократической части депутатского корпуса. И Яковлев, и Полторанин, и Бурбулис вели огромную работу по подготовке съезда, и в том, что мы пришли к нему с согласованными во многом позициями, с конструктивными предложениями, демократически ориентированными, была большая заслуга и этих троих, последовательно поддерживавших реформы, правительство, президента. К сожалению, такие проявления «признательности», как сдача своих соратников, неугодных оппозиции, президент будет практиковать и впредь перед каждым боем — будь то выборы или всего лишь прохождение через законодательный орган важного вопро-са. Увы, далеко не всегда такая практика приносила результат, на который предварительно рассчитывал президент.

Но по мере работы съезда все яснее становилось, что задуман некий переворот — в отношении и правительства (фактически его полное переподчинение Верховному Совету), и палат Верховного Совета, где предусматривалось изгнание демократов под любыми предлогами, а уж используя решения регионов и депутатских групп — и подавно.

Таким образом, для нас главным на съезде становилась защита правительства и курса реформ. И, как всегда прежде, положение опять-таки спасал президент с его решительными действиями, порой никак не прогнозируемыми заранее.

Пожалуй, это был тот самый съезд, который, собственно, и привел к драматическим событиям октября 1993 года. Именно на нем

формировалась монолитная команда, противостоящая президенту, именно на этом съезде вызревали планы смещения Ельцина или хотя бы ограничения его полномочий. Ничем иным, по сути, съезд заниматься и не предполагал, в чем проявилось величайшее лицемерие Хасбулатова. Если вдуматься, это был уже совсем другой человек, мы такого Хасбулатова еще не знали.

А поначалу события на главном форуме страны развивались более или менее предсказуемо. Хасбулатов на второй день работы съезда выступил с характеристикой обстановки в государстве, остановился на спаде производства и обнищании людей, то есть объективно он затронул действительно насущные проблемы. Но Хасбулатов не был бы Хасбулатовым, если бы, доказывая несостоятельность правительства, не начал подтасовывать цифры и приводить неверные данные, в чем его практически тут же и уличила вездесущая пресса.

Во мне тревога стала нарастать, когда я услышал, что голосование по поправкам к Конституции разделено на два этапа: по правительству — тайное, через кабины, а по всему остальному — в обычном открытом порядке. Да, мы, демократы, к этому съезду подготовились плохо.

Поправки, касающиеся правительства, на самом деле имели прямое отношение к президенту и серьезно ослабляли его полномочия. Их, этих поправок, было четыре, и именно вокруг них развернулась борьба, которая затем захлестнула и последующие съезды.

А закончилась эта изнурительная борьба только в декабре 1993 года принятием новой Конституции, поставившей последнюю точку в вопросе разделения властей.

Поправки к Конституции предусматривали введение подотчетности правительства не только президенту, но и съезду и Верховному Совету, причем президент в соответствующей строке стоял на третьем месте. К назначению председателя правительства съездом добавлялось и назначение всех заместителей председателя правительства, силовых и ключевых министров лишь с одобрения Верховного Совета. Все министерства и ведомства, согласно тем же поправкам, должны были образовываться и ликвидироваться Верховным Советом по представлению президента. И, как говорится, на закуску, депутатских мандатов предполагалось лишить всех членов правительства, всех министров и руководителей исполнительных

органов субъектов Федерации. Ну а чтобы совсем уж оторвать от президента правительство, последнему предоставлялось право самостоятельно выходить с законодательной инициативой.

Это были принципиальные изменения, но выступление Бориса Николаевича 4 декабря 1992 года перед голосованием не возымело никаких последствий, и роковые поправки почти все были приняты. Становилось совершенно очевидным, что власть переходила в руки к Хасбулатову.

После голосования 7 декабря Борис Николаевич сделал еще одну попытку изменить ситуацию, но и эта попытка оказалась тщетной. Поскольку работа правительства уже была признана неудовлетворительной и предстояло назначение нового председателя правительства, а поправки к Конституции серьезно ограничивали полномочия президента и фактически не давали ему возможности проводить линию, обещанную гражданам России в предвыборной кампании и поддержанную ими при его избрании президентом, Борис Николаевич 10 декабря ринулся в бой.

Накануне, где-то около полуночи, у меня на даче раздался звонок Геннадия Эдуардовича Бурбулиса, который пригласил меня срочно приехать в Кремль. Через час я был у него в кабинете, где встретил С.М.Шахрая и В.С.Старкова, Речь шла о подготовке акции на утреннем заседании съезда — о выступлении Б.Н.Ельцина и последующем уходе из зала его сторонников. Мы поговорили о тексте выступления, и я предложил в нем пожестче выделить требование о проведении референдума. В конце концов, народ и только народ, избравший президента и народных депутатов, вправе решать, кому в данной ситуации он доверяет судьбы страны и реформ.

Совершенно очевидно, что расстановка сил в обществе — явно в пользу президента, а на съезде — столь же явно против него. Это несоответствие могло быть высвечено только на референдуме. Но идущие за Хасбулатовым депутаты, понимая, что в народе у них поддержки маловато, панически боялись всенародного волеизъявления и поэтому в Конституции закрепили право только съездом решать вопрос о проведении референдума.

А между тем нам нужно было договориться, чтобы после выступления Б.Н.Ельцина демократические депутаты покинули зал, В

случае если и Хасбулатов тоже уйдет, мне следовало объявить перерыв на съезде.

Утром, перед съездом, я попросил руководителей демократических депутатских групп переговорить с коллегами и подготовить их к выступлению президента и к проведению последующей акции. Нам важно было еще и определить истинную расстановку сил на съезде, чем подтвердить нашу надежду на то, что у нас будет такое количество голосов, которое заблокирует дальнейшие изменения в Конституции. Однако некоторые наши сторонники восприняли такую активность с сомнением: нужно ли, дескать, тут идти на обострение?

Выступление Бориса Николаевича прозвучало как гром среди ясного неба. Оно транслировалось по Российскому телевидению и радио и воспринималось как обращение не столько к депутатам, сколько ко всему народу, которому Борис Николаевич открыто заявил, что Верховный Совет стремится узурпировать все его права и полномочия, но не собирается нести ни за что ответственность; президенту созданы невыносимые условия для работы; реформы блокируются их противниками. Короче, нам, сторонникам президента и реформ, окончательно стало ясно: единственный выход из возникшего кризиса — проведение всенародного референдума. После выступления и встречи с депутатами-единомышленниками Борис Николаевич уехал на АЗЛК.

Таким образом, президент ответил Хасбулатову на его происки тем же, чем привык пользоваться тот — неожиданностью поступка. Хасбулатов в первый момент растерялся и обратился к съезду:

— Уважаемые народные депутаты, заявление президента считаю оскорбительным как в отношении съезда, так и в отношении Председателя Верховного Совета. — В зале поднялся шум, кое-где раздались аплодисменты. — Я считаю для себя дальше невозможным выполнение обязанностей Председателя Верховного Совета, поскольку мне нанесено оскорбление высшим должностным лицом государства. Я прошу принять мою отставку... — Хасбулатов встал и двинулся к выходу.

Зал снова зашумел.

Я потянулся к микрофону и объявил перерыв. Но не тут-то было. Хасбулатов каким-то звериным чутьем почувствовал все последствия такого развития событий, мгновенно вернулся и грубо бросил мне:

— Никаких перерывов. — Тут же повернулся к Ярову: — Юрий Федорович, займите мое место. Перерыв определяет съезд. Пожалуйста, Яров, садитесь. Подождите, Сергей Александрович, не дергайтесь, я вам не поручал делать перерыв. Садитесь, ведите, Юрий Федорович!

Съезд продолжил работу, хотя после ухода сторонников Ельцина в зале осталось 715 депутатов. Так, по крайней мере, показала регистрация, которую провел Ю.Ф.Яров.

С этой минуты у оппозиции началась настоящая война с президентом, продолжилась и невидимая война между нами — мной и Хасбулатовым. Видимо, он какое-то время колебался, стоит ли прямо на съезде добиваться моего освобождения от должности первого заместителя или подождать.

Думаю, сомнения Руслана Имрановича отпали сразу, как только он догадался, что я активно участвовал в подготовке президентской акции — ведь охрана Архангельского подчинялась Верховному Совету, а значит, Хасбулатову, и там, конечно, давно были взяты под контроль все мои перемещения: во сколько уехал, во сколько приехал. Однажды, когда очередная наша встреча — Гайдар, Бурбулис, Козырев, Полторанин — была назначена у Полторанина на архангельской даче, на подъезде к дому я встретил сотрудника охраны, вышел из машины и направился к нему, чтобы узнать, с какой чести мы удостоились его присутствия. И пока шел, ясно услышал, как он по рации передал: «Подъехал Филатов». И все же я, поздоровавшись, спросил: «Не случилось ли чего? Почему вы здесь?» На что сотрудник пробурчал невразумительное: «Обход. Проверка». И ретировался.

Первым выпадом со стороны Хасбулатова на съезде было переадресование всей почты с моего стола на стол Воронина. Так я фактически остался безработным, и мне следовало ждать других недружественных действий. Очень многие депутаты видели и понимали, что происходит в наших отношениях — председателя и его первого заместителя. Да и не только депутаты — стали поступать телеграммы от людей, которые обо всем догадывались, следя за дневниками съезда по телевизору.

Вот одна из таких телеграмм: «Сергей Александрович, держитесь. Избиратели вместе с вами. В отставку по собственному желанию не

уходите. Начнем борьбу с мафией. = По поручению избирателей — Петухова. НННН 1451 24.12 0037»

Мне и, по-моему, Хасбулатову тоже в то время казалось: кто первый поднимет вопрос о взаимоотношениях — а нужно было этот вопрос ставить шире как вопрос о будущем парламента, демократии, государства, — тот и проиграет. Во всяком случае, ко мне приходили и мне звонили очень многие депутаты и недепутаты и в один голос просили, убеждали, требовали, чтобы я не выступал и не поднимал этот вопрос первым.

Так и сидели мы рядом с Хасбулатовым в нервном напряжении, но выступление я заготовил, отчего вдвойне тягостно было наблюдать за всем происходящим молча. Сегодня я продолжаю мучить себя вопросами: может быть, нужна была открытая атака против мастера интриг и лжи, может быть, она принесла бы победу и остановила надвигающееся безумие? Ведь будущее уже тогда виделось темным и драматичным — в противостоянии президента и оппозиции, которую фактически возглавил Хасбулатов.

Депутаты демократических фракций еще весной начали готовить материал для создания комиссии Верховного Совета по нарушениям, допускаемым Хасбулатовым в практике работы председателем, но теперь это все отодвигалось в сторону.

А тут еще заговорили о некоем компромате на меня, и я понимал, что это — проверка реакции съезда, проба на излом, разведка боем. В зависимости от реакции на этот оговор появится план действий. С обвинениями в мой адрес выступил депутат В.Исаков, материалы, я в этом не сомневаюсь, ему подбирал Ю.Воронин. Речь шла о некоторых моих распоряжениях, которые расценивались Исаковым как нарушение законности первым заместителем Председателя Верховного Совета.

Не стал я ему отвечать с трибуны, а попросил это сделать письменно председателя комитета Верховного Совета по законодательству М.А.Митюкова и начальника юридического отдела Верховного Совета Р.М.Цивилева, после чего считал инцидент исчерпанным. Однако Исаков попытался еще несколько раз поднять эту тему в надежде обратить на нее внимание съезда и, может быть, дать ей скандальное продолжение. Ну а когда и Хасбулатов не преминул высказаться по этому поводу, пришлось — для равновесия — несколько

слов и мне сказать от микрофона в президиуме. Вскоре, впрочем, тема эта так и заглохла сама собой, ибо юридически я был чист.

Итогом этого горького съезда стали смена премьера, на съезде были ограничение полномочий президента, значительное «очищение» палаты Верховного Совета от демократической части депутатов и подготовка плацдарма для продолжения наскоков на реформы и президента. Следующий съезд был намечен и заявлен на апрель 1993 года.

Когда Седьмой съезд подходил к концу, в разговоре со мной один на один у себя в комнате, расположенной в Большом Кремлевском дворце, Хасбулатов как-то тихо и с виду почти безразлично вдруг предложил: «Сергей Александрович, подайте заявление и уходите по доброму. Я обещаю вас хорошо устроить». Я спросил: с какой, мол, это стати? Но предложение было сделано, и за кажущимся равнодушием тона в нем угадывалась нешуточная угроза. Что ж, на войне как на войне, и я столь же невозмутимо отказался обсуждать эту тему до следующего съезда.

В то время Н.Т.Рябов делал все, чтобы добиться расположения Хасбулатова и занять место в руководстве Верховного Совета. Конечно, прицел у Николая Тимофеевича был на пост первого заместителя, и не случайно на этом съезде он так рьяно обрушился и на президента, и на правительство. Но мы еще будем свидетелями того, как с тонущего хасбулатовского корабля резво побегут многие, и среди них, если не впереди всех, — Рябов, который напрочь отречется от своих выступлений и от своей позиции и перевернется ровно на 180 градусов.

Крах Хасбулатова и хасбулатовщины произошел осенью 1993 года. Трудно описать, что грозило стране в случае успеха его замыслов, в случае захвата им власти через представительные органы. Видимо, президент понимал это лучше всех, когда стал прорабатывать указ № 1400.

Событиями осени 1993 года закончилась целая эпоха борьбы за власть Советов, точнее, за власть человека, внутренний облик которого, характер и действия очень напоминали все, что делал «великий вождь и учитель всех народов».

Можно сказать, что сюжет профессора Хасбулатова в известном смысле вписывается в «феномен генерала Дудаева» — любой ценой достать с неба свою звезду. Вырваться к ней вопреки новой системе,

внешним силам, вопреки родовым и этническим путам, которыми оба были связаны по рукам и ногам.

Вырваться во что бы то ни стало...

Вероятно, от той власти, которая не сама на него свалилась, а которую он упорно и умело прибирал к рукам, голова пошла кругом. Наркомания власти — вещь страшная. Еще немного, и Хасбулатов стал бы сам себя величать «отцом народов». Но когда в Белом, вдруг почерневшем от взрывов и огня доме наступило столь поразившее иностранцев «отключение» спикера от всего происходящего (возвращение к нему обычного человеческого лица), в этом не было ничего удивительного — перестал действовать тот самый наркотик власти.

Глава 7. «СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НАДО КАК-ТО СКОМПРОМЕТИРОВАТЬ...»

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

*Такая колоссальная страна,
Пейзаж такого сложного рисунка,
Что даже балалаечная струнка
Звучит как громогласная струна. <...>
И чудится, что трудностей не счесть,
И кажется, нет силы, что могла бы Все одолеть...
Но эта сила есть,
И уж творятся, так творятся здесь
Событья грандиозного масштаба...*

Леонид Мартынов

25 декабря 1992 года Борис Николаевич пригласил меня в санаторий «Барвиха», где он в то время лечился от простуды. Встреча состоялась в его номере, в 7-м корпусе. Выглядел Ельцин неважно, и я подумал, что есть правда в том утверждении, что крупные мужчины болеют тяжелее. Сразу же заговорили о делах.

— У меня возникли проблемы с администрацией, а у вас — серьезные осложнения с Хасбулатовым. Хотел предложить вам должность руководителя Администрации Президента. Вы справитесь с этой работой, вы хорошо поставили дело в Верховном Совете. Как вы на это смотрите?

— Спасибо за предложение, Борис Николаевич, но я предупредил Хасбулатова, что буду работать до следующего съезда, и хотел бы пока оставаться там. Думаю, что там я пока нужнее.

— Да нет, он вам не даст работать, раз предложил уйти.

— Хорошо, если вы так считаете, я согласен. Когда нужно приступить к работе?

— Мне нужно недельки две-три, чтобы решить все вопросы с Юрием Владимировичем Петровым. Я должен с ним поговорить и устроить его судьбу. А каковы ваши планы на ближайшее время?

— Лечу с руководителями фракций в Лидский университет, где англичане хотели бы прочитать нам несколько лекций и устроить ряд

встреч с тамошними политиками и парламентариями. Вылет намечается на девятое января, а до этого я еще хотел бы отдохнуть в Кисловодске.

— Хорошо, значит, у нас у обоих есть время. Отдыхайте, поезжайте в Англию и затем сразу выходите на работу в Администрацию Президента. Здесь все будет подготовлено к двадцатому — двадцать второму января.

Борис Николаевич рассказал о задачах, которые мне предстояло решать, находясь в новой должности, и я понял, что он выделяет три главных направления: структура и организация работы аппарата; взаимодействие с Верховным Советом; создание государственной службы и — кадры. Ельцин верил, что у меня должно получиться, но неожиданно признался, что прочил на это место В.В.Илюшина, своего первого помощника, который, по его мнению, настоящий штабист. И, предлагая эту работу все-таки мне, он не сомневался в том, что мы поладим с Виктором Васильевичем. Борис Николаевич уже переговорил о моем переходе с Хасбулатовым — тот не возражал, но не удержался от язвительного предостережения: «Он вас подведет».

Затем мы поговорили о возможном развитии событий после Седьмого съезда народных депутатов, на котором Гайдар был освобожден от обязанности и.о. премьера правительства, и оба посетовали на то, что разнузданность Хасбулатова прогрессирует и ни к чему хорошему не приведет. Хасбулатов постоянно находился в поиске инструмента противовеса для Ельцина. Одно время ему хотелось сделать таким противовесом Чечню — когда избавлялись там от Доку Завгаева, внедряя на его место Джохара Дудаева. Не получилось. В последующем таким противовесом попытался сделать Конституционный суд во главе с Валерием Зорькиным, потом — вице-президента Александра Руцкого, наконец — депутатский корпус. И надо сказать, много он попортил всем крови.

Я придерживался того мнения, что самое правильное — добиваться референдума, который позволил бы подойти вплотную к принятию новой Конституции. Только это могло поставить все на свои места в высших эшелонах власти, решить принципиальные вопросы развития демократии, рыночной экономики и защиты прав человека, внести согласие в общество — расстановка сил в тот период вселяла уверенность, что Ельцина народ поддержит.

На этом мы с президентом расстались. Весь намеченный нами план именно так и был реализован. Правда, в Лидсе, где находилась наша делегация, руководители фракций несколько раз делали попытку уговорить меня остаться в Верховном Совете, говорили на эту тему со мной Иван Петрович Рыбкин и Михаил Иванович Лапшин. Я с внутренним уважением отношусь к Ивану Петровичу, человеку мягкому и порядочному. Михаила Ивановича помню с детства, когда он бывал у нас дома, водя дружбу с моими родителями. Прямой, честный, переживающий за дело, в годы преобразований он, к сожалению, многого из происходящего не понял и настолько искаженно кое-что воспринял, что, по-моему, всерьез заболел душой, возглавив борьбу аграриев против реформ и новой власти.

А я ведь жил одно время в тех подмосковных краях, где председательствовал Михаил Иванович. И на моих глазах разрушались малые деревни и росла одна большая — Софроново, куда принудительно сгоняли окрестных жителей по замыслу авторов — для создания мощного производительного кулака. Но как мы знаем, из этого тогда и по всей стране ничегошеньки не получилось. Сельское хозяйство окончательно разрушилось, крестьянство обнищало. Неужели даже на этом примере не дрогнуло сердце Михаила Ивановича и внутренний голос не подсказал ему, что занимался он тогда делом несправедливым, что только новая экономика поможет возродиться крестьянству, а значит — российскому сельскому хозяйству...

Тогда же, в Лидсе, мне верилось в искренность обоих, но решение мое изменить было уже нельзя. Хотя мне очень хотелось остаться в Верховном Совете, пусть бы до следующего съезда. Но после предложения Бориса Николаевича колебания стали неуместны.

22 января 1993 года я приступил к новым своим обязанностям. Первое впечатление от этой новизны было неважное — какая-то скованная вокруг обстановка, как будто все чего-то недоговаривают, более закрытая и тягостная, нежели даже в Верховном Совете.

Это — реалии тех дней: множество слухов, догадок, вымыслов, идущих в том числе и в эфир (или из эфира). Как-то Олег Попцов на мой упрек, что телевидение дает много вымышленной информации, сказал:

— Видишь ли, Сережа, информация или есть, или ее нет. Когда ее нет — ее выдумывают.

И мне подумалось, что так не должно быть: все, связанное с Ельциным, точнее, с образом демократического президента, должно быть открыто и доступно для общества. Помню первый разговор в Кремле, когдa Борис Николаевич ставил конкретные кадровые задачи. Выходя из кабинета, я спросил, как он относится к тому, чтобы я больше общался с журналистами. У меня к тому времени установились доверительные контакты с Людмилой Телень из «Московских новостей», Тамарой Замятиной, корреспондентом ИТАР-ТАСС, Вячеславом Тереховым из «Интерфакса», Вероникой Куцылло из «Коммерсанта», Верой Кузнецовой из «Независимой газеты», Натальей Архангельской и многими другими. Борис Николаевич поморщился:

— Только в меру.

В Кремле явно просматривался конфликт между президентом Ельциным и вице-президентом Руцким, какое-то подавленное состояние было у секретаря Совета Безопасности Юрия Скокова, разрастался конфликт с Хасбулатовым и Верховным Советом, неважные отношения складывались с Конституционным судом и его председателем Валерием Зорькиным. Присмотревшись, я стал подозревать, что конфликтное состояние подогревается руководителями службы безопасности и главного управления охраны: в ход идут и «прослушки», и выхваченные из различных контекстов двусмысленные фразы и слова. С ходу попытались скомпрометировать и меня. Войдя в кабинет Бориса Николаевича, слышу его упрек:

— Что же вы даете интервью о снятии Скокова до подписания мною указа?

— Борис Николаевич, это неправда, это интервью я дал на следующий день после подписания вами указа. Я это легко докажу.

— Докажите.

К следующей встрече я взял факсимиле сообщений «Интерфакса» и указ президента, и мы легко установили, что президента дезинформировали. Кто — не знаю, но больше таких упреков со стороны Бориса Николаевича не было.

Большой интерес к моему приходу в администрацию проявили журналисты. Начались регулярные встречи с ними, на которых я рассказывал о преобразованиях в администрации и отвечал на всевозможные вопросы.

В тот период администрация объединяла и аппарат правительства. Но, по настоянию В.С.Черномырдина и начальника аппарата правительства В.Квасова, решили аппарат правительства вывести из состава администрации, хотя у нас оставались все хозяйственные и кадровые вопросы. Президент считал, что кадры аппарата правительства и других самостоятельных структур должны быть подконтрольны администрации. Одновременно пришлось решать задачу укрупнения администрации за счет включения в ее состав самостоятельных подразделений. А таких подразделений было много — их руководители любыми путями стремились выйти на прямое подчинение президенту.

Именно такое укрупнение породило слухи о том, что до Филатова в администрации было четыреста чиновников, а с его приходом их стало две с половиной тысячи. Преобразования в администрации пришлось проводить в период обострения конфронтации между Хасбулатовым и Ельциным. Требовалось огромное напряжение, чтобы выдержать хасбулатовский натиск, нацеленный на моральный слом президента и импичмент.

С нашей стороны шла борьба за референдум о доверии президенту.

Не думал я тогда, что мне предстоит за три года работы провести по поручению президента четыре реорганизации администрации. Смысл в перемены всегда закладывался один: повышение эффективности работы и значительное сокращение аппарата. Причем, как правило, инициатива всех таких реорганизаций почему-то исходила от службы безопасности. Можно было только догадываться, в чем причина повышенной заинтересованности ведомства Коржакова в делах администрации.

Как-то в первые дни моей работы из уст Бориса Николаевича прозвучал упрек с оттенком огорчения, что я недостаточно занимаюсь кадрами и что много бывшей партноменклатуры осело в администрации. Упрек, конечно, был не совсем справедлив: если даже подходить формально, то в отличие от аппарата правительства, где старой номенклатуры осталось работать 62 процента, в Администрации Президента ее насчитывалось всего лишь 22 процента при среднем возрасте 45 лет. Другое дело, что отсутствие профессионализма и отработанной технологической цепи взаимодействия всех структур заметно сказывалось на эффективности нашей деятельности.

Первая встреча с В.В.Илюшиным была холодной. Напряженность проявилась в одном эпизоде: я увидел на своем селекторном аппарате среди множества фамилий и фамилию «Илюшин», спросил: «Могу ли пользоваться этой связью?» Последовал неожиданно резкий ответ: «Вы никогда не будете пользоваться этой связью со мной!» Похоже, сказывалась какая-то обида.

В то время Ельцину в работе помогала группа советников, работа которых до моего прихода координировалась Г.Бурбулисом: Екатерина Лахова, Эдуард Днепров, Элла Памфилова, Сергей Станкевич, Николай Малышев. Однако опыт их работы показывал, что цельной, единой политики, охватывающей все направления конституционных функций президента, не получается. Многие из них трудились на общественных началах и не могли полностью и эффективно отдаваться этой работе. Мы договорились вместе посмотреть новую структуру администрации — с усилением института помощников президента, и на этом разошлись.

Тогда помощниками президента были Виктор Илюшин, Анатолий Корабельщиков, Лев Суханов, Людмила Пихоя — старая гвардия, а пресс-секретарем — Вячеслав Костиков. Мне его выступления очень нравились своей точностью, красивой резкостью по отношению к оппонентам.

Но нужны были свежие силы, и одного кандидата в помощники Виктор Васильевич тогда уже заметил — это был Ю.М.Батулин, который проходил проверку, несколько месяцев работая на общественных началах. В последующем в этом кругу появились Г.А.Сатаров, М.А.Краснов, А.Я.Лившиц, Д.Д.Рюриков — целый букет интеллектуалов, которые создали более творческую атмосферу вокруг президента, обогащая его решения своей профессиональной подготовкой. И хотя кое-кому хотелось представить администрацию как два самостоятельных органа — советники и помощники, — из этого ничего не получилось,

К тому времени практически перестал существовать институт советников президента. Журналисты недоумевали: как мы с Илюшиным будем делить власть? Но власть была не у нас, а у президента, избранного народом. Только однажды, когда тема власти в администрации приобрела нездоровый оттенок в прессе, я позвонил В.Илюшину и спросил, что будем делать. Он неожиданно предложил:

— А давайте вместе выступим по ТВ и ответим на вопросы журналистов.

После нашего совместного интервью журналисты на какое-то время успокоились. Но непредсказуемость президента, постоянно перемещающего свое внимание с одного из нас на другого, его игра в сдержки и противовесы не давали утихнуть этой теме. И, конечно, двойственная структура с двумя равными по рангу руководителями — руководителем администрации и первым помощником президента — несколько мешала общему делу.

Да и третий центр влияния — в лице Коржакова — с каждым днем набирал силу. Дело кончилось тем, что в одном из указов Коржаков выводился на уровень первого помощника президента. Все это, конечно, снижало эффективность работы в целом, часто вносило путаницу. Коржаков, например, все чаще стал пересылать мне различные бумаги, выглядевшие как назидания-поручения:

«Учитывая, что Вы уходите в отпуск, Ваши заместители должны в этот период времени находиться на работе, а не в загранкомандировке. Этот вопрос согласован с Президентом РФ Ельциным. Просьба дать соответствующее указание».

«Прошу вас дать указание передать в установленном порядке Службе безопасности Президента РФ бланки указов и распоряжений Президента РФ (несекретные, секретные и совершенно секретные) в количестве 100 шт. для каждого типа бланков».

«В соответствии с п. 21 Закона РФ «О государственной тайне» от 21.07.93 г. предусмотрен допуск должностных лиц к государственной тайне. Для оформления допуска Вам необходимо в недельный срок заполнить прилагаемую анкету и представить ее с двумя фотографиями 4х6 в отдел контроля управления кадров Администрации Президента РФ».

Комментарии, как говорится, излишни. Этой службе очень хотелось командовать всем и всеми, держать всех и все под контролем. Но для этого у нее не было главного — конституционных полномочий и профессиональных знаний.

Не могу взять в толк, почему Коржаков решил, что гостайной должна заниматься Служба безопасности президента? Познакомившись с материалами, я увидел в них множество нарушений конституционных

прав человека. И главное — принципа добровольности. По Коржакову, чиновник, как и в старые времена, **обязан** (выделено мной. — **С.Ф.**) докладывать спецорганам об изменениях в его жизни, в семье, среди родственников. Конституция же и закон, защищая права человека, предусматривают, что при допуске к гостайне чиновник принимает на себя обязательство перед государством по нераспространению доверенных ему сведений, составляющих гостайну, и дает согласие на частичные, временные ограничения своих прав в пределах этого закона. При этом он дает письменное согласие на проведение в отношении него полномочными органами проверочных мероприятий. Но сам он не обязан свидетельствовать против себя и своей семьи, и никто его не имеет права к этому принудить.

Все это нашло отражение в подготовленных управлением кадров и подписанных руководителем Администрации Президента временной инструкции о допуске к государственной тайне и типовом договоре об оформлении допуска: «Принимая на себя обязательства перед государством по нераспространению доверенных мне сведений, составляющих государственную тайну, я даю согласие на то, что на период моей работы в Администрации Президента РФ могут быть ограничены мои права в соответствии с Законом РФ «О государственной тайне».

Но пока мы приводили все в соответствие с Конституцией и законом, сведения просочились в СМИ, зазвучала серьезная тревога в связи с нарушением прав человека и попыткой введения старого режима. К сожалению, в какой бы вопрос Коржаков и его люди ни сунули свои носы, везде просматривались незнание и пренебрежение Конституцией и законом.

В первый год мы вместе с помощниками президента серьезно работали над тем, чтобы создать работоспособную структуру администрации и быстрее вывести сотрудников аппарата администрации и правительства на профессиональный уровень. Многие пришли в администрацию на волне демократического прилива — это были люди, преданные идеям реформаторства, президенту-реформатору, но порой не имевшие элементарных навыков аппаратной работы.

Уже тогда мы начали предпринимать серьезные шаги по преобразованию Академии управления в Академию государственной

службы и по подготовке нормативных актов о государственной службе. Нужно было создавать новую государственную службу — законопослушную, профессиональную, политически не ангажированную.

Российскую академию государственной службы возглавил академик Алексей Емельянов. Становление Академии шло сложно. Многие противились ее перепрофилированию. Разгоралась негласная война между правительственными чиновниками и чиновниками Администрации Президента за приоритет курировать работу Академии. Сошлись на том, что Академия народного хозяйства, которой руководил академик Аганбегян, — правительственная, Академия госслужбы — президентская. Не обошлось и без крупного разговора в самой Академии, где мы с О.Н.Сосковцом побывали на ученом совете.

Мы видели незащищенность госслужащего и то, как некоторые политические деятели, находящиеся на гос-службе, пытаются использовать служебное положение для проведения своих политических целей в жизнь. С появлением Совета по кадровой политике, который по поручению президента возглавили мы с О.Н.Сосковцом, выявилась задача подготовить законодательную базу для становления и защиты госслужбы в России. В Совет вошли представители ряда министерств; от Госдумы и Совета Федерации — их председатели И.П.Рыбкин и В.Ф.Шумейко. Мы понимали, что такая база позволит иметь не только профессиональную и законопослушную, но и законом защищенную госслужбу. Пока же такой базы нет, все будет держаться на субъективных оценках и личных связях.

Появление закона об основах госслужбы уже позволило многое сделать. Во-первых, социально защитить госслужащего и обеспечить его нормальной пенсией, дабы при рыночных отношениях не вынуждать его на продажу информации, на взятки и другие нарушения закона. Во-вторых, он становится защищенным от произвола увольнения — администрация обязана трудоустроить его или, по его желанию, направить на учебу и оплатить ее. В-третьих, госслужащие разбивались по категориям — чисто госслужащие, процедура увольнения которых определяется контрактом или трудовым законодательством, и госслужащие, обеспечивающие выполнение конституционных обязанностей государственными деятелями, избираемыми или назначаемыми в соответствии с Конституцией. Эта

категория людей может быть принята и уволена по решению соответствующего государственного деятеля или органа.

Так появился Реестр государственной службы. Это, положило лишь начало становлению госслужбы в России. Я уверен, что от этой работы, от качества законодательства очень во многом зависело дальнейшее развитие России как демократического государства.

Для объединения усилий помощников и аппарата администрации были созданы аналитический центр и экспертно-аналитический совет, где рассматривались вопросы перспективы и текущих горячих дней. Это как бы служило ориентиром в работе всего коллектива.

В экспертно-аналитическом совете собрались крупные и уважаемые специалисты — журналист О.Р.Лацис, ректор МГИМО А.В.Торкунов, директор Института мировой экономики В.А.Мартынов, писатель Ю.Ф.Карякин, правозащитник С.А.Ковалев, экономист Е.Г.Ясин, академик А.Н.Яковлев, психолог Л.Я.Гозман, директор ВЦИОМ Ю.А.Левада, помощники президента Ю.М.Батурин, Г.А.Сатаров, А.Я.Лившиц и другие. Заседания совета заканчивались перечнем рекомендаций: отдельно — президенту, отдельно — структурам администрации.

В администрации на общественных началах работало более 20 консультативных советов и комиссий при Президенте Российской Федерации по самым различным вопросам, помогающих президенту выполнять конституционные обязанности: президентский совет, советы по местному самоуправлению, по судебной реформе, по кадровой политике, по делам молодежи; комиссии по воинским званиям и военным кадрам, по правам человека, по наградам, по гражданству, по помилованию, по государственным премиям и т. д.

Все это — сотни представителей деловой и творческой элиты, участие которой в делах президента помогает ему формировать общественно значимые и общественно апробированные решения.

Несколько слов о работе Комиссии по Государственным премиям в области литературы и искусства, которую по традиции возглавляет руководитель Администрации Президента. Работа комиссии в те времена проходила в атмосфере жесткой политической борьбы. И очень важно было оценивать работы, представленные на Государственную премию, не по конъюнктурным соображениям, а максимально объективно, не ввязывая сюда политические пристрастия.

Надеюсь, что в этой книге мне удалось сохранить свободным от зла и обид свой взгляд на события и их участников.

Перед отправкой отца на фронт. (Вверху — моя старшая сестра Тамара, внизу справа — младшая сестра Белла). 1942 г.

Мама и я — первые слушатели отцовских стихов.1947 г.

Я начал свой трудовой путь с завода «Серп и молот». 1965 г.

С женой Галей. 1960 г.

1996 г.

На собрании в ВНИИметмаше, поддержавшем мою кандидатуру на выборах в Верховный Совет РСФСР. Справа — О. Храпченков. 1989 г.

С М. Бочаровым перед Первым съездом народных депутатов РСФСР. 1990 г.

Очередь к микрофону в день открытия Первого съезда народных депутатов РСФСР. 1990 г.

Присяга первого Президента России 10.07.1991 г.

Б. Ельцин среди защитников Белого дома. 19.08.1991 г.

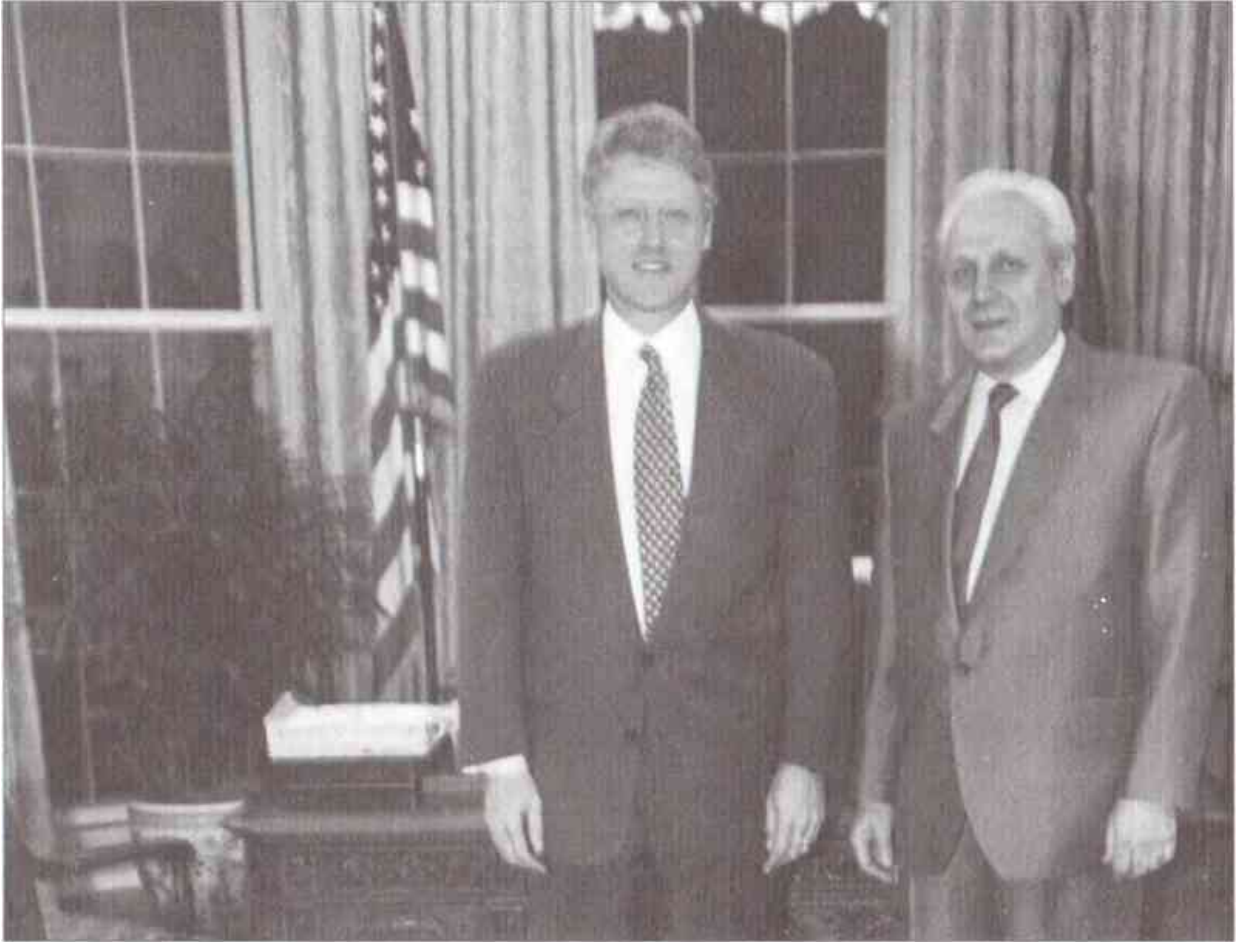
**Два Президента.
На встрече с депутатами Верховного Совета РСФСР.
22.08.1991 г.**

После просмотра фильма Э. Рязанова «Небеса обетованные» в Белом доме. 02.09.1991 г.

**Годовщина памяти жертв переворота. Ваганьковское
кладбище,
21.08.1991 г.**

С Б. Клинтон в Овальном кабинете Белого дома. 1993 г.

Беседа с послом Франции в России П. Морелем. 1993 г.

**Представление Ее Величеству Королеве Великобритании
Елизавете II. 1994 г.**

С Г. Кюлем. 1995 г.

В Омском аэрокосмическом объединении «Полет». 1994 г.

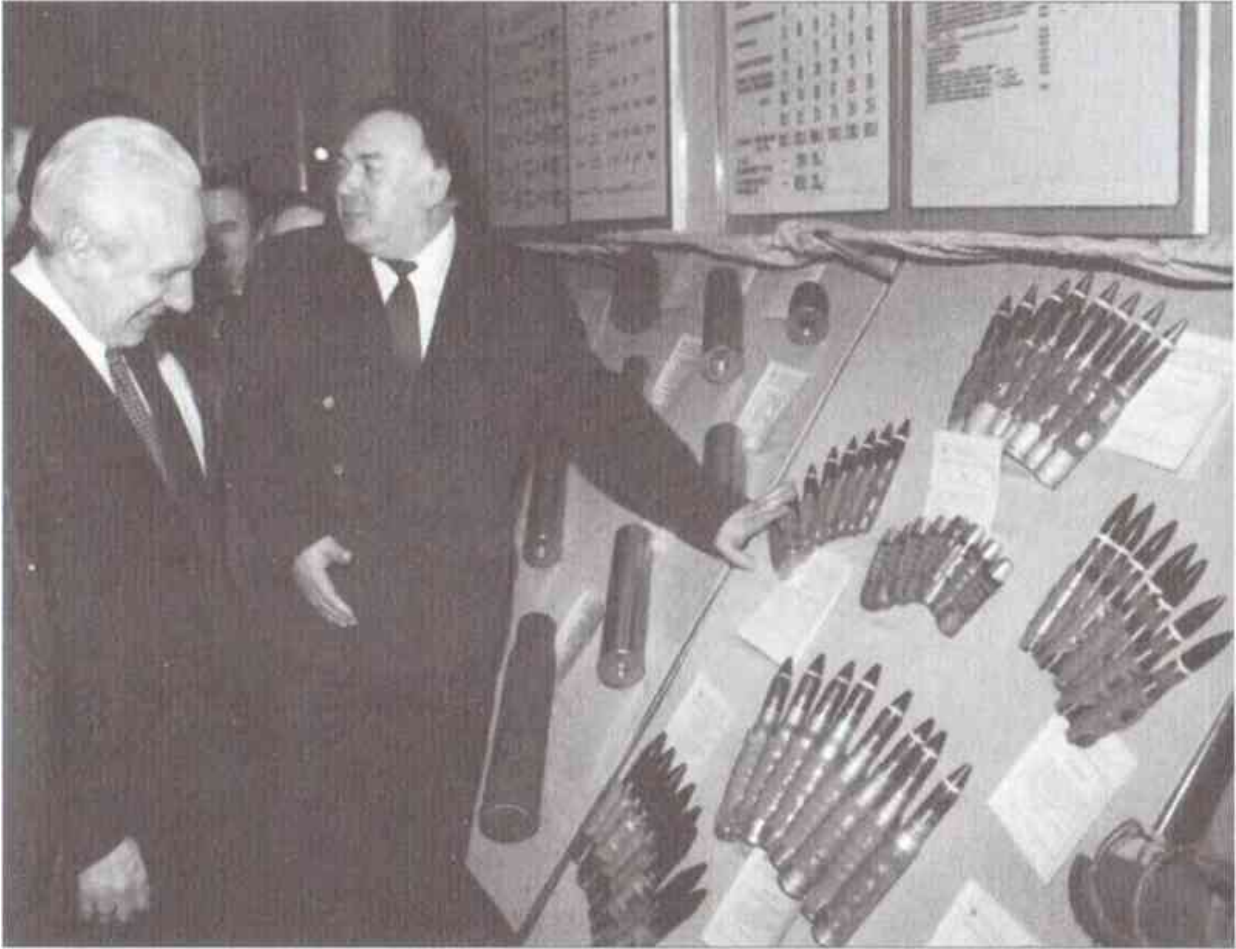
**Автограф на «стене подписей»
в Международном Восточно-европейском университете.
Ижевск, 1997 г.**

Открытие памятника С. Есенину на Тверском бульваре. 1995 г.

**С академиком С. Головкиной и дирижером М. Плетневым.
1994 г.**

На Тульском оружейном заводе. 1995 г.

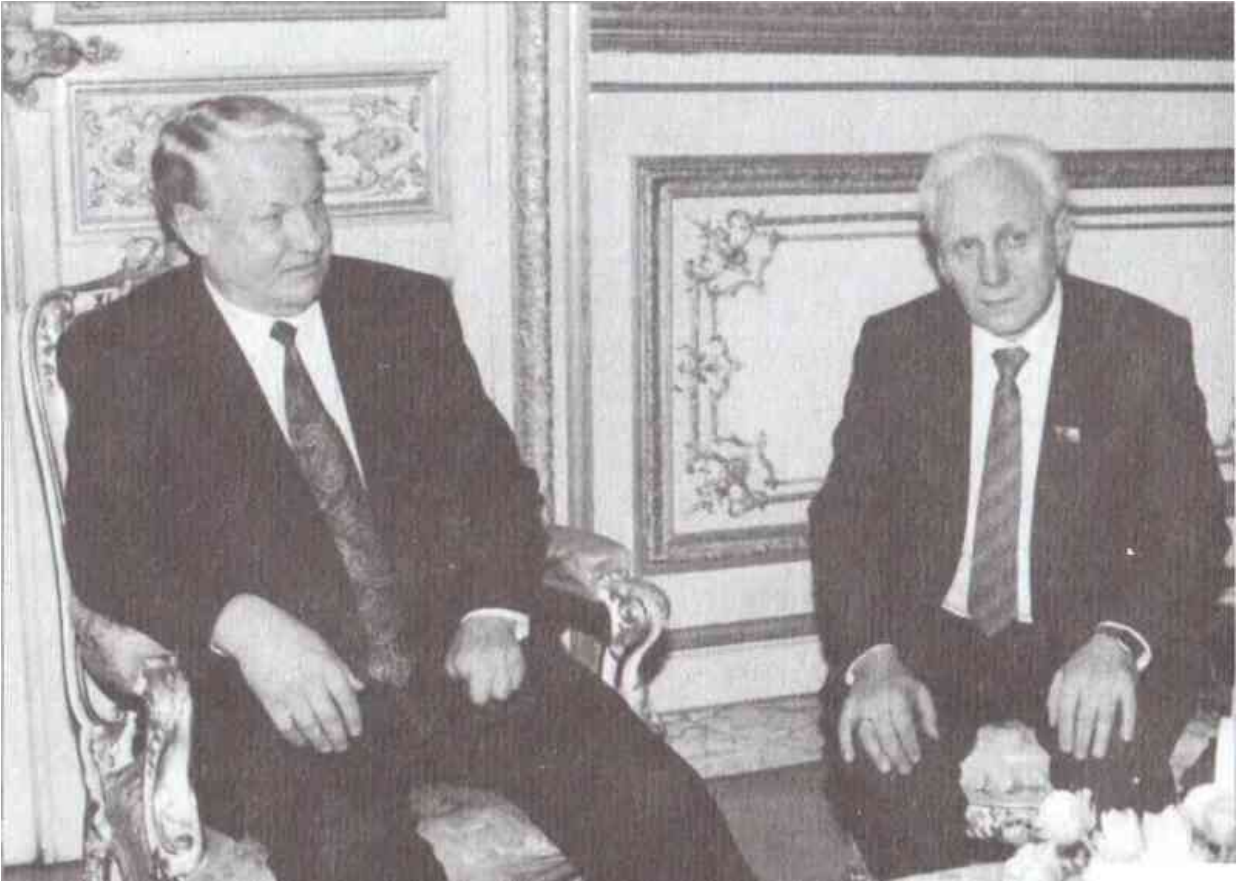
В шахте в Свердловской области 1995 г.

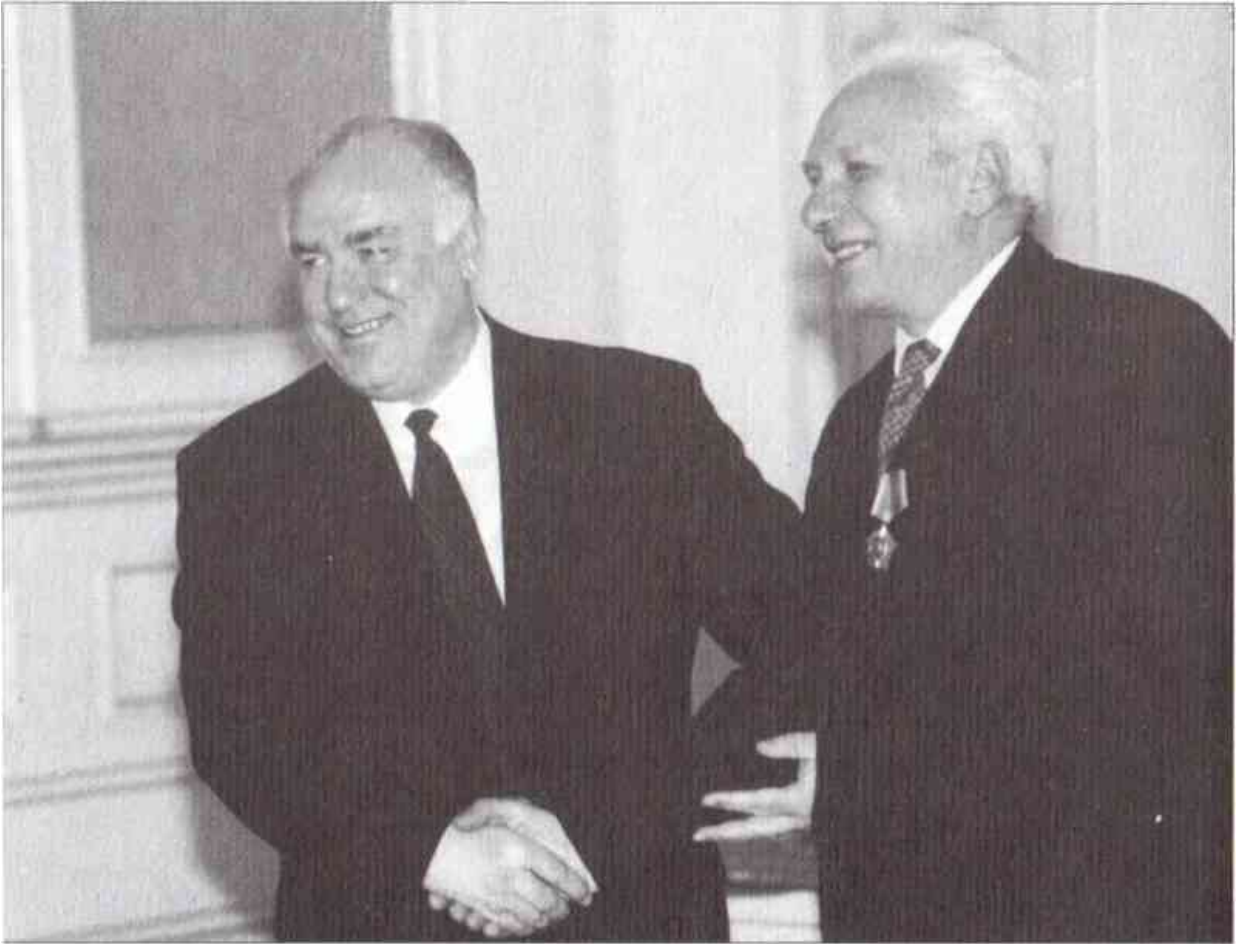
С А. Яковлевым. 1996 г.

С А. Джигарханяном 1997 г.

В парламенте Франции. 1992 г.

Вручение Ордена Дружбы В. Черномырдиным 1996 г.

С Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. 1995 г.

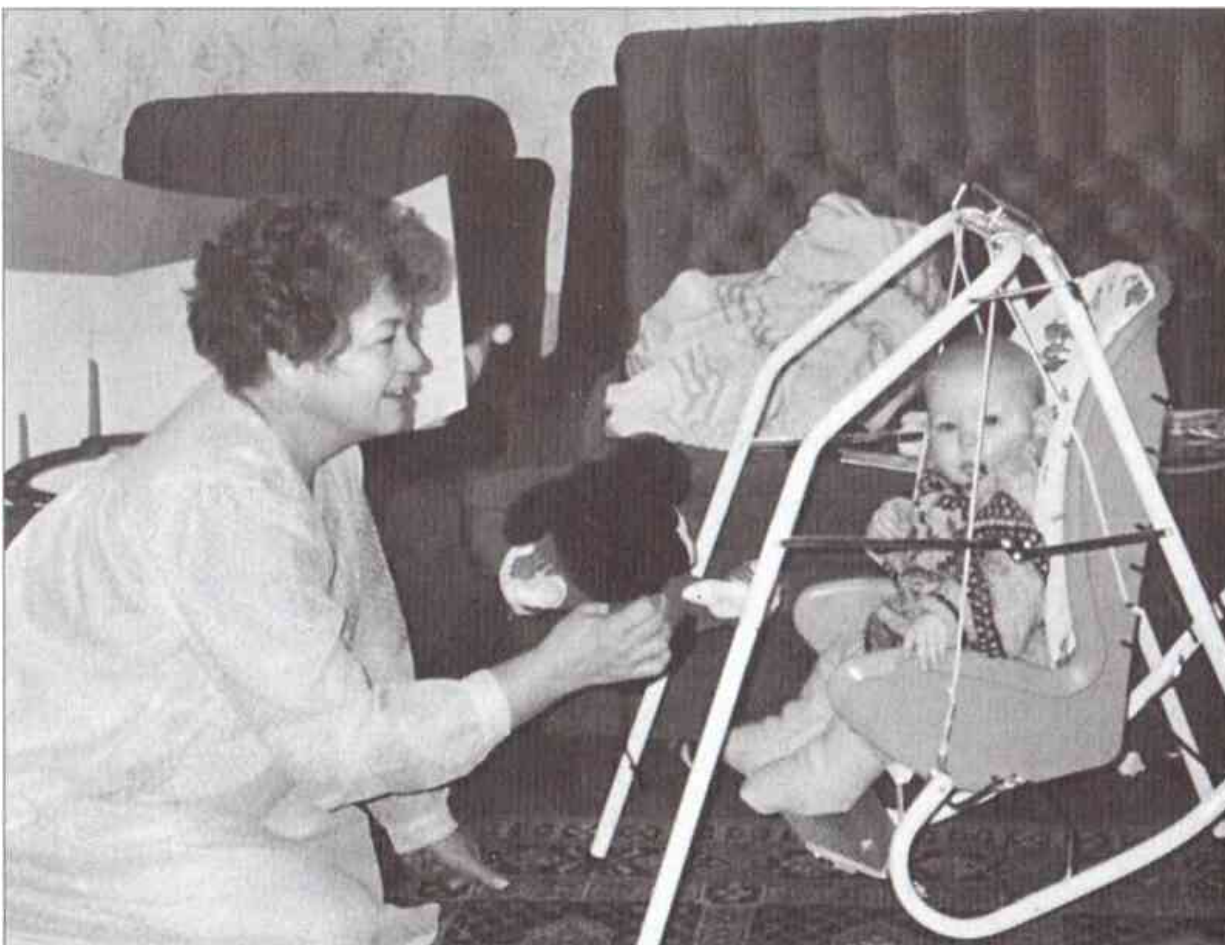
С О. Басиашвили. 1996 г.

С Д. Лихачевым. 1997 г.

С семьями старшей дочери Марины (вторая слева) и младшей Маши (вторая справа).1999 г.

Жизнь продолжается...

Галя с младшей внучкой Наташей. 1997 г.

Мне кажется, этого мы достигли. Голосовали тайно, оставляя в итоге лишь работы, получившие не менее двух третей голосов. Если раньше оценка и отсев проходили уже в первом туре, то теперь мы изменили принцип представления материалов во второй тур — отсеивалось лишь то, что не проходило по формальному признаку. Это дало комиссии возможность представлять общественности большее число работ, претендующих на Государственную премию.

Запомнились произведения Фазиля Искандера, Михаила Шемякина, Юрия Левитанского, Никиты Михалкова, исполнительское искусство Николая Петрова, Юрия Башмета, Михаила Плетнева, Аллы Пугачевой, многие работы наших архитекторов, дизайнеров.

Когда первую премию за кинофильм «Урга» получил Никита Михалков, он попросился на встречу. И начал разговор с того, что никогда не думал получить премию от президента, против которого он

выступал вместе с Руцким. Я объяснил Никите Сергеевичу, что в комиссии такой принцип: политика — отдельно, искусство — отдельно. И его «Урга» — истинно талантливая вещь. Никита Сергеевич, к моему удивлению, даже прослезился: настолько его ошеломило решение комиссии и президента:

— А что, и президент такого же мнения?

— Да, я специально обратил внимание Бориса Николаевича на фильм, когда докладывал ему результаты работы комиссии. Он все поддержал.

— А можно мне с ним встретиться?

— Думаю, можно. Я буду об этом просить.

И такая встреча состоялась, после чего Никита Сергеевич стал союзником президента и много сделал для его победы на выборах 1996 года.

Он не поверил в возможность премии и на следующий год, но удостоился еще одной — за картину «Утомленные солнцем». Это сомнение он высказал у меня на даче, во время просмотра фильма в узком кругу приглашенных. Там же мы упрекнули Никиту Сергеевича, что он свои фильмы сначала показывает за рубежом, а уж потом на родину привозит их в переводе с иностранного. Но здесь у него — своя тактика: внутренняя реклама и дорога и неэффективна, а все, что приходит из-за рубежа, да еще с тамошними премиями, уже обречено на успех в России.

В Комиссии по Государственным премиям после долгих споров была введена еще одна секция — эстрадного и циркового искусства. В музыкальной секции артистам эстрады и цирка было почти невозможно пробиться к премиям: отношение к ним всегда вызывало споры. Там они были людьми как бы второго сорта. Теперь же стали появляться лауреаты-эстрадники. И мне приятно, что среди первых — Алла Пугачева и Геннадий Хазанов.

Но был еще один принцип в комиссии, который при мне не нарушался, хотя это приносило холодок в отношениях с определенными людьми. Из авторского коллектива исключались административные работники. Конечно, многие из них помогали претендентам, особенно если дело касалось памятников, архитектурных сооружений, но лауреатом мог стать только творец. К сожалению, после своего ухода я увидел, что принцип этот стал

нарушаться: среди лауреатов замелькали фамилии чиновников, и открыл такой список Ю.М.Лужков.

Не простая ситуация складывалась в Комиссии по вопросам помилования, которую возглавил писатель А.И.Приставкин. Я не знаю другой комиссии, где с таким вниманием и болью рассматривались бы вопросы. Основной из них — смертная казнь или помилование.

Как-то я побывал там и попытался понять рабочую атмосферу. За столом, кроме Анатолия Приставкина, сидели озабоченный, с теплыми и умными глазами, Булат Окуджава, писатель Аркадий Вайнер, отец Александр Борисов, правозащитник Сергей Ковалев... Работа была уже закончена, все они выглядели уставшими и даже опустошенными. Разговор зашел о том, что много стало предложений по помилованию и президент по этому поводу высказал озабоченность. Были такие «дела», что волосы на голове шевелились от ужаса, а тут — рекомендация комиссии: помиловать. Правда, понятие «помиловать» здесь не совсем точное, потому что под помилованием понималось пожизненное заключение, а в то время законодательством оно определялось в пятнадцать лет строгого режима. Не каждый из помилованных хотел этого. В общем, для озабоченности имелись причины.

Отношение к смертной казни в России всегда было противоречивое: в благополучные периоды жизни острота споров снижалась, в неблагополучные — взвинчивалась. В годы реформ криминогенная обстановка в стране стала поистине устрашающей: увеличилось число убийц-маньяков, появились заказные убийства, начал процветать терроризм. Все это способствовало сгущению атмосферы вокруг вопроса о смертной казни.

И сегодня общественное мнение — явно не в пользу ее отмены, хотя наша страна встает на путь правового государства, проводя в соответствии с новой Конституцией реформы, и прежде всего — в области защиты прав человека. Именно в эти годы Россия была принята в Совет Европы после того, как за четырьмя подписями (Президента РФ, председателя правительства и председателей Совета Федерации и Госдумы) я отвез в Страсбург Послание Парламентской ассамблее Совета Европы, согласно которому наша страна брала на себя определенные обязательства. В то время формально по отдельным

позициям мы не дотягивали до членства в Совете Европы, и речь скорее шла о намерениях России достичь этих формальных признаков.

В Послании говорилось, что «...наше стремление к полноправному участию в Совете Европы является следствием проводимого курса на построение в России правового государства, укрепление демократии и реальное обеспечение прав человека. Рассчитываем, что, вступив в Совет Европы и присоединившись к его важнейшим основополагающим конвенциям и в первую очередь к Европейской конвенции о защите прав человека, будем в полном объеме выполнять принимаемые **при** этом на себя обязательства, сможем в сотрудничестве со всеми структурами Организации еще настойчивее и эффективнее продолжать работу по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в Российской Федерации в соответствии со стандартами Совета».

Кроме того, с вступлением России в Совет Европы появились надежда на формирование Большой Европы, с единым гуманитарным, правовым, социальным и культурным пространством и возможность совместного обустройства Большой Европы — в области защиты прав человека, экономики, системы безопасности.

Очень важный шаг — вступление России в Совет Европы, если учесть, что наша страна много лет жила не по законам, а по диктату идеологии, а значит, властного произвола. Вступив в Парламентскую ассамблею Совета Европы, мы получили возможность учиться законотворчеству, быть, как и все ее члены, подконтрольными, и дали обязательство учитывать международные стандарты при подготовке законопроектов, указов, распоряжений, а также в правоприменительной практике во всем, что касается прав человека. Нужно отметить, что по всем двадцати вопросам, которые поставили тогда перед нами представители Парламентской ассамблеи Совета Европы при наших многочисленных встречах и по которым руководство России дало пояснения и обязательства, мы за эти годы значительно продвинулись вперед.

Вступление в СЕ поставило перед нашей страной вопрос об отмене смертной казни. И здесь, как мне кажется, есть серьезные проблемы. Госдума и многие сотрудники Генпрокуратуры и МВД являются противниками отмены смертной казни. Общественное мнение

находится в раскаленном состоянии и скорее не одобряет отмену смертной казни, нежели поддерживает.

Эти проблемы возникли в Комиссии по вопросам помилования задолго до нашего вступления в Совет Европы. И несмотря на то, что состав комиссии был сбалансированным (сторонники смертной казни и противники ее составляли 50 на 50 процентов), все же заключений комиссии на помилование было больше, чем противоположных. В этом плане были очень характерными 1992, 1993 и 1994 годы, когда были приведены в исполнение соответственно только 1, 4 и 19 смертных приговоров. А помиловано было соответственно 55, 149 и 134 осужденных. Тогда в региональной прессе (думаю, не без участия коммунистического руководства) начали появляться материалы, обвиняющие президента в чудовищных грехах, обостряющих обстановку в стране. И под влиянием этих выступлений президент вынужден был внести поправки в работу Комиссии по вопросам помилования.

Этот пример еще раз показал, насколько важно серьезно работать с общественностью, учитывая, что многие люди живут до сих пор старыми догмами и настроением нетерпимости, посеянными тоталитарным режимом, который сам мог существовать только в атмосфере культивируемых им внутреннего раздора и гражданской войны. И по сию пору оппозиция постоянно пытается поддерживать в обществе старые тенденции поиска врага.

Вопрос о смертной казни — отнюдь не философский. Как показывает мировая практика, смертная казнь не является фактором, сдерживающим динамику преступлений против личности, и не уменьшает уровень преступности. Он, этот уровень, зависит прежде всего от социально-экономической ситуации в стране и эффективной работы правоохранительных органов. Исследования говорят о том, что в большинстве случаев в государствах, где смертная казнь не применяется, число тяжких преступлений снижается по сравнению с соседями, сохранившими ее. Тот, кого казнят, не всегда является наиболее опасным убийцей, маньяком или террористом. Как правило, в число казнимых попадают представители социальных низов. Зачастую в ходе следствия имеет место фатальное стечение обстоятельств, а в дальнейшем — судейский волюнтаризм. Таким образом, процедура принятия решения о смертной казни превращается в фактический

произвол, который исключает безупречный характер этого правового института, поскольку в основе права лежит всеобщее равенство перед законом. Все это усугубляется встречающимися в юридической практике ошибками.

Для нашей страны важным является не столько сдерживающий или общепредупредительный характер смертной казни, сколько потребность в гуманизации человеческих отношений и смягчение нравов в обществе, соблюдение прав человека и прежде всего главного естественного права — на жизнь. Именно в этой области нужно перехватить инициативу у оппозиции. Именно здесь должна сказать свое слово российская интеллигенция, как когда-то говорили об этом Лев Толстой, Федор Достоевский, Леонид Андреев..

В начале работы в Администрации Президента возникли проблемы с Контрольным управлением. Борис Николаевич предупредил меня, что начальник Контрольного управления Президента Юрий Болдырев сейчас в отпуске, после чего должен уйти с этого места. Причина была простая: много нареканий со стороны глав администраций на действия представителей президента, которые, находясь в штате Контрольного управления, превратились в фискальную службу и стали уже не представителями президента, а контролерами за действиями губернаторов.

Получался парадокс: и губернатор, и представитель президента назначались президентом, но одному из них поручалось следить и как бы «стучать» на другого. Сама идея института представителей президента, которые должны были представлять политическую фигуру президента в регионах, стимулировать там объединительные процессы общественно-политических сил, просто дискредитировалась. В этой ситуации представители президента были выделены в отдельное подразделение и всю дальнейшую работу строили уже в другой плоскости. А Контрольное управление профессионально занималось своими делами, опираясь на соответствующие правоохранительные, финансовые и налоговые службы.

Сам же Ю.Болдырев уходил сложно, пытаясь выторговать себе пост посолднее. Когда я предложил ему место одного из заместителей министра, он скривился:

— Да вы что! У меня министры в ногах валялись, а вы хотите, чтобы я стал одним из их заместителей. Да меньше чем вице-

премьером мне быть не положено...

Когда при мне были затеяны последние преобразования в администрации по докладной записке Коржакова на имя президента — срок исполнения, как всегда, жесткий, — мне захотелось понять их суть. Я создал рабочую группу, попросил Коржакова включить в нее своего представителя, так как Служба безопасности здесь проявляла какой-то особый интерес.

Представителем Службы безопасности президента стал, как и ожидалось, полковник Владимир Антипов. После рассмотрения всех предложений сущность структуры свелась к созданию главных управлений для всестороннего обеспечения конституционной деятельности президента. Таких управлений намечалось семь — правовое и законодательное; по защите прав гражданина и человека, по государственной службе и кадровому обеспечению; по внутренней и внешней политике; по работе с территориями и местному самоуправлению; по аналитическому и информационному обеспечению; по делопроизводству. Во главе управлений должны были стоять заместители руководителя Администрации Президента.

На мой взгляд, такая структура имела ряд недостатков. Во-первых, как мне казалось, необоснованно увеличивалось количество заместителей руководителя администрации. Их становилось двенадцать, что сильно обюрокрачивало верхушку администрации, мешая ее непосредственной связи с президентом. У меня заместителей было два, у Ю. В. Петрова — вообще ни одного. Наверное, больше двух и не нужно — ведь прямое общение с руководителями управлений и отделов как раз и приводит к эффективной работе всего аппарата.

Во-вторых, получается неуклюжая трехкаскадная система управления, которая сковывает работу аппарата и инициативу управлений и отделов, а поток бумаг на своем пути приобретает еще одну ступеньку обработки. Тогда же я предложил вместо заместителей руководителя администрации курирование направлений передать помощникам президента. Так принято и в США. Пора — и давно пора! — переходить от многоцентрового управления к единому, повысив тем самым роль помощников и сблизив их с аппаратом.

Но поддержки по своему предложению я не получил именно в службе безопасности, и тогда было решено в таком виде передать структуру и положение о ней на рассмотрение президента. Борис

Николаевич попросил еще раз посмотреть все документы в службе помощников. Там, конечно, разразился скандал; помощники потребовали реализации моего варианта. Но ему, увы, не суждено было увидеть свет.

С приходом А.Б.Чубайса руководителем Администрации Президента многоцентровая структура администрации стала одноцентровой. Теперь в этом была не только настоятельная необходимость — появилась и реальная возможность для такого возврата: не стало трех прежних центров влияния на администрацию — Коржакова, Илюшина и Филатова. Появились и предпосылки к воссозданию единого аппарата президента, а также условия для того, чтобы поставить на конституционное место службу безопасности. Ведь в эту службу за последние годы протоптали дорожку очень многие, по своему положению не имеющие ничего с ней общего. Не случайно генерал-охранник Коржаков уже давно мнил себя вице-президентом России, а Службу безопасности президента — Службой безопасности России.

Пишу обо всем этом так подробно не потому, что хочу поплакаться читателю, вовсе нет. Но даже в демократическом или находящемся на пути к демократии обществе при достигнутых, как у нас, гласности и открытости прессы, все равно, как показала наша короткая практика, метастазы внутренней жандармерии могут опутать и общество, и структуры власти и сделать свое черное дело. Нужны законы, регулирующие процессы развития общества и властные функции всех структур; законы, ограничивающие возможность произвола, обеспечивающие реальные гарантии прав и свобод гражданина и человека, ответственность за их нарушение.

Именно поэтому мне видится главная задача предстоящего периода нашей жизни в правовой и судебной реформах, чем и занималась администрация на протяжении последних лет. Не обеспечим последовательно страну необходимыми законами — будем и впредь хромать на обе ноги, вызывая недоверие у цивилизованного мира и постоянно скатываясь к тоталитарным методам управления. Наконец, всегда найдутся люди, по-большевистски подталкивающие к выстраиванию жесткой вертикали власти.

Преобразования в Администрации Президента понадобились Коржакову для влияния на государственные органы, контроля за ними.

Наконец, для того, чтобы добиться такого положения дел, когда каждая кандидатура руководящего состава получала бы «добро» службы безопасности и в конечном счете превратилась бы в команду стукачей. Поведение Коржакова и его команды породило в конце концов смятение в коллективе.

К тому времени ко мне от службы безопасности уже начали поступать записки-письма с отрицательными оценками работы отдельных наших сотрудников, как правило, ответственных и наиболее толковых, с намеками на их якобы принадлежность к иностранным разведывательным службам. Сначала я отнесся к этим посланиям серьезно и сделал некоторые перестановки: одного направил учиться, второй уволился сам, как только порочащая информация дошла до него: видимо, еще по инерции боялся связываться со спецслужбой. Причем я с каждым разом все больше убеждался, что эти письма — неправда, заведомые оговоры честных людей. Дальнейшие события и поток аналогичных бумаг подтвердили мои сомнения и показали, что идет целенаправленное выбивание ключевых фигур из администрации. Больше никаких решений по таким «подметным» письмам я не принимал и после очередного из них передал Коржакову записку следующего содержания (фамилию сотрудника, о котором шла речь, я опускаю, но его ранг был довольно высоким):

«...В представленных материалах прослеживается некая тенденциозность и стремление определенных сил свести счеты с... Однако ряд фактов представляют серьезную информацию и требуют дополнительного уточнения и проверки.

Хочу обратить Ваше внимание, что замена такого уровня кадрового состава всегда предопределяет временное ослабление участка работы, возглавляемого этой личностью. Считаю, что для данной категории сотрудников кардинальные решения о пребывании их на данной должности должны приниматься только на основе объективной информации и проверенных фактов...»

К сожалению, дальнейшая переписка с «главным охранником» пошла непосредственно через президента, на бумагах появились категоричные резолюции Бориса Николаевича, но объясниться мне в полной мере с ним не удалось — по телефону мы не раз условливались об этом, но в кабинете Ельцин переводил разговор на другое.

После моего ухода с поста руководителя Администрации Президента Коржаков, поставив «на кадры» своего человека — полковника Антипова, — практически вывел за рамки штатного расписания всех, на кого пала тень подозрения службы безопасности.

В первый же день моего пребывания на посту руководителя администрации ко мне пришел некто полковник Гольцов и представился руководителем закрытой аналитической группы в Администрации Президента. То, что он мне рассказывал, вызывало у меня внутреннюю брезгливость, но я заставил себя выслушать его до конца. Речь шла о ближайшем окружении первых лиц государства, и все сплетни, вся грязь оказались озвученными у меня в кабинете. Я понял, что это никакая не аналитическая группа, а просто-напросто обыкновенные стукачи. Когда я услышал, что и у Бурбулиса два сотрудника работали на эту группу, то отказался вообще брать к себе кого-либо из аппарата Геннадия Эдуардовича (за что, наверное, он до сих пор на меня косится), а аналитическую группу распустил, даже не познакомившись с ее составом. Правда, предварительно я спросил у Бориса Николаевича: знает ли он, кто такой Гольцов? Получил отрицательный ответ. А после того как я вкратце рассказал ему, чем этот Гольцов занимается, Борис Николаевич поморщился: «Гоните».

Позднее я узнал, что Гольцов был принят на службу к Черномырдину и работал со своей группой у него. Я позвонил Виктору Степановичу, рассказал, чем знаменита группа, и посоветовал ему избавиться от Гольцова. Он со мной согласился, поблагодарил меня, но почему-то все осталось, как и было.

Может быть, именно этот Гольцов стал играть отрицательную роль и в наших отношениях с Виктором Степановичем, потому что иногда я через Бориса Николаевича вдруг узнавал о каких-то якобы трениях между мной и Черномырдиным. А один раз он вдруг неожиданно в лоб спросил: «Почему вас так ненавидит Черномырдин?» Я даже опешил от такого вопроса, так как по моим ощущениям и по нашим отношениям с Виктором Степановичем не было никаких оснований так думать.

Случайно эта тема имела продолжение на одном из приемов, которые давал Б.Н.Ельцин по случаю приезда главы некоего зарубежного государства. На этих приемах мы сидели за отдельными столами с членами иностранных делегаций, и, видимо, для разнообразия, от приема к приему менялись наши соседи. Я оказался за

одним столом с Грачевым и Баранниковым. Речь зашла о Гольцове, и оба генерала быстро поняли, о ком идет речь, охарактеризовали его как подонка, но сразу же заспорили, к какому ведомству он относится — и тому и другому не хотелось иметь его у себя. Но числился этот человек в ведомстве Грачева, который тут же обещал его отозвать.

Однако непотопляемый Гольцов так и оставался на службе у премьера, ему, уж не знаю, за какие заслуги, даже присвоили звание генерала — такие чудеса случаются в нашей стране... А этот эпизод довольно наглядно характеризует методы, которые, наверное, и поныне имеют место на верхнем уровне власти. Мы порой гадаем, отчего так складываются или вообще не складываются те или иные отношения, а разгадка-то, если до нее докопаться, бывает очень простой. И мы порой даже не подозреваем, кто околачивается около нас, нашу охрану это почему-то никогда не интересовало.

Долгое время многих из правительства и Администрации Президента «опекал» в театрах, особенно часто в Большом, некий Казанцев. Во время перерывов он неожиданно возникал сзади, мягким голосом начинал рассказывать, и притом очень интересно, об истории спектакля, основных исполнителях. Был очень сведущ во многих вопросах. Иногда появлялся в аэропорту «Внуково-2» во время встреч или проводов президента. Я несколько раз обращался к своим прикрепленным и просил узнать, кто это. Все пожимали плечами. И только когда его задержали за мошенничество, из газет я узнал, что фамилия его Казанцев, что у него обнаружили множество поддельных бланков и печатей, в том числе и несуществующую в природе печать Администрации Президента,

А через некоторое время у меня в кабинете появился начальник Управления по борьбе с организованной преступностью ФСБ и показал массу фотографий, где Казанцев сфотографирован в компании с разными руководителями страны. Вот бы где приложить свои силы и мастерство охраннику Коржакову и его службе. Ан нет, он перевернул идеологию службы и стал отслеживать каждый шаг руководителей страны. Что из этого получилось, мы все видим до сих пор: идет поток лживых книг читателям, а миллионные сборы — в карманы авторам, которые, используя служебное положение и оперативные данные, оболгали многих людей.

Исходившая от спецслужб устойчивая неприязнь к Е.Гайдару, Г.Бурбулису, А.Чубайсу, Г.Попову, А.Собчаку, Б.Федорову, Г.Старовойтовой, Л.Пономареву, О.Попцову, Б.Курковой повлияла в конечном счете и на отношение президента ко многим иным реформаторам, вынужденным в результате этого досрочно сойти с политической сцены.

Мне кажется, в борьбе за место около президента Коржаков и его единомышленники сознательно дискредитировали их, подготавливая почву для прихода подходящих людей из собственной команды — той, в которой Сосковец, в известном смысле, был духовным наставником и мозговым центром, а Коржаков, видимо, считавший себя в последнее время вице-президентом, — ключевой силовой фигурой.

Внутри самой власти происходило формирование своего рода закрытого ядра, со всеми необходимыми связями, со своей финансовой структурой, находящейся вне подчинения Администрации Президента и правительству.

Команде этой не хватало лишь рычага карательного воздействия, каким может владеть только прокурор, особенно карманный, дающий по указке патрона санкции на любой арест, послушно возбуждающий уголовные дела против кого угодно...

Для этой цели, с их точки зрения, подходящей фигурой был сдружившийся к тому времени с ними Ильющенко. Но — не получилось...

Как-то уходя с приема и прощаясь с его участниками, я подошел к замечательному артисту Леониду Броневому. Эта встреча — так близко — была у нас впервые. Он задержал мою руку, стал говорить теплые слова и вдруг неожиданно произнес:

— Вы наверняка на работе не такой милый и мягкий, каким мы видим вас в обществе. Я за вами наблюдаю и думаю, что вы человек очень жесткий. Наверное, другим там быть нельзя.

— Да, вы почти угадали. На работе нельзя быть сентиментальным — съедят.

И когда я слышу, что был строг с аппаратом, особенно с ближайшим окружением, вспоминаю наш короткий разговор с Л.Броневым. Правда, другие считали, что я слишком мягок в работе с людьми. Да, жесткость на работе необходима, и диктовалась она двумя причинами.

Во-первых, я считал, что если уж человек, обивший все кабинеты, не смог решить свой вопрос и добрался до таких вершин, чтобы найти понимание, и просит в чем-то помочь, значит, надо сделать для него все, чтобы он ушел удовлетворенным. Не от хорошей жизни люди пытаются попасть на верхние этажи власти — припекло, дальше — пропасть. Но для того, чтобы внимательно встретить, выслушать, постараться понять и найти решение, — для этого должен быть очень вышколенный аппарат, не растерявший сострадания к людям, не разучившийся общению с ними. Здесь прощения быть не должно холодным, равнодушным, эгоистичным чиновникам.

У меня было несколько случаев, когда пустяковый вопрос чиновники превращали в проблему. Как-то среди звонивших ко мне в приемную увидел фамилию известного поэта — фронтовика Эдуарда Асадова. Попросил соединить с ним. Спросил: что случилось? В чем проблема? Оказывается, его обворовали, вместе с другими вещами пропали ордена и медали, а в нашем наградном отделе ответили, что восстановлению награды не подлежат: такой порядок. Можно себе представить его состояние. Война для него — это и трагедия, потеря зрения, здоровья, это и поэзия, и обретенное, какое-то особое семейное счастье. Но с войной его непосредственно связывали награды. Переговорил с наградным отделом, и проблема была решена в несколько дней. Чтобы сгладить горечь его походов, мы с Галей поехали к нему на дачу и провели чудесный день вместе с ним и его гостеприимной супругой.

Во-вторых, мой небольшой опыт подсказывал, что вокруг летает много «мотыльков» — душевнобольных, мошенников, прохиндеев, и очень важно, чтобы чиновник их не путал с категорией посетителей первой группы, сам был чист на руку и тверд в оценке. Сколько сотрудников «сломались» именно на том, что не могли себя правильно повести с теми, кто их посещал. И ущерб власти при этом бывает огромный, прежде всего моральный.

Как-то я вел очередной прием в Комитете по экономической реформе Верховного Совета РСФСР. Посетителей оказалось 21, и почти каждый имел при себе огромную папку с материалами по выводу России из экономического кризиса, показывал выкладки из расчетов, уверял, что через год (некоторые говорили, что прямо завтра) все в стране изменится к лучшему. Спрашиваю:

— Ну а что для этого нужно?

— Нужно немедленно передать этот материал Ельцину.

— Давайте я передам.

— Нет, я должен сделать это сам, я не могу никому доверить эти материалы, иначе идеи украдут.

И таких папок и «секретных» идей набралось в тот день 19.

В 1995 году, когда ко мне попала записка Коржакова с резолюцией президента: «Ознакомить С.А.Филатова», сразу прояснилось, чего автор записки добивался. Вместе с ней президенту представлялись проекты актов, которые, по мнению Коржакова, «...направлены на формирование института президентской власти... Это необходимо для повышения роли института президентской власти и усиления его влияния на органы законодательной, исполнительной и судебной власти, в том числе путем создания системы сдержек и противовесов, обеспечивающих баланс интересов этих органов». А дальше шло что-то несурзное (стилистику документа сохраняю. — **С.Ф.**), так как, по его мнению, принятие предложенных проектов «реально включает Службу безопасности Президента РФ, являющуюся неотъемлемым элементом функционирования института президентской власти, в работу механизма обеспечения выполнения Президентом РФ его конституционных функций. При этом **принципиально важно предоставление службе безопасности возможности самостоятельно взаимодействовать с подразделениями и органами в составе администрации** (выделено мной. — **С.Ф.**). Кроме того, это «позволяет без изменения существующего статуса федеральных органов государственной охраны в системе органов государственной власти и составе сил обеспечения безопасности Российской Федерации, а также без проведения весьма болезненных для любых воинских и трудовых коллективов организационно-штатных мероприятий образовать систему управления федеральными органами государственной охраны по принципу единоначалия и строгой подчиненности по вертикали, которая обеспечит согласованное функционирование и четкое взаимодействие этих государственных органов».

По-моему, комментарии здесь излишни. Но подобный указ был президентом подписан.

В тот период ко мне часто забегал Олег Попцов. У него острый журналистский взгляд на людей и тонкое чутье при анализе событий. В

одну из встреч мы разговаривали о кадрах. Я поинтересовался его мнением о том, почему президент, да и не только он, так «чистит» команду — в основном за счет демократической части. Люди вокруг мало что понимают в подобных действиях, и все это при встречах трудно им объяснить. Да что им — я и себе тут многое объяснить не могу.

Например, в июле (события происходили в 1985 году) был готов указ об освобождении Юрия Михайловича Батурина — что-то не сложилось у него с ревностным В.Илюшиным и группой Коржакова. Мне об этом сообщил сам Борис Николаевич при нашей очередной встрече. Я тогда попросил президента не подписывать указ. Накануне рассмотрения вопроса о Чечне в Конституционном суде, в котором Юрий Михайлович участвовал как одна из ключевых фигур, это могло отрицательно повлиять на подготовку к суду и качество рассмотрения вопроса. Такой же ключевой фигурой был и Сергей Михайлович Шахрай, которого президент собирался убрать из Совета Безопасности. Я просил не трогать и Шахрая перед столь важным делом. Меня тогда назначили ответственным за подготовку к Конституционному суду по вопросу о конституционности указов президента по Чечне.

Судя по публикации в «Независимой газете», атака на Ю.Батурина шла со стороны службы безопасности президента. В этой маленькой заметке за подписью Игоря Коротченко (не знаю, кто он и откуда) написано буквально следующее: «СБП осуществляет контрразведывательное обеспечение функционирующих в Кремле государственных органов, поэтому в поле ее внимания так или иначе попадает и проверяется любая информация, которая может быть использована иностранными спецслужбами для компрометации, шантажа и вербовки российских секретоносителей, работающих в президентских структурах. В СБП создано несколько новых аналитических подразделений, которые отслеживают ситуацию в стране и готовят рекомендации по преодолению (ни больше ни меньше, замечание мое. — *С.Ф.*) кризисных явлений. Эксперты генерала Коржакова считают необходимым повысить степень координации деятельности российских спецслужб, особенно учитывая опыт ведущих стран Запада, и прежде всего США». И далее: «Однако в отличие от Энтони Лейка, помощника Президента США по национальной

безопасности, Юрий Батурин вряд ли готов справиться с такими функциями».

Я пояснил президенту свое отношение к Ю.М.Батурину, человеку одаренному, вдумчивому, образованному. Не зря ведь, когда встал вопрос о замене Егорова, я намеревался предложить Ельцину кандидатуру Юрия Михайловича на пост руководителя его администрации; меня в этом поддержали и помощники президента. Поде лился я этой мыслью и с Анатолием Борисовичем Чубайсом. Он сначала несколько озадачился, но потом сказал, что «мысль хотя и неожиданная, но очень интересная» и он бы, мол, тоже поддержал кандидатуру Батурина. Тогда мы еще не предполагали, что президент отважится — вопреки непрекращающимся нападкам коммунистической оппозиции и неоднозначному отношению общества — назначить на эту должность самого Чубайса. Но отважился — и это, конечно, было хорошим решением.

Но я снова о Батурине... Вернее, не столько о нем, сколько о меняющемся, всякий раз другом Ельцине, о его непостоянных оценках: на примере Батурина хорошо видно, насколько подчас нетверд в своих выводах и решениях Борис Николаевич. Здесь, безусловно, имеет место сильное внешнее влияние. И не только оно.

В вопросе о кадрах, об отношении к ним, об их частой сменяемости ситуация, к сожалению, напоминает времена ельцинской работы в МГК КПСС: тогда на пленуме его ругали за кадровую чехарду. Видимо, в его характере — постоянная потребность, какой-то зуд замены людей, магическая вера, что таким образом все сразу изменится к лучшему. Это как наркотик: когда кончается действие предыдущей дозы, жгуче хочется новой. А еще — паническая боязнь, что кто-то может слишком близко подступить к нему. Было, было у многих такое ощущение, что Борис Николаевич опасается сближения с новыми людьми. Меня, во всяком случае, это ощущение сопровождало все время моей работы с президентом.

Самым больным местом власти (прежде всего — президентской) оставалось нехозяйское, небрежное отношение к кадрам. Между тем люди имеют право и должны знать намерения и требования своего руководителя, а их труд — оцениваться не только по степени личной преданности.

Очень угнетало и отсутствие какой-либо процедуры прощания при увольнении того или иного работника. Бывало, многие о своем смещении узнавали из средств массовой информации, а подручные услужливо тут же отключали спецтелефоны, даже если это происходило в машине. Такой курьезный случай был с Г.С.Хижой, когда он в растерянности позвонил с пути из телефона-автомата, чтобы удостовериться, что освобожден указом президента от работы. А ведь и Хижа, и многие другие служили Ельцину на совесть, в меру сил и способностей.

Наблюдая, какую пагубную роль играет в вопросах кадровой политики и обращения с кадрами Служба безопасности президента, летом 1995 года я написал записку Борису Николаевичу:

«В последние месяцы меня тревожат мысли о будущем пути развития России. Уверен, что и Вас одолевает подобная тревога, и это Вами точно изложено в интервью «Комсомольской правде» — речь идет о развитии демократии в России.

Наше общество еще не совсем понимает и по этой причине не всегда принимает демократические принципы развития, но оно всегда чрезвычайно болезненно относится к усилению структур спецслужб, особенно если это связано с политическим сыском. В государстве, где пока не развита судебная-правовая система (а нам еще предстоит серьезная судебная реформа), требуется особая осторожность с реформированием и определением места этих структур.

В связи с Вашим указом «Об Администрации Президента Российской Федерации» мне хотелось бы высказать некоторые соображения о месте Службы безопасности президента в структуре государственной власти. За последние годы, особенно после октябрьских (1993 года) событий, СБП особенно активизировала свою деятельность, усиливая влияние на расстановку кадров и подготовку аналитических материалов, а значит, на выражение своего видения основных направлений внешней и внутренней политики государства. Сначала это вызвало иронию, затем удивление, а затем тревогу. Тут — однозначно появление еще одного центра политического влияния на государственную и кадровую политику, не предусмотренного ни Конституцией, ни законом. Вот некоторые факты.

Во-первых, о процедуре подписания указов и распоряжений президента, касающихся СБП. Они, как и данный указ, подписываются Вами, почему-то не пройдя установленную Вашим же указом технологию подготовки и выпуска. Это, к сожалению, вошло в систему и уже поставило СБП в привилегированное положение.

Во-вторых, еще весной 1994 года, когда Вами был подписан указ, предоставляющий неслыханные до сих пор полномочия СБП по контролю за деятельностью структур Администрации Президента и аппарата правительства, указ, против которого мы с В.В.Илюшиным категорически возразили и в котором после нашего с Вами разговора появилась дополнительная запись, сделанная Вашей рукой: «...по устному согласию президента» (речь идет о данных СБП полномочиях входить в любой кабинет и производить обыск), фактически началось усиление влияния СБП на все сферы органов государственной власти. Напомню, что подобное не предусмотрено законодательством, не требуется и по существу дела. Но на это немедленно отреагировали печать и общество. Начались поиски причин загадочного усиления положения и позиций начальника СБП А.В.Коржакова и его таинственных структур. Это не на шутку тревожит общество и сейчас, потому что травмы прошлого еще свежи и не забыты.

В-третьих, за прошедший год я получил несколько писем за подписью начальника СБП, на некоторых из них стоят Ваши резолюции, довольно категоричные (я как-то просил Вас в одностороннем порядке не принимать таких решений, не выслушав другую сторону), в которых А.В.Коржаковым ставились вопросы о несоответствии занимаемой должности отдельных сотрудников Администрации Президента. Как правило, изложенные факты были бездоказательны, выводы категоричны и тенденциозны, и по некоторым из них окончательное решение не могло быть принято, так как требовало дополнительных проверок. По этому поводу я писал специальное письмо, в котором предупреждал, что потеря кадров высокого ранга всегда связана с длительным ослаблением данного участка, что в наше динамичное время недопустимо.

В-четвертых, СБП стала претендовать на подписание документов Контрольного управления, особенно если это касалось

вооружений, драгметаллов и драгкамней, начались угрозы в адрес руководителя Контрольного управления, который, выполняя мое поручение, отказался от подобной практики — все материалы по результатам проверки всегда докладывались мной лично Вам или по Вашему поручению направлялись в правительство, в Генеральную прокуратуру.

В-пятых, в последнее время началось внедрение сотрудников СБП в структуры Администрации Президента и правительства. Практика вроде нормальная, мотив — защита интересов государства. Но этой работой занималась всегда ФСБ, и сейчас неизвестно, как быть с их сотрудниками. Кроме того, настораживает тот факт, что сотрудники СБП претендуют на должности заместителей начальников управлений, что усиливает влияние СБП на структуры Администрации Президента и напрямую не связано с предназначением СБП.

Последнее письмо А.В.Коржакова вообще показывает далеко идущие планы СБП, где он предупреждает меня, что «...намерен поставить передним (читайте: перед Вами, Президентом Российской Федерации) вопрос о возложении на службу безопасности оперативного руководства управлением кадров Администрации Президента Российской Федерации».

Считаю такое развитие событий ненормальным, опасным для демократического государства, в корне меняющем лицо президента Ельцина Б.Н., с которым весь мир связывает построение и развитие демократического правового государства.

За эти годы мы вместе пережили несколько кризисных ситуаций, которые очень непростой ценой удалось преодолеть: кризисы тоталитаризма, парламентаризма и конституционный. Каждый из них мог привести страну к гражданской войне, но не привел благодаря Вам, точно рассчитавшим силы поддержки, на которые необходимо опереться. И эти силы откликнулись и поддержали действия Президента России.

Но сегодня мы переживаем еще один кризис, пожалуй, самый глубокий, — кризис доверия к власти. Он особенно стал ощутим и опасен в предверии выборов. И нужно честно разобраться в его причинах. А они не только в ходе реформ, в их результатах — наш народ с мужеством переживал и не такие невзгоды. Эти причины

мне видятся и в самой власти, в ее неумении порой общаться с обществом, в неумении приобщить общество к трудностям, испытываемым властью, а власть — к трудностям общества; в неумении сделать общество, структуры власти законопослушными. Причины эти — в неоднородности самой власти, в войне внутри нее, что никогда не укрепляло доверия к ней народа; и в небрежном отношении власти к своим кадрам, которые служили этой власти преданно, зачастую талантливо и эффективно.

Эти причины и в том, что властные структуры все больше опутываются службами безопасности, берущими на себя функции, не свойственные этим структурам ни по закону, ни по сути. В этом люди видят опасность возврата прежнего, самого темного периода жизни страны. Это тревожит интеллигенцию, журналистов, предпринимателей, зарубежных коллег. Тревожит скрытая дискредитация многих Ваших соратников.

Полагаю, что у Вас не может быть сомнений насчет моей преданной службы нашему общему делу построения и развития новой демократической России. Администрация Президента Российской Федерации — структура для нашего государства новая, призванная обеспечить все условия для выполнения конституционных полномочий Президента Российской Федерации. Естественно, идет поиск наиболее оптимального построения администрации, ее связей с правительством Российской Федерации, Федеральным Собранием и другими органами государственной власти, общественными объединениями, средствами массовой информации. Не все получается, как задумывается, но это совершенно не значит, что усиление государственных структур должно происходить за счет усиления влияния на эти структуры Службы безопасности президента, что представляется особенно опасным для нашего государства.

За последние два года Администрация Президента трижды была реформирована, дважды — с подачи СБП. Это не способствовало ни укреплению кадров, ни нормальной творческой обстановке, а у многих породило страх, неуверенность в будущем.

Уважаемый Борис Николаевич! Изложенное мучает меня давно. Порой приходит мысль уйти, но я понимаю, что

самостоятельно принимать такое решение не должен. Вижу, как порой одолевают тревожные мысли и Вас — как Вы хотите сохранить и реформы, и демократию в России. Знаю, что путь этот труден, и, может быть, судьба поставила именно Вас, наиболее твердого из россиян, во главе России не случайно, — именно Вы способны сохранить и утвердить в России оба важнейших компонента развития новой России.

Думаю, что изложенное в этом письме поможет Вам принять нужное решение и скорректировать действия Ваших служб в соответствии с задачами времени и Конституцией Российской Федерации. 18.09.95».

Не могу обойти тему Чечни.

Комментарий газеты «Монд»:

«Чеченский вопрос четко высветил одну из основных черт характера Бориса Ельцина, которая в зависимости от обстоятельств может быть либо положительным качеством, либо недостатком, — импульсивность его решений, которые объявляются с большой помпой, но не всегда ясно, каким образом их можно будет претворить в жизнь».

Чеченская война разрушила много позитивного, уже достигнутого в стране, в том числе и Договор об общественном согласии, к которому мы шли трудно, но который поддерживали и подписали 965 политических партий, общественных организаций и движений, в том числе спортивных, профессиональных и творческих союзов, религиозных конфессий, предприятий и учреждений. Отказались поддержать его только коммунисты всех мастей и прокоммунистическая Аграрная партия. Они еще раз обозначили раскол общества, выступив с непримиримых позиций.

Власть, которая не смогла решить чеченскую проблему политическим путем, вызывает недовольство народа. Тем более что проблема еще более обострилась после войны и для ее решения нужна полная ясность: какие причины ее породили и какие силы за этим стоят, каковы их цели и задачи. Ведь в Чечню шел поток денег, вооружения и наемников. Кто-то всем этим управлял! Кому-то нужно было вызвать Россию на военные действия! Кому-то нужна была война!

Сам я подхожу к чеченской теме с большим волнением, с чувством некоторой вины и огромным желанием понять во всем объеме

величайшую драму отношений Чечни и России, с многообразием тех причин и ошибок, которые совершила федеральная власть и власть Чеченской Республики. Мы многое уже знаем об этой драме, но далеко не все, и не знаем главного — кто за всем этим стоял. Уже высказались Конституционный суд, Государственная дума, Совет Федерации, Совет Безопасности, а ясности нет. Какова роль Хасбулатова, инициировавшего через вице-президента Руцкого введение в Грозном чрезвычайного положения в ноябре 1991 года, которое было сорвано М.С.Горбачевым и В.П.Баранниковым, дабы предотвратить вооруженный конфликт? Ведь это Хасбулатов буквально подсунул съезду народных депутатов проект постановления, который был принят съездом без предварительных процедур, фактически с голоса, и лишил на долгие годы федеральные власти возможности общения с Дудаевым и чеченскими структурами власти.

Из постановления съезда народных депутатов РСФСР 2 ноября 1991 года:

«Признать проведенные в Чечено-Ингушской Республике 27 октября 1991 года выборы в высший орган государственной власти (Верховный совет) и Президента республики незаконными, а принятые ими акты не подлежащими исполнению».

Начиная с этого периода Дудаев делал в республике все, что хотел, лишая федеральные власти возможности вмешательства и контроля, при вопиющих нарушениях с его стороны прав граждан. Федеральные структуры власти были изгнаны из республики.

Конституционный суд в 1995 году определил позицию центра как безответственную. Именно центром были порождены и сам Дудаев, и его режим. Поначалу смена власти в Чечне, видимо, замышлялась как борьба с коммунистическим порядком, который принес чеченскому народу кровь, страдания, унижение, депортацию в казахстанские степи. События августа 1991 года, когда власть Чечено-Ингушской автономной республики, которую в то время возглавлял Д.Завгаев, поддержала ГКЧП, усилили борьбу с этой властью. Вмешательство депутатов, политиков, чиновников федерального уровня приблизило приход к власти Дудаева. Он ускорил выборы президента самопровозглашенной Республики Ичкерия и уже как президент начал в спешном порядке формировать свои структуры власти, причем только в чеченской части тогда еще Чечено-Ингушской автономной

республики, усилил давление населения на российские воинские подразделения, которые вынуждены были покинуть чеченскую территорию, поставил под ружье большую часть населения и сильно укрепил свои позиции как борец за национальное освобождение чеченцев. При всем при этом Дудаев отшвырнул от себя всех, кто привел его к власти, и, когда начал отходить от России, объявляя суверенитет, эти люди схватились за головы. У них оставался единственный выход из положения — привлечь на уровне высшего органа государственной власти Россию, которая отменила бы все начинания Дудаева и признала его действия незаконными. В Москву из Чечни шли обращения от различных оппозиционных режиму Дудаева групп.

Из обращения к Б.Н.Ельцину и Р.И.Хасбулатову лидеров оппозиции режиму Дудаева 27 октября 1992 г.:

«Как известно, осенью 1991 года в Чечне были совершены государственный переворот и узурпация власти Дудаевым и его кликой. При этом решающую роль им оказала в тот ответственный для наших городов период недальновидная политика лидеров демократической России. В ходе борьбы за власть новоявленные «лидеры» широковещательно провозглашали заманчивые, близкие чаяниям людей лозунги: «Свобода, справедливость, равенство, братство». Сейчас Чеченская Республика находится на грани катастрофы. В считанные месяцы развалена экономика. Останавливаются заводы, фабрики. Правящая верхушка и ее пособники осуществляют невиданные за всю многострадальную историю Чечни грабеж национальных богатств, которые веками создавались всеми ее народами. Кучка людей из законодательных и исполнительных властных структур и так называемых правоохранительных органов сколачивает баснословные состояния, превращает свои миллионы в миллиарды и переводит их в зарубежные банки. Источником дополнительного обогащения для правящей клики стал грабеж воинских частей и распродажа добытого оружия».

Далее они потребовали, чтобы всякие переговоры с центром велись при их участии, иначе они не признают их результаты.

Положение в республике действительно было критическим: производство продукции в 1992–1993 годах составило 42,7 процента (в

РФ — 81,4 %), среднемесячная зарплата составила 9,3 тыс. рублей (в РФ — 23,6 тыс.).

Получалось так, что Ельцину предоставляли право и вменяли в обязанность стукнуть кулаком по столу. В той ситуации это могло вылиться в национально-освободительное движение, и Ельцин решил до поры до времени оставить все как есть, так как каждый шаг со стороны России усиливал позиции Дудаева. Видимо, уже тогда нужно было серьезно думать о переговорном процессе, но мешало постановление съезда.

Однако оставались и чисто человеческие проблемы: сохранение пенсий и социальных пособий, оказание медицинской помощи, организация учебы детей. Ведь от отсутствия такой помощи страдают отнюдь не Дудаев и его окружение, а простые люди, живущие в республике. Поэтому многие министерства, как могли, до последнего, сохраняли свои связи с Чечней, и эта помощь с трудом, но долгое время в республику поступала. Впоследствии Дудаев начал разрушать федеральные структуры власти в Чечне, школы закрывались и переоборудовались под военные учебные центры.

Народу крохотной республики советский генерал-отставник навязал войну и ненависть. Кровь собрата перестала иметь цвет и запах. Жизнь потеряла цену. Женщина-горянка и седобородый старец не встали на пути братоубийства. Нередко они сами вдохновляли на это собственных детей. Так происходило постепенное отделение Чечни от Федерации.

Помню, летом 1993 года я был в Северной Осетии по поводу инаугурации ее президента. Там ко мне подошли представители Дудаева, сказали, что Дудаев очень хочет встретиться с Ельциным, и просили меня этому посодействовать. Я предварительно обсуждал с Борисом Николаевичем этот вопрос и ответил им, что затруднений тут нет, имея в виду следующее.

Дудаев искал встречи с Ельциным по вполне понятной причине: его авторитет стал резко падать — государства как такового у него не было. Народ вооружался, миграция шла колоссальная. Дудаеву необходимо было показать, что Москва с ним считается. Ему хорошо удавалась пропаганда, создающая у людей впечатление существования в республике сильного института управления. Что значило для Дудаева сесть за стол переговоров с Ельциным? Признание Россией

легитимности его власти, Многие из дудаевского окружения спекулировали на этом. Потому я и объяснил дудаевским посланникам, что он не может сесть за стол переговоров с Президентом России как президент независимой суверенной республики. Другое дело, если с Борисом Ельциным встретится генерал Джохар Дудаев, лидер Чечни...

Вокруг этого долго еще велись переговоры с помощниками Дудаева, с госсекретарем Чечни, и каждый раз с нашей стороны проявлялась готовность к встрече на тех же условиях, на что Дудаев и его окружение никак не шли, но со временем менялась и ситуация в самой Чечне. В конце 1993 года активизировалась оппозиция Дудаеву.

Из сообщений ИТАР-ТАСС:

«В Чечне заметно активизировалось оппозиционное Президенту правительство во главе с Я.Мамодаевым, который заявил: «Со дня провозглашения независимости ЧР мы еще ни минуты не были независимыми в силу нашей конкретной экономической взаимозависимости с Россией. Я был и остаюсь сторонником разумного конфедеративного договора с Россией, который ни в чем не ущемляет права чеченского народа строить собственное независимое государство».

В Чечне зрели настроения рассчитаться с Дудаевым теми силами, которые пострадали от его режима. Возникли оппозиционные формирования Гантемирова и Ла-базанова. И то ли во внутренних разборках, то ли в назидание другим Дудаев попытался захватить Лабазанова в Грозном.

Из сообщений ИТАР-ТАСС:

«Уже третьи сутки в Чечне противостоят друг другу правительственные силы и вооруженная группировка Руслана Лабазанова. Воспользовавшись тем, что съезд чеченского народа, проходивший в Грозном, разрешил Дудаеву «применять любые силовые меры с привлечением любых сил в любом регионе Чеченской Республики», генерал ввел военное положение и объявил мобилизацию всех мужчин в возрасте от 16 до 65 лет».

Нападение на лабазановскую группировку состоялось. При этом погибло около трехсот человек, а отрубленные головы родственников Лабазанова были выброшены на площадь, После этой кровавой драмы я серьезно засомневался в возможной встрече Ельцина и Дудаева и получил подтверждение своих сомнений при встрече с Борисом

Николаевичем. Дудаев сам отрезал себе пути к переговорам с Президентом России; оставалось искать другие возможности для нормализации положения в республике — скорее всего ими могли стать новые выборы.

Примерно в то же время против Дудаева выступила объединенная оппозиция во главе с Автурхановым, главой Надтеречного района Чечни, который с первых шагов дудаевской власти ей не подчинился. Надтеречный район ни разу не допустил представителей дудаевской власти на свою территорию. Автурхановцы ставили задачу провести выборы президента не в 1995 году, как об этом объявил Дудаев, а в 1994-м. Они образовали на своем съезде Временный совет и обратились к Президенту России с просьбой оказать помощь в налаживании нормальной жизни в Надтеречном районе и других населенных пунктах, где влияние Дудаева было потеряно. В обращении к Президенту России подтверждалось, что Чечня остается в составе России, признает Конституцию Российской Федерации.

Встретиться с Автурхановым мне предложил Е.В.Савостьянов, который замещал в это время директора ФСК С.В.Степашина и курировал по его поручению вопросы урегулирования ситуации в Чечне. Во время нашего разговора он обратил мое внимание на то, что оппозиция Автурханова не ставит никаких условий перед российским руководством и признает Конституцию Российской Федерации, в то время как лидеры других оппозиций выставляли тогда различные условия.

Я согласился на встречу. С Обращением к Президенту России Автурханов и приехал в Москву в июне 1994 года. Я встретился с ним, взял для передачи Президенту России Обращение общенационального съезда чеченского народа с просьбой о признании федеральной властью Временного совета, через который можно было восстановить нормальную жизнедеятельность республики и социальное обеспечение людей.

Затем последовало поручение Б.Н.Ельцина правительству Российской Федерации оказать Временному совету содействие в подготовке и проведении выборов в Чечне. В душе я надеялся, что президент поручит мне курировать этот вопрос, но такого поручения не последовало. Мне к тому времени уже пришлось выводить из правового вакуума Республику Мордовию, несколько позже —

Карачаево-Черкесскую Республику. И там и тут, слава Богу, появились и Конституция, и легитимная власть.

В Чечне в то время, к сожалению, в рядах оппозиции согласия не было. Не ладили между собой Хасбулатов и Автурханов. Свою игру вел Завгаев. Гантемиров сначала примкнул к оппозиции, потом отошел от нее. Так же повел себя и Лабазанов. Каждый из лидеров оппозиции начал тянуть одеяло на себя. Короткие стычки не терпящего инакомыслия дудаевского режима с внутренними оппозиционными силами происходили с приходом Дудаева к власти постоянно. И в те дни он избрал абсолютно правильную для себя тактику: стал поочередно колотить то одного, то другого. У него появилось желание самому себе найти защиту, он начал приобретать военную технику, в том числе каким-то образом и российскую. Мы стали свидетелями того, как нарастало противостояние внутри Чечни.

Из сообщений ИТАР-ТАСС:

«23 августа. Главный штаб вооруженных сил ЧР предупредил жителей населенных пунктов, где базируются силы вооруженной оппозиции, о реальной угрозе их безопасности, поскольку власти Грозного намерены принять меры по нейтрализации деятельности «незаконных вооруженных группировок»

«24 августа. По сведениям МВД Чечни, правоохранительные органы официального Грозного начали крупномасштабную операцию против оппозиционеров. Несколько жителей ранено в селении Алан-Юрт в результате стычки правительственных сил с вооруженной группировкой Б.Гантемирова — бывшего главы грозненского Городского собрания».

«29 августа. Вооруженные силы отряда Временного Совета Чечни вышли ночью к пригородным районам Грозного, обстреляли дудаевский пост у станицы Первомайская и, оттеснив группу охранения, захватили в качестве трофея гаубицу».

«1 сентября. Семь человек погибли, одиннадцать получили ранения в результате вооруженного столкновения, произошедшего вечером между сторонниками Дудаева и вооруженной оппозицией в районе крупного райцентра Урус-Мартан».

«2 сентября. Начались боевые действия между вооруженными формированиями Дудаева и силами оппозиции в районе населенного пункта Долинский, севернее Грозного и в районе

города Аргун между оппозиционным отрядом Ла-базанова и поддерживающим Дудаева подразделением Шамиля Басаева, которое ранее принимало участие в войне в Абхазии. Со стороны оппозиции к Долинскому двинулись танки. Над Грозным начали барражировать несколько дудаевских самолетов».

От столкновения к столкновению разрасталась гражданская война в Чечне, кульминацией стало 26 ноября. Чечня живет по законам военного времени: объявлена мобилизация всех военнообязанных мужчин в возрасте от 17 до 26 лет, во многих районах начали действовать военные комендатуры. В 6.30 после массированного артобстрела был предпринят штурм Грозного. Примерно в 9.30 шесть танков «Т-72» сил оппозиции прорвались к президентскому дворцу. Во второй половине дня он был захвачен отрядом Лабазанова.

Отсутствие реального сопротивления опьянило автурхановцев, и они готовы были отпраздновать скорую победу. Автурханов уже выступил по телевидению, объявил, что власть — у Временного Совета. Но замысел военного командования правительственными силами как раз и заключался в том, чтобы заманить тяжелую технику поглубже в тесноту улиц, где ей трудно маневрировать. А дальше произошел разгром оппозиционных сил. Около 150 человек попали в плен, около 70 из них оказались российскими офицерами: бортмеханики, командиры танков.

В Москве к тому времени подготовили проект указа о введении в Чечне чрезвычайного положения. Требовалось ввести туда внутренние войска, чтобы помочь Временному Совету сохранить власть в Грозном. Но этот процесс притормозил, по-моему, тогдашний министр внутренних дел В.Ф.Ерин, сказав президенту, что все происходящее в Чечне требует серьезной проверки и нужно понаблюдать несколько дней за развитием событий...

Оперативные данные были у ФСК. Ерин традиционно не поверил им. Фактом было то, что президент не подписал указа, который я практически согласовал со всеми службами и которого ждали и Грачев, и Степашин, и Егоров. Когда я по телефону сообщил об этом Грачеву, он дрогнувшим голосом попросил отпустить его, хотя бы одного, — очень переживал за своих ребят, повторяя: «Как я буду смотреть им в глаза?»

А затем, несколько дней спустя, состоялось решение Совета Безопасности о введении войск в Чечню. В этих процессах я уже не участвовал. И очень жаль, что политическая линия на неприменение войск на территории Чечни была нарушена. Ведь в то время Дудаев оставался в одиночестве, его практически не поддерживали ни свои, ни зарубежные чеченцы, ни руководители стран, где проживали чеченские диаспоры, но при этом все зарубежье, да и сами чеченцы предупреждали, чтобы ни в коем случае не вводились войска на территорию Чечни. При этом принципиально менялся характер войны — она превращалась в национально-освободительную, и Дудаев вновь становился национальным героем. Накануне введения войск было сделано предупреждение Дудаеву, предъявлен ультиматум о сдаче оружия. А дальше началась сама операция.

Чеченскую проблему, по словам П.Грачева, планировалось решить в короткий период и на высоком профессиональном уровне, а получилось непрофессионально, с огромным числом жертв и надолго. Против войны и особенно против методов ее ведения дружно выступила российская пресса, что, конечно, отрицательно отразилось на настроении наших солдат, которые были сбиты с толку и перестали понимать, за что они воюют. Требовался мир. Хотя было горько сознавать, что терроризм и бандитизм остаются безнаказанными.

В тот период я так же, как и многие другие, считал, что раз военные действия начаты, бандиты должны быть уничтожены. Однако непрофессиональные действия наших военных, многочисленные жертвы, общественное мнение подталкивали к решению о прекращении войны и к мирному урегулированию чеченской проблемы. По поручению президента серьезно думала о возможных путях мира в Чечне и специальная группа, образованная им из помощников и аналитиков. Информация о работе группы и ее предложениях президентом была строго ограничена — для узкого круга лиц. Как помню, разрабатывалось несколько вариантов решения проблемы мира.

В мае 1995 года к нам обратились представители одного государства. Им, посредникам в конфликте между Ливией и Ираком, удалось достичь там мирного урегулирования. Предложение стать посредниками в мирном урегулировании конфликта, прекратить войну на территории Чечни и сесть за стол переговоров пришло через

Ю.Батурина и к нам. Чтобы проверить все стороны в серьезности намерений, они рекомендовали прекратить на 2–3 дня удары с воздуха — с нашей стороны — и стрельбу по нашим войскам, зажатым в одном из ущелий, — со стороны чеченцев.

Борис Николаевич принял это предложение и поручил подготовить соответствующий документ. Телеграмма гласила: «Грачеву. Куликову. С нуля часов 1 июня применение авиации прекратить. Причину не объяснять. Ельцин». Отправив телеграмму, я поехал в киноконцертный зал «Россия», где проходил концерт артистов Татарстана. Еще до наступления антракта ко мне подошел помощник и попросил срочно подойти к правительственному телефону. Телефонистка спецкоммутатора сказала, что меня разыскивает В.С.Черномырдин, который в это время отдыхал в Сочи. Сердце екнуло: неспроста. Через несколько минут, уже в машине, соединился с Виктором Степановичем:

— Что за телеграмма поступила Куликову, откуда она взялась?

Объяснил, что это решение президента, но большего сказать не могу.

— Нужно как-то объяснить Куликову, у него срывается операция, и людям грозит гибель. Свяжись с ним.

Связываюсь с Куликовым. Он в панике: начал операцию, в которой передовой отряд оторвался от основных сил километров на пятнадцать, и, если его не поддержать утром с воздуха, отряд может быть истреблен. Я с большим уважением и доверием относился к А.С.Куликову, его тревога передалась мне. В мозгу вертелась мысль: где могла произойти нестыковка?

Позвонил Ю.Батурину и пригласил его в машину, которая во время моих звонков стояла у подъезда здания Администрации Президента на Старой площади. Договорились звонить президенту с тем, чтобы отменить его решение, но связаться с Борисом Николаевичем никак не удавалось. Тогда я попросил дежурного офицера рассказать президенту о сложившейся ситуации и получить разрешение на отмену его приказа. Уже у себя в кабинете без десяти минут двенадцать ночи такое разрешение поступило, и новая телеграмма ушла в те же адреса. Сообщил об этом Черномырдину и рассказал о сути дела.

— Дело-то хорошее, но почему так несогласованно получилось? А жаль, — были его слова.

Наутро состоялось тяжелое объяснение с президентом. Я понимал, что в чем-то сделан просчет, чувствовал себя виноватым, но, когда принималось решение, я внутренне надеялся на знание обстановки Верховным главнокомандующим и не считал возможным интересоваться этим самому, без его команды, а ее тогда не последовало. Президент предупредил, что будет проведено расследование.

Через несколько дней «дело» было закрыто. Никаких объяснений по этому поводу у нас больше не было. Но горечь по поводу несостоявшегося мира осталась. Прослеживая прессу, мы с Юрием Михайловичем Батуриным обратили внимание на сообщение о том, что со стороны чеченцев стрельбы в ущелье в течение двух дней не отмечалось.

Война же продолжилась... аж до Хасавюртовских соглашений.

Однако и после них вынужденный мир в Чечне не решил практически ни одной проблемы, а некоторые даже усугубил: отношения России и Чечни оказались в подвешенном состоянии. Усилился терроризм, нападения на соседние северокавказские регионы. Стали процветать похищение людей и торговля ими. Экономика Чечни продолжает падать. К этому добавились проблемы восстановления разрушенного во время войны. События в Чечне повергли европейскую общественность в шоковое состояние, и нам был на два года закрыт путь в Совет Европы. К этому привела политика полумера в отношении Чечни и в целом по Северному Кавказу.

За прошедшее с тех пор время по-разному складывались взаимоотношения Чеченской Республики с центром. В Чечне произошли различные события, ее президентом стал Аслан Масхадов. Однако в экономически беспомощной республике все так же в ходу заманчивая идея независимой Ичкерии. Даже законы шариата не останавливают преступников, похищающих людей ради выкупа, в том числе с примыкающих к Чечне территорий. Обоюдное прекращение боевых действий и вывод федеральных силовых структур из Чечни не принесли ее населению покоя. Площадь Шейха Мансура опять кружит с оружием в руках в ритуальном зикре.

В конце июля 1994 года президент поручил мне присутствовать на торжествах в Польше по случаю 50-летия начала Варшавского восстания. На это празднование собирались руководители государств

антигитлеровской коалиции и самой Германии — вице-президент США Альберт Гор, премьер-министр Великобритании Джон Мейджор, председатель сената Франции Рене Монори, президент Германии Роман Херцог, министры Австралии, Канады, Новой Зеландии и ЮАР.

Щекотливость ситуации состояла в том, что президент Польши Лех Валенса решил этот праздник использовать для покаяния всех тех, кто подавил восстание или не помог ему. Мы к такому покаянию не были готовы. Хотя знали, что накануне праздника отдельными политическими кругами в Польше была развязана антироссийская кампания, знали и о протестах отдельных общественных и ветеранских организаций в связи с приглашением на торжества президентов России и Германии.

У России непростая история взаимоотношений с Польшей. Но то, что произошло в этом столетии, обжигает сознание своей нечеловеческой жестокостью и цинизмом. Одно из этих событий — Катынь, которая будоражит мир уже более полувека.

Когда по поручению Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина мне пришлось столкнуться с проблемой Катыни и я познакомился с документами, трудно было поверить, что такое возможно. Выехал в Смоленскую область на место массового убийства и захоронения польских офицеров. Когда вошел в катынский лес, меня обдало холодом. Внешне ничто не говорило о том, что здесь захоронены десятки тысяч — и поляков, и наших соотечественников, однако подсознание подсказывало, что тут свершилась **страшная** трагедия **XX** века. Все было хорошо продумано для столь масштабной акции: и стоящий особняком вдали от населенных пунктов густой лес, и подъездные пути для подвоза жертв. С одной стороны в лес упирался крутой выгиб реки Днепр, с другой — железная дорога, с третьей — дорога автомобильная. Невольно вспомнились классические фашистские концлагеря. Каково же было изумление, когда я увидел в этом мрачном и неуютном лесу... санаторий матери и ребенка. Какой цинизм! Подумалось: «Сколько нужно еще сделать, чтобы очиститься от грязи того режима, чтобы наши дети и внуки, помня этот позор двадцатого века, никогда не допустили ничего подобного в своей жизни! Чтобы никто не пребывал в неведении, не зная своей истории!»

Постепенно восстанавливаются имена расстрелянных польских офицеров. Это нужно всячески приветствовать, ибо истина необходима

не только полякам, она очень нужна и русским, чтобы яснее понять нашу историю, осознать трагедию XX века. И восстановить имена расстрелянных соотечественников.

Из сообщений РТА «Новости»:

«Глава Администрации Президента России С.Филатов встретился в Варшаве с президентом и премьер-министром Польши, «Нынешние торжества закрывают собой определенный этап расчетов, — отметил Л.Валенса, — и начинают новый этап сотрудничества. Сейчас на главном месте будущее и как можно более хорошие польско-российские отношения».

С Польшей мы были в одной коалиции в борьбе с фашизмом. Тоталитарная сталинская система принесла много вреда не только нашей стране. Она метастазами затронула и другие страны. Но сегодня наиболее тяжелое положение у России — правопреемницы Советского Союза.

По приезду в Варшаву мы вместе с членами делегации, в которую входили заместитель министра иностранных дел С.Б.Крылов, заместитель министра обороны К.И.Кобец и посол России в Польше Ю.Б.Кашлев, решили прогуляться по столице Польши. По всему чувствовалось, что готовилось большое торжество. У памятника Варшавскому восстанию увидели постамент с флагами всех стран антигитлеровской коалиции, но... российского флага среди них не оказалось. Я выразил недоумение и попросил дать объяснение по этому поводу. Представитель МИДа Польши засуетился и пообещал, что, когда мы будем возвращаться с прогулки, ошибка будет исправлена. Но на обратном пути мы не увидели уже ни одного флага — все были убраны.

Утром при встрече с Лехом Валенсой разговор начался с этой темы.

— Дело в том, — ответил на это Л.Валенса, — что вчера были установлены флаги тех стран, которые участвовали в оказании помощи восставшим с самолетов, организовав воздушный мост. Россия тогда в этих операциях не участвовала. Но, к сожалению, некоторая бестактность в этом есть, и я приношу за это извинение.

А дальше был живой, порой тяжелый разговор о предстоящих торжествах, где, по мнению Л.Валенсы, мы должны попросить прощение у польского народа за то, что не помогли восставшим, Я

ответил, что политическое решение по этому вопросу должно приниматься с учетом общественного мнения обеих стран. Многое придется совместно изучить. В истории нашей пока много белых пятен и взаимных подозрений. С этим президент Польши согласился.

Далее Л.Валенса просил, чтобы Россия не мешала Польше вступать в НАТО. Сказал такую фразу: «Если бы Польша стала членом НАТО, то Россия в ее лице имела бы там свой глаз». Я ответил, что никто у нас не мешает другим странам выбирать свой путь развития, а что касается НАТО, то лучше бы создать европейские силы безопасности, куда бы вошли все страны Европы, может быть, и на базе НАТО, но не с ее уставом.

Много говорил Л.Валенса с некоторой обидой о плохо развивающихся наших двусторонних отношениях. Он высказал пожелание создать совместный российско-польский банк, решить вопрос об участии Польши в газопроводе «Россия — Берлин» и выразил огромную благодарность за последние решения нашего правительства, связанные с выполнением договоренности по Катыни.

Л.Валенса оказался очень живым, эмоциональным человеком, во время разговора часто увлекался — настолько, что не очень-то заботился о выборе слов. Несколько раз повторил: «Я не политик, я — электрик и все рассматриваю с позиций простого человека». Наша встреча затянулась настолько (вместо 15 минут — 1 час 05 минут), что работники протокола, сделав несколько намеков на то, что пора заканчивать, в конце концов не выдержали и принесли огромный, отделанный кожей планшет с медалями, посвященными торжествам, который вложили прямо в руки президенту. И тому ничего другого не оставалось, как вручить сувенир мне и наскоро попрощаться — он опаздывал на очередную встречу.

Поздно вечером у памятника Варшавскому восстанию, которое стоило непокоренному городу более 200 тысяч жизней, состоялась центральная церемония торжеств, на которой выступили Л.Валенса и руководители всех делегаций. Каждый после своего выступления возложил венок к памятнику. Церемония началась с тревожного воя сирен, как и полвека назад, когда они предупреждали о смертоносных бомбовых налетах.

Валенса в своем выступлении сказал: «Я сознаю, что история возложила на Россию багаж вины, обид и преступлений советской

империи. В этом багаже, который давит на нас и отталкивает друг от друга, есть также обида повстанческой Варшавы. Это осознают оба наших народа. Поэтому мы пробиваемся через пепелища истории к правде, навстречу друг другу. Однако мы помним также о сотнях тысяч могил российских солдат, павших на польской земле. Простых фронтовиков, с верой сражавшихся за свободу. Мы храним эту память как зерно дружбы. На почве правды и демократии она вырастет без труда — настоящая и благодаря этому крепкая. Я глубоко верю в это».

Президент Германии Роман Херцог в своем выступлении от имени немецкого народа официально попросил прощения у поляков за все, что немцы причинили им в годы войны.

В своем выступлении я огласил послание нашего президента Б.Н.Ельцина: «Вместе с вами россияне склоняют головы перед павшими польскими патриотами. В России как нигде помнят, что такое война, знают, что Польша и Россия понесли наибольшие людские потери в ее ходе...»

К сожалению, я тогда слов покаяния сказать не мог — Варшавское восстание остается до сих пор еще официально не полностью раскрытой страницей истории. Накануне торжественного митинга мы всей делегацией долго искали нужные слова для выступления, которые наилучшим образом отвечали бы объективному положению вещей на сегодняшний день. И вот что я сказал: «Мы за то, чтобы история Варшавского восстания, советско-польских отношений того периода была полностью открыта и изучена. Взгляды историков на этот период зачастую не совпадают, но веление времени, мудрость политиков состоят в том, чтобы обращение к прошлому становилось не барьером между нами, а, наоборот, взаимно оберегало нас от повторения прошлых ошибок. Мы убеждены, что только путь исторической правды ведет к дружественным отношениям наших народов, пострадавших от гитлеровского фашизма и сталинского тоталитаризма».

Конечно, в душе я чувствовал некоторое смятение: с одной стороны, наша старая, неизменившаяся официальная позиция не позволяла произнести ничего иного, с другой — мои ощущения, когда я вышел на берег Вислы. Каждый, кто побывал тут, не мог не ощутить чувства вины за тех, кто наблюдал избиение и уничтожение восставших с противоположного берега. Трудно себе представить сдержанность

наших войск, на таком близком расстоянии видевших бесчинства фашистов.

Накануне поездки в Польшу я получил письмо от депутата Совета Федерации Ю.Е.Лодкина, который убедительно просил «...найти несколько минут для того, чтобы прочесть заметки непосредственного участника событий, члена Союза писателей РФ Б.А.Пластинина». Один отрывок из той публикации хочу привести.

«...Проживающий поныне в Брянске полковник в отставке Алексей Иванович Кофанов в то время воевал в должности командира отдельного 6-го мотопонтонного батальона. Именно тогда он получил приказ немедленно навести переправу на левый берег Вислы. Однако на его глазах (и на моих также) начавшая сооружаться переправа была буквально сметена ураганным огнем немецкой артиллерии. Тем не менее в ночь с 14 на 15 сентября основной массе десанта (а всего, по данным нашего разведуправления, туда переправилось где-то 3950 человек) удалось переправиться на левый берег Вислы в грохочущий, непрерывно пылающий, огрызающийся всеми видами оружия и буквально тоннами «поющих» осколков ад крошечный. То, что творилось на том берегу, в полном смысле слова не поддается описанию. Бои там не затихали ни на мгновение.

За 63 дня боев в Варшаве обеими сторонами были понесены громадные потери. С нашей стороны погибло и умерло от ран 3760 человек.

...И все-таки самое обидное для нас, участников тех страшных бескомпромиссных боев, в том, что реакционеры всех мастей до сих пор твердят: «Русские не хотели помогать восставшим!... Сталин решил наказать поляков!...» И все прочее в том же духе.

Эта страница истории, как и другие, требует своего исследования, осмысления и наполнения. Я верю, что польские события получат переоценку. Но в период празднования 50-летия Варшавского восстания мы встретились с амбициозностью руководства двух стран и не были готовы к объективным признаниям. В этом направлении нужна кропотливая работа историков, политиков, военных ученых, чтобы совместно восстановить истину.

Нужно постоянно помнить и об опасности возврата к прошлому, который потенциально пока возможен: кое-кому не очень нравится раскрывать темные страницы нашей истории, у этих людей есть

потаянное желание вновь прийти к власти и сделать так, чтобы общество вновь «забыло» это прошлое. Забыло или не знало, как те матери и дети, которые жили в санатории в мрачном катынском лесу. Мы не должны допустить этого!

В середине 1995 года Борис Николаевич предложил мне курировать организацию работы общественного движения, создаваемого Черномырдиным. Мне всегда был симпатичен Виктор Степанович — его энергия, решимость, убежденность, незлобивость, умение ценить кадры. И то, с какой напористостью он защищал преобразования в стране. Как-то в его кабинете зашел у нас разговор о каких-то конституционных положениях. Он достал из стола уже изрядно потрепанную книжечку Конституции и сказал: «Вот видишь, каждый раз обращаюсь к ней, когда возникают спорные вопросы». Он много сделал не только для создания новой Конституции, но и для ее принятия на референдуме.

Я с удовольствием вошел в эту работу, побывал на организационном собрании движения «Наш дом — Россия», но затем неожиданно Борис Николаевич передал кураторство В.Илюшину. Меня это несколько обескуражило и насторожило, но мы все привыкли к таким резким поворотам в решениях президента, и я продолжал заниматься основными делами. Но через некоторое время почувствовал — что-то начало меняться в расстановке сил вокруг президента, особенно когда против меня последовала серия провокаций со стороны службы Коржакова, приведшая в конце года к моей отставке.

Отпросившись у президента, я отправился отдыхать. 1 августа, как только я с семьей прилетел в Сочи, раздался звонок из Москвы. Мой помощник огорченно сообщил, что вышло распоряжение президента о снятии у меня охраны, — до сих пор не могу понять, кому и зачем понадобилось добиваться от него такого решения в первый день моего отпуска.

Позвонил начальнику Главного управления охраны Ю.В.Крапивину, но ничего путного, к сожалению, ответить Юрий Васильевич не смог. Мне его по-человечески было жаль, он хороший, я бы сказал, добропорядочный, человек и поэтому очень переживал за такие неблагоприятные ходы своего начальства. Крапивин попросил меня не волноваться, отдыхать, а вопрос об охране решить по приезду в Москву.

Это было не первое такое странное распоряжение президента, но обычно они быстро отменялись как ошибочные. На этот раз я решил не обращаться напрямую к Борису Николаевичу, а положиться на судьбу. Однако на языке номенклатуры этот звонок — предупреждение о готовящейся отставке.

Александр Николаевич Яковлев впоследствии как-то заметил, что мудрецы из спецслужб ничего нового не изобрели, точно так же все делалось и в старые компартийные времена: тогдашние и теперешние методы и стиль полностью совпадали. Удивительным было распространенное в прессе сообщение о том, что у Филатова снята охрана якобы в связи с отсутствием денег у Главного управления охраны, что было неправдой. Жаль только, что к заварившейся каше был причастен президент, как-то не верилось, что такая государственная глыба занимается вкупе со своими охранниками столь мелкими и недостойными делами.

Во время нашего отпуска сотрудник ФСК (ныне — ФСБ) А.Литвиненко через горничную (в звании прапорщика), которая работала в нашем доме, спровоцировал «операцию» с участием моей старшей дочери, что дало возможность корреспонденту «Московского комсомольца» А.Хинштейну, можно сказать, спецкору Коржакова, представить в газете мою дочь причастной к пропаже вещей и чуть ли не связанной с какой-то группировкой.

Конечно, при первой же встрече в милиции дело лопнуло как мыльный пузырь, а через некоторое время все документы оттуда загадочно исчезли. Но статья в газете появилась. А через два года, когда тот же А.Хинштейн уже шел в атаку на А.Литвиненко (читай: на Б.Березовского), он расписал истинную роль того как исполнителя провокации и назвал его подлинную фамилию, так как в первой публикации фамилия сотрудника ФСК была вымышленной.

Приведу отрывок из второй статьи А.Хинштейна, где все расставлено по своим местам: «...На этом история и закончилась. Дочь отпустили. И все бы ничего, кабы не одно «но»: братом потерпевшей был... Александр Литвиненко. А события эти происходили в самый разгар войны на выживание между Коржаковым и Филатовым... Слишком много совпадений, не правда ли? Да и роль Литвиненко явно не ограничивалась одной братской помощью. Он, например, присутствовал на беседе с Тихоновой. Он же первым делом повел

сестру к кинотеатру «Ашхабад», словно знал, что вещи будут продавать именно тут. Из его подразделения в СБП пришла информация о том, что УБТ ФСК разрабатывала дочку Филатова как связь по делу ореховской преступной группировки. Такое ощущение, что кому-то очень было нужно собрать на Филатова побольше компромата. В идеале — чужими руками».

Кто был организатором этой провокации, догадаться нетрудно. Сам А.Хинштейн в своей статье указывал адрес: «Слухи о ближайшей отставке Филатова бороздили кабинеты власти с завидным упорством. Правда, Коржаков как никто другой осознавал: чтобы президент окончательно перестал сомневаться и скинул старого демократа с Кремлевского холма, требовалась еще одна немаловажная деталь: Сергея Александровича надо было как-то скомпрометировать».

Попытки скомпрометировать меня предпринимались не первый раз. Примерно в то время, когда Ильющенко посетил Владимирскую область, там проходил судебный процесс по делу бывшего заместителя главы областной администрации Е.В.Фролова. Местные средства массовой информации уделили этому процессу много внимания. Большой общественный резонанс вызвало заявление Фролова на суде о якобы имевшем место давлении на него со стороны следственных органов для получения показаний на высших должностных лиц области и страны. Назывались фамилии Черномырдина, Филатова, Власова — главы администрации области. Это скандальное заявление дошло до Москвы, и я потребовал провести расследование. Прокурором области были взяты рапорты от членов следственной группы, в которых они полностью отрицали претензии подсудимого. Но интересную справку дали мне в ФСБ:

«В делах оперативного учета каких-либо конкретных фактов о даче Фроловым Е.В. взяток не имеется. Фамилия Филатова С.А. в материалах следствия и дел оперучета не фигурирует. Однако, учитывая тот факт, что за полномочным представителем Президента Российской Федерации Н.С.Егоровым стоят силы из Главного управления охраны Президента Российской Федерации (Барсуков, Коржаков), а по распространяемым вокруг себя слухам главой администрации области Ю.В.Власовым, он пользуется поддержкой С.А.Филатова, не исключено, что данное заявление Фролова в суде преследует цель дискредитации главы Администрации Президента

Российской Федерации в интересах представителей некоторых политических сил».

И вот в декабре того же года в «Российской газете» под фамилией Л.Кислинской (похоже, также спецкора Коржакова) была опубликована статья «Покровитель», в которой, не называя моей фамилии, меня практически обвиняли в покровительстве агентам иностранных разведок, называя для примера несколько «подозрительных» еврейских фамилий.

Судя по фактам, приведенным в статье, это потрудилась «бдительная» служба безопасности, и я понял, что наши с ней взаимоотношения приобретают новый оборот строго чекистского образца. В газете делался прозрачный намек на то, что в следующей публикации будет открыто названа фамилия высокопоставленного покровителя шпионов — как читалось между строк, моя.

Вскоре раздался звонок из Пятигорска, в трубке зазвучал голос одного из героев той же публикации, руководителя крупного пятигорского кооператива Романа Гаврилова, у которого я бывал дважды по приглашению местного российского депутата Тамары Пономаревой, когда отдыхал в Железноводске в 1992 и 1994 годах. Видел, как поднимался кооператив, как культурно преобразовывалась местность, где он располагался, как благоустраивалось все вокруг. Я тогда очень высоко оценил вклад Гаврилова в реформу, в дальнейшем он вошел в состав Общественной палаты при Президенте РФ, много выступал, подписал Договор об общественном согласии и в 1995 году баллотировался в Госдуму.

Гаврилов (у него-то, вопреки общему настрою статьи, фамилия была вне подозрений!) считал, что публикация в «Российской газете» направлена против его избрания в Госдуму, и просил извинения, что невольно причинил мне боль и огорчение. Очень трогательно было это слышать, хотя он здесь, конечно, оказался ни при чем. Но ударили статьей и по нему, ударили подло и безжалостно, и в результате через некоторое время Роман Гаврилов скончался. Уже значительно позднее стало известно, что его (и месяц спустя его отца) отравили — кто-то сводил с ними счеты. Но повязано все оказалось в единый клубок не без службы безопасности.

После прочтения статьи я позвонил В.В.Илюшину и попросил его зайти ко мне. Отношения с Виктором Васильевичем у меня были не

близкими (по-моему, он мало кого подпускал близко), но нормальными, деловыми. Мы оба хорошо понимали друг друга, сознавали, что службой Коржакова ведется работа по нашему разобщению, по насаждению между нами устойчивого недоверия друг к другу, и поэтому старались по возможности не обращать на это внимания, а почаще обмениваться личной информацией.

Вспоминаю нашу встречу с Борисом Николаевичем перед моим назначением руководителем администрации, когда он сказал, что лучше других на этом посту смотрелся бы Виктор Васильевич Илюшин, но сегодня он нужнее в качестве первого помощника. Степень доверия президента к Виктору Васильевичу велика, но и трудностей у него в общении с президентом, видимо, было больше, чем у кого-либо из нас. По характеру замкнутый, немногословный, всегда подтянутый, Илюшин — и это читалось в его глазах — держал в голове много и хорошего, и плохого, много и правдивого, и несправедливого.

Через некоторое время он зашел ко мне и после прочтения злополучной статьи заметил:

— Дело зашло слишком далеко, они от вас теперь так просто не отстанут. Это все, как вы сами понимаете, может плохо кончиться. Мой совет — не оставайтесь на виду, уходите, уезжайте куда-нибудь годика на два, глядишь, они на ваш счет успокоятся...

Ни мне, ни Илюшину не потребовалось лишних уточнений по поводу того, кто именно эти пресловутые «они». После разговора я посоветовался с женой и написал заявление об отставке.

Не помню, почему я сразу не отдал заявление, кажется, посоветовал не торопиться А.Н.Яковлев: он считал, что нужно потребовать от «Российской газеты» объяснения по облыжной статье, а С.В.Степашин рекомендовал сначала переговорить с Коржаковым и даже взялся организовать нашу встречу.

Я позвонил Коржакову и попросил его зайти. Вечером он зашел ко мне в кабинет. Был, по-моему, немного разгорячен спиртным, разговор у нас получился длинным, но мало что прояснил. Было ясно: о статье он знает, хотя и клялся, что не имеет к этому никакого отношения. Во время разговора я видел перед собой беспричинно (беспричинно ли?) злобствующего человека, который упорно твердил мне, что да, дескать, Филатов предан президенту, но работает все же только на себя.

Он особенно свирепел, когда я затрагивал тему, связанную с «Мост-Банком». Многим было известно его негативное отношение к этому банку и ко всем, кто был лоялен к нему. В этой же группе оказались и Ю.М.Лужков, и Е.В.Савостьянов. Известна и беспардонная расправа с охраной этого банка, когда Служба безопасности президента в осеннюю погоду насильно уложила ребят на землю в грязь лицом. В то время в прессе была организована и травля Лужкова.

Помню, как-то в один из прилетов Бориса Николаевича за столом в аэропорту зашла речь о напраслине, которую начали возводить на Юрия Михайловича. Борис Николаевич долго слушал и вдруг решительным голосом сказал:

— Значит, так, Лужкова не трогать и всякие провокации против него прекратить.

Я посмотрел в сторону Коржакова: он сидел темнее свеклы, и его маленькие глаза светились злостью.

Мне вспомнилась и записка Коржакова на имя Б.Н.Ельцина о Борисе Хаите, ставшем президентом «Мост-Банка», — я в свое время выписал ему удостоверение как советнику научно-технического совета при Президенте Российской Федерации (по просьбе секретаря этого совета Н.Г.Малышева). Б.Хаита обвиняли в том, что он имеет некие связи с израильской разведкой, а меня — что, будучи на праздновании 1000-летия города Владимира вместе с Ю.М.Лужковым, я (то ли с Лужковым, то ли без одного) стоял с Хаитом на одной трибуне. Вот так, ни больше ни меньше — стоял себе и стоял рядом, можно сказать, бок о бок с агентом иностранной разведки! Они, видимо, тогда не знали, что мы втроем — Ю. Лужков, Б.Хаит и я — ехали из Москвы во Владимир и обратно в одной машине. Оказывается, его, этого «агента», нужно было лишить возможности ходить на Старую площадь, а не выписывать ему пропуск. Получалось, что жить и работать в России, финансами распоряжаться, руководить крупнейшим банком он может, а вот ходить на Старую площадь — ни-ни...

Глава 8. «МЫ ЗНАЕМ, ЧТО НЫНЕ ЛЕЖИТ НА ВЕСАХ...»

ОКТАБРЬ-93

...Каждой из политических сил надо отказаться от стремления к монополии на души людей, от самой идеи такой монополии. Нужно сделать это ради России, ради блага живущих в ней людей. Иначе мы никогда не придем к гражданскому миру в нашей Отчизне.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

События октября 1993 года невозможно отделить от других событий того года. Неоднократные попытки импичмента президенту в начале года со стороны коммунистической оппозиции, уже поддерживаемой Хасбулатовым, фактически явились продолжением войны с президентом на Седьмом съезде народных депутатов в декабре 1992 года, когда оппозиции удалось добиться смены Егора Гайдара на посту премьер-министра. В этой борьбе президент делает попытку в марте введением указа об особых условиях управления вырваться из паутины, которой его окружил Верховный Совет, изменяя под эту ситуацию Конституцию Российской Федерации.

В это же время началось обострение отношений между президентом Борисом Ельциным и вице-президентом Александром Руцким. Поэтому, когда в середине марта 1993 года был подготовлен проект указа об особом управлении, я попросил Бориса Николаевича дать мне некоторое время для согласования проекта с Александром Руцким и Юрием Скоковым, который был тогда секретарем Совета Безопасности. Мне казалось, что всякое отдаление их от общих проблем еще больше могло бы привести к обострению отношений. Но Борис Николаевич засомневался, получится ли что либо из этой затеи, однако, подумав, сказал:

— Хорошо, действуйте, но времени у вас — до четырнадцати часов.

В 14 часов должна была закончиться запись его выступления для телевидения. Я прошел к Руцкому в кабинет, объяснил ситуацию,

попросил посмотреть проект указа и поставить свою визу. Сергей Шахрай такую же операцию проводил у Юрия Скокова. Руцкой взял текст, ворча и матюгаясь, начал читать. По прочтении заметил, что такой бред он визировать не будет, здесь сплошные нарушения Конституции и законов, но при этом признал: делать все-таки что-то надо. Я пожал плечами: раз он так считает, пусть возьмет ручку и внесет свои поправки. Он и вправду взял карандаш и начал править текст. При этом мы изредка перебрасывались фразами, когда возникали вопросы по тексту или по поводу правок. В конце концов работа была закончена, и я, взяв текст, вернулся к себе, дав задание напечатать его на бланке указа. Позвонил Борис Николаевич, спросил, где указ. Я ответил, что мы еще работаем, но к 14 часам не успеваем. Он огорчился и попросил, чтобы по окончании работы над текстом проект указа прислали ему на дачу.

Второй раз к Руцкому мы пошли с Сергеем Шахраем. Обстановка около кабинета сильно изменилась — стало больше охраны, атмосфера словно потяжелела. В кабинет нас сразу не пустили, сказали, что там посетитель.

— Кто? — спросил я.

— Посетитель, — повторил секретарь, а у двери на страже уже стоял охранник.

— Доложите Александру Владимировичу, что мы с готовым проектом указа.

Нас, наконец, пустили, и мы увидели за общим столом Юрия Скокова, как всегда молчаливого, но на этот раз еще и очень красного. Так и не сказав нам ни слова, он удалился. Руцкой почему-то взял черновик, который

сам правил, и резинкой начал стирать написанное им ранее. Когда закончил, обратился к нам:

— Я визировать не буду и вам не советую этим делом заниматься.

Ничего не понимая, мы с Шахраем направились ко мне в кабинет. По пути он обратил мое внимание на то, что около некоторых охранников, а их он насчитал 12 человек, стояли чемоданчики. В таких чемоданчиках обычно размещались гранатометы. Сергей Михайлович предположил, что мы чудом избежали задержания, так как, очевидно, что-то затевалось.

И действительно, вечером мы увидели по телевизору настоящее шоу в Верховном Совете с участием Руцкого, Хасбулатова и Зорькина, которое началось сразу же после телевыступления Президента России. Указ так и не был подписан, хотя мы направили текст Борису Николаевичу поздно вечером. Страна была свидетелем только его выступления, но и этого оказалось достаточным для шума в Верховном Совете и созыва внеочередного съезда народных депутатов для импичмента президенту.

Весь шум базировался не только на выступлении Бориса Николаевича, но и на неподписанном указе, копию которого отвез в Верховный Совет Руцкой в тот же день после нашей встречи. Из-за этого проекта указа нас с Сергеем Шахраем на следующий день вызвали в Конституционный суд, и мы в присутствии всех судей отвечали на вопросы его председателя Валерия Зорькина. Я и до сих пор не могу понять, что это была за процедура, каким канонам законодательства она отвечала. Видимо, нас просто хотели на чем-то подловить, чтобы усилить шумовой эффект перед съездом. Но ничего не получилось.

Помню, перед началом съезда в Кремле собрались главы администраций и председатели Советов. Мы с Владимиром Шумейко разговаривали в коридоре, когда появился Хасбулатов. С присущей ему задиристостью он бросил:

— Что, доигрались, сукины дети?

Владимир Филиппович резко повернулся к нему:

— Ну, ты, сморчок, помолчи, а то я тебя размажу по этой стенке. Что ты себе позволяешь? Всю страну вздыбил!

Хасбулатов втянул голову в плечи и пошел дальше, в Малый зал.

А на улице кипели страсти и со стороны демократов, и со стороны коммунистов.

Несмотря на изнурительную борьбу с верхушкой Верховного Совета зимой 1993 года, президенту в конце концов удалось не только выйти на референдум, который должен был разрешить назревший конфликт, но и одержать на нем явную и убедительную победу.

При встрече я сказал Борису Николаевичу, что наша кошка предсказала исход голосования. Он удивился, вопросительно взглянув на меня.

— У нас дома накануне референдума кошка принесла четырех котят: трех серых и одного черного, по формуле: «да-да-нет-да», Борис Николаевич рассмеялся.

И уже 29 апреля, сразу после референдума, на закрытом совещании с главами субъектов Федерации президент впервые поставил вопрос о скорейшем принятии новой Конституции, проект которой представил С.С.Алексеев, и о начале работы над проектом в общероссийском масштабе. Но 1 мая на манифестации пролилась кровь, которая явно была спровоцирована руководством компартии. Это была уже не первая кровь за эти годы — вспомним август-91.

Хочу заметить, что в период 1990–1992 и начала 1993 годов мы гордились тем, что Борису Николаевичу удавалось в труднейших условиях и накаленной общественной обстановке обходиться без крови. И вот снова кровь, и становится до ужаса понятно, и все внутри холодеет от этого понимания, что кровь — не последняя. Конфликт приобретает качественно иной характер и как бы закрепляет отрицательное отношение руководства Верховного Совета и коммунистической оппозиции к созданию и принятию новой Конституции. Однако и с нашей стороны идет форсированная работа над ее проектом.

30 апреля 1993 года в «Известиях» публикуется текст проекта новой Конституции (Основного Закона) Российской Федерации.

12 мая 1993 года выходит Указ Президента «О мерах по завершению подготовки новой Конституции Российской Федерации», называется срок этого завершения на Конституционном совещании, которое созывается 5 июня 1993 года. Созыв Конституционного совещания подтверждается и Указом Президента от 20 мая 1993 года.

Работа над проектом Конституции идет полным ходом, и мы уже понимаем по объему поправок, которые приходят от субъектов Федерации, организаций и граждан. России, что и к 10 июня нам не управиться, но процесс захватывает многих, и это подтверждает правильность выбранного пути. В Указе Президента от 2 июня «О порядке работы Конституционного совещания» появляется новая конечная дата — 16 июня.

Публикуется регламент работы Конституционного совещания. Его участники разбиваются на пять групп, назначаются руководители групп: А.А. Собчак — представителей политических партий,

профсоюзных, молодежных, иных общественных организаций, массовых движений и конфессий; В.С.Черномырдин — представителей федеральных государственных органов власти; С.М.Шахрай — представителей органов государственной власти субъектов Федерации; В.Ф.Шумейко — представителей товаропроизводителей и предпринимателей; Ю.Ф.Яров — представителей местного самоуправления. Одновременно образуется рабочая комиссия во главе с президентом, куда вошел и я. Задачи комиссии — анализ, обобщение, координация решений групп.

Для помощи рабочей комиссии из ведущих юристов страны создается оперативная группа, а позднее — Комиссия конституционного арбитража, которую возглавил вице-президент Российской академии наук академик В.Н.Кудрявцев. Получилась неплохая структура Конституционного совещания, способного подготовить — в значительной степени на основе консенсуса — проект новой Конституции.

Работа кипит, но нас всех тревожит и не отпускает одна мысль: как принимать новую Конституцию? Ведь законного механизма, кроме съезда народных депутатов, нет. Об этом нас много раз спрашивали журналисты, политики, иностранцы. В одной из передач «Итоги» меня буквально пытался выпотрошить Евгений Киселев, видимо, думая, что мы скрываем какой-то большой секрет. Конечно, если бы проект Конституции в тот период был готов, его наверняка можно было принять на съезде. Но это должно было произойти сразу же после референдума. Едва ли, казалось мне, депутаты выступят против избирателей — побоятся. Но время шло, его затяжка была на руку оппозиции, и она это понимала. И поэтому с первых шагов начала блокировать деятельность Конституционного совещания — от оппозиции присутствовало ничтожно мало представителей, и этим как бы давалось понять, что «у вас ничего не получится».

По мере того как процесс работы затягивался — а он по разным причинам действительно затягивался, — нарастало сопротивление оппозиционеров. Уже были забыты ими итоги референдума, и опять появились в их выступлениях повелительные нотки с угрозами, а Хасбулатов все чаще и чаще стал собирать актив представителей Советов из регионов, выступать с докладами в парламентском центре.

Применялась испытанная им тактика — держать около себя людей в напряжении и страхе. И ему это удавалось.

Когда же 12 июля была завершена работа над текстом новой Конституции, оставался единственный шанс ее принятия: одобрение субъектами Федерации и выход напрямую на съезд. Но именно в этот момент Верховным Советом дается команда об отпусках депутатов всех Советов (тогда финансирование их осуществлял Верховный Совет), а в августе разгораются страсти в парламентском центре, где каждый хасбулатовский сбор проходит на грани истерии и особый упор делается на плохое социально-экономическое положение в стране, на обвинения в адрес правительства и президента, которые, мол, вместо экономики занимаются ненужным и не своим делом, готовя новую Конституцию.

Конечно, в такой ситуации работа над новой Конституцией в регионах быстро заглохла. А осенью мы вновь встретились с открытой конфронтацией и явной подготовкой к импичменту президенту. Появились поправки к Конституции, автором которых стал Владимир Исаков.

Эта поправки, в случае их принятия, сделали бы президента ходульной фигурой, предназначенной лишь для наградений и других протокольных дел, а вся реальная власть и все влияние на работу правительства вновь сосредоточились бы в руках Верховного Совета. Готовился новый закон о средствах массовой информации, который ставил их в абсолютную зависимость от представительных органов власти. А самое главное, планировалась атака на правительство — оппозиция не смогла простить В.С.Черномырдину, что он так твердо встал на сторону президента во всех преобразованиях.

Мы знаем, что бюджет был утвержден Верховным Советом в таком объеме, при котором подводил страну практически к гиперинфляции. И тогда, примерно в ноябре-декабре, мог произойти социальный взрыв. Гиперинфляцию не выдерживала еще ни одна страна. Так что сюрприз Верховного Совета в виде непомерного бюджета ставил страну на грань катастрофы. В этой ситуации правительство, а с ним и президент оказались бы погребенными под бременем заведомо невыполнимого бюджета, зато Хасбулатов и депутаты выглядели бы истинными радетелями за народ, гневными обличителями «кремлевских правителей», неспособных защитить и накормить граждан.

Любой из этих ловко расставленных депутатами капканов был губителен для президента. Согласиться со всем предложенным — значило подписать смертный приговор институту президентства, реформам и демократии в России. Не согласиться — пойти против народных избранников, и они объявят президенту на съезде импичмент со всеми теми же пагубными последствиями для России. Такое иезуитское удушение президентской власти готовилось к зимнему съезду.

Весной 1993 года страна стала свидетельницей еще одной атаки, теперь уже со стороны А.Руцкого, который выскочил на Верховный Совет со своими 11 чемоданами компромата. Причем, как впоследствии оказалось, это были оперативные данные МВД, полученные от министра Ерина, которые требовали продолжения кропотливой работы, но никак не публичного оглашения. Последнее было только на руку подозреваемым и оппозиции: одним — чтобы уйти от ответственности, другим — для усиления давления на власть. Но принцип во всех действиях коммунистической оппозиции и оппозиционной верхушки власти был один: убедить людей любыми средствами, что они ошиблись на референдуме, выразив поддержку президенту и реформам.

Как выяснилось впоследствии, Борис Николаевич видел выход из положения в указе, которым распускал законодательный орган и принципиально менял структуру власти в России. Положение о том, что съезд народных депутатов Российской Федерации правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации, превращал в фикцию все полномочия президента.

Летом 1993 года — еще одно событие, которое наложило отпечаток на последующие дела. Думаю, что оно подтолкнуло президента к сентябрьскому решению. Речь идет об освобождении В.П.Баранникова от должности министра безопасности. А произошло все довольно случайно, если, конечно, не было разыграно Коржаковым и Барсуковым.

В один из июньских дней у меня в кабинете раздался звонок: Андрей Караулов, ведущий телепередачи «Момент истины», попросил о встрече, сказал, что есть предложение от Дмитрия Якубовского, который находится в Цюрихе и хочет передать документы, показывающие коррумпированность некоторых наших высших

должностных лиц. Эти документы он может дать только доверенному лицу Бориса Николаевича или моему. Я спросил, о ком идет речь. Андрей ответил уклончиво, но одну фамилию назвал: Руцкой. Можете себе представить мое состояние — этот человек затерроризировал страну компроматами на высших должностных лиц, а сам, видимо, погряз тоже в каких-то делишках. Такое часто бывает — человек, спасая себя, атакует других. Недаром, видимо, считается, что лучшая оборона — нападение.

Встал вопрос, как организовать переправку документов. Обсудил это с Борисом Николаевичем. Договорились, что за документами слетает А.Н.Ильюшенко, который тогда возглавлял Контрольное управление Президента, а прикрытие организует М.И.Барсуков, руководивший Главным управлением охраны.

Через несколько дней звонок Ильюшенко из Цюриха:

— Сергей Александрович, мы еще несколько дней пробудем здесь, документов очень много — глаза разбегаются.

— Ну а на кого документы?

— Страшно сказать — есть и на Степанкова, и на Скокова, но лучше по телефону не говорить...

— Ну а на Руцкого есть?

— Говорят, есть, но мы пока не видели.

— Хорошо, работайте, мы ждем.

Через несколько дней — снова звонок:

— Нас нужно встретить и подстраховать охраной...

Я спрашиваю:

— Почему? Что случилось?

— По телефону сказать не можем, нам нужна охрана...

Михаил Иванович Барсуков организует встречу, и они сразу едут в Кремль. Встречаемся. Они выкладывают материалы — счета, чеки, накладные, показывающие, что в Москве и Цюрихе на жен В.П.Баранникова и А.Ф.Дунаева израсходованы фирмой «Сиабеко» значительные суммы, исчисляемые в сотнях тысяч долларов. Фирма «Сиабеко» принадлежала некоему Александру Бирштейну, человеку с запутанной биографией, чуть ли не нашего контрразведчика, который был в близких отношениях с Баранниковым и активно внедрялся в высшие круги российской власти. Но история с покупками казалась и

неожиданной и невероятной настолько, что требовала самой тщательной проверки...

Какой-то нездоровый интерес ко всему происходящему проявили Барсуков и Коржаков. Судя по отдельным репликам, им давно хотелось бы отдалить Баранникова от президента. Тогда всем было хорошо известно, что у Баранникова с президентом очень тесные, доверительные отношения. Влияние Виктора Павловича на него было огромным. И казалось, ничто не могло поколебать этих отношений. Видимо, это очень не нравилось Коржакову и Барсукову, которые уже тогда делили людей на «наших» и «не наших». Похоже, Баранников стал чем-то им мешать. А может быть, хотели избавиться от него до октябрьских событий.

Они начали меня подталкивать доложить о материалах президенту. Я и сам понимал, что обязан это сделать. Но мне не хотелось ничего предпринимать до окончания Конституционного совещания, которое намечалось на 12 июля. Поэтому разговор я откладывал. Однако накануне совещания, когда я был на докладе у президента, он спросил о материалах, за которыми ездил Ильющенко. И тут, конечно, пришлось доложить, что привезены материалы на... Баранникова. Президент побледнел и переспросил:

— На кого?

— На Баранникова и на Дунаева.

— И что там?

— Похоже, взятки.

Борис Николаевич обхватил руками голову и припал к столу. Так он сидел минуты две, покачивая головой. Потом сказал:

— Все нужно тщательно проверить.

Я согласился, но обратил его внимание на то, что нужна секретность и гарантии безопасности на период проверки. Тогда-то и появилось распоряжение президента о создании межведомственной комиссии в составе Ю.Х.Калмыкова, исполнявшего обязанности министра юстиции, В.Ф.Ерина — министра внутренних дел, А.Н.Ильющенко — начальника Контрольного управления Президента, А.А.Котенкова — начальника ГПУ и А.М.Макарова — адвоката. Комиссии была поставлена задача тщательной проверки этих и других материалов. Координация работы поручалась мне, а обеспечение безопасности — Барсукову.

12 июля в Кремлевском дворце проходило заключительное заседание Конституционного совещания. Я сидел в зале и после окончания совещания мирно беседовал с группой журналистов, когда ко мне подошел мой прикрепленный и сказал, что в комнате президиума меня ждет президент. Захожу в комнату президиума — за столом сидят Ельцин, Черномырдин, Шумейко, Ерин,

Барсуков, Коржаков, Илюшин. Борис Николаевич обращается ко мне:

— Что будем делать с Баранниковым?

Я опешил: еще до проверки материалов конфиденциальность нарушается и нужно думать о каких-то защитных мерах. Виктор Павлович находился на отдыхе в Сочи, но уже сегодня мог получить информацию о материалах и наверняка предпримет свои контрмеры. Я напомнил о необходимости проверки всех материалов, для чего нужно было создать рабочую группу из специалистов. Все с этим согласились, и Борис Николаевич поручил подготовить все документы к завтрашнему дню, до его отлета на отдых в Завидово. Правда, Ерин настоял, чтобы к завтрашнему дню был подготовлен и указ об освобождении Дунаева от должности заместителя министра МВД.

Вернувшись к себе в кабинет, я срочно стал разыскивать Ю.Х.Калмыкова. Он в это время был на Кавказе. По телефону объяснил ему суть вопроса и сразу получил от него согласие возглавить межведомственную комиссию. В этот же день Калмыков вернулся в Москву.

К утру подготовили необходимые проекты распоряжений, и с ними я выехал в аэропорт «Внуково-2». Туда же приехал и Андрей Макаров с подлинниками документов, чтобы в случае необходимости ответить на вопросы, но он оставался в машине, пока не потребуется его участие.

На проводы Бориса Николаевича собрался узкий круг: Черномырдин, Грачев, Ерин, Илюшин и я. Разложил подготовленные проекты распоряжений президента: один — о создании межведомственной группы Совета Безопасности, второй — об освобождении Баранникова и третий — об освобождении Дунаева. Но здесь вмешался Черномырдин и спросил:

— А что за документы привез Ильюшенко, может быть, это фальшивка?

Я сказал, что документы в оригиналах и, если нужно, Андрей Макаров может дать пояснения по сути, поскольку находится здесь.

— Зачем нам Макаров, давайте документы, мы их посмотрим сами.

Я ответил, что без Макарова документы смотреть нет смысла, тогда уж лучше провести их тщательную проверку межведомственной группой, для чего нужно подписать первое распоряжение. Остальные распоряжения можно отложить до результатов проверки.

Президент придвинул к себе первое распоряжение и подписал его. Тут вмешался Ерин и несколько нервозно попросил подписать и распоряжение об освобождении Дунаева. Президент уже пододвинул его к себе, но Ерин попросил проект для визы, быстро его завизировал, после чего распоряжение подписал президент.

Стали прощаться, Борис Николаевич попросил Черномырдина взять работу межведомственной группы под контроль.

Президент улетел, а Виктор Степанович пригласил всех к другому столу, и меня очень резанули его первые слова, обращенные к Ерину:

— Виктор Федорович, забирай документы, — и, уже обращаясь ко всем остальным: — Имейте в виду, сегодня компромат на Баранникова, а завтра может быть на всех вас. Все надо тщательно проверить.

Я сказал, что документы должны быть постоянно под наблюдением членов комиссии и просто так их в МВД не отдадут. Без каких-либо гарантий и охранных действий члены группы рисковать не хотят.

Сошлись на том, что Виктор Федорович едет со мной в Кремль и там, на комиссии, мы обсудим методику проверки.

Проверка показала подлинность документов, факты подтвердились и проверкой магазинов.

Обстановка в стране оставалась напряженной. Мы уже стали примечать, что, когда президент уезжал на отдых, оппозиция особенно усердствовала, чтобы еще сильнее накалить обстановку, усилить конфронтацию. Невольно подумалось, что делается это нарочно, дабы не дать передышки президенту, у которого все больше накапливалась усталость и потому требовался полноценный отдых. В воздухе словно висело ожидание чего-то непредвиденного.

Именно в этот момент кому-то пришло в голову произвести в течение трех дней обмен 50-рублевых купюр.

Страну вновь потрянуло, да так, что президент вынужден был прервать отпуск и вернуться в Москву. Встречали его на даче Черномырдин, Илюшин и я. Прилетел он вертолетом, выглядел бодро, но был озабочен, Черномырдин доложил о ситуации с обменом денег. Потом зашел разговор о наших делах. Я рассказал, что проверка закончена и экспертиза подтвердила подлинность документов. Теперь нужно было решать вопрос по Баранникову.

В эти дни произошло еще одно событие, которое также требовало решения президента по Баранникову. В Таджикистане было предпринято нападение на наш пограничный пост, погибло много наших ребят — им вовремя не оказали помощь. Баранников — в отпуске, а его заместитель, командующий погранвойсками, — в США. Общественное мнение очень резко прореагировало на гибель военнослужащих. По этому поводу собирался Совет Безопасности. И, конечно, досрочно вышел из отпуска В.П.Баранников. Как-то поздно вечером приехал ко мне на дачу В.Г.Степанков, тогдашний Генеральный прокурор России. Мы долго ходили с ним до дачным дорожкам, обсуждали дела межведомственной комиссии и расстались за полночь. Уже тогда он прослышал о том, что и на него Якубовский набрал компромат. Но ничего существенного и серьезного на Степанкова не было. Возможно, за этим стояло большое желание Ильюшенко уже тогда заявить о себе как о претенденте на место Генерального прокурора. Напомню: я всегда с большим уважением относился к Валентину Георгиевичу Степанкову — честному, мужественному человеку. Он остался таким и в мартовских событиях, когда поднялся переполох по поводу Указа Президента о введении особого режима управления, и особенно — в октябрьских, когда практически отказал Хасбулатову и так называемому десятому съезду в возбуждении уголовного дела по Указу № 1400.

В то посещение Валентин Георгиевич предупредил меня, что Баранников дал команду срочно собирать компромат на всех членов комиссии и тех, кто с ними сотрудничает. По его словам, уже было заведено семь уголовных дел. Правда, сами дела выеденного яйца не стоили: о нарушении при пересечении границы (это когда везли Якубовского), об использовании служебной техники для прослушивания (ее, правда, мы не брали, но просили Евгения Савостьянова — он тогда работал начальником управления ФСК по

Москве — дать нам миниатюрный магнитофон) и другие в том же духе. Но колесо завертелось. Теперь — кто кого.

Утром позвонил президенту. Мне сказали, что его нет и прибудет он только к началу заседания Совета Безопасности. Попытался связаться по спецкоммутатору — разъяснили, что президент гуляет у озера, видимо, обдумывает ситуацию. Позвонил секретарю Совета Безопасности Олегу Ивановичу Любову, спросил его, какое решение готовится. Он ответил, что по делам Таджикистана — «предупреждение» Баранникову.

Мне так и не удалось в этот день связаться с Борисом Николаевичем, а на следующий день, в 11 часов, у него должна была состояться встреча с Баранниковым.

В 10.40 раздается звонок президентского телефона. Поздоровавшись, Борис Николаевич произносит:

— Ну, что будем делать с Баранниковым?

— Теперь нужно снимать, Борис Николаевич. Баранников начал сбор компромата на членов комиссии и уже завел несколько уголовных дел. Он теперь не остановится ни перед чем. Не снимете — он со всеми счета сведет, а вас предаст, если уже не предал.

— Хорошо. — Президент положил трубку.

Начались мучительные ожидания. Ждали, когда начнется разговор, ждали его окончания, ждали результата.

В 11.40 еще один звонок президентского телефона, быстро снимаю трубку.

— Я подписал указ об освобождении Баранникова. — И телефон отключился.

Можно было вздохнуть с облегчением. Разговор был, вероятно, жесткий, после чего Борис Николаевич уехал и был очень молчалив и хмур еще несколько дней. Не просто далось ему это решение...

Дальнейшая работа комиссии практически ничего нового не принесла. Но на заключительном этапе произошло событие, которое потрясло страну, — трастовый договор с подписью Руцкого, означавший, что у него имеется счет в швейцарском банке на три с половиной миллиона долларов. Эти деньги якобы были получены вице-президентом после заключения сделки между фондом «Возрождение», который в свое время создал Руцкой, и одной иностранной фирмой. Договор привез Котенков из последней поездки в Канаду.

У меня почему-то возникло внутреннее недоверие к этому документу, и я начал с пристрастием допытываться, насколько он достоверен и как он попал в руки Котенкова. Александр Алексеевич объяснил просто: документ ему привез Якубовский за пять минут до посадки в самолет, и он сам не успел толком объясниться с ним по этому поводу, только в самолете посмотрел бумаги. Однако Ильюшенко очень настойчиво тянул нас к опубликованию документа. Я много раз и тогда, и в последующем спрашивал у Ильюшенко: достоверен ли документ? Сначала он твердо заявлял, что всё это достоверно, но в последующем, когда стал и.о. Генерального прокурора, не теряя самоуверенности, говорил:

— Да они никогда ничего не докажут, не волнуйтесь, Сергей Александрович!

Однако время подтвердило мои опасения: открытое еще при Ильюшенко уголовное дело было закрыто после его ухода из Генпрокуратуры.

По прошествии с той поры трех лет, встретившись с Андреем Карауловым за обедом (именно он впервые вышел с предложением связаться с Якубовским и получить у него документы о коррупции в высших эшелонах власти), я задал ему мучивший меня вопрос:

— Андрей, меня постоянно преследует ощущение, что мы в деле Баранникова и других сами попали тогда в чью-то разработку. Скажи, что здесь все-таки истина, а что заготовка, причем, похоже, фальшивая? Я на днях видел документ Генпрокуратуры о том, что уголовное дело на Баранникова и Дунаева прекращено за отсутствием состава преступления.

Андрей подтвердил, что траст на Руцкого — скорее всего фальшивка, сработанная по указанию одного из руководителей Главного управления охраны Якубовского, когда последнего на короткое время привозили в Москву. А перевозку документа из Канады осуществил Александр Котенков, человек чистый, преданный профессиональному делу, но ничего о тайной договоренности не знавший и потому придавший своим участием в этой истории значительную достоверность происходящему.

Первая же проверка в московской прокуратуре — а там прокурором был Геннадий Пономарев — выявила целый ряд нестыковок и несуразиц. В частности, даты, на которые ссылалась

межведомственная комиссия, и даты, которые стояли на документах, не состыковывались с графиком пребывания А.Руцкого за рубежом и пребывания лиц, которые также парафировали документы, в Москве. Сам контракт оказался мало относящимся к фонду «Возрождение». Вызвала сомнение и подпись А.Руцкого.

Тогда, естественно, возникает вопрос: кому это нужно было и кто организатор провокации?

Видимо, уже тогда складывался определенный альянс между группой Коржакова и Ильюшенко. Не случайно Коржаков предпринял колоссальные усилия, чтобы назначить Ильюшенко Генеральным прокурором России. Но того не утвердили на Совете Федерации — к великому его огорчению.

А мне до сих пор неловко и совестно, что я оказался как-то причастен к этой туманной истории. Стыдно перед обществом, перед А.В.Руцким, перед Ю.Х.Калмыковым, который подвергся публичной критике за работу комиссии как ее председатель на Совете Федерации и, может быть, именно по этой причине не был избран в Конституционный суд. Я всегда очень дорожу доверием людей и стремлюсь к тому, чтобы открыто смотреть в глаза любому, даже противнику, но при этом я должен быть без колебаний уверен в добропорядочности и честности человека.

В сентябре месяце президент делает еще одну попытку объединения исполнительной и законодательной ветвей власти путем создания Совета Федерации как консультативного органа. Мы подготовили два варианта заявления. Но на совещании, после вялого ответа представителей субъектов Федерации на вопрос президента о принятии документа, Борис Николаевич ни на чем настаивать не стал и как-то быстро закруглил встречу. Это было 18 сентября, а через три дня появился Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», и стало понятно, почему президент не настаивал на подписании заявления. В соответствии с указом прерывалось осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, прекращались полномочия народных депутатов. Конституция действовала, власти на местах сохранялись. Гарантировались права и свободы граждан Российской Федерации.

Указ № 1400 должен был появиться 19 сентября, но отсутствие плана действий, неподготовленность структур к такому шагу очень беспокоили многих, и меня в том числе. Когда Борис Николаевич показал указ, я действительно (как он пишет об этом в своей книге) стал возражать, и у меня были причины для этого.

Во-первых, я против любого шага, выходящего за пределы конституционного пространства, так как это может спровоцировать политические и преступные силы на ответное нарушение Конституции и закона, и тогда — хаос, беспредел, гражданская война. В данном случае ситуация складывалась несколько иная, потому что объявлялись выборы и как бы давались гарантии сохранения всех структур власти.

Но была и другая причина: мне казалось, что требуется время на хорошую подготовку этой акции. Необходимо было иметь план действий, предварительно поработать с депутатами, а не придумывать на ходу для них всякие социальные и бытовые льготы. Требовалась предварительная договоренность с отдельными главами администраций и руководителями республик, с лидерами партий и общественных объединений и движений. Все это пришлось делать потом, в атмосфере крайне обострившегося конфликта между собравшимися в Белом доме и президентом. Да в конце концов, можно было переговорить и с членами Конституционного суда, и с Генеральным прокурором. Что-то в этом духе я высказал Борису Николаевичу, но он не принял моих возражений.

Я поделился своими сомнениями с Черномырдиным, с Ериным и Галушко и нашел у них понимание. Непримирым был, пожалуй, один министр иностранных дел Козырев, который настаивал на скорейшем введении указа в действие. Но одно дело — понимание неотложности указа за рубежом, что, конечно, очень важно, другое — обойдется ли страна без кровопролития в случае его введения. Ведь уже тогда было известно, что в Белом доме накоплено большое количество оружия и просто так его «жилыцы» позиций не сдадут...

На совещании у Бориса Николаевича я пытался изложить эти аргументы, но он как-то резко, с отмашкой правой руки, меня оборвал (действительно, степень напряжения у него в те дни была очень высокой):

— Ваша точка зрения мне известна...

Остальные промолчали, только Виктор Степанович осторожно завел разговор о переносе даты да Андрей Козырев твердо высказался за указ и немедленное его воплощение. Однако Борис Николаевич согласился перенести начало действия указа на 21 сентября, и то тут сыграло решающую роль совпадение двух дат — 19 августа 1991 года и 19 сентября 1993 года, в чем президент усмотрел нехороший признак.

Итак, 21 сентября 1993 года. Новый отсчет времени в развитии нашего Отечества. Указ звал к новым выборам депутатов в высший законодательный орган — Государственную думу, открывал перспективу принятия новой Конституции.

Напомню, что с приближением декабрьского съезда усиливалась угроза не окрепшим еще новой государственности и демократии России, в защиту которых и был сделан упреждающий шаг президента, рассчитанный на понимание всеми россиянами. Родина у нас одна, и второй гражданской войны она не заслужила, тем более из-за чьих-то амбиций. Вот почему нигде и не вводился тогда какой-то особый режим.

Расчет был на разумное восприятие и народными избранниками, и оппозицией ситуации и действий в ней высшего должностного лица страны, получившего поддержку народа на референдуме. Хотя и для силовых мер возможностей было достаточно: издать тот же указ, опечатать Дом Советов и предложить всем сосредоточиться на реформах и подготовке к выборной кампании. Бывшие народные депутаты (как это потом и произошло) разъехались бы по регионам готовиться к выборам, завоевывать у избирателей голоса.

С самого начала силовой путь был исключен как неприемлемый. Никакие вооруженные силы, насколько я знаю, специально под указ в Москву не стягивались.

Москва, как и вся страна, внешне жила обычной жизнью. Спектакли в театрах не отменялись, конференции, фестивали шли по плану. В один из дней на Красной площади дирижировал оркестром Мстислав Ростропович, специально приехавший в Москву поддержать Бориса Николаевича. Все давало надежду на разрешение политического конфликта властей мирным путем, который Указом № 1400 был предельно обозначен: новые выборы в новый парламент! Сразу было заявлено, что проводиться они будут под контролем общественности и международных наблюдателей.

Я даже начал себя упрекать за излишнюю подозрительность и неуверенность в безболезненном восприятии оппозицией указа.

Но, увы! Последующее развитие событий показало: силы, сосредоточенные в Белом доме, уверенные в том, что на них никто не вправе оказывать давления, в том числе и силовое, начали сами провоцировать власти действиями^ близкими к террористическим актам: воздвигать вокруг Белого дома баррикады, формировать среди граждан атмосферу тревоги, неуверенности, страха перед якобы неизбежно надвигающейся бедой. Появились террористические группы, которые нападали на различные объекты с целью завладения оружием, что привело к убийству нескольких человек. Стали поступать сигналы о попытках захвата узлов связи. Имелись сведения, что в Государственном комитете по таможне уже засели бело-домовцы с оружием, практически подвергнув аресту всю деятельность этого комитета.

Подобные акции не могли не тревожить руководство страны, правительство, что и заставило нас принимать ответные меры, дабы защитить москвичей от террористической угрозы, исходящей из Белого дома. Это был основной лейтмотив всех дальнейших действий власти.

Даже мирные переговоры, которые мы вели в Свято-Даниловом монастыре, были посвящены тому, чтобы обезопасить москвичей от действий засевших в Белом доме баркашовцев, участников бандитских и вооруженных формирований, за плечами которых — жестокая школа убийств на полях Молдовы, Приднестровья, Абхазии, Прибалтики. Это были профессиональные убийцы, которые могли разжечь огонь гражданской войны, а значит — произвола. Белодомовцы и их добровольные защитники стали устраивать вокруг своей «крепости» завалы, баррикады, опрокидывать бетонные блоки, отгораживаясь от предполагаемого штурма, который потом сами же предприняли на мэрию Москвы, а затем и на телецентр в Останкине.

Все это, и не сразу, а постепенно, день за днем заставляло власти усиливать охрану территории Белого дома, что в последующем привело к полной его блокаде.

22 сентября на внеочередной сессии Верховного Совета были приняты два постановления: «О прекращении полномочий президента Ельцина Б.Н.» и «Об исполнении полномочий президента вице-президентом Руцким А.В.». Был объявлен первый указ Руцкого «О

недействительности Указа № 1400 от 21.09.93 г.» как противоречащего Конституции.

Из Белого дома в соединения, части и учреждения Вооруженных сил было спешно направлено около 50 различных обращений, постановлений и распоряжений. Были тут же назначены министр обороны Ачалов, министр внутренних дел Дунаев и министр безопасности Российской Федерации Баранников. В войсках распространялось обращение Руцкого к российской армии и флоту, сотрудникам Министерства безопасности и внутренних войск, а также к органам правопорядка с призывом — не выполнять «преступные приказы» Ельцина, Грачева, Ерина, Галушко. Население и воины Вооруженных сил призывались к участию во Всероссийской политической стачке 27 сентября 1993 года. Опубликованное в печати заключение Конституционного суда о незаконности Указа № 1400 развязало руки Верховному Совету для дискредитации президента и введения общественности страны в заблуждение.

В последние дни сентября началось распространение Верховным Советом провокационной информации в отношении руководства Министерства обороны, командующих Сибирским и Уральским военными округами и Северного флота. Делались попытки посеять сомнение в стойкости среди руководства Министерства обороны и внести раскол в его ряды. Во все военные академии Москвы утром 22 сентября были посланы телефонограммы Руцкого и Ачалова с требованием вооружить личный состав и направить его на оборону Белого дома. В учебный батальон связи Московского военного округа (Наро-Фоминск) была направлена группа около 20 человек во главе с начальником охраны Верховного Совета, которая потребовала у дежурного по части выдать 400 стволов оружия для защиты Белого дома.

22 сентября Руцкой подписывает Закон Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации», которым предусматривалось ужесточение наказания к должностным лицам, действия которых направлены на «насильственное изменение конституционного строя». Инициатором поправок выступил депутат Сергей Бабурин. Всеми своими действиями Верховный Совет, Руцкой и прочая компания стремились

дестабилизировать обстановку в армии и спровоцировать ее на применение силы.

С 23 сентября оппозиция перешла практически к силовым действиям. Поздно вечером группа боевиков подполковника Терехова (председателя Союза офицеров) пыталась захватить военный объект на Ленинградском шоссе для овладения узлом связи Министерства обороны. Там в это время находилось руководство штаба Объединенных вооруженных сил стран СНГ, которое чуть было не стало их заложником. Не получилось. Удалось только разоружить пост караула, охранявшего центральный въезд на объект (были отняты два пистолета), в дальнейшем руководство Министерства обороны предотвратило этот террористический акт. В районе объекта группа Терехова столкнулась с патрульной машиной милиции. В результате столкновения старший группы капитан милиции Свириденко был убит и один милиционер ранен. Случайным выстрелом была убита пенсионерка, которая в это время вышла на балкон близлежащего дома.

В один из тех дней мне позвонили из посольства США и попросили назначить встречу со мной посла. Мы встретились поздно вечером, уже после одиннадцати часов. Посол Пиккеринг выглядел очень усталым и обеспокоенным.

— Господин Филатов, я хотел бы получить ваш совет: что мне делать, у нас более ста детей и женщин. Мы их должны или вывезти из Москвы, или расположить здесь (в здании посольства у гостиницы «Мир») в подвалах. Я хотел бы получить ваш совет.

— А почему у вас такая обеспокоенность?

— Нам хорошо видно то оружие, которое выставлено в окнах Белого дома, и мы думаем, что без стрельбы и без крови не обойдется. По нашим оценкам, в нашем направлении (на гостиницу «Мир») нацелено два десятка гранатометов, несколько пулеметов и другого оружия.

Это совпадало и с нашими сведениями. Я рассказал господину послу об общей обстановке, о переговорах в Свято-Даниловом монастыре, но посоветовал детей и женщин на всякий случай вывезти из посольства. В этом месте действительно было опасное сосредоточение вооруженных людей. Вспышка могла привести к непредсказуемым последствиям, тем более что оппозиция была

довольно агрессивно настроена к США, так как считала эту страну виновником тех преобразований, которые проводил Ельцин в России.

После того как посол США посетил меня, охрана Белого дома была усилена.

Однако пиком психоза оппозиции стал созыв чрезвычайного Десятого съезда народных депутатов. Я слишком хорошо знал степень амбиций тех, кто раскручивал в Доме Советов спираль противостояния. Ведь там были распределены все роли будущих «вождей», власть для них уже имела реальный запах. Кто из них от этого мог отказаться? Тут требовался разум, но именно его многие тогда лишились.

На съезде кворума не набралось. Но вместо того чтобы разъехаться, в Белом доме начали искать пути понижения кворума: произвольно исключили неугодных 100 депутатов и образовали для себя правомочный съезд. Вот бы где проявиться Конституционному суду, стоящему на страже Конституции! Валерий Зорькин же объявил на съезде решение Конституционного суда о неконституционности Указа № 1400, и с его благословения Руцкой принял присягу как президент. На остальное Зорькин закрыл глаза. Своими действиями он и некоторые члены Конституционного суда лишь разожгли ситуацию в Белом доме да и в стране. Началась попытка перехвата власти — первый шаг к хаосу, первый, прикрытый видимостью закона, шаг к гражданской войне.

В своем Обращении ученые Института государства и права Российской академии наук впоследствии отметят:

«Как юристы мы не можем не обратить внимания на негативную, в сущности пособническую роль, которую сыграли в трагическом развитии событий Конституционный суд Российской Федерации и его председатель».

Не имея надежды на «всенародный взрыв», верхушка Белого дома стала выводить на политическую арену руководителей региональных Советов и так называемые «малые» Советы, в большинстве своем состоявшие из бывших совпартноменклатурщиков, изначально находившихся в оппозиции к курсу реформ.

Вот они и стали «кучковаться». То в Санкт-Петербурге лидеры Советов соберутся, то в Новосибирске, то в Москве в Конституционном суде, выдавая свои мнения за волю регионов. Хотя все вокруг, да и они сами понимали, что это не соответствует действительности.

В печати появилось сообщение, что Патриарх Московский и всея Руси Алексей II прерывает свою поездку по США и возвращается в Москву, встревоженный происходящими событиями. Еще находясь в США, прилетев в аэропорт Сан-Франциско, он призвал все ветви власти, их органы, армию, правоохранные учреждения и всех россиян воздержаться от любых действий, могущих привести к кровопролитию и подтолкнуть общество к гражданской войне. Вернувшись в Москву, Патриарх провел несколько встреч — с Юрием Лужковым, Валерием Зорькиным, депутатами, общественными деятелями и предложил свое посредничество в урегулировании конфликта. У меня в то время было такое чувство, что Патриарх несколько недоброжелателен к официальной власти. Однако он быстро разобрался в происходящем.

Мне позвонил митрополит Кирилл, передал предложение Патриарха о переговорах и попросил организовать его встречу с президентом. Я тут же перезвонил Борису Николаевичу, он одобрил идею переговоров под эгидой Патриарха и назвал на выбор время встречи — 30 сентября в 11.30 или в 16.00. Договорились на 16.00. Борис Николаевич принял Патриарха в Кремле, пригласил меня. Он рассказал о сложившемся положении, объяснил, почему принял такое решение. Патриарх выразил большую обеспокоенность возможностью гражданской войны и предложил свою помощь в организации переговоров между представителями Белого дома и президента в Свято-Даниловом монастыре под его, Патриарха, эгидой, Борис Николаевич тут же назвал состав делегации:

— С нашей стороны будут участвовать Сергей Александрович, Олег Николаевич Сосковец и Юрий Михайлович Лужков,

Поздно вечером того же дня случай помог решить вопрос и об участии белодомовцев в переговорах. Позвонил Виктор Степанович и сказал, что у него находятся Рамазан Абдулатипов и Вениамин Соколов, и предложил немедленно с ними встретиться.

Мы собрались в кабинете Сосковца на Старой площади — Абдулатипов, Соколов, Сосковец, Лужков и я. С самого начала мы никак не могли подобраться к сути. Они возмущались тем, в какие условия поставлены люди в Белом доме: отключена связь, нет электричества, воды, не работает канализация, нет свободного доступа к Белому дому.

Я объяснил, что наши действия являются ответными, определяются интересами безопасности москвичей и россиян, и предложил вместе подумать, как избежать вооруженной потасовки, поскольку в Белом доме скопилось большое количество оружия и тех, кто плохо контролирует себя и может, по нашим сведениям, совершить непредсказуемые действия. У нас были данные, что отдельные «воины» получали оружие и тут же отправлялись на рынок, чтобы его продать.

Разговор шел тяжелейший: они требовали решений политических — отмены указа, обсуждения вариантов выборов, смены руководителей, а также включения света, воды, телефонов. Но нас беспокоил главный вопрос — сдача оружия, его учет, опечатывание и нейтрализация, а затем уже — все остальное.

В конце концов они вроде бы поняли, что можно к завтрашним переговорам подойти с какой-то позитивной предварительной договоренностью. И это бы создало на переговорах предпосылки для оптимизма.

С самого начала мы предложили им проблему разделить на две части: сдача оружия и политические решения. Политическую часть предлагалось обсуждать после того, как будет устранена опасность вооруженного конфликта[^]. Тогда они поставили встречное условие: включение света и телефонов в Белом доме. Итак, решили с этими договоренностями идти утром на переговоры.

Но нашим оппонентам нужно было согласовать свою позицию с руководством в Белом доме. Они поехали туда. Около половины первого ночи 1 октября. Вернулись они из Белого дома около 2 часов ночи. Мы же в это время расположились в гостинице «Мир», примыкающей к зданию мэрии — бывшего СЭВ, в непосредственной близости от Белого дома, встретились с работниками и командным составом ВВ, ОМОНа, ГУВД Москвы. Несколько обнадежили людей, сказав, что есть предпосылки договориться. Вернувшись, Абдулатипов и Соколов сказали, что они полномочия получили. Мы прошли в крупный зал и составили первый протокол, состоящий всего из двух пунктов:

Протокол № 1

Полномочные представители сторон в составе: Филатова С.А., Сосковца О.Н., Лужкова Ю.М., Соколова В.С., Абдулатипова Р.Г. в

целях снятия остроты противостояния согласились реализовать следующие меры:

1. В целях обеспечения безопасности, сбора и складирования нештатного оружия, находящегося в Доме Советов, осуществить его сбор и складирование в Доме Советов и взятие под охрану совместных контрольных групп, организованных из сотрудников ГУВД г. Москвы и департамента охраны Дома Советов. Для этого незамедлительно включается электроэнергия и теплоснабжение, а также необходимое количество городских телефонов для оперативной связи. Одновременно реализуются согласованные меры по сокращению потенциала сил и средств наружной охраны Дома Советов.

2. После реализации первого этапа стороны приступают к полному снятию вооруженного противостояния, заключающемуся в одновременном выводе из Дома Советов всех охранных формирований и отмене наружной охраны ГУВД. Одновременно окончательно решаются вопросы вывода нештатного оружия из Дома Советов. Исполнение задач второго этапа происходит при согласовании и выполнении правовых и политических гарантий. 01.10.93 г. 2 часа 40 минут.

В 2 часа 40 минут мы подписали протокол и, довольные, вместе с руководителями ОМОНа, ВВ и ГУВД Москвы сели за стол. Поздоровались друг друга с этой маленькой, но очень важной победой и распрощались в пятом часу утра.

Утром я доложил Борису Николаевичу о первом результате и поехал к 10 часам в Свято-Данилов монастырь. Тогда же, до начала переговоров, мы начали выполнять пункты протокола, не дожидаясь ответных действий противоположной стороны. Включили в Белом доме свет, телефоны, дали воду, тепло, стали сворачивать оцепление. Нам важно было разрядить обстановку и перевести ее из военной плоскости в политическую.

В назначенный час собираемся в Свято-Даниловом монастыре, удовлетворенные тем, что нам удалось прийти к каким-то важным первоначальным соглашениям. Однако начало работы задерживается из-за отсутствия В.С.Соколова. Минут через пятнадцать начинаем без него: слева от нашей делегации — Патриарх с митрополитами Кириллом и Ювеналием, справа — представитель Конституционного

суда В.И.Олейник, прямо перед нами — Р.Г.Абдулатипов. Патриарх прочитал молитву, открыл переговоры, после чего мы перешли к обмену первыми фразами в духе вчерашних наших разговоров. Хорошо сказал Рамазан Абдулатипов:

— Мы все в той или иной степени верующие. В Коране написано, что Бог един, религии разные. У нас многонациональная страна, разные религии и культуры. И соответственно стабильность — первейшее условие развития нашей страны. В моем выступлении на съезде это было сказано: существуют две главные опасности. Первая — гражданская война, войти в которую очень легко, а выйти из которой трудно. И вторая — развал России. Известно, что все войны, любые конфликты заканчиваются переговорами. В данном случае ваша инициатива, — он обратился к Патриарху, — это как раз начать переговоры до войны. Мы эту инициативу полностью поддерживаем. Но могут быть разные оценки того, откуда и для кого исходит опасность. Тут мы не будем спорить. Но я рад, что независимо от политической ситуации мы вели переговоры с теми людьми, которых хорошо знаем, которым симпатизируем по-человечески. Может быть, именно этот момент нам и позволил начать процесс переговоров. Должен сказать, что подписанные документы сразу реализовать, конечно, будет очень трудно. Но мы готовы приложить все усилия для того, чтобы наши договоренности были выполнены.

Через некоторое время появляются Ю.Воронин, Р.Чеботаревский и В.Домнина и садятся напротив нашей делегации. К Воронину обратился Патриарх, попросив его прояснить обстановку и ответить, почему нет В.Соколова. Воронин сообщил, что съездом именно они уполномочены в дальнейшем представлять Дом Советов и что он, Воронин, имеет поручение изложить решение Президиума Верховного Совета. По этому же поводу с заявлением выступил и Хасбулатов:

— «В связи с подписанным Абдулатиповым и Соколовым протоколом заявляю:

1. Проблема оружия является составной частью общего урегулирования политического кризиса, вызванного государственным переворотом и насильственным захватом власти; она должна решаться в рамках реализации соответствующих решений, принятых Верховным Советом, Конституционным судом и X чрезвычайным

Съездом народных депутатов, — что мы неоднократно подчеркивали.

2. Включение телефонной связи, ввод энерго- и теплоснабжения, подвоз питания, медицинское обеспечение — это предварительное условие для последующего ведения каких бы то ни было политических переговоров.

3. Таким образом, «проблема оружия» не имеет самостоятельного значения и не подлежит вычленению из общей ситуации, созданной преступными действиями путчистов. Тем более что оружие защитников конституционного строя имеет строго оборонительный характер от посягательств на жизнь и здоровье народных депутатов и сотрудников Верховного Совета. Это подтверждается массовыми фактами жестокого избиения демонстрантов, депутатов, сотрудников и журналистов.

4. Отметить спекулятивный характер кампании, поднятой вокруг «проблемы оружия», направленной на попытку переложить ответственность, вытекающую из последствий государственного переворота, совершенного Б.Н.Ельциным и его приспешниками, на X Съезд, Верховный Совет Российской Федерации и ее субъектов, обмануть в очередной раз народ, посеять у него недоверие к позиции X Съезда народных депутатов, отстаивающих честь, свободу и независимость своей страны».

Пожалуй, со времен Сталина еще никто не позволял себе такой циничности — рассуждая о высоком, толкать людей на бойню, на гражданскую войну. Обстановка на переговорах резко изменилась. Наше ночное соглашение фактически было дезавуировано. И не только заявлением Хасбулатова, но и решением Военного Совета, подписанным Ачаловым, Баранниковым, Дунаевым, о том, что командование Белого дома не одобряет соглашения и не принимает то, что нами подписано. В общем, получалось, что Воронин и другие присутствуют здесь с полномочиями от Хасбулатова и Руцкого, подписанный ночью протокол недействителен, а потому и весь переговорный процесс начинается заново.

Но то, что последовало с приходом Воронина, уже трудно было назвать переговорами. Заинтересованный в разрядке Абдулатипов обиделся, о чем откровенно заявил на заседании своей палаты. Он передал мне записку от В.С.Соколова, который как будто находился под строгим наблюдением. Об этом можно было догадаться и по

содержанию записки: «Прошу включить телефон в задней комнате, поскольку из этой комнаты разговаривать не могу, нахожусь под наблюдением».

Сам же Рамазан Абдулатипов, если и появлялся на переговорах, — сидел молча и участия в них почти не принимал. Но после заявлений Воронина объяснил, что произошло ночью в Доме Советов:

— Мы вчера встречались в половине первого ночи с Александром Владимировичем Руцким. Он действительно жестко контролирует военную ситуацию внутри Белого дома. И с его стороны, — я даже удивился, потому что думал, нас ждут длительные переговоры, — с его стороны была выражена полная готовность реализовать те меры, о которых он написал Святейшему Патриарху. И после того как мы вернулись оттуда, именно после разговора с Александром Владимировичем и с Русланом Имрановичем, мы как раз и подписали соглашение, хотя у Юрия Михайловича Лужкова, может быть, был другой подход. Но мы нашли общий вариант, и он отражен в нынешнем протоколе и согласован с Руцким. Руцкой заверил вчера, что оружие, которое есть у боевых формирований, полностью будет складироваться под двумя печатями: УВД и Управления охраны Белого дома. Поэтому никаких вопросов по складированию оружия в этом плане, он заверил, не должно быть.

Нам понадобился снова целый день, чтобы войти в прежнее русло договоренностей и все-таки принять во внимание подписанный ночью документ, на базе которого эксперты могли бы начать свою работу.

Утро 2 октября. Обычно это встречи с руководителем управления кадров и с руководителем управления по работе с обращениями граждан в адрес президента. Вел этот участок Михаил Алексеевич Миронов.

— Как настроение людей, Михаил Алексеевич, что пишут?

— Вчера получено девятьсот письменных и устных обращений.

— Что волнует народ?

— Оценки Указа № 1400 по-прежнему полярны, но нет ни одного автора, который бы оспаривал необходимость досрочных выборов. Мнения расходятся только по поводу сроков и этапности выборов.

— Что еще?

— Характерными становятся призывы сосредоточить главное внимание всех органов власти, особенно на местах, на решении

экономических и социальных проблем. По этим вопросам обращалось около половины всех заявителей.

— Вот видите, мы здесь вынуждены воевать, а люди просят, чтобы занимались их проблемами.

— Да, и вопросы борьбы с преступностью продолжают волновать народ. От нас требуют ужесточить борьбу.

— А о переговорах есть какие-нибудь отклики?

— Пока нет. Но думаю, все ждут результатов. Настроение людей несколько меняется, чувствуется усталость, тревога. В каждом втором письме — беспокойство о ситуации вокруг Белого дома. Вот одно из писем:

«Меня очень настораживают эти перекошенные злобой лица, мелькающие на телеэкране, с портретами Сталина, кровавыми лозунгами. В конце концов, никто у нас не бедствует так, как это хотела бы представить оппозиция. — А.Федоров, г. Медвежьегорск».

— Хорошо, проследите, пожалуйста, отдельно за темой переговоров.

Михаил Алексеевич ушел, а я в который раз с симпатией подумал об этом человеке: наверное, матросская служба отложила отпечаток на четкость его действий. С такими людьми можно спокойно делать дело,

Позвонил Владимир Филиппович Шумейко, спросил, как идут переговоры.

— Начало было обнадеживающим, но вчера предприняли демарш руководители Белого дома и генералы, прислали Воронина, и все стало снова вязнуть.

— Да, Хасбулатов не случайно направил Воронина, будьте с ним осторожней. Нужно добиться разоружения — ведь оружие находится не у тех лиц, у которых оно должно находиться.

— Вот именно.

— К нам приходят сведения, что ночью неоднократно совершаются провокации — выходы из подъездов и броски с оружием. Из-за этого ситуация крайне сложная, напряженная. Дожимай, Сергей Александрович.

— Стараюсь. А как дела в регионах?

— Мы проанализировали решения сессий всех восьмидесяти восьми субъектов Федерации. Семьдесят процентов видят выход в проведении выборов в тех или иных вариантах.

— Исходя из почты, мы только что сделали такой же вывод.

К 10.00 я поехал в Свято-Данилов монастырь. С утра эксперты должны были доложить о результатах своей работы, но опять вместо проработки вопроса об оружии в Доме Советов мы занялись процедурой переговоров, взаимными претензиями. Опять мы проспорили целый день и до поздней ночи, пока всем нам не стало очевидным, что переговоры осознанно срываются. Я сделал заявление о том, что мы видим предпринимаемую затяжку переговоров, и настоял на том, чтобы эксперты в ночь со 2-го на 3-е осмотрели в Белом доме оружие, а утром 3 октября представили нам материалы увиденного. Но так как утром Святейший Патриарх должен был вести литургию в Богоявленском патриаршем соборе, решили встретиться в 16 часов.

Поздно вечером позвонил Борис Николаевич, поинтересовался, как идут дела. Я поразился чутью президента. У меня тоже появилось чувство тревоги и огромной неудовлетворенности. Скрывать не стал:

— Борис Николаевич, дела неважные, переговоры намеренно срываются и намеренно затягиваются Ворониным. У меня какое-то нехорошее предчувствие — что-то они затевают. Хотя мы договорились, что эксперты будут работать ночью, а соберемся мы в 16 часов. Я хочу найти Зорькина и переговорить с ним — ведь вся эта заваруха происходит из-за их — Конституционного суда — решений, непродуманных и очень предвзятых.

— Хорошо, действуйте. Но не забывайте, с кем имеете дело,

Президент в очередной раз оказался провидцем.

У Воронина было достаточно влияния в ставшем по-солдатски вымуштрованном Верховном Совете, чтобы убедить депутатов в необходимости разоружения. По моему разумению, именно в эти дни у него должно было проявиться гражданское мужество государственного руководителя, который обязан в первую очередь думать о людях, об их безопасности, а не только стремиться к достижению своих целей, причем любой ценой, даже кровью. Но не таков оказался Воронин. Он не поднялся выше собственных политустановок, сорвал переговоры, позволил организаторам мятежа сколотить военный кулак и начать кровопролитие. Позже, уже из книги Хасбулатова, я понял, что, к сожалению, был прав, — план осенней кампании был разработан Ворониным.

Но что же меня тогда, в тот период, так насторожило? Целый день Воронин делал различные заявления, всячески уводил совещание от каких-либо решений, а потом согласился на работу экспертов в Белом доме. В конце заседания он и вовсе начал наглеть. До этого речь шла о «внештатном оружии». Этот термин применялся общепризнанно.

Мы говорили:

— Оставьте себе то оружие, которое было у вашей охраны, но все остальное должно быть сдано. Люди, которые прибыли с оружием, должны оставить его, а сами уехать из Москвы.

Когда же Воронин изрек: «У нас нет нетабельного штатного оружия, у нас все оружие штатное, а Руцкой как **президент** (выделено мной. — **С.Ф.**) может создавать любые формирования и раздавать любое оружие», — вот тогда я впервые забеспокоился серьезно, подумалось: грядет столкновение.

Уже в половине первого ночи начал искать В.Зорькина. Мне казалось, что наступавшее безумие можно остановить его вмешательством. Телефонистка долго не могла его разыскать, потом сказала, что нашла где-то в лесу и соединила нас по спецкоммутатору. Я разговаривал из Свято-Данилова монастыря:

— Имейте в виду, что, опираясь на ваше одностороннее решение, Руцкой формирует вооруженную команду и завтра может пролиться кровь. Я прошу вас еще раз: рассмотрите неконституционность действий Хасбулатова, Верховного Совета, так называемого Десятого съезда и подтвердите, что их решения не имеют правовой основы. Если вы объявили, что указ президента неконституционен, то признайте, что и съезда нет как такового, и нет никакого исполняющего обязанности президента Руцкого, — в противном случае вы создаете ему ложную правовую базу.

Зорькин обещал собрать членов Конституционного суда и еще раз рассмотреть ситуацию. Они действительно собирались в три часа ночи, но результатов никаких не достигли, потому что у них, видите ли, не было никаких документов по Верховному Совету и съезду. Однако аналогичная ситуация 21 сентября в случае с указом президента не смутила Зорькина и других судей.

Утром он поехал в Богоявленский патриарший собор, где православные москвичи молились перед великой святыней земли Русской — чудотворной Владимирской иконой Божией Матери.

Патриарх говорил, что не раз в истории России по молитвам перед этой иконой наша страна получала от Божией Матери избавление от военных опасностей и других великих бедствий. Может быть, и в те дни, несмотря на пролившуюся кровь, Россия была спасена Пречистой Девой от трагедии еще большей.

А события развивались стремительно и, к сожалению, так, как я и предчувствовал. Прошло богослужение в Богоявленском патриаршем соборе; к обеду 3 октября по призыву Белого Дома Анпилов начал собирать народ на Октябрьской площади и повел своих сторонников на прорыв к Белому дому.

Пожалуй, впервые за все предыдущие, полные волнений дни я обедал в тот день дома. В 15.30 сел в машину, собрался ехать в Свято-Данилов монастырь. Уже в машине сопровождающий Николай сказал, что у Белого дома идет стрельба и нужно объезжать это место. У меня все внутри похолодело. Я понял, что переговорами ситуацию мы не удержали и теперь входим в вооруженный конфликт.

Не подействовало на повстанцев и заявление Святейшего Синода, переданное по всем агентствам, радио и телевидению:

«Властью, данной нам от Бога, мы заявляем, что тот, кто подымет руку на беззащитного и прольет невинную кровь, будет отлучен от Церкви и предан анафеме. Тот, кто прибегнет к насилию первым, будет неизбежно обречен на поражение и проклятие».

Попытался связаться с президентом, потом с Сосковцом. Договорились с ним, что в Свято-Данилов монастырь не поедem, — сразу на работу. Только приехал в Кремль — звонок от Сосковца: просит срочно прибыть в Свято-Данилов монастырь. На часах было 16.20. Сосковец уже находился там. Через 10 минут и я уже был на месте. Когда вошел в зал переговоров, увидел, что все сидели за столом, а Воронин зачитывал какое-то заявление. И звучало оно как ультиматум. Это уже нельзя было назвать переговорами. Шел обмен заявлениями, а попросту — очередная затяжка времени. И надежд на мирный исход не оставалось. Жаль было Святейшего Патриарха, состояние здоровья которого резко ухудшилось, — он понимал всю меру ответственности за то, что происходило. Приведу стенограмму заседания того драматичного дня:

Алексий II. Мы надеемся, что Господь даст нам и мудрость и силы не потерять разум и не ввергнуть вновь наше Отечество в кровавые

испытания, которые уже не раз на его долю выпадали.

Я готов быть активным участником того процесса, который мы начали, процесса переговоров и поиска выхода из тупика. Нам надо подумать вместе, сообщая о том, как найти путь к выходу из того тупикового положения, в котором сегодня оказалась страна.

Я попросил бы стороны дать информацию, которая у них имеется, а после я бы просил моих помощников — членов Священного Синода продолжить заседание. Я буду готов в любой момент подключиться, но я физически сегодня, видимо, не смогу все заседание быть вместе с вами.

Юрий Воронин. Разрешите, Ваше Святейшество.

«Съезд народных депутатов обращается к Вам в один из самых тяжелых моментов жизни нашей Родины. Произошло непоправимое. Сегодня в Москве льется кровь. Более тысячи мирных граждан избиты, сто пятьдесят из них находятся в больнице, а по последним данным — двести пятьдесят. Спецподразделениями применены огнестрельное оружие, газы, кипяток против безоружных граждан на Смоленской, Пушкинской площадях, у метро «Баррикадная» и в других местах столицы. Силовое давление наращается. Идет тринадцатый день блокады Дома Советов. Средства массовой информации искажают истину и дают неполную информацию.

В сложившейся ситуации от имени своих избирателей, Ваших мирян, просим Вас, Патриарха Московского и всея Руси, опираясь на влияние многомиллионной Православной Церкви, приложить все усилия для прекращения кровавой бойни в Москве.

Отечество в опасности. Бог, помоги нашему народу! С глубоким уважением к Вам, Ваше Святейшество. Десятый чрезвычайный съезд...»

Ваше Святейшество! Съезд поручил мне сегодня сделать в присутствии высоких полномочных представителей политическое заявление.

«Придавая огромное значение миротворческой миссии Патриарха Русской Православной Церкви Алексия II и Святейшего Синода, Свято-Данилова монастыря, съезд выражает признательность за шаги Церкви и лично Патриарха по урегулированию политического кризиса в стране, вызванного государственным переворотом. Съезд также одобрительно оценивает предварительные договоренности по нормализации

положения вокруг Дома Советов. Необходимость снятия блокады здания, усиления контроля как внутри здания, так и вне его являются очевидными. Вместе с тем съезд отмечает, что сосредоточение усилий миротворческой миссии только на проблеме оружия, которая во многом создана искусственно, сегодня крайне недостаточно. Ельцин совершил государственный переворот, объявив своим Указом № 1400 о прекращении деятельности Верховного Совета, съезда народных депутатов, Конституционного суда. За двенадцать дней с начала переворота Российской державе, ее гражданам нанесен гигантский ущерб. Страна оказалась на грани гражданской войны и распада. Съезд обращается к Вам, Патриарху Русской Православной Церкви. Помогите решить основную проблему — ликвидировать первопричину сложившейся ситуации вокруг Дома Советов, в городе Москве и в стране в целом, когда льется кровь, происходит массовое избиение людей; протестующих против диктатуры. Как предупреждает Святейший Синод, снять напряженность в стране можно лишь на основе закона. Поэтому только отмена антиконституционного указа, восстановление конституционного строя могут оздоровить обстановку, создать предпосылки для мирного разрешения кризиса. Промедление с решением этого вопроса чревато новыми человеческими жертвами».

Ваше Святейшество, мы только что прибыли от стен Дома Советов. Мы можем вас проинформировать о том, что мы смогли вовремя выехать, поскольку москвичи шли к Дому Советов, прорвав оцепление, москвичи примерно в количестве семидесяти — восьмидесяти тысяч человек находятся вокруг Дома Советов. Были выстрелы со стороны ОМОНа, с моста, но, правда, резиновыми пулями. И я хотел бы, Ваше Святейшество, сделать еще одно заявление. Сообщаю, что, по самым достоверным данным, поступившим к руководству Верховного Совета, под прикрытием пропагандистской шумихи о переговорах готовится силовой удар по защитникам конституционного строя в Верховном Совете и взятие здания штурмом.

Только что я разговаривал с одним из членов нашей делегации, Рамазаном Абдулатиповым, он находится в Конституционном суде вместе с руководителями субъектов Федерации, Они знают об обстановке, сложившейся в Москве, о тех митингах и демонстрациях, которые идут, о тех кровопролитиях, которые были совершены в

Москве за это время и сегодня, о том, что к Дому Советов подошли демонстранты...

Владимир Олейник. Я также хотел бы вас проинформировать, потому что и с той, и с другой стороны в последние дни и особенно часы, в том числе ночью, звучали настойчивые требования о том, чтобы суд рассмотрел в плане конституционности правовые акты и действия одной и другой сторон.

Сегодня ночью и утром Конституционный суд приступил к процессу изучения имеющихся у него материалов. Это о конституционности действий должностных лиц высших органов власти, ее исполнительной и представительной ветвей. В связи с чем Конституционный суд уполномочил меня, используя тот факт, что стороны здесь, передать официальный запрос Конституционного суда о предоставлении всех нормативных актов, связанных с действиями и изданием любых инструкций.

Следующее. Такой же запрос и уведомление председателю Совета Министров — правительства Российской Федерации Виктору Степановичу Черномырдину. И аналогичный запрос — в адрес главы московской городской администрации — председателю правительства Юрию Михайловичу Лужкову.

Юрий Лужков. Процесс переговоров осложнился тем, что вчера во второй половине дня произошли крупные беспорядки на несанкционированном митинге и шествии, которые организовали представители «Трудовой Москвы» и других радикальных группировок. В районе Смоленской площади произошло серьезное столкновение с органами охраны порядка после не спровоцированных, я не могу их по-другому назвать — бандитских действий со стороны демонстрантов и митингующих. В это время в Москве проходил праздник, который дорог москвичам и всем русским людям — 500-летие Арбата. Беснующаяся толпа разрушила сцену, разобрала заграждения, вооружившись прутьями и другими орудиями, напала на сотрудников милиции. В результате этого столкновения 20 человек было госпитализировано, в том числе 18 бойцов ОМОНа. Даже по этому соотношению можно видеть, кто был стороной нападающей, а кто стремился обеспечить правопорядок даже через пассивные меры, которые привели к большому числу пораженных, раненых, госпитализированных из числа сотрудников ОМОНа.

На этом ситуация исчерпалась, и сегодня в середине дня группа примерно в две тысячи человек, настроенных предельно агрессивно, воинственно, все сокрушающих на своем пути, устремилась к Белому дому, прорвала ограждения, цепочки омоновцев и подошла к Белому дому. После чего к этой группе вышли вооруженные руководители Белого дома и начали призывать к захвату мэрии.

Юрий Воронин. Мэрию уже взяли, сейчас пойдут на Останкино.

Юрий Лужков. Юрий Михайлович, я вас не перебивал, мы вас слушали. Да, они стали призывать к захвату мэрии, к походу на Останкино. То есть ко всем тем действиям, которые не создают условий для нормального диалога. Наоборот, под прикрытием диалога, под прикрытием тех надежд, которые имеют москвичи по нашим переговорам, шла активная работа по мобилизации всех радикальных, агрессивных и бандитских сил — а в любом многомиллионном городе можно найти таковых, — с тем чтобы решить свои политические цели.

Считаю, Ваше Святейшество, что те призывы, те команды, которые сейчас прозвучали из Белого дома, и те договоренности, которые между митингующими и руководителями Белого дома имели место, по существу, делают обстановку критической, когда государственные организации и правоохранительные системы, которых всегда обвиняли в резких действиях, сейчас вынуждены защищаться от агрессии толпы, направляемой и руководимой деятелями из Белого дома.

Я думаю, это не метод для ведения диалога. Все это спровоцировано и подготовлено, и те задержки, которые мы с вами наблюдали в работе нашей согласительной комиссии вчера и сегодня, явились тем самым необходимым периодом времени, в пределах которого шла подготовка событий сегодняшнего дня.

Ваше Святейшество, мы не писали никаких заявлений, никаких обращений в ваш адрес, но мы хотели бы сейчас обратиться к вам с просьбой использовать все свое влияние, все свои возможности, чтобы остановить эту дику кампанию и волну насилия, которая исходит из Белого дома, и, зафиксировав ситуацию, все-таки начать реальные переговоры. Мы каждый раз с вами видим, что начинающееся согласие торпедируется отказом от принятия каких-то решений, затем происходит пауза, после этой паузы наши партнеры возвращаются с новыми требованиями, которые становятся все более и более неприемлемыми и заводят переговоры в тупик. А время, в течение

которого идут эти переговоры, используется для подготовки акций, несущих с собой человеческие жертвы. Мы очень встревожены сложившейся ситуацией и очень просим, Ваше Святейшество, прямого Вашего обращения. Здесь мы имеем дело с агрессией со стороны руководителей Белого дома, которые манипулируют толпой, имеющей целью захват мэрии. Нужно сейчас же принять срочные меры к тому, чтобы развести, остановить эту беснующуюся массу.

Алексий II. Мы уже убедились за эти последние дни, что и призывы Церкви не достигают тех, кто применяет насилие и готов расширить противостояние и кровопролитие. Мы не раз призывали стороны ни в коем случае не применять насилия и не видеть в тех, кто стоит по разные стороны баррикад, врагов, а видеть сограждан. Но, к сожалению, эти призывы не достигают цели. Озлобленность настолько велика, что люди не воспринимают слова.

К сожалению, та хрупкая договоренность, которая была достигнута вчера, из-за обострившейся ситуации не выполнена, и даже экспертов среди нас сегодня нет. Мы не продвинулись тем самым ни на йоту вперед.

У меня вопрос к Юрию Михайловичу Воронину. Мне говорили, что вчера Руслан Имранович вечером, выступая, сказал, что это не переговоры, которые ведутся здесь, это всего лишь миротворческая инициатива Патриарха и что все решения все равно будет принимать только съезд народных депутатов. Мне бы хотелось все-таки слышать, имеете ли вы полномочия вести переговоры?

Юрий Воронин. Нет, я докладываю о всех переговорах съезду в той мере, в которой мы с вами условились. Идет переговорный процесс, я об этом однозначно говорю... Делегация утверждена съездом, и, по моему, этого достаточно...

Митрополит Кирилл. Можно, Ваше Святейшество? Для того чтобы как-то продвигаться дальше, нужно иметь больше информации о том, что сейчас происходит. Во время выступления Лужкова внезапно Юрий Михайлович Воронин обронил фразу, что мэрия захвачена. Это что такое?

Юрий Воронин. Только что мне... Абдулатипов звонил, якобы с другой стороны демонстранты подошли к мэрии и вошли в ее здание. Это то, что я мог понять из телефонного разговора. А то, что видел сам, еще раз подтверждаю: не две тысячи человек подошли к Белому

дому, — поскольку две тысячи, специалист подтвердит, никогда бы к Белому дому не прорвались, а, по моим прикидкам, не менее семидесяти тысяч. И коль скоро я уж попросил дать мне слово — к сожалению, коллега Юрий Михайлович Лужков ушел, — то говорить о наших россиянах, что это взбесившаяся толпа... ну, вы знаете... нельзя. Семьдесят тысяч человек, которые видят безобразия, творящиеся в России, видят, что Россия гибнет... и после этого называть их взбесившейся толпой — это или цинизм, или недопонимание политической ситуации. Поэтому, если намечать пути, по которым мы могли бы продвигаться дальше, Ваше Святейшество, я бы предложил один из таких вариантов: наша депутатская группа включает различные направления, в ней есть и специалисты по политико-правовым вопросам. Вчера и сегодня в своем заявлении от имени съезда мы отметили, что изначально является политико-правовой вопрос...

Валентина Домнина. Ваше Святейшество, я только лишь дополню, я была очевидцем...

Митрополит Ювеналий. Валентина Александровна, Их Святейшество очень себя плохо чувствуют, давайте их поцадим. Ваше Святейшество, ради Бога, идите отдыхайте...

Как раз при этих словах митрополита я вошел в зал после телефонного разговора с О.М.Попцовым, который позвонил еще во время выступления Ю.М.Лужкова. Попцов просил немедленно приехать в студию вместе с Ю.М.Лужковым и выступить по телевидению, чтобы как-то успокоить москвичей. Он подтвердил, что мэрия взята и идет штурм Останкина.

Врачи дали понять, чтобы мы не волновали Его Святейшество и ушли. Да и дела требовали нашего участия. Перед уходом я сказал Патриарху:

— Ваше Святейшество, я прошу Вас не волноваться. Мы очень благодарны Вам и сделаем все, чтобы удержать ситуацию. Но надо иметь в виду, что другая сторона не только сорвала переговоры, но и использовала их как прикрытие в своих преступных целях.

И мы с Юрием Михайловичем уехали на Шаболовку.

Из книги «Тишайшие переговоры»:

«3 октября 1993 года. В связи с событиями, происходящими в Москве, принято решение прервать переговоры до 20 часов. К означенному часу представители противоборствующих сторон в Свято-

Данилов монастырь не прибыли. В 20 часов 45 минут представители Русской Православной Церкви и Конституционного суда констатировали факт неявки на переговоры противоборствующих сторон».

Сообщение ИТАР-ТАСС:

«На переговорах в Свято-Даниловом монастыре, ведущиеся при посредничестве Русской Православной Церкви между представителями исполнительной власти и бывшего Верховного Совета, объявлен перерыв на неопределенное время.

Руководитель Администрации Президента РФ С.А.Филатов сказал, что сторонам «необходимо ознакомиться с ситуацией в городе и обменяться мнениями по этому вопросу».

Комментируя позицию, выдвинутую на переговорах с представителями бывшего Верховного Совета, С.Филатов заявил, что «после того, как делегацию парламента возглавил Воронин, переговоры зашли в тупик».

Поистине, до мира было рукой подать. Но Хасбулатовым, Ворониным, руцким и иже с ними мирный исход, по всей вероятности, был нежелателен. Им нужна была власть над Россией. К счастью, Господь Бог от таких правителей нас уберег!

А страна тем временем дышала напряженным ожиданием. В Администрации Президента была создана кадровая группа, возглавлявшаяся В.Н.Подопригорой, которая оформляла социальные льготы депутатам, вышедшим из Белого дома или вовсе не пошедшим туда. Работала другая группа, возглавлявшаяся В.К.Варовым, по трудоустройству депутатов. Была образована Центральная избирательная комиссия, которую возглавил Н.Т.Рябов, она начала подготовку к новым выборам в Государственную думу. Мы уже думали и об организации завершающего этапа подготовки новой Конституции Российской Федерации. Постепенно и белодомовцы стали понимать, что страну им не раскатать. Что им оставалось делать? Налицо гибель амбициозных надежд, потеря политического лица. Нужен был «спасительный» выход. И чисто по-большевистски, как учил Ленин, они решают ввязаться в кровавый бой. Мол, победителей не судят. А если не выйдет — что ж, жертвовать-то придется чужими, а не своими головами. Своя останется на плечах.

Когда многие московские трудовые коллективы, милиция и армия не отреагировали на призывы белодомовских агитаторов к строительству баррикад, забастовкам, к неповиновению и неподчинению, они задумали спровоцировать уличные беспорядки в Москве.

Пока мы обсуждали в штабе, который был образован во главе с В.С.Черномырдиным, — а проводил его два раза в день или Виктор Степанович, или О.Н.Сосковец, — пути выхода из кризисной ситуации, представители Советов так называемого «красного пояса» (Тамбов, Липецк, Ленинградская область) начали направлять в Москву людей для участия в беспорядках. И беспорядки разразились сначала на Баррикадной, затем на Смоленской площади, вовлекая всё большее количество народа и вызывая в нем волну озлобления: «Смотрите, что делается, не только опутали нас колючей проволокой, но еще и наших бьют!» Хотя жертвами уличных столкновений в основном стали милиционеры.

Причем столкновения были спровоцированы и 2-го, и 3 октября, то есть как раз во время переговоров в Свято-Даниловом монастыре. Теперь очевидно: Воронину, возглавившему переговоры со стороны Белого дома, и тем, кто его послал, участие в них было нужно как прикрытие для затяжки времени до субботы 3 октября, когда намечались основные выступления агрессивно настроенных сторонников белодомовцев, а также для дезориентации правоохранительных органов, руководства страны. В эти дни движение транспорта очень незначительно. Москва, как и многие города мира, в субботние и воскресные дни замирает, многие москвичи уезжают за город. Улицы свободны, то есть можно выпускать на них эту прокоммунистическую братию, а вместе с ней и обученных ребят, которых видела вся страна и весь мир на телеэкранах 1 мая 1993 года — они шли в первых колоннах огромной мирной демонстрации, нацеленные на то, чтобы ввязаться в драку. Тот же почерк проявился и здесь 2–3 октября. А дальше — дело техники.

Из сообщения ИА «Интерфакс»:

«На Смоленской площади в Москве в воскресенье днем произошло еще одно столкновение между демонстрантами — сторонниками прокоммунистических организаций и парламента с милицией. Демонстранты, первые шеренги которых вооружены

дубинками, прутьями, щитами, двинулись на кордоны милиции. Произошло сильное столкновение, есть много пострадавших. Демонстрантов пытались разогнать водометами, однако их это не остановило. Они захватили несколько машин милиции и использовали их в качестве тарана. Несколько человек, в том числе милиционеров, сбиты. Раздавались выстрелы. На глазах корреспондента «Интерфакса» на Смоленской площади между двумя грузовиками был зажат милиционер. Когда машины растащили, милиционер был еще жив».

Я могу понять нерешительность ребят из ОМОНа. Они не были ослеплены той жестокостью, с которой анпиловцы бросали на них обманутую толпу. К тому же нужна хорошая не только физическая, но и психологическая подготовка, чтобы применить оружие против людей вообще, а против своих сограждан — особенно.

Нам всем еще предстоит вживаться в демократические принципы свободного гражданского общества, где защита свободы личности со стороны государства так же естественна, как и дозволенное законом понуждение граждан уважать общественный правопорядок.

Но то, что понятия «демократия» и «свобода» не равнозначны понятиям «анархия» и «вольность», мы определенно уяснили себе на трагических московских примерах последних лет и потому вправе ожидать большей решительности от правоохранительных органов, когда речь идет о защите жизни и здоровья мирных граждан.

Естественно, после уличных стычек никакие миротворческие инициативы не могли сдержать силового варианта противостояния. Тут — как по Чехову: если в первом акте на стене висит ружье, в конце драмы оно неминуемо выстрелит.

Начался мятеж, и его подавление шло два дня с использованием войск и тяжелой техники. То, чего боялись в 1991 году, произошло в 1993-м.

Когда после Шаболовки, где по каналу Российского телевидения выступил с обращением к москвичам Ю.М.Лужков, я въехал в Кремль, обстановка внутри него мне показалась чем-то напоминающей военное время. Посреди Ивановской площади стоял вертолет, на котором прибыл президент. Кремль внутри не освещен. Машин и людей очень мало.

Поднялся к себе, доложил президенту, что вернулся. Узнал, что в Москву вызваны воинские части, но с опозданием, так как долго не могли найти министра Грачева. Положение тревожное — идет бой в Останкино. Из других районов стали поступать звонки с просьбой о помощи. Нужно было обеспечить охрану ВГТРК на 5-й улице Ямского поля, куда, по сведениям Попцова, уже направились повстанцы. Позвонил Михаилу Ивановичу Барсукову, договорился, что 100 человек туда отправит, хотя он и пожаловался, что отовсюду просят помочь, а людей у него уже нет. Казалось, на какое-то время вокруг Кремля установился вакуум — тут царила растерянность, ощущались неясность положения и соотношения сил.

Помню, раздался звонок с дачи «Москва-река-1», где с весны жила моя семья. Тогда, накануне референдума, нас переселили в охраняемую дачу из-за усилившегося противостояния с Верховным Советом. Звонила Галя:

— Сережа, как дела? Судя по тому, что передают по телевизору, — плохо.

— Да, ситуация неважная.

— Что нам делать? Уезжать?

— Я не знаю, смотри по обстановке.

— Поняла. Если будут какие сведения, позвони, мы очень волнуемся.

Впоследствии я узнал, что Галя хотела вывезти семью в какую-то деревню. Обстановка была действительно сверхтревожной. Вот, например, сообщение в эти часы по ленте информационного агентства «Интерфакс»:

МОЛНИЯ

«Интерфакс» предупреждает, что если вы не получите от нас сообщений в течение более 30 минут, это может означать, что наши помещения захвачены.

Мы всегда работали ради вас и рассчитываем в эти трудные часы на вашу поддержку».

Позвонил Вячеслав Брагин, руководитель первого канала телевидения. Голос тревожный, в нем слышатся и панические нотки:

— Сергей Александрович, мне позвонили от Черномырдина и приказали уничтожить технику вещания. Я не могу в это поверить.

— А какова у вас обстановка?

— Обстановка плохая, стрельба идет повсюду, есть опасность захвата.

— Тогда указание Виктора Степановича нужно выполнять.

— Но я не могу этого сделать.

— А мы не можем рисковать. Представляете, если они воспользуются каналом и начнут вещать на всю страну? Тогда это уже будет не локальная гражданская война.

— Хорошо, я понял. Но поймите и меня. Я выполню его указание.

Через несколько минут первый канал телевидения замолчал. Но, как бы компенсируя его отключение, усилил свою работу второй канал, которым очень умело руководил Олег Максимович.

Позвонила целительница Джуна:

— Сергей Александрович, в Москву входят танки.

— Где ты их видишь, Джуна?

— Они идут по проспекту Мира, их очень много. Нужно завернуть часть их в Останкино.

— А ты где, Джуна?

— Я у себя. Сергей Александрович, миленький, заверните их в Останкино, там очень жарко.

Тут же перезвонил в штаб, но там уже приняли решение завернуть девять бронетранспортеров к Останкино на помощь его защитникам. Позвонил на дачу, попросил никуда не уезжать — вошли войска, и стало спокойней.

В этот вечер приходило множество людей — и наших соратников, и совсем незнакомых. Были Полторанин, Бурбулис, депутаты — все просили принятия жестких мер. Почему-то высказывали недоверие Павлу Сергеевичу Грачеву. А я ему верил.

Поехал в штаб на Старой площади — там шло формирование военной группы: вновь пришли на защиту демократии К.И.Кобец, Д.А.Волгогонов, Е.И.Шапошников, расположились в бывшем штабе Варшавского Договора вместе с О.И.Лобовым, В.Б.Булгаком, В.Б.Ефимовым и О.Н.Сосковцом. Возглавил группу К.И.Кобец. Перед группой были поставлены задачи: координация действий силовых структур по недопущению вооруженного конфликта, блокирование Москвы от притока различных групп оппозиции, охраны государственных объектов и учреждений в Москве. Сосковец, Ефимов и Булгак постоянно держали связь с министерствами и ведомствами

страны и с регионами, обеспечивали своевременную доставку в Москву подразделений усиления ОМОНа и воинских частей. Принятые ими меры позволили стабилизировать обстановку, не допустить захвата власти оппозицией и перерастания террористических действий в гражданскую войну.

На Старой площади меня нашел мой заместитель Вячеслав Волков.

— Сергей Александрович, на Тверской, у мэрии Егор Гайдар собирает демократов. Было бы хорошо, если бы и мы на Старой площади собрали тоже группу демократов.

— А стоит распыляться?

— Наоборот, чем больше групп, тем безопаснее, Мы потом можем с разных сторон подойти к мэрии — там скопилось много левых.

— Хорошо, Слава, действуй, но в темное время сталкивать людей опасно. Обойдитесь митингом.

— Хорошо. А можно в вашем кабинете взять флаг России?

— Да, конечно. Меня не ждите. Если освобожусь, подъеду.

Решив еще ряд других вопросов — все происходило как в кошмарном сне, — я вернулся в Кремль. Еще явственней осознал цену сорванных переговоров, было очень больно, что не удалось договориться, а теперь мы балансировали на грани гражданской войны. Да она уже, по сути, шла. В голове у меня вдруг запульсировали ахматовские строки:

**Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...**

Я совсем поздно возвращался в Кремль, митинг на Красной площади уже закончился. Ребята остались очень довольны: народу собралось много, и наша группа была готова пойти к Белому дому, чтобы противостоять разбушевавшейся толпе...

В Кремль мне позвонил Олег Иванович Лобов: «Ночью, в два часа, собирается Совет Безопасности в Министерстве обороны, в кабинете П.С.Грачева. Приезжайте». Около двух поехал в Минобороны. На самых подступах к министерству мою машину остановили люди в

военной форме, но никакие документы не помогли — дальше не пускали. Чувствовалось, что ситуацию брали в руки военные. И это успокаивало. После того, что случилось 2 и 3 октября, нужно было применить силу и очаг гражданской войны загасить в зародыше...

Пропустили меня только после звонка П.С.Грачева. Я поднялся к нему в кабинет — там было много военных. Через некоторое время появились Черномырдин, Лобов и другие члены Совета Безопасности. Ждали Бориса Николаевича. Он вошел, сел на председательское место, но совещание повел Виктор Степанович:

— Положение всем известно. Произошел мятеж, но мы не должны ему позволить развиваться. Какие будут предложения?

Наступило тягостное молчание. Меня удивило, что ни у кого из военных не оказалось предложений к действию против вооруженных формирований в Белом доме.

Когда стало невольно отмалчиваться, попросил слово Коржаков:

— Борис Николаевич, здесь присутствует офицер из Главного управления охраны, у него есть конкретный план. Разрешите ему доложить.

Из задних рядов поднялся человек, который представился капитаном третьего ранга Захаровым, и быстро изложил свой план. К задней стороне Белого дома должны выдвинуться пять-шесть танков и дать из орудий по три залпа в нижние этажи. После чего с фасадной и задней сторон начнут атаку с БТРов внутренние войска, А чистку после них уже в самом здании должны произвести спецподразделения и спецгруппы «Альфа» и «Вымпел».

Признаюсь, от такого плана стало жутковато: показалось, что при этом мало кто из белодомовцев останется в живых. На вопрос Черномырдина, какие есть предложения и замечания, присутствующие откликнулись молчанием. Только Павел Сергеевич совсем тихо, обращаясь к президенту, произнес:

— Нужен письменный приказ, Борис Николаевич!

— Что-о???

Воцарилась мрачная тишина. Выручил Виктор Степанович:

— Какое тебе нужно письменное распоряжение? Ты — министр обороны, в здании Белого дома засели бандиты с оружием, да ты обязан их устранить, чтобы в стране воцарились мир и порядок!

На этом разошлись до утра.

Когда возвратились в Кремль, меня попросили выступить в прямом эфире по каналу Си-эн-эн. Этот канал стал знаменит в Москве в те дни своими прямыми включениями с самых «горячих точек». 4 октября с утра многие москвичи смотрели по этому каналу все, что происходило у Белого дома. По действиям телевизионщиков можно было судить об уровне предприимчивости зарубежного мира: никто не мог понять, когда они расставили свои стационарные телекамеры вокруг Белого дома, но в разгар событий Си-эн-эн умудрилась показать почти все, что происходило и с задней стороны, и с фасада Белого дома.

Я тоже следил за событиями по этому каналу. Было видно, как стояли на Кутузовском проспекте танки и почему-то не трогались с места, хотя контрольное время уже прошло. За ночь им изменили диспозицию, и теперь они должны были стрелять по верхним этажам здания. И это было правильное решение: маловероятно, что там окажутся люди, а психологический эффект оставался сильным. Ведь главным было не расстрелять людей, а заставить их оставить Белый дом. Мы уже знали, что многие покинули его накануне или рано утром. Волнения относительно толпы вокруг Белого дома оказались напрасными — к утру там никого не осталось.

Между тем выяснилось, что танки ждут боеприпасов, подвозившихся по специальному приказу. Распоряжение ночью президент подписал, и теперь за всю операцию отвечал министр обороны.

С тревогой и болью наблюдал я за ситуацией вокруг Белого дома и всем, что происходило около него. В течение дня было несколько пауз, дабы дать возможность обитателям Белого дома выйти наружу и сложить оружие. Но напрасно. Со скорбью узнавали мы о потерях.

На мосту скопилось много людей, и это было как-то противоестественно. Оказывается, близость к цивилизации не избавила нас от диких инстинктов — любопытство пересиливало разум. Скорее бы все кончилось! Неужели и сейчас «командирам» в Белом доме непонятна вся бессмысленность сопротивления, неужели не жаль людей, которые им доверились и оказались обманутыми?

Конец все-таки наступил. Около 16 часов пришло сообщение, что Руцкой попросил прекратить огонь. А далее все увидели организаторов и участников мятежа, но далеко не геройского вида.

И сразу навалилась другая тягчайшая забота: сколько погибло? Кто погиб? Есть ли среди них депутаты? Каковы разрушения в Белом доме?

Но все эти вопросы пришлось оставить на завтра. А сегодня предстояла еще встреча с журналистами. Я пригласил на нее и Дмитрия Антоновича Волкогонова. Еще с Верховного Совета мы сдружились. Его яркий ум, умение вовремя вмешаться в сложную ситуацию, мужество подняться на трибуну перед враждебной аудиторией — все это притягивало меня к нему. Мне были очень дороги и наши доверительные беседы в разные сложные периоды жизни. Зная, что он серьезно болен и много работает, многое хочет успеть сделать, я помогал ему, как мог, — и с доступом к архивам, и с поездками за рубеж на лечение, да мало ли еще в чем требуется подчас каждому человеку помощь друзей и соратников.

Из сообщения ИТАР-ТАСС:

«Жесткость, с которой пришлось подавлять мятеж, вызвана тем, что нельзя допустить распространения войны на всю территорию России», — заявил руководитель Администрации Президента РФ Сергей Филатов. Он выступил сегодня перед журналистами в объединенном пресс-центре Президента и Правительства РФ. Сергей Филатов сообщил, что сейчас обстановка в Москве нормальная, если не считать района Белого дома, но, по его словам, и «там выстрелов уже быть не должно». Сергей Филатов сообщил, что оружия в здании Верховного Совета было роздано много, но порядок будет наведен. Участвовавший в пресс-конференции Дмитрий Волкогонов, заместитель руководителя образованной по распоряжению Президента оперативной группы по подавлению мятежа, подчеркнул, что не было ни одного случая перехода на сторону мятежников ни одного воинского подразделения, все военнослужащие продемонстрировали полную лояльность Главнокомандующему Вооруженными силами РФ. Меры федеральных властей генерал Волкогонов назвал «подавлением не просто мятежа, а подавлением второй гражданской войны». Сил на подавление мятежа было задействовано немного, и его подавление несколько затянулось из-за стремления пролить как можно меньше крови. «Мы берегли каждого человека», — сказал он».

Рано утром позвонил Борис Николаевич:

— Сергей Александрович, спасибо за вашу работу в эти дни. К вашему сведению, за все дни мятежа погибло сто сорок шесть человек.

Очень жаль, что не обошлось без крови и потерь.

— Хорошо, что сказали, Борис Николаевич, а то уже ходят самые разные слухи и потери исчисляются сотнями, даже тысячами человек. Надо бы напечатать списки погибших.

— Согласен, распорядитесь, пожалуйста.

Списки погибших были напечатаны в «Московской правде», а вот хоронили всех погибших тихо, хотя горечь потерь была безмерна. Кто бы среди них ни был, к какой бы партии ни принадлежал, но все — россияне.

Ясно было одно — страна остановилась у роковой черты, за которой уже практически была разверзнута бездна гражданской войны.

Тяжелый урок преподнесла жизнь всем политическим силам: решить накопившиеся за долгие десятилетия проблемы Россия может только на рельсах согласия, компромиссов, цивилизованных форм политической борьбы.

Из сообщения ИА PostFactum:

«Как стало известно агентству PostFactum, председателю Конституционного суда Валерию Зорькину позвонил руководитель Администрации Президента Сергей Филатов и предложил ему от имени Президента РФ Бориса Ельцина и премьер-министра Виктора Черномырдина уйти в отставку. В противном случае на Валерия Зорькина будет заведено уголовное дело по обвинению в правовом обеспечении конституционного переворота.

В настоящее время проходит заседание судей Конституционного суда за закрытыми дверями».

«Тамара Морщакова призвала КС немедленно приступить к рассмотрению вопроса конституционности действий и решений высших должностных лиц РФ, а также правовых актов X чрезвычайного съезда народных депутатов и ВС РФ, принятых начиная с 21 сентября 1993 года. Среди них — решение о назначении и. о. Президента РФ, о кадровых назначениях в Правительстве, о дополнениях к Уголовному кодексу».

С арестом организаторов и участников мятежа ситуация в стране несколько успокоилась, но все еще действовало чрезвычайное положение в Москве. Главным образом, нужно было изъять оружие, которого у людей скопилось слишком много, и погасить разбушевавшуюся преступность.

Президент продолжал чистку кадров. Заменял Генерального прокурора В.Г.Степанкова на и.о. А.Н.Казанника, снял председателя Центрального банка, нескольких губернаторов и вдруг попросил подготовить указ о роспуске Конституционного суда. Мне представлялось это лишним и опасным. Показалось, что президент просто вошел в раж. Позвонил Борису Николаевичу и стал убеждать его, что Конституционный суд должен остаться.

— Борис Николаевич, по-моему, нельзя распускать Конституционный суд. Да, он виноват в событиях октября, да, он спровоцировал противостояние и вооруженный мятеж, но ваше решение может восприниматься как месть. Пусть члены Конституционного суда сами отменят свои решения. Иначе юридически они останутся действующими, со всеми возможными неприятностями в последующем.

— Нет, всех их надо распустить, слишком дорого обошлось то, что они сделали.

— Но вы же приостановили их деятельность, и, может быть, этим пока и ограничиться?

— Нет. Тем более что они опять что-то там затевают.

— Да нет, это сами члены Конституционного суда, точнее, демократическая его часть пытается отменить старые решения. Кроме того, замечено, что Зорькин допустил грубые нарушения процедуры голосования, и я сейчас хочу направить эти материалы Генеральному прокурору. Мне кажется, нужно дать членам Конституционного суда возможность самим разобраться в том, что произошло. Сейчас это яснее видно. Они и Зорькина хотят отправить в отставку. — Борис Николаевич слушал не перебивая. Он умел слушать. А я представлял, как он при этом постукивал пальцами по столу, размышляя. Чувствовалось, что горячего желания принимать мои предложения у него не было. Но я понимал, что подписывать указ о роспуске Конституционного суда нельзя — это подтолкнет и наших зарубежных партнеров засомневаться в намерениях президента вывести страну на путь демократии.

— Хорошо, Борис Николаевич, дайте мне несколько дней для переговоров с членами Конституционного суда и с Зорькиным, чтобы он ушел добровольно с поста председателя.

— Даю вам два дня, действуйте.

Начались консультации с членами Конституционного суда. Но беда состояла в том, что и среди них не было согласия. Одни считали, что такой суд надо распустить, другие — что распускать нельзя, это произвол, третьи — что суд надо сохранить, но его председателя сменить.

Один из членов Конституционного суда написал мне: «Насмотревшись за два года на «деятельность» председателя КС и послушного ему большинства судей (а изнутри видишь гораздо больше, и, несмотря на всю имеющуюся информацию, общество, как мне кажется, так еще и не осознало всю глубину их профессионального, политического и морального падения), я прихожу к выводу о том, что, в случае сохранения этими людьми своих постов, КС и в дальнейшем будет представлять собой исключительную опасность для государства. Даже сейчас, после всех октябрьских кошмаров, они ничего не поняли и ничему не научились: все та же нескрываемая зоологическая ненависть к реформам и демократии, все та же надежда на реванш — теперь уже в результате выборов — и ни грана раскаяния.

Единственным выходом из создавшейся ситуации вижу отставку всего нынешнего состава КС, чтобы расчистить место для новых достойных людей».

И все-таки мне казалось, что сохранение Конституционного суда — это некий символ сохранения правового государства. Подтверждало эту точку зрения и выступление видных наших ученых.

Из сообщения «Интрефакса»:

«Владимир Гулиев, ведущий государствовед Института государства и права, призвал президента воздержаться от возможного упразднения Конституционного суда: «из-за блохи ковер не жгут».

Я позвонил В.Зорькину и предложил ради спасения суда написать заявление об отставке. Валерий Дмитриевич ответил, что в отставку не собирается, мотивируя, что судьи против такого решения. Однако через несколько дней мне привезли его заявление, а сам он уехал домой, сославшись на недомогание.

Из сообщения ИА «Интерфакс»:

«Президент России Б.Ельцин издал Указ, в котором констатировал невозможность деятельности Конституционного суда РФ в неполном составе, и распорядился не созывать его заседание до принятия новой Конституции РФ.

Президент предложил Федеральному собранию рассмотреть в качестве первоочередного вопрос об организационно-правовых формах осуществления конституционного правосудия в Российской Федерации.

Президент сохранил за судьями КС права и гарантии в соответствии с законом о КС и действующими правовыми актами.

Президент «принял к сведению заявление председателя КС РФ В.Зорькина о сложении полномочий». Он поручил исполняющему обязанности председателя КС Н.Витруку обеспечить деятельность судей и аппарата КС по подготовке предложений для Федерального собрания об организационно-правовых формах осуществления конституционного правосудия, «включая возможность создания Конституционной коллегии в составе Верховного Суда РФ».

Так закончилась драматическая страница в жизни Конституционного суда, судьба которого висела после октябрьских дней 1993 года на волоске. И я думаю, что время подтвердило правильность решения президента о сохранении его состава. Но тут открылась новая страница — пополнение Конституционного суда шестью новыми членами. Ясно, что в Конституционный суд нужно рекомендовать сильных специалистов, не уступающих опытному В.Зорькину, которому многие из того состава не могли противостоять по причине, прежде всего, своей слабой подготовки. Так в последующем появились В.А.Туманов, М.В.Баглай, А.Я Слива и другие судьи Конституционного суда.

Как бы к окончанию драматической эпопеи, 5 октября 1993 года я получил письмо от генерального директора издательства «Вагриус» В.В.Григорьева... Это одно из самых процветающих издательств нашего времени, с хорошим вкусом.

«Имею честь представить Вам новую книгу издательства — художественно-историческое исследование Эдварда Радзинского «Господи... спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть».

...Книга Э.Радзинского — замечательный плод многолетнего, благородного и талантливой труда.

Вы найдете в книге определенные аналогии с современным развитием политической ситуации в России. Да и само ее название как нельзя более актуально для сегодняшнего дня».

Что ж, все так... К сожалению, уроки истории слишком часто идут нам не впрок: мы не умеем извлекать пользу из своего печального прошлого...

Глава 9. «В РОССИЮ МОЖНО ТОЛЬКО ВЕРИТЬ...»

КОНСТИТУЦИЯ-1993

Прогресс человеческого разума состоит не в том, чтобы налагать на мир законы собственного изобретения, а в том, чтобы непрестанно приближаться к более современному познанию тех законов, которые миром управляют...

Петр Чаадаев

Уже после подавления вооруженного мятежа Белого дома, 5 октября 1993 года раздался звонок из Парижа — звонил посол Юрий Алексеевич Рыжов. Он внимательно следил за всем, что происходило на Родине, переживал, подсказывал, советовал, и, как правило, делал это вовремя и удачно. И на этот раз, поинтересовавшись обстановкой, поделился такой идеей:

— Сергей Александрович, я так понимаю — положение дряннь. Особенно трудно будет потом. У меня был профессор Мишель Лисаж (французский правовед и специалист по России. — **С.Ф.**) и сделал интересное предложение — за оставшееся до выборов в Госдуму время подготовить проект Конституции и принять ее всенародно.

Мы уже готовили проект Конституции — Конституционное совещание было преобразовано в Общественную палату, создана рабочая группа во главе с Н.Т.Рябовым, которая должна была максимально сблизить проекты Конституции, разработанные в Верховном Совете и Конституционным совещанием, но принять Конституцию предполагалось на Федеральном собрании уже после выборов 12 декабря 1993 года.

Своевременное предложение — ведь в случае принятия Конституции решаются многие проблемы: во-первых, мы уходим от старой Конституции, вконец запутавшей структуру власти; во-вторых, президент получает оценку главного судьи — общества — своим действиям в октябре-93; в-третьих, появляется возможность по-новому сформировать структуру власти на федеральном уровне. Поблагодарив Юрия Алексеевича, посоветовался с Юрием Михайловичем Батуриным

— он также оценил это предложение и поддержал идею. После чего я снял трубку прямой связи с президентом:

— Борис Николаевич, позвонил из Парижа Юрий Алексеевич Рыжов с очень дельным предложением — совместить выборы в Госдуму с референдумом по новой Конституции.

— Это действительно интересная идея. А успеем подготовить текст?

— Думаю, успеем, ведь у нас для этого почти все готово. Есть Общественная палата, которая создана вашим указом, есть проект Конституции, одобренный 12 июля на Конституционном совещании, есть предложения Рябова по Конституции, разработанной Верховным Советом, и есть, наконец, замечания регионов. Нам нужно успеть опубликовать проект до 12 ноября, за месяц до референдума. По-моему, успеем.

— Хорошо, действуйте. Если какая-либо моя помощь будет нужна — обращайтесь! И готовьте указ.

Машина закрутилась. У нас был горький опыт последнего года, который подсказывал, какие коррективы нужно внести в проект Конституции.

Уже 11 октября выходит указ президента о проведении 12 декабря всенародного голосования по проекту Конституции, появляется его распоряжение об образовании, кроме Общественной, еще и Государственной палаты Конституционного совещания, а 15 сентября начала действовать комиссия по доработке Конституции.

Открывая заседание рабочей комиссии, я информировал ее членов, что нам предстоит рассмотреть как минимум 95 статей проекта Конституции, которых коснулись 400 с лишним замечаний, присланные из регионов и от общественных организаций; ряд замечаний рабочей группы Н.Т.Рябова, а также сделать необходимые поправки с учетом происшедшего конфликта ветвей власти. Конституция — это документ, который сопряжен с эпохой. Всегда, в любой стране Конституция привязана к определенным событиям, отражает их.

Свою позицию выразил Сергей Сергеевич Алексеев:

— Последний текст, принятый Конституционным совещанием, — плод того времени, когда мы максимально стремились к компромиссам — с Верховным Советом, с той идеологией, которую он отстаивал. Наряду с добрыми позитивными положениями все же последний текст

несет в себе значительные уступки оппозиции по сравнению с первоначальным замыслом, совмещает несовместимое, делая оба текста — и Конституционного совещания, и Верховного Совета — близнеца-ми-братьями.

Горечь Сергея Сергеевича диктовалась тем, что в Конституции появился раздел о государственном устройстве, он понимал: включение раздела диктуется необходимостью стабильности в стране, особенно на высшем уровне власти, но как ученый с этим смириться не мог. Впоследствии, уже у меня в кабинете, он в осторожной форме отказался от авторства этой Конституции.

А задача в общем-то стояла сложнейшая: подготовить такой текст Конституции, который максимально отражал бы демократические принципы, гарантию и защиту прав человека, наиболее эффективное государственное устройство и в то же время был бы положительно воспринят субъектами Федерации — республиками, краями, областями, автономными округами, различными политическими партиями и общественными организациями и, главное, избирателями.

С самого начала встал вопрос об объеме Конституции: расписывать в ней все статьи подробно или делать Конституцию компактной, стержневой, а детали определять законами. Было решено в пользу компактности, а там, где требовалось, детализировать статьи ссылками на федеральные или на конституционные законы. Последние отличаются от федеральных тем, что принимаются квалифицированным большинством и президент не может наложить на них «вето». Их введение обуславливалось и тем, что многие положения требовали компромисса, зависели от экономического и политического состояния государства и должны были меняться в лучшую сторону от достигнутого, по мере развития демократии, экономики, самого общества. Таких ссылок на федеральные законы в Конституции — 46 и на конституционные — 12.

Прошло много дискуссий, споров. Некоторые участники совещания говорили о том, что Конституция должна развязать руки Борису Николаевичу и как бы делаться «под него». Но общий настрой был другой: мы разрабатывали наиболее приемлемую, не провоцирующую конфликтные ситуации и в то же время наиболее эффективную форму российского государственного устройства, при которой все ветви власти самостоятельно занимаются своим делом.

Долго искали место президента в системе власти. Прожитый нами короткий период, когда президент возглавлял исполнительную власть, а парламент обладал всеобъемлющими правами, дал отрицательный результат. Американский опыт нам не годился — его отвергли сразу: там аналогичные полномочия имеет конгресс, а у нас ими цивилизованно пользоваться не умеют. Великобритания, с парламентом и королевой, тоже для нас не пример: мы на референдуме решили, что Россия — президентская республика. Жизнь показала, что к парламентской республике Россия не готова — слишком дорогая и неэффективная на сегодняшний день система.

Часто эту тему обсуждали с Борисом Николаевичем. Он соглашался со следующим: пусть исполнительная власть принадлежит правительству, а президенту будет отведена ведущая роль в сфере высокой политики, в соответствии с его статусом гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Основные его функции: охрана суверенитета и государственной целостности Российской Федерации, обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. В то же время президент нейтрален по отношению к судебной власти.

Но когда я сдавал Борису Николаевичу готовый проект Конституции 8 ноября, он не удовлетворился этими положениями и своей рукой внес несколько последних поправок, в их числе и поправки о статусе президента. Это — дополнения о том, что указы президента носят нормативный характер и президент может председательствовать на заседаниях правительства.

Но даже при этом ни один из членов Венецианской комиссии Совета Европы, которая проводила экспертизу проекта Конституции, не усмотрел в ней закрепления модели абсолютной или иной монархии, личной диктатуры, авторитарного режима.

Эти выводы, однако, достаточные для цивилизованного общества, оказались не услышанными у нас, зараженных большевизмом, который может все вывернуть так, что общество когда-нибудь и поверит в сокрытый здесь какой-то подвох. И сколько ни существует новая Конституция, атака на завышенные, «диктаторские» полномочия президента продолжается, не утихая. Меня иногда берет оторопь от того, что оппозиция в упор не видит отсутствие у президента сверхъестественных полномочий.

С уверенностью подтверждаю: в Конституции нет тех неограниченных прав президента, о которых говорит оппозиция. Но там нет и тех фискальных функций, которые хочет приобрести оппозиция, имея большинство в Госдуме. Там оговорена главная функция законодателей — бюджет и его контроль Счетной палатой.

Неоднократно я пытался рассмотреть проблему совместно с оппозицией, призывая это сделать без обид, без политических амбиций и столь свойственного нам, к сожалению, прилюдного кликушества.

Вот, например, в Конституции сказано, что президент «обращается к Федеральному собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства». Да, президент определяет основные направления, которые, конечно, имеют значение только тогда, когда подтверждаются бюджетом страны. Но бюджет страны **принимает** Федеральное собрание!

В Конституции сказано, что президент «осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации, ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации». Но **ратифицирует** все международные договоры Федеральное собрание!

В Конституции сказано, что президент «является Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами Российской Федерации». Но в Конституции не сказано, что ему подчинены все силовые министры! Кстати, во многих странах законом регламентируется и деятельность Верховного Главнокомандующего.

По Конституции, кандидаты на все основные государственные должности — Генеральный прокурор, председатель Центрального банка, судьи Конституционного, Верховного, Высшего арбитражного судов — назначаются палатами Федерального собрания по представлению президента, а кандидатура председателя правительства согласовывается с Государственной думой.

Что касается формирования правительства без участия Госдумы, то нужно дать возможность президенту, избранному народом, выполнить свою предвыборную программу и обязательства перед избирателями и подобрать для их исполнения надежную команду! И без того возникают взрывные столкновения при формировании бюджета. А если к этому добавится базар при формировании правительства, то можно надолго забыть о порядке в государстве. Правда, и здесь есть ограничения для

президента: назначение и освобождение министров производится по представлению председателя правительства.

Все основные действия президента — по вопросам введения чрезвычайного и военного положения, использования вооруженных сил за пределами страны, изменения границ и многое другое — регламентируются федеральными законами и подлежат утверждению на палатах Федерального собрания. А если каких-либо законов до сих пор нет (они еще не приняты), то Конституция тут ни при чем. Вот и получается, что за требованиями пересмотра Конституции подчас стоят другие цели, скорее всего политические, или покушение на права и свободы граждан.

К сожалению, споры возникают еще и потому, что некоторые полномочия, которые берет на себя наш президент, Конституцией не регламентируются, ему не предназначаются (руководство силовыми структурами, введение в правительство первых заместителей председателя правительства, отстранение Генерального прокурора без участия Совета Федерации). Это превышение власти, возможность ее захвата, и должно караться в соответствии с федеральным законом, который пока не принят. Кстати, может быть, именно здесь и нужно применить процедуру импичмента к президенту, так как именно захват власти или ее превышение являются тяжкими преступлениями. Необходима работа законодателей, чтобы ограничить посягательства власти всех уровней на превышение своих полномочий или на присвоение несуществующих. Ведь при нарушении Конституции и законов в субъектах Федерации довольно часто появляется протест прокурора, который восстанавливает порядок. Должен быть механизм и для федерального уровня, препятствующий таким властным вольностям.

Работая над вопросами взаимоотношений президента с законодательным собранием и правительством, мы понимали, что правильность решения может быть проверена только временем.

Безусловно, получились главы о правах и свободах гражданина и человека и об основах конституционного строя. Николай Васильевич Витрук эту часть Конституции особенно тщательно выверял с европейскими коллегами и однажды мне сообщил:

— Сергей Александрович, могу порадовать, эксперты отмечают, что при регулировании прав и свобод гражданина и человека у нас

применен явно выраженный современный и прогрессивный подход.

— Но мы ведь и старались включить весь основной перечень прав и свобод личности, закрепленный в Европейской конвенции.

— А ежи еще отметили, что эти положения соответствуют и современным демократическим конституциям.

Познакомил с оценкой экспертов Бориса Николаевича. Довольный такой оценкой, он заметил:

— Теперь важно сделать «замок», чтобы не просто было изменить эти положения в Конституции. Уж больно охотников много. И ладно бы по делу, а то норовят в историю попасть хоть каким-то текстом.

— И политики в том числе, — добавил я.

Большим достижением стало включение положения о прямом действии Конституции. Пожалуй, впервые за семь Конституций этого столетия. Значит, есть надежда, что судебная система заработает. Да, я все эти годы радовался как ребенок, если находил публикацию, где сообщалось, что суд рассматривал дело, исходя из конституционных положений.

Но тяжелая общественно-политическая обстановка, конфронтация ветвей власти наложила и свои трудности, и свои отпечатки на содержание Конституции. Не обошлось без компромиссов.

Вошли в Конституцию без изменений положения Федеративного договора о разграничении полномочий между центром и субъектами Федерации. Вообще-то Федеративный договор очень тяготел к сохранению его в Конституции, на чем настаивали одни субъекты Федерации (в основном республики), а другие были против. Именно из Федеративного договора следовало неравенство между субъектами Федерации.

Из сообщения «Интерфакса»:

«Вся мировая история федерализма научила нас одной простой вещи: если нет равенства субъектов Федерации — такая Федерация нежизненна», — заявил на пресс-конференции ведущий государствовед Института государства и права РАН Владимир Туманов».

Европейские эксперты обратили внимание на многочисленность образований, входящих в Российскую Федерацию, и на различие в конституционном статусе республик и других субъектов Федерации.

Настоящий спор разгорелся о записи в Конституции, касающейся того, что республики — суверенные госу дарства. Это особенно беспокоило руководителей других субъектов Федерации — они усматривали тут свое неравенство. После долгих споров мы нашли компро миссное решение — слово «суверенное» у республик было снято, но другие субъекты наделялись, как и рес публики, правом иметь свое законодательство. Кроме того, было подчеркнуто, что «во взаимоотношениях с федеральными органами власти субъекты Российской Федерации равноправны». Понадобилось вмешательство Бориса Николаевича, чтобы это осуществить.

— Сергей Александрович, а нужно ли наделять края и области правом законодательства? Не подтолкнет ли их это право к сепаратизму? — так выразил свою обеспокоенность президент на мое сообщение о достигнутом компромиссе.

— Борис Николаевич, это единственный путь сблизить позиции всех субъектов Федерации. Республики не возражают против такого наделения полномочиями других субъектов. Здесь нашими союзниками выступили и автономные образования. Да и пора дать возможность цивилизованно жить всем субъектам Федерации, раз они получили многие самостоятельные полномочия, которые должны реализовываться через законодательные органы.

— Но ваше предложение о снятии слова «суверенные» вызвало сильное волнение у руководителей республик. Шаймиев даже телеграмму прислал и просит собрать руководителей республик, так как считает, что это отход от достигнутого в Федеративном договоре.

— Ну что ж, собираться придется, но тогда нужно пригласить и губернаторов, пусть не всех, но разговор состоится совместный. Без компромисса мы не обойдемся. Наши аналитики тоже считают, что с юридической точки зрения суверенитет республик означает не что иное, как конфедеративное, а не федеративное устройство государства.

— Хорошо. Я согласен. Конечно, позиция президента — защищать права наций, на какой бы части территории России они ни проживали, а не права «суверенных» национальных государств.

На встрече с главами республик, краев и областей разговор шел тяжело, но участие в нем Бориса Николаевича, как это часто бывало, быстро всех примирило.

Из сообщений СМИ:

«Текст проекта новой Конституции готов и был в основном одобрен на встрече Б.Ельцина с руководителями субъектов Федерации. Президент РФ подчеркнул, что Федеративный договор должен остаться отдельным документом «рядом с Конституцией». Касаясь вопроса о суверенитете республик, он сказал, что «я сторонник права наций на самоопределение, но должен сделать одну оговорку: за исключением права на отделение от России».

Последнюю точку в этом вопросе поставила Комиссия конституционного арбитража Конституционного совещания: «Включать в статью 5 проекта предложенное дополнение нецелесообразно».

Идея создания такой комиссии принадлежит Юрию Батурину. Она действовала только по запросам президента, и был уговор, что ее решения не подлежат ревизии. В комиссии было 14 судей высших судов России, ее возглавил академик В.Н.Кудрявцев. Обычно в комиссию Президент РФ обращался, когда наступала или тупиковая ситуация, или разгорался неразрешимый спор между заинтересованными сторонами.

Помню ощущение балансирования на канате, когда, из-за несогласия руководителей республик или губернаторов, все могло рухнуть. Но, по-моему, и они понимали всю ответственность момента, особенно если страна останется без новой Конституции. Правда, был эпизод, который мог сорвать принятие Конституции. Вновь, уже во второй раз (первый был летом), выступил Эдуард Россель с идеей создания Уральской республики. Идея притягательная, но и очень опасная по тому времени, потому что могла привести к развалу Федерации. Я позвонил Росселю и попросил оставить эту игру на лучшие времена — сейчас не до шуток. Он действительно хотел отделаться шуткой, но через несколько дней я понял, что он не шутит, а просто выигрывает время. Этот вопрос стал предметом обсуждения и на палатах Конституционного совещания. Точку в дискуссии поставил Анатолий Собчак, заявив, что «надо помнить о реалиях и из-за названий не разрушать Россию».

Доложил президенту. Борис Николаевич попросил поговорить с Росселем постороже. Тогда я предупредил его, что принятие Конституции — дело настолько серьезное, что рисковать нельзя, и если он будет продолжать свою линию, я расценю это как препятствие

принятию Конституции, которое может повлечь за собой его освобождение. К сожалению, этим тогда все и закончилось.

Из сообщения ИА PostFactum:

«Вечером 31 октября по всем программам местного телевидения выступил глава Свердловской области Э.Россель. Он объявил, что Конституция Уральской республики вступила в действие».

В последующем он и, по-моему, Николай Медведев из Мордовии пытались создать иллюзию, что Филатову удалось обманым путем протащить через Президента РФ указ об освобождении Росселя.

Серьезные споры и дискуссии разгорелись вокруг прокуратуры. Споры происходили в нескольких направлениях.

Первое. Прокуратура вообще не должна входить в главу о судебной системе власти, поскольку по своим функциям она ближе к исполнительной. Эту точку зрения активно проводил Б.А.Золотухин:

— Во всех странах мира прокуратура и государственное обвинение, уголовное преследование — функции исключительно исполнительной власти. И место прокуратуры именно там.

Но победила точка зрения, что прокуратура должна быть в главе «Судебная система». Ее активно поддерживал академик Б.Н.Топорнин:

— Прокуратура связана непосредственно с деятельностью правосудия, и в этом качестве она выступает компонентом всей системы нашего правосудия. Тут можно просто сказать — она компонент той системы, отрывать от которой прокуратуру было бы нежелательно.

Второе. В конституциях многих стран прокуратура вообще не упоминается. Это предложение не получило поддержки.

И третье. Если включать в Конституцию положения о прокуратуре, то они должны быть такими, чтобы не создавать трудности для ее реформирования в будущем, то есть сейчас надо действовать по принципу «не навреди». На этой концепции в конце концов и остановились.

В работе над проектом Конституции странно повел себя Алексей Казанник, бывший тогда Генеральным прокурором России. На рабочей комиссии мы по-новому, уже в соответствии с принятой Верховным Советом концепцией о судебной реформе, сформулировали новую главу о прокуратуре. Имелось в виду, что генеральная прокуратура

сталинских времен должна прекратить свое существование, страна лишалась того карающего меча, которым в течение 70 лет большевики расправлялись с народом. Ведь именно советская прокуратура создавала видимость законности всех репрессивных акций коммунистического режима: прокуроры обличали сотни тысяч ни в чем не повинных людей на открытых и закрытых политических процессах, выносили им расстрельные приговоры с участием печально известных «троек», участвовали в работе Особого совещания при НКВД и т. д.

Именно прокуратура, с ее функциями **общего надзора**, была одним из наиболее эффективных инструментов коммунистического режима в деле государственного подавления и насилия над собственными гражданами. Именно она освящала применение пыток, бесчеловечного режима содержания арестованных в тюрьмах и лагерях, а ее служители теоретически (устаи Вышинского) и практически (деятельностью десятков тысяч прокуроров и следователей) превратили признание обвиняемого в «царицу доказательств» — в единственное и не требующее каких-либо иных подтверждений свидетельство его вины, необходимое и достаточное для осуждения вплоть до высшей меры наказания.

Казанник расценил это как угрозу структурного разрушения прокуратуры в целом и во время работы Конституционного совещания направил письмо Ельцину с требованием сохранить «надзор за исполнением законов и указов президента», а также принять «меры по устранению нарушений законов и указов Президента Российской Федерации и привлечению виновных к ответственности». Президент начертал на письме резолюцию: «Филатову С.А. Внести в проект Конституции целиком».

Однако вокруг этого вопроса разгорелась дискуссия, и мне удалось убедить Бориса Николаевича, что нельзя вписывать в проект Конституции то, что останется для страны на века. Ведь по мере развития реформ, улучшения экономики и строительства правового государства функции прокуратуры неизбежно должны измениться. В результате сошлись на такой формулировке: «Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом», предполагающей возможность внесения изменений в закон о прокуратуре в ходе преобразования и реформирования страны. Но и эта формулировка Казанника не

устроила. Во время нашего разговора он упрекал меня в том, что проект Основного Закона ставит под сомнение существование института прокуратуры.

— Да нет же, Алексей Иванович, все определяется законодательством, а закон, ныне действующий, никто не отменял.

— Но в новой статье проекта прокуратура лишается ее главной функции — общего надзора за соблюдением законности. Мне трудно представить, что произойдет в стране, стонущей сегодня под валом преступности, если даже на какое-то время окажутся прерванными те функции, которые выполняются сегодня прокуратурой.

— Концепция судебной реформы ставит прокуратуру в иное положение. Ни в одной стране с развитой юридической системой таких расширенных функций у прокуратуры нет. Я еще раз хочу подчеркнуть, что все определено в ныне действующем законе. И если наступит необходимость его изменить, то это уже дело законодателей, когда и как.

Позднее, покинув Генеральную прокуратуру, Казан-ник в одной из публикаций обвинил меня в том, что я не дал возможности при создании новой Конституции реформировать прокуратуру России. Тогда же я ответил ему через газету и рассказал, кто на самом деле пытался воспрепятствовать такому реформированию. Я верю, что придет время и судебно-правовая система займет свое достойное место в нашем правовом государстве, а центр тяжести переместится на следственные органы, адвокатуру и суды.

Сожалею, что тогда мы сдали свои позиции и оставили куцую формулировку о прокуратуре, потому что сегодня правые силы пытаются вновь восстановить прокуратуру в прежнем виде. Во всяком случае, использование ее в политических разборках — налицо. Сегодня прокуратура не подотчетна никому. Наоборот, она всех проверяет и против любого гражданина или должностного лица может применять любые меры вплоть до ареста, обыска, возбуждения уголовного дела, не неся никакой ответственности за незаконность подобных действий. Продолжаются попытки поставить удобного Генерального прокурора. Очень показателен в этом плане пример с А.Н.Ильющенко.

Как-то, в 1995 году, мне позвонил Михаил Иванович Барсуков, тогдашний директор ФСБ:

— Сергей Александрович, не припомните, откуда появился Ильюшенко? Кто его привел?

Мне стало ясно, что пахло жареным и они (Барсуков и Коржаков) ищут, на кого можно свалить вину за действия Ильюшенко в Генпрокуратуре. Я ответил, что в Контрольное управление Ильюшенко пригласил я. Мое внимание на молодого работника Генпрокуратуры, весьма энергичного, с демократичными взглядами и, судя по всему, знающего свое дело, обратил писатель и общественный деятель Алесь Адамович. Тогда еще у Ильюшенко не проявлялись ни в каком виде такие качества как снобизм, мстительность, бюрократизм

Выдержав длительную паузу, после разговора с Алесем Михайловичем, я пригласил Ильюшенко к себе, и у меня сложилось хорошее впечатление о нем, поверилось, что действительно с делом контроля он знаком, диапазон интересов у него довольно широкий и этот человек сможет наладить дела в Контрольном управлении Президента.

Переговорил с Валентином Георгиевичем Степанковым, к которому я всегда относился с симпатией. Степанков был во многом осторожным, но все-таки решительным Генеральным прокурором. Находясь между такими крупными и антагонизирующими фигурами во власти, как Ельцин и Хасбулатов, он опасался, что его втянут в политические игры, — понимал силу прокуратуры, которая оставалась по своей сути сталинской моделью. Я чаще всего поддерживал эту исключительную поспешность позицию и с уважением относился к его мнению. Однако в тот раз, поделившись, что хочу рекомендовать Ильюшенко на должность руководителя Контрольного управления, я не прислушался к замечаниям Валентина Георгиевича. Его доводы показались мне не очень основательными, да и подумалось: не хочет человек, как это часто бывает, отпускать от себя хорошего работника.

Степанков говорил между тем, что Ильюшенко работает в Генпрокуратуре пока еще мало, что должного опыта у него нет, да и слишком уж молод.

А вот в генеральные прокуроры Ильюшенко дважды прямо-таки проталкивал Коржаков. Но в первый раз у него ничего не вышло — тогда после заседания Совета Безопасности в разговор о Генеральном прокуроре вмешался Виктор Илюшин. Он сказал, что Ильюшенко пока себя ничем не проявил, и предложил на этот пост Алексея Казанника,

напомнив Борису Николаевичу, что за ним должок и что Казанник пока не востребован как специалист. А во второй раз, когда Казанник на всю Россию хлопнул дверью и ушел, получилось так, что с подачи именно Коржакова наконец-то Ильюшенко был назначен и.о. Генерального прокурора и таким образом оказался приближен к Борису Николаевичу. И не просто приближен — его внешней атрибутике мог позавидовать не только бывший прокурор. Я помню, как добивался установки АТС-2 Валентин Степанков, а здесь все виды АТС, прямая связь с президентом, автомашина из ГУО со связью «Кавказ», охрана — все на высшем уровне.

Вообще же вопрос о назначении Алексея Ильюшенко на должность и.о. Генерального прокурора впервые встал в период октябрьских событий 1993 года. Ночью, в Кремле, на пути в мой кабинет Алексей Николаевич обратился ко мне:

— Сергей Александрович мне предлагают стать Генеральным прокурором. Как вы на это смотрите?

— Кто предлагает?

— Президент... — Потом Ильюшенко замялся и уточнил: — Ну, понимаете, это по поручению Бориса Николаевича предлагает Коржаков.

К тому времени я уже знал, что президент все-таки решил сменить Генерального прокурора и Председателя Центробанка. Насколько было возможно, я пытался убедить Ельцина, что снимать Степанкова нельзя, что тот будет нормально исполнять свои обязанности, да и ситуация такова, что Генпрокурор должен быть легитимной фигурой.

Перед разговором с Ильюшенко у меня побывал Геннадий Сергеевич Пономарев: ему первому Борис Николаевич предложил стать Генпрокурором, но Пономарев после некоторых раздумий зашел ко мне, чтобы отказаться. Выглядел Пономарев при этом крайне смущенным и все время боялся оказаться неправильно понятым. Объяснил, что с удовольствием принял бы предложение, если бы назначение осуществлялось не указом президента, а так, как это предусматривает закон:

— В такое напряженное время, когда приходится идти на решительные меры и крутые распоряжения, прокурор не может быть нелегитимной фигурой. Поэтому я очень прошу вас передать Борису

Николаевичу мою благодарность за доверие, но предложение его я принять не могу.

И я его понял. И выразил надежду, что президент тоже поймет его правильно. Действительно, когда я впоследствии докладывал Борису Николаевичу об этом разговоре, мне показалось, что он с пониманием отнесся к отказу Пономарева.

На вопрос же Ильюшенко — тогда, на ходу — я ответил отрицательно:

— Мне кажется, Алексей Николаевич, вам рано еще становиться Генпрокурором, необходимого опыта у вас нет, нужно для начала укрепиться на работе в Контрольном управлении. А самое главное, нельзя начинать с нелегитимности в должности: ведь решения придется принимать самые разные — и аресты, и выступления в качестве государственного обвинителя. Да и время очень суровое — к такой должности должно быть полнейшее доверие в обществе. Ваше назначение может вызвать отрицательную реакцию — вас еще недостаточно хорошо знает общественность, и ваше возникновение на таком ответственном посту может быть многими неправильно истолковано.

В тот период мы почти дружили домами, во всяком случае, часто бывали друг у друга в гостях, между собой говорили открыто — с полной степенью доверия. Поэтому и в тот раз я высказался с предельной откровенностью. И добавил, что у него все еще впереди и что не надо торопиться. Если кто-то его тянет на эту должность, значит, кому-то это позарез нужно. А быть марионеткой в руках «кого-то» очень опасно: они сами же потом и уничтожат своего протеже.

Алексей Николаевич выслушал меня молча, как-то невнятно произнес:

— Может быть, вы и правы. Нужно подумать.

Но в душе, похоже, он со мной не согласился. Перспектива близости к президенту очень уж кружила ему голову. Пожалуй, впервые тогда в нем начало проявляться бахвальство. Мне как-то рассказали сотрудники моего секретариата, что однажды Алексей Николаевич вышел от меня с одним товарищем и за дверью ему сказал:

— Да что вы сюда ходите? Приходите ко мне — у меня прямой выход на президента.

Бывали сбои и в работе Контрольного управления. Показательным в этом отношении была проверка, проведенная Контрольным управлением в Приморском крае. В соответствии с заключением Контрольного управления были обнаружены серьезные злоупотребления в окружении губернатора края Е.И.Наздратенко. Нарушения настолько серьезные, что нужно было ставить вопрос об освобождении Наздратенко и передаче в прокуратуру материалов проверки. Однако Наздратенко настаивал на более тщательной проверке, которую я дал команду провести. И практически все замечания Контрольного управления были опровергнуты, а А.Ильюшенко пришлось извиниться за некачественную работу первой бригады.

Но, будем справедливы, при Ильюшенко Контрольное управление заработало активней, были проведены крупные проверки, в том числе и по ЗГВ (Западная группа войск), по таможне, по ряду других регионов. Стал выходить бюллетень «Контрольное управление», подобрались и свой актив в регионах, и хороший коллектив в самом управлении.

Когда Ильюшенко назначали на должность и.о. Генерального прокурора, я вместе с Рамазаном Абдулатиповым и Борисом Топорниным, директором Института государства и права РАН, находился в Швейцарии на форуме по федеративным отношениям. Там есть чему поучиться в этом плане. По телефону я несколько раз связывался с А.Казанником и А.Ильюшенко, пытаюсь понять, что происходит в Генпрокуратуре, и как-то повлиять на развитие событий. Конечно, хотелось избежать кадровых перемен. Но к тому времени Казанник свой политический выбор уже сделал. Назначение Ильюшенко на должность и.о. Генерального прокурора состоялось. Помогла этому его отрицательная позиция по отношению к действиям А.Казанника, когда тот распорядился выпустить амнистированных из Лефортовской тюрьмы, а президент категорически возражал против этого.

По возвращении из Швейцарии мне пришлось по поручению Бориса Николаевича представлять А.Ильюшенко в Генпрокуратуре. Вошли в президиум, зал переполнен. Обстановка откровенно враждебная. Как только я произнес фамилию Казанника, в зале раздались бурные аплодисменты. Я понял, что переполненный зал —

это не проявление служебного любопытства, а протест по поводу решения президента. Речей не получилось, да и говорить особенно было не о чем. Поэтому я ограничился предложением проявить выдержку и терпение и постараться сработаться с новым Генпрокурором, так как дело мы делаем общее — борьба с преступностью остается главной проблемой в государстве.

Осенью 1994 года предстояло утверждение Ильюшенко в Совете Федерации. Тревога перемежалась с уверенностью: все-таки утвердят. Представлять Ильюшенко президент и на этот раз поручил мне. Говорил я на Совете Федерации немного, но подчеркнул главную мысль, что страна получает действенного и действующего Генпрокурора. И впрямь, к тому времени ему удалось кое-что сделать, предпринять ряд решительных действий в борьбе с преступностью. Однако при тайном голосовании для назначения не хватило 8 голосов. Ильюшенко посчитал, что виной всему была моя недостаточная настойчивость при его представлении.

Я часто пытался анализировать причины, по которым Совет Федерации тогда не утвердил Ильюшенко. Их было несколько. Во-первых, общий протест оппозиции против действий президента в октябре 1993 года и в связи с этим отрицательное отношение ко всем, кто рядом с Ельциным. Это особенно проявилось при назначении судей Конституционного суда. Не было ни одного кандидата, которому не задали бы вопрос о его оценке Указа № 1400 и октябрьских событий. Ответ на этот вопрос был критерием отношения депутатов Совета Федерации к данному кандидату. Практически все, кто пытался оправдать действия президента, не получили достаточного числа голосов. Во-вторых, ощущалось резко отрицательное отношение к Межведомственной комиссии, в которую входил и Ильюшенко, — и особенное недоверие к трастовому документу Руцкого. В-третьих, само поведение Ильюшенко на Совете Федерации — оно было по-барски вызывающим и не к месту поучающим. Кстати, этот тон появился у Алексея Николаевича и при обычном общении с людьми. Даже при наших с ним встречах у него вдруг проскальзывало:

— Да ну их, демократов! Хватит, доигрались с ними — давить их надо, этих Гайдаров и Чубайсов.

Ну и, конечно, оппозиция не хотела, чтобы у властей предрержащих был карманный Генпрокурор. А к этому шло. Мы все это увидели

воочию в последующих действиях Ильюшенко: возбуждение уголовного дела по передаче «Куклы» на канале НТВ, действия против Собчака и руководителя пятого канала РТР Беллы Курковой, многое другое, то и дело будоражившее общественность.

После провала кандидатуры Ильюшенко на Совете Федерации, пожалуй, впервые президент повысил на меня голос и с раздражением отчитал. А при встрече нового, 1995 года на приеме в Государственном Кремлевском дворце Борис Николаевич перед выходом в банкетный зал, здороваясь с каждым из присутствующих, подошел к Ильюшенко (еще один знак внимания, которого не удостоивался ни один из генпрокуроров: быть в окружении президента) и с большой теплотой в голосе, громко, чтобы слышали все, сказал, обращаясь к Владимиру Филипповичу Шумейко, в то время председателю Совета Федерации:

— А вот этого парня я вам не отдам! Он очень нужен мне!

Не надо быть особо проницательным, чтобы догадаться, кто вложил столь категоричные слова в уста президента. За ними стояли три набиравшие силу и уже достаточно могущественные фигуры, которым нужен был Ильюшенко как инструмент давления, а может быть, и расправы.

Ну а потом все поехало-покатилось, как, видимо, и должно было. Поведение и действия Ильюшенко все больше и больше выявляли его взаимозавязанность с Коржаковым, Барсуковым и Сосковцом. Его выступления в регионах были ужасны по форме и по содержанию — и.о. Генпрокурора нес такую чушь, что обеспокоенные люди начали писать нам письма и присылать вырезки из газет с его высказываниям», которым мог бы позавидовать сам А.Я. Вышинский. Вот одно из писем, которое я получил из Владимирской области:

Уважаемый Сергей Александрович!

В апреле ст. (1995. — С.Ф.) я принимал участие в уголовном процессе во Владимирском областном суде 1-й инстанции. В это же время, а именно 19 апреля, во Владимир для встречи с работниками прокуратуры приезжал и.о. Генерального прокурора России А.Ильюшенко.

То, что пришлось услышать владимирцам из уст этого человека, повергло многих в состояние шока. Я долго думал, доводить ли до Вас эту информацию. Но поддержка президентом

кандидатуры человека, способного навести порядок в стране за две недели, расстреляв для этого всех, кого нужно, а также полагающего совершенно излишним проведение судов и следствия по совершенным преступлениям в целях экономии бумаги, не могло не вызвать соответствующей реакции у избирателей.

Представляется, что публичные высказывания господина Ильюшенко не могут не вызвать сомнения в его квалификации как юриста и тем более как должностного лица, призванного обеспечивать всеобщую защиту прав и интересов граждан. Тем более печально, что фактически я столкнулся с полным подтверждением своих сомнений, высказанных Вам, Сергей Александрович, ранее в письме по поводу деятельности правоохранительных органов в связи с известным указом о борьбе с оргпреступностью.

Утешительным является все же то, что среди работников прокуратуры и.о. Генерального прокурора авторитетом не пользуется, а во время поездки он еще более дискредитировал себя в их глазах. Но высказанная Ильюшенко позиция по отношению к тем, кого произвольно можно считать преступниками, дает основания недобросовестным следователям творить беззакония, ссылаясь на позицию своего самого главного начальника.

Прилагая здесь вырезки из публикаций самых разных газет, надеюсь на ваше внимание и принятие мер к представлению на должность Генерального прокурора Российской Федерации достойной ее кандидатуры.

*С самыми добрыми пожеланиями —
сопредседатель Экспертно-правового совета при Президенте
Российской Федерации,
адвокат И.А.Безруков.*

А вот выдержки из владимирских газетных публикаций:

«... И.о. Генерального прокурора Алексей Николаевич Ильюшенко настаивает на том, что, кто бы ни был Генпрокурором, должен иметь неограниченную власть и эта власть должна вершить политику в стране».

«...Расширение наших полномочий не самоцель. Прокурор республики, края — единственная фигура, которая может повлиять

на обстановку в регионе».

«...В принципе, заметил А.Н., он может навести порядок: собрать всех авторитетов (а они хорошо известны), увезти и расстрелять — через две недели в стране будет порядок. «Однако кому нужна такая демократия?» — риторически спрашивает А.Н. И тут же поправляется: «Если скажут нам так сделать — мы сделаем».

«...Если человек спустил курок — он преступник и подлежит уничтожению на месте, если он не нужен следствию... И не надо тратить бумагу».

Сам Ильюшенко к этому времени опустил, стал чрезмерно употреблять спиртное, наше общение с ним прекратилось, но до меня доходили постоянные его угрозы в мой адрес.

В общем, Ильюшенко сам вел себя к полному разложению — и моральному, и профессиональному. Отношение в обществе к и.о. Генпрокурора настолько накалилось, что президент стал понимать: от Ильюшенко нужно избавляться.

Так же начали думать и Коржаков с Барсуковым. То расследование, которое вела против него московская ФСБ, стало приобретать контуры уголовного дела. Рассказывали, что начались ссоры и взаимные угрозы внутри самой стаи фаворитов. Вопрос был поставлен так: кто кого быстрее уберет и кто на кого быстрее сбросит в СМИ факты с разоблачениями.

В один из сентябрьских дней 1995 года мне было дано Президентом Российской Федерации поручение разыскать Ильюшенко и взять у него заявление об отставке. Это произошло после резкой критики президентом Ильюшенко на пресс-конференции, когда общественная атака на и.о. Генпрокурора развернулась не на шутку — и горячо, и широко. В ход пошло все — и заказные статьи, и многочисленные искренние выступления журналистов и интеллигенции, не приемлющих эту безответственную фигуру на столь ответственном посту.

Я отыскал Ильюшенко в Красноярском крае, где он отдыхал от трудов праведных, по-ленински проводя время на охоте в глухом местечке. Из тех же мест наш выдающийся спортсмен Иван Ярыгин, чудо-богатырь и чудо-человек: мягкосердечный, честный,

внимательный и все понимающий; они дружили с Ильюшенко. Он-то и помог мне выйти на и.о. Генпрокурора.

15 сентября появилось письмо Ильюшенко на имя президента, где он отметал все обвинения в свой адрес и связывал все нападки на себя с происками группы Гусинского. В заключение этого послания Алексей Николаевич добавлял:

«О вышеизложенном пишу, чтобы заверить Вас — на протяжении всей своей деятельности я и мои коллеги выполняли свой служебный долг и никакой иной цели не преследовали. Заявляю об этом вполне искренне и убежденно.

Исходя из Вашего выступления на пресс-конференции, прошу Вас рассмотреть вопрос о моей дальнейшей судьбе, и любое Ваше решение я приму с благодарностью».

А после отставки, через недолгое время — Лефортово и ожидание суда. Видимо, его «друзья» рассчитали тут по-своему: в тюрьме он не заговорит — побоится.

Вот так закончилась бесславная карьера Ильюшенко, который не выдержал испытания резким взлетом и, судя по всему, до поры до времени хорошо маскировал от окружающих свою внутреннюю пустоту. И не понял, что такое настоящая дружба, настоящая служба и настоящие друзья...

Но заключаю я эту тему не с чувством злорадного удовлетворения (мол, и поделом же ему, такому-сякому), а с надеждой на то, что у этого энергичного и не старого еще человека все-таки окажется достойное будущее.

* * *

...Не обошлось в те тревожные дни и без перегибов. Некоторые посчитали, что в отсутствие законодательного органа можно кое-что изменить и «урвать» с помощью указов президента. И самые неприятные решения появились о СМИ: от закрытия некоторых из них — до усиления контроля государства над ними.

Тревогу стала вызывать информация, идущая из-за рубежа. МИД сообщал, что октябрьские события подстегнули давно идущую на Западе дискуссию по проблематике демократических преобразований в

России. Введение временных ограничений на некоторые права и свободы, запрет ряда изданий вызвали неоднозначную реакцию там. Озабоченность происходящим в России, тем, в каком направлении будет развиваться внутренняя политика Президента России, чувствуется в западных СМИ весьма и весьма остро. Для восстановления демократического имиджа страны эксперты считают важным защитить прессу от вмешательства государства и одновременно освободить ее от диктата рынка. Силовая приостановка выпуска газет, по мнению зарубежных СМИ, ставит под сомнение возможность проведения действительно свободных и демократических выборов в декабре и принятия новой российской Конституции.

Политологи и СМИ призывают западные правительства постоянно подчеркивать в контактах с Москвой тот факт, что ограничения в области свободы информации не отвечают демократическим принципам и не встретят понимания общественного мнения на Западе.

Внимательно следили за рубежом и за работой Конституционного совещания. СМИ с некоторой тревогой отмечали, что в новой Конституции «Ельцин собирается придать фигуре президента большие властные полномочия, делающие его неуязвимым перед новым парламентом».

Особую тревогу вызывало общественное мнение в США, и не в последнюю очередь — в администрации американского президента. Поэтому я попросил разрешения у Бориса Николаевича после опубликования проекта Конституции вылететь на несколько дней в США. В своей записке на имя президента я написал:

«С американской стороны в ходе последних доверительных консультаций представителей МИД и госдепартамента было еще раз высказано пожелание относительно моей запланированной поездки в США для встреч с ближайшим окружением Клинтона. Американцы говорят, что им важен личный контакт в этот сложный политический период в России, чтобы эффективнее оказывать нам поддержку в проведении демократических преобразований».

Из сообщений СМИ:

«Надо отдать должное американским корреспондентам — своими репортажами из Москвы, аналитическими статьями в газетах журналисты поведали читателям и телезрителям многие подробности о гонениях на прессу в России, о «белых пятнах»

вокруг октябрьских событий в столице, о некоторых проявлениях авторитаризма. И это не осталось незамеченным среди американцев.

Срочно «тушить пожар» был направлен в Вашингтон самый доверенный сотрудник президента (определение не мое, а западных политологов. — С.Ф.) Сергей Филатов.

Сергей Александрович должен был дать четкие разъяснения влиятельным американским политикам, по какому пути пойдет Россия, как долго исполнительная власть будет находиться в одиночном плавании в море бушующих страстей» (*«Подмосковные известия»*).

Из сообщения ИТАР-ТАСС:

«Вашингтон. В субботу сюда с визитом прибыл руководитель Администрации Президента Российской Федерации С.Филатов. В его программе пребывания в столице встреча с вице-президентом США А.Гором, беседы с высокопоставленными представителями Белого дома, государственного департамента, руководством конгресса. Запланированы также встречи с представителями деловых кругов и американской общественности. В ходе этого рабочего визита, который проходит по приглашению администрации США, состоится обмен мнениями по различным аспектам обстановки в России и Соединенных Штатах, знакомство С.Филатова с опытом работы президентской структуры, будет обсужден ход подготовки предстоящих визитов в Москву А.Гора и президента Б.Клинтона»

По прилете в США в посольстве меня ознакомили с уточненной программой пребывания: встреч стало больше, и их количестворосло. В один из дней, когда я ехал на встречу с госсекретарем США У.Кристоффером, мне неожиданно предложили встретиться с президентом США Биллом Клинтоном. Встреча прошла в тот же день вечером в знаменитом Овальном кабинете. Клинтон был в хорошем расположении, принял нас как друзей и, чувствовалось, как друзей и соратников нашего президента. Когда он предложил сфотографироваться на память и подвел нас к столу, я спросил его:

— Господин президент, этот стол принадлежал Франклину Рузвельту? — на что получил утвердительный ответ. — А вы знаете, что именно за этим столом Рузвельт решал вопрос о союзе с Россией?

— Нет, я об этом ничего не слышал.

— Наш писатель Александр Маковский написал хорошую книгу о Франклине Рузвельте, которого у нас в России очень уважали всегда. И в книге он описал этот случай: когда президент оказывался в затруднительном положении и не сразу мог принять то или иное решение, он собирал газетные вырезки и в левый ящик складывал положительные, а в правый — отрицательные. Через месяц он вынимал обе стопки: какая оказывалась больше, такое решение он и принимал. Это он делал, как бы опираясь на общественное мнение. И однажды он был в очень затруднительном положении — с одной стороны, набирал обороты фашизм в Европе, что создавало реальную угрозу для мира и требовало консолидации всех стран в антифашистский блок; с другой — резкое неприятие коммунистического режима в развитых странах мира и внутри Америки. Вот он и начал собирать газетные вырезки, а через месяц обнаружил, что обе стопки в левом и правом ящиках одинаковые. И пришлось ему решение принимать самостоятельно. Оно было мудрым, как все, что делал Франклин Рузвельт.

Билл Клинтон слушал с большим интересом, а в конце рассказа очень искренне радовался — все-таки у американцев сильно развито чувство гордости за свою страну. У нас — тоже, но почему-то с некоторыми вывертами и непримиримостью, особенно к вождям и истории.

Я познакомил Президента США с делами в нашей стране, с ходом предвыборной кампании, обратив внимание на важность принятия новой Конституции. И преподнес ему проект Конституции на английском языке. Билл Клинтон сказал, что с удовольствием ознакомится с ним. Он выразил уверенность, что новая Конституция будет принята и выборы пройдут нормально и что Россия пойдет путем тех преобразований, которые провозгласил Борис Ельцин. Президент США вновь выразил поддержку Президенту России, нашим реформам и демократическим преобразованиям. Затем, как бы на одном дыхании, он высказал пожелание, чтобы выборы были честными, без ущемления прав оппозиции, и добавил:

— Хватит одному президенту Ельцину нести тяжелую ношу реформ, нужно, чтобы это делали и другие, и прежде всего парламент. У Президента США также есть свои проблемы с конгрессом.

В конце разговора он дал понять, что г-н Тэлботт, советник госсекретаря по делам новых независимых государств, пользуется его полным доверием и в скором времени будет назначен первым заместителем госсекретаря для усиления контактов с Россией.

После встречи стало известно, что супруга Клинтона будет сопровождать его в поездке в Москву, которая намечена на 11 января 1994 года.

Во время встреч я старался объективно рассказать о ситуации в стране и особо подчеркивал, что дальнейшая стабилизация в сильной степени зависит от принятия новой Конституции. Во всяком случае, и об этом говорит история, оппозиция не успокоится, и нужно вводить ее и страну в конституционное пространство уже по новой Конституции. Резюмируя все встречи, отмечу, что каждая из них по-своему была интересна и полезна.

Вице-президент Альберт Гор был все время в бегах и несколько раз, встречаясь со мной в коридорах, извинялся, что встреча откладывается. Наконец, мы встретились. Видно было, и он это подчеркивал, что интенсивно готовится к визиту в Россию — тогда уже набирала обороты программа «Черномырдин — Гор». Выслушал мое сообщение о наших делах и сказал следующее:

— Мы полностью поддерживаем все то, что у вас происходит: действия президента, ход предвыборной кампании, разработку новой Конституции. Но в нашей прессе и по телевидению звучит тревога по поводу некоторых отклонений, наблюдающихся в России. Это особенно касается средств массовой информации. Тревога может затронуть и нашу администрацию. У нас возникнут трудности, если выборы пройдут недемократично.

Со своей стороны я сообщил, что мы предпринимаем все усилия, чтобы предвыборная кампания велась честно.

Горько было, что положительный взгляд на преобразования в нашей стране замутили некоторые наши нетерпеливые радикалы. Я очень пожалел, что у нас в администрации отсутствовал четкий механизм подготовки и прохождения всех указов Президента РФ. Ведь одно время пошла целая лавина бездумных, безответственных предложений — и КПСС запретить, и партийную печать закрыть, и Советы разогнать, и на выборы их не пускать, и из аппарата всех гнать. И еще черт знает что. А фактически своими действиями радикалы

помогли коммунистам войти в Государственную думу и уже с первого раза занять ключевые посты. Да и за рубежом, чувствовалось, напакостили так, что пришлось еще долго доказывать, что курс на преобразования не меняется и завоеванные свободы остаются в государстве неизблемыми. Даже со стороны Президента РФ и премьера правительства были действия, которые вызывали недоумение. Уже когда закончились выборы в Госдуму, я узнал, что освобожден от вице-премьерства Егор Гайдар. Да мало того, освобождали и Анатолия Чубайса под предлогом, что он должен стать представителем правительства в новой Госдуме. Я позвонил Борису Николаевичу:

— Борис Николаевич, говорят, что освобождают в правительстве Чубайса и Гайдара. Это правда?

— Да, этот вопрос поставил Черномырдин, и мы такое решение приняли.

— Но одиннадцатого января приезжает Билл Клинтон. Они и так были полны различных подозрений о происходящем у нас, а теперь, с одной стороны, говорим, что мы сохраняем курс реформ, с другой — убираем его идеологов. Я думаю, это плохой знак перед встречей.

— Да, пожалуй. Но я уже дал согласие и мне вмешиваться неудобно. Аргументы ваши убедительны. Попробуйте поговорить с Виктором Степановичем.

Чувствовалось, что для Черномырдина эти ребята неудобны, но оголять правительство, избавляясь от всей команды реформаторов, наверное, было неправильно. Позвонил Виктору Степановичу. Разговор был долгий и трудный. Но он был убеждаем, и это мне в нем всегда нравилось. Договорились, что до приезда Клинтона он ничего предпринимать не будет, ну а потом все нормализовалось.

В США тема наших предстоящих выборов и проекта нашей Конституции не раз фигурировала в Белом доме.

На встречах с помощником президента по национальной безопасности Э.Лейком, со специальным помощником президента Н.Бернсом затрагивался вопрос об общественно-политической обстановке в России, расстановке политических сил и прогнозах по итогам голосования. Тогда у меня была уверенность в победе гайдаровского «Выбора России», и этим все были удовлетворены, так как видели гарантию законодательного обеспечения реформ. Но в жизни получилось иначе.

На встречах с госсекретарем США У.Кристоффером и сенатором Р.Лугаром, кроме вопросов о выборах и о проекте Конституции, вызывала интерес и возможность решения вопроса о распределении дохода между Россией и Украиной по обогащенному урану. У.Кристоффер даже заметил, что Украина слишком много говорит, но нужно ориентироваться на их дела, — это об СНВ-1

Много было и других встреч. Я подробно познакомился со структурой и работой аппарата Белого дома благодаря отличным отношениям, которые сразу сложились с руководителем аппарата Томасом Ф.Макларти. Побывал в Белом доме в комнатах ситуационной и госдепартамента, откуда информация из напряженных точек мира сходилась соответственно к Президенту США и госсекретарю. Ведь создание ситуационной комнаты стояло на повестке дня и у нас. Было много сделано для ее математического и программного обеспечения. Но у американцев все казалось проще и надежней в исполнении. Видимо, проблема состояла в сборе и отборе информации, что было отшлифовано годами.

На меня большое впечатление произвела хорошо отработанная процедура отношений президента с конгрессом. Этим много занимался и сам Билл Клинтон,

Было приятно видеть доброжелательное отношение к нашей стране, к нашему президенту, искреннее желание содействовать реформам и преобразованиям у нас. Мне показалось, что российско-американские отношения встают на новую правовую основу, складывается совершенно новый психологический климат, особенно с принятием конгрессом США законопроекта о дружбе с Россией и другими новыми независимыми государствами, который убирает практически всю «дискриминационную политическую шелуху», что, конечно, выводит нас на новый уровень общения.

Все это подтвердил и Струб Тэлботт, встреча с которым произошла у него дома в семейном кругу. С.Тэлботт был своего рода «владыкой» всего комплекса взаимоотношений США с Россией и другими бывшими советскими республиками как ближайший советник Клинтона по этим вопросам. В тот день в США праздновали День благодарения. Когда мы с Галей вошли в дом Тэлботтов, супруги вовсю занимались готовкой на кухне. Струб как-то сразу перешел на

неофициальный тон, стало по-домашнему очень уютно. Он рассказал нам о сегодняшнем празднике, истории его возникновения.

Этот праздник имеет глубокие исторические корни и отмечается каждый год в четвертый четверг ноября. Согласно легенде, пилигримы, прибывшие в Новый Свет, собрав первый урожай, вознамерились отметить завершение своих трудов праведных и воздать хвалу Всевышнему, ниспославшему им столь щедрые природные дары (это происходило в одном, из первых английских поселений на восточном побережье Северной Америки, на территории нынешнего штата Массачусетс). Как доброе знамение свыше восприняли пилигримы стаю диких индюшек, неожиданно появившихся в тот день рядом с их жилищем. Птица стала хорошей добавкой к скудной еде, к которой привыкли стойко переносящие все тяготы быта на необжитой земле переселенцы. С тех пор традиционным блюдом в каждом американском доме в День благодарения стала жареная индюшка. Праздник этот — семейный. В этот день за столом собираются все члены семьи, но двери в доме открыты и для гостей; американцы как бы символически подводят итоги ушедшего лета, готовятся к наступлению зимы, Следующий за Днем благодарения большой праздник — Рождество.

И, конечно, на стол была подана жареная индюшка. Временами мы продолжали и нашу дискуссию.

— Мы очень обеспокоены вашим мнением, что в администрации президента США нет единства по отношению к России.

— Но я это не придумал, г-н Тэлботт. У нас идут упорные разговоры, что в администрации Президента США произошел раскол и антироссийскую часть возглавляет госсекретарь США. Именно поэтому я и приехал сюда, чтобы развеять сомнения относительно истинных намерений руководства России. Для нас это очень важно, потому что именно с приходом Билла Клинтона по-настоящему стала меняться обстановка в наших отношениях.

— Это вы правильно заметили, что именно Билл Клинтон изменил атмосферу в администрации по отношению к России и делает все возможное, чтобы помочь вашим преобразованиям. Именно с его приходом отношения между Россией и США стали равнопартнерскими — без униженности. Так будет и дальше.

— Дай-то Бог.

Из сообщения ИТАР-ТАСС:

«Вашингтон. Сенат Конгресса США без подсчета голосов ратифицировал американо-российский договор об избежании двойного налогообложения. Он был подписан во время встречи на высшем уровне Президента США Дж. Буша и Президента России Б. Ельцина в июне 1992 года в Вашингтоне. Соглашение предусматривает отмену практики двойного сбора налогов с американских и российских бизнесменов, которые ведут деловые операции на территории двух государств».

Была в Вашингтоне еще одна встреча, эмоционально тяжелая, горькая оттого, что ничем я не мог помочь людям. Поскольку я возглавлял Государственную комиссию по расследованию причин катастрофы самолета корейской авиакомпании «Кориэн эйрлайнз» (рейс 007), сбитого на Дальнем Востоке нашими Вооруженными силами, я встретился с представителями Американской ассоциации родственников жертв этой катастрофы. Сказал, что наш президент выполнил свое обещание о создании специальной комиссии, эта комиссия завершила работу по расследованию катастрофы и подготовила отчет.

Наши выводы полностью совпали с заключением Международной организации гражданской авиации (ИКАО) о том, что вина за инцидент лежит на экипаже корейского самолета. Мы провели анализ по минутам и даже сделали модель траектории полета с привязкой действий экипажа и наземных средств. Было хорошо видно, как самолет с самого начала плавно отклонялся от заданной траектории полета, а пилоты мирно разговаривали в кабине, не реагируя на все, что происходило вокруг. Конечно, можно было не сбивать этот самолет, но это очевидно сегодня, а в ту ночь трудно себя поставить на место тех, кто принимал решение. Но несмотря на окончание расследования, мы готовы сотрудничать, чтобы прояснить все до конца. Главный вопрос и недоумение родственников состояли в том, что не были найдены ни обломки самолета, ни тела и одежда погибших. И они никак не хотели понять, что остатки самолета погребены в ущелье на глубине 2000 метров. И даже при желании что-либо сделать было практически невозможно. К тому же нужны огромные средства, а их должна внести виновная сторона, коей СССР (а теперь Россия) не является. Но договорились, что в случае необходимости Россия предоставит технику для продолжения поиска обломков самолета и останков погибших.

Трудно было смотреть на несчастные лица родственников, у которых оставался единственный путь для получения материальной компенсации — обратиться в суд. Для меня было потрясением, когда они преподнесли мне иконку и благословили на добрые дела. На прощание мы обнялись и немного всплакнули.

В Вашингтоне меня сопровождал и.о. посла Георгий Маркосов, в Нью-Йорке — наш посол Юлий Михайлович Воронцов. Я много о нем слышал, но личные впечатления превзошли все возможные ожидания. За короткое время мы посетили в Нью-Йорке Федеральный резервный банк, ООН, Нью-Йоркскую фондовую биржу, хранилище золотых резервов... И везде нас встречали тепло, с огромным интересом к делам в России, с желанием поддержать нашу страну. Но звали домой и наши дела, приближалось 12 декабря.

Из сообщений СМИ:

«Власти спохватились, что сами дали оппозиции возможность критиковать Конституцию беспрепятственно, и не где-нибудь, а на центральных телеканалах. Кстати, несложно было предвидеть, что критика положений Основного Закона станет основной составляющей предвыборной агитации, так как отношение к проекту Конституции — это отношение к Б. Ельцину и, в свою очередь, к блоку, связанному с этим именем и собирающемуся стать правящим» («Независимая газета»).

Первое впечатление от просмотра газет и информационных выпусков меня ужаснуло. Было такое впечатление, что Конституция проваливается. Пожалуй, слышалось больше нападок, нежели конструктивного анализа. И, как всегда у нас бывает, скудно звучала информация о сути проекта новой Конституции. Особенно нападали на проект Конституции оппозиционные партии, а демократы почему-то ничего не разъясняли. Но ведь были очень явные преимущества нового проекта относительно действовавшей тогда Конституции. И такую работу мы развернули в оставшиеся до референдума дни.

Позвонил М.А.Миронову, начальнику Управления по приему и работе с письмами граждан:

— Михаил Алексеевич, что показывает анализ почты по проекту Конституции? Что пишут люди?

— Много вопросов, много неясностей и непонимания некоторых статей Конституции. В почте последних дней появились жалобы на

агитацию в местных СМИ против отдельных статей и призывы не ходить на референдум. Практически невозможно найти текст проекта. Многие просят организовать читки проекта по радио.

— Хорошо. Так и поступим. Готовьте обращения на радио. Давайте откроем телефонный канал для ответов на вопросы тех, кого интересуют неясные положения. Канал должен быть бесплатным. Специалистов нужно пригласить из ГПУ и Министерства юстиции. Договорились?

— Да.

— И прошу каждый день информировать о ходе этой работы. И еще, начните со своего выступления по радио и в печати — по письмам Президенту России о проекте Конституции.

— Хорошо.

Состоялся разговор и с Черномырдиным.

— Виктор Степанович, очень тревожная информация идет из регионов, особенно из республик, по проекту Конституции. Нормально складывается отношение к ней в Кабардино-Балкарии, в Марий Эл, в Бурятии, в Чувашии, Сложное и неоднозначное — на Алтае, в Башкортостане, в Мордовии и некоторых краях и областях.

— В чем это выражается?

— Одни говорят, что это конституционная революция, другие — что проект противоречит местной Конституции. А сводится все к тому, чтобы не ходить на голосование. Ну вот, например, один из заголовков в газете: «Выборы в России: идти или не идти голосовать?»

— И что ты предлагаешь, Сергей?

— Главный недостаток — отсутствие или дефицит информации. Иногда ее искажают местные власти, иногда очень агрессивно ведут себя националистические силы. Нужно бы направить членов правительства в регионы. Живой разговор лучше всяких писанин и заявлений.

— Хорошо, я дам поручение. А ты своих ребят подключи, чтобы были соответствующие материалы и сопровождение.

— Договорились.

Конечно, большую работу на местах провели представители президента. С их помощью во многих регионах ход совещания с членами правительства транслировался по местному телевидению.

Кроме того, они позаботились о том, чтобы проект Конституции печатался в местных газетах.

Отношение к проекту Конституции со стороны партий и избирательных блоков тоже неоднозначное. Но именно они имели прямой доступ к избирателям и СМИ, поэтому их позиция — определяющая. «Отношение к Конституции» — отдельный раздел в предвыборной платформе партий и избирательных блоков. Многие лидеры не определились в своей позиции и странно лавировали. Приведу примеры.

РДДР — лидеры движения Анатолий Собчак, Гавриил Попов.

Полагают, что, несмотря на многочисленные претензии, вынесенный на референдум проект Конституции нужно принимать, тем более что это основа легитимной власти, не шедевр демократии, но и не та советская Конституция, которую мы имели раньше. Проект может быть одобрен в качестве Основного Закона на переходный период. Саму же Конституцию должно принять специально созданное Федеральное учредительное собрание не позднее марта 1994 года.

«Яблоко» — лидер движения Григорий Явлинский.

Не считает целесообразным вынесение проекта Конституции на референдум одновременно с выборами. Главный вопрос Конституции — федеративное устройство России — совершенно не отработан. Конституция больше создает проблем, чем решает, — слишком много полномочий отходит президенту. Будущую Конституцию должен обсудить и вынести на референдум новый парламент.

Иную точку зрения высказали другие лидеры «Яблока» — Владимир Лукин, Виктор Шейнис, Владимир Лысенко: при всех недостатках, недоработках и перекосах Конституцию все же надо принимать, ибо дальнейшее существование общества в ситуации полного правового вакуума невозможно.

Российский общенародный союз — лидеры Сергей Бабурин, Николай Павлов, Светлана Горячева.

Считают, что референдум следует бойкотировать, так как проект Конституции — это «попытка на уровне конституционного законодательства закрепить итоги государственного переворота, совершенного в октябре, и подвести правовую базу под режим личной власти».

«Выбор России» — лидер движения Егор Гайдар.

Убежден, что Конституция — это порядок и определенность для России, необходимые обществу гораздо больше, чем доведение проекта Конституции до идеального состояния. Главное, данный проект предоставляет возможность проведения как экономических, так и конституционных реформ, избегая при этом противостояния исполнительной и законодательной власти.

ЛДПР — лидер Владимир Жириновский.

Призывает проголосовать за Конституцию как за юридический документ, без которого дальше нельзя двигаться. Старая Конституция умерла. Если нет Основного Закона, то невозможно совершенствовать другое законодательство/

Нужно сказать, что Жириновский много предпринял для того, чтобы в стране появилась новая Конституция. И делал это очень решительно и последовательно.

На каком-то этапе предвыборной кампании Борис Николаевич встретился с лидерами 13 ведущих избирательных блоков и сказал им буквально следующее:

— Мне неприятно, что некоторые из вас стали критиковать проект Конституции. Ваша тема — это ваша программа. Я должен предупредить, что бесплатный телевизионный эфир будет отключаться, если вы отойдете от этой темы. Мы за Конституцию, мы будем бороться. Прошу Конституцию не трогать.

После этой встречи с лидерами предвыборных блоков было заключено джентльменское соглашение, тем более они сами под собой рубили сук: их легитимность в

Госдуме напрямую зависела от новой Конституции. Интересно сформулировал эту мысль Анатолий Слива, выступая в «Новостях»:

— Подобные призывы (не голосовать за Конституцию. — **С.Ф.**), по сути, означают публичный отказ объединения или кандидата баллотироваться в данное Федеральное собрание.

Высказался по проекту Конституции и Олег Румянцев:

— Проведение референдума по Конституции следует считать крайне несвоевременным. Идея новой Конституции входит в противоречие со сложившимися жесткими реалиями. Я решительно против использования Конституции для придания законности силовому

захвату власти и закрепления сложившегося перекоса в соотношении сил.

Конечно, Олегу хотелось сохранить Россию как парламентскую республику. И, наверное, очень хотелось быть на деле «отцом» Конституции. Он действительно сделал многое для ее создания, будучи секретарем Конституционной комиссии, но не захотел понять положения страны в новых условиях и из активного сторонника новой Конституции стал ее активным противником — настаивая, чтобы был принят его вариант. Мы долго говорили с ним на эту тему, прогуливаясь по аллеям Кремля. Но все же пришлось создавать специальную рабочую группу во главе с Н.Т.Рябовым, чтобы максимально совместить два проекта Конституции. По-моему, из варианта Румянцева в новую Конституцию полностью вошло 35 статей.

Считаю, что нам удалось поддержать определенную преемственность в работе над Конституцией. Почти все, кто эту работу реально начинал в 1990 году, закончили ее в 1993 году. Я имею в виду и рабочую группу Конституционной комиссии, и экспертов-государственников, и представителей высших судов — Конституционного, Верховного, Высшего арбитражного, а также представителей субъектов Федерации, ГПУ президента, да и многих других. Каждому из них Борис Николаевич подарил Конституцию с личной благодарственной надписью:

«Сердечно благодарю Вас за активное участие в работе Конституционного совещания, большой личный вклад в подготовку проекта Конституции Российской Федерации.»

Принятие всенародным голосованием 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации стало крупным шагом на пути построения сильного демократического российского государства, ставящего своей главной целью обеспечение благополучия и процветания народа.

Направляю Вам Конституцию Российской Федерации в память об этом историческом для нашей Родины событии.

Желаю крепкого здоровья, личного счастья и больших успехов в работе на благо России».

Мы провели последнее заседание рабочей комиссии 29 октября 1993 года. Общественная палата собиралась еще раз 30 октября, но практически это уже ничего не меняло. Теперь требовалось согласовать ряд положений с руководителями республик, некоторые положения должна была рассмотреть Комиссия конституционного арбитража, а специальная комиссия, образованная распоряжением президента, — провести стилистическое и технико-юридическое редактирование проекта. На все это оставалось 9-10 дней. А я, закрывая последнее заседание рабочей комиссии, обратился к его участникам:

— Мы проделали очень большую работу и закончили ее точно в срок. Это удалось благодаря высокому профессионализму каждого... Мы с вами подвергли поправкам более шестидесяти статей основной части плюс «Переходные положения».

Я хочу искренне поблагодарить вас и пожелать, чтобы наш труд не прошел даром, чтобы он был реализован принятием Конституции. Это самое главное и самое важное.

Фактически отказались от борьбы за новую Конституцию (а некоторые свернули «влево») те, кому путь сквозь экономическую либерализацию показался слишком шокирующим. Они ожидали чего-то более мягкого.

А тут... Цены растут, прокоммунистическое большинство в Верховном Совете твердит, что оно — за народ, а народу новая Конституция не нужна... Вот и родился заманчивый тезис: повременить с новым Основным Законом. Дождаться окончания переходного периода. Обо всем этом мы говорили с Олегом Румянцевым, который придерживался этой позиции и постоянно меня упрекал в радикализме.

Но все успешно действующие ныне Конституции — США, Франции, Испании, Италии, Германии — принимались не просто в переходные, но иногда и попросту в кризисные периоды. Потому что Конституция — это не венец на голову великой нации, блаженствующей в сытости и самодовольстве. **Конституция — инструмент умирения и упорядочения борьбы за власть, стабилизации общественной ситуации** Хороший пример — Конституция 1978 года, принятая в весьма стабильную брежневскую эпоху. Прекрасный документ, но — бездействовавший.

Так что же несла новая Конституция в качестве инструмента общественной стабилизации? И что же за Конституция, которую некоторые критики уже успели заклеить как «диктаторскую» и «временную»?

Начну с того, что почти ни у одной из крупных общероссийских политических сил не вызвали принципиальных возражений два фрагмента проекта — права человека и федеративное устройство. Разумеется, коммунист Зюганов сокрушается по поводу замены «права на труд» правом «на защиту от безработицы». Но уже все понимают, что невыполнимым декларациям, которые были в предыдущих шести Конституциях, не место в Основном Законе. Зато в новой Конституции есть право на забастовки и право на частную собственность, в том числе и на землю, чем реально пользуются люди. Но против частной собственности встали насмерть лидеры Аграрной партии Лапшин, Чернышев, Кулик, поддержанные лидерами компартии. Может быть, одна из причин неудач экономической реформы и состоит в том, что до сих пор у нас нет закона о частной собственности на землю, и аграрники с коммунистами-депутатами постоянно тянут госбюджетные средства «на себя», вместо того чтобы развязать руки крестьянам и отдать им землю.

Главные упреки направлены в адрес устройства федеративной власти. Здесь и по сей день идут споры. В целом конструкция этого раздела очень близка к нынешней французской модели. Но можно ли сказать, что во Франции сейчас диктатура? По Конституции Франции президент может распустить парламент (обе его палаты), причем условия роспуска особо не оговариваются. По нашей же Конституции президент может распустить лишь нижнюю палату, и только в двух строго определенных случаях — при выражении дважды подряд недоверия правительству и при неутверждении трижды представленных кандидатур на пост премьер-министра правительства. Последний случай будет еще долго предметом споров. Хотя я все больше и больше прихожу к печальному выводу, что ни власти, ни общество не умеют пользоваться ни Конституцией, ни законами. Подчас многое зависит у нас от нравов политиков, а не от текста закона. Россия, в этом смысле, особенно не отличается от Франции или США.

Работа над проектом Конституции продолжалась до 7 ноября с участием ведущих филологов и юристов-редакторов. Вместе с редакционными, языковыми правками внесены уточнения в ряд статей, дополняющих и усиливающих их содержание. Особо хочу подчеркнуть, что в Конституции нет ни одного нерусского слова. Это было бы хорошо усвоить и понять нашим депутатам и журналистам, которые до сих пор употребляют неконституционные выражения типа «импичмент», «парламент», «спикер», «сенаторы» и другие, думая, что это придает им большей значимости и важности. На самом деле мы должны сохранять свой язык, оберегать его и совершенствовать, потому что это дает возможность обществу лучше понимать своих политиков.

Во второй половине дня 8 ноября я представил готовый проект Конституции президенту. Войдя в кабинет, с некоторым удивлением увидел там за большим столом Виктора Илюшина и Юрия Батурина. Положил перед Борисом Николаевичем проект, а сам присел рядом:

— Борис Николаевич, проект готов, и его можно отдавать в печать.

Президент молча вытащил из кармана авторучку, откуда-то достал листочек и стал, заглядывая в этот листочек, вносить свои правки в проект Конституции. Тишину нарушал только фотограф. Президент внес 15 различных поправок, и было понятно, что их подготовил Юрий Батурин, а Илюшин, видимо, присутствовал как его непосредственный начальник. Процедура проходила молча, пока Борис Николаевич не дошел до статьи 100, в конце которой почему-то поставил цифру 3 и начал писать: «Совместное заседание...»

Я вмешался:

— Борис Николаевич, мы же договорились, что Дума и Совет Федерации не проводят совместные заседания, иначе мы получим тот же съезд народных депутатов.

Борис Николаевич задержал ручку, затем зачеркнул написанное. Второй раз мне пришлось вмешаться, когда в статье 125 он изменил численность Конституционного суда с 21 до 18.

— Борис Николаевич, этого нельзя делать!

— Почему?

— Потому что, если численность Конституционного суда будет меньше 19, он начнет работать сразу, не дожидаясь выборов. А это значит, что может повториться конфронтация. Численность 21

определяется тем, что в суде будет три палаты, и в каждой — нечетное число судей.

Подумав немного, Борис Николаевич исправил написанную им цифру на 19. Мне вспомнился исторический парадокс с царем Николаем I: прокладывая на карте по линейке безукоризненно прямую линию железной дороги «Москва — Санкт-Петербург», он случайно обвел пером кончик пальца, — в этом месте, как известно, построенная дорога обрела непонятный изгиб. Чем-то напоминала наша сценка ту, из давней истории.

Закончив, президент в конце текста расписался и поставил дату и время: «**8 ноября, 15 ч. 15 мин. 1993 г.**», а в начале, под словом «Проект», написал: «**На референдум 12 декабря 1993 г.**», подчеркнул и ниже добавил: «**Всенародное голосование**».

Проект Конституции был опубликован 10 ноября. Оставался месяц до голосования.

В ночь с 12 на 13 декабря, с подачи М.Полторанина, в Кремлевском дворце журналисты и политики решили торжественно встретить новый политический год. Я был против этой затеи, но препятствовать не стал. Было почему-то тревожное ожидание итогов голосования. Хотя за Конституцию я почему-то был спокоен. По последним ощущениям и информации, ее должны были принять. Так и оказалось. Где-то после полуночи мне пришло сообщение, что за Конституцию проголосовало 53 с небольшим процента. И я направился во Дворец, чтобы порадовать присутствующих первой победой. Там царило на первый взгляд какое-то необъяснимое уныние и смятение. Я глянул на большой экран и все понял: с Дальнего Востока шла победа Жириновского и — поражение Гайдара. Жириновский прохаживался с важным видом и большой свитой между столами, пытаясь любым способом привлечь к себе внимание. Подошел и ко мне:

— Мы приветствуем начальника канцелярии президента.

Я его поправил:

— Плохо, что вы даже не знаете, как устроена Администрация Президента.

— Это не важно. Главное, что мы победили и скоро придем вам на смену. Вы там готовьтесь. Мы всех вас выкинем.

Я отвернулся и пошел к телекамере. Там встретил Владимира Шумейко и сообщил ему первый результат. Он стал меня просить,

чтобы я разрешил ему первому в телекамеру огласить его.

— Конечно, Филиппович, объяви! Это большая для всех радость.

И Владимир Шумейко первым огласил радость принятия новой Конституции.

Утром, когда пришли уточненные данные и Николай Рябов доложил их президенту, Борис Николаевич пригласил меня к себе. Я вошел в кабинет. Он вышел из-за стола, тепло обнял меня, сказал: «Спасибо» — и повел к себе в дальнюю комнату. Там был накрыт стол на двоих.

И мы выпили по рюмочке коньяку за победу, за новую Конституцию.

Все, что изложено в новой Конституции, дает возможность построить демократическое, правовое федеративное и социальное государство. Конституция предопределила многие реформы, которые проводятся в нашем обществе. Но в жизни все оказалось значительно сложнее; Очень важно разобраться в причинах того, почему некоторые конституционные положения остаются на уровне пропагандистских лозунгов.

В области прав человека. Мы, пожалуй, впервые близко подошли к реальной возможности их защиты в России. Эффективно защищает права человека Конституционный суд, хотя многие его решения (например, об отмене прописки гражданина, приватизации в коммунальной квартире без согласия соседей, о сохранении трудовых пенсий для заключенных, о выплатах гражданам, пострадавшим на «Маяке» и Чернобыльской АЭС, и многие другие) пришлось не по нраву некоторым чиновникам.

Но сказать, что все благополучно в области прав человека, пожалуй, нельзя. И ситуация с каждым годом ухудшается. Конечно, основная причина — в экономическом положении страны, в углублении кризиса. И, как следствие, — ограничение прежде всего экономических свобод граждан со стороны государства: непомерные налоги, отсутствие помощи производителям и малому предпринимательству в развитии отечественного производства и бизнеса, создание условий для расцвета коррупции и преступности за счет различных льгот, недоступных кредитов и образования льготных зон. А главная причина — в слабости власти: она не может не только навести порядок в стране

и защитить жизнь своего народа, но и выполнять обязательства Международной конвенции по правам человека, данные ей при вступлении в Совет Европы. Сегодня все граждане России ощущают себя беззащитными, ограбленными и в то же время потенциально виновными в том, что условиями самой жизни втянуты в различные теневые процессы. Вина здесь общая, и беда — общая. Именно на этом поле каждая партия и каждое политическое движение могут пожертвовать своими идейными принципами, чтобы объединиться для решения проблем сообща.

В области укрепления Федерации. Многие субъекты Федерации, особенно республики, все же продолжают путь сепаратизма, сохраняя отличия своих Конституций и Уставов от Конституции Российской Федерации. Остаются нерешенными, а порой запутанными вопросы бюджетных и налоговых отношений. Это подталкивает некоторые субъекты строить свои отношения с центром на конфедеративной основе, что грозит России развалом по типу СССР.

В области развития и укрепления парламентаризма. В стране пока очень мало законов, законодательный орган работает непроизводительно, тратя огромное время на принятие различных постановлений и политических резолюций, которые не имеют никакой юридической силы. А это значит, что Дума за счет налогоплательщиков проводит политические митинги и демонстрации. Вторая проблема состоит в том, что Федеральное собрание часто выходит за рамки Конституции, подавая плохой пример субъектам Федерации и гражданам России. Именно поэтому десятки законов возвращаются либо Советом Федерации, либо президентом. И даже принятые законы порой не соответствуют Конституции или другим ранее принятым законам. Все это мешает созданию единого правового пространства, наведению порядка в стране.

В области судебной. Конституция предопределила многие реформы, которые проводятся в нашем обществе. Она предопределила и развитие судебной системы. Но, к сожалению, мы не приближаемся к концепции реформирования судебной системы, одобренной Верховным Советом РСФСР, а отходим от нее все дальше и дальше. Конечно, причина зачастую в тяжелой экономической ситуации и несовершенстве законодательства судебной системы, но еще и в том, что и сами судьи в значительной части оказались материально

зависимыми от чиновников различных уровней власти. Пока же в стране эффективная и доступная всем судебная система отсутствует.

* * *

И все-таки — не Конституция виновна в наших бедах. Мы ее можем многократно менять, вносить различные поправки, но при этом положение в стране не будет улучшаться. Только работоспособность каждого из нас, только повышение правовой культуры, только ответственность и профессионализм помогут нам направить жизнь в конституционное русло. В этом плане был подготовлен указ президента о введении в школьные программы изучения Конституции Российской Федерации. Молодежь должна войти в жизнь со знанием Конституции.

Все изменения Конституции могут и должны подсказываться жизнью и, естественно, базироваться на переходе общества к более высокому уровню экономики, политики, права, не становясь предметом политических спекуляций.

Наше общество не сможет нормально существовать под страхом возможных изменений Конституции в угоду политическим или идеологическим интересам той или иной партии.

Глава 10. МЕЖДУ «СВЕТЛЫМ ВЧЕРА» И «ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ЗАВТРА»

ВЫБОРЫ-96

Агафья Тихоновна. А сколько их?

Много?

Фекла. Да человек шесть есть.

Агафья Тихоновна (вскрикивает). Ух!

*Фекла. Ну что ж ты, мать моя, так
вспорхнулась? Лучшие выбирать!*

Один не придется, другой придется.

Николай Гоголь

Пожалуй, мало кому дано охватить целиком панораму нашей густо замешенной событиями жизни. Особенно если это время реформ и преобразований. Оценить происходящее в полной мере — с победами и поражениями, ошибками и просчетами, приобретениями и потерями — скорее всего смогут историки, бесстрастно изучив различные материалы. Но одним из самых загадочных, самых, пожалуй, непредсказуемых и драматичных периодов недавнего прошлого были вторые выборы Президента России.

Первые, в 1991 году, были связаны с надеждами на переустройство государства в правовое и демократическое, с рыночной экономикой, с обретением гражданских свобод и усилением исполнительной власти. Шли мы к этим выборам на волне эйфории, еще толком не зная, какими силами и как двигаться к переустройству, не предполагая глубокого раскола и противостояния в обществе, провоцировавших коммунистами и в отдельные периоды граничивших с гражданской войной. Эту позицию четко обозначил лидер КПРФ.

Из сообщений СМИ:

«Задача, по Г.Зюганову, заключается в том, чтобы наша оппозиция политике режима превратилась в противостояние (выделено мной. — С.Ф.) внутри самой власти — в противостояние между ее законодательными и исполнительными структурами» («Российские вести», 24 января 1996 г.).

Вторые выборы, 1996 года, связаны не только с началом преобразований, но и с тяжкими ошибками и просчетами в них, с

провалом многих надежд, с еще большей разобщенностью общества, с усилением коррупции и преступности, с напористыми атаками левой оппозиции на реформы в законодательстве и на самих реформаторов.

Летом 1995 года у нас был обстоятельный разговор с Борисом Николаевичем по поводу его выдвижения на новый срок президентства. Я настойчиво просил его не отказываться от выборов — на горизонте не было иной кандидатуры, способной не только быть избранной, но и продвинуть реформы как можно дальше. Ельцин «выдвигаться» не хотел. Чувствовались не только усталость человека, взвалившего на себя глыбу проблем, но и влияние семьи, и обида за несправедливые оценки его деятельности. «Посмотрим, чем закончатся выборы в Госдуму. Очень жмут коммунисты. А вот в рядах демократов порядка нет», — так закончил президент нашу беседу.

Выборы... Они многое расставили по своим местам и по-новому высветили некоторые политические фигуры. Начинались они трудно для демократов-реформаторов: здесь было все — и апатия, и неверие в победу, и нежелание объединиться, и поиск новых кандидатов в президенты, и даже возможности отмены или переноса выборов. Но активное наступление коммунистов многих отрезвило, привело в чувство, и мало-помалу «процесс пошел». Толчком к нему послужили результаты выборов в Госдуму, закончившихся поражением демократов. Хотя не обошлось и без парадокса: из-за несовершенства закона о выборах произошло автоматическое увеличение вдвое депутатских мандатов у коммунистов. Вина в этом и лидеров малых демократических объединений и партий, амбиции которых не позволили им действовать сообща. Из 43 партий и объединений пятипроцентный барьер преодолели только 4. Положение стало угрожающим — у коммунистов оказалось 44 процента мандатов.

Из экспресс-обзора прессы за 4 января 1996 года:

«...в нашей стране реформаторов народ всегда ненавидел, а значит, Бориса Первого в будущем году не будет. У Бориса Николаевича два пути. Первый: разогнать оппозицию и парламент, компартию запретить, президентские выборы отменить и продолжить реформы, как это делали все те российские деятели, которые чего-то добились в нашей истории... Но самое главное препятствие для силового разрешения нынешнего противоречия между массами, жаждущими снова вернуться в рабство, и

«прогрессивной партией власти» — либерализм самого президента и премьера. Поэтому более вероятен другой вариант: страна-пойдет на выборы» («Куранты»),

Другие же газеты и общественность в поведении президента, в его высказываниях увидели нацеленность на выборы.

Из экспресс-обзора прессы за 4 января 1996 года:

«...Российский Президент уже начал предвыборную кампанию своим новогодним обращением к народу 31 декабря» («Советская Россия»),

31 декабря 1995 года В.В.Илюшин, первый помощник Б.Н.Ельцина, предупредил меня, что президент 3–4 января намерен быть на работе и на 4-е запланирована наша с ним встреча. Я это видел и на экране своего монитора, где был полностью расписан план президента — по дням и по часам.

Как всегда, я подготовился к встрече — обычно набиралось десятки вопросов, которые необходимо было доложить президенту, обсудить их с ним или получить на них его решение. 4 января ровно в 11 часов — президента всегда отличала пунктуальность — раздался сигнал в приемной, дежурный секретарь прошел в кабинет Ельцина и тут же вышел обратно, пригласив меня войти. Поздоровались, поздравили друг друга с Новым годом, и я начал доклад с «Положения об Администрации», которое застряло в своем движении — последний раз из-за возражений помощников президента. Но Борис Николаевич прервал меня:

— Оставьте это, отложите в сторону, может быть, вам это уже не понадобится.

Я насторожился, свернул материалы и, немного волнуясь, посмотрел на Бориса Николаевича.

— Я хотел бы поговорить о дальнейших наших планах. Выборы в Госдуму просрали — там теперь засилие коммунистов... Я не хотел идти на выборы, долго думал, колебался, но ситуация так складывается, что я принял решение баллотироваться в президенты на второй срок,

Я впервые услышал от него скверное ругательное слово — оно неприятно и неожиданно резануло ухо, потому что Борис Николаевич никогда так не выражался и не терпел подобного в своем присутствии.

Он принял тяжелое для себя решение идти на выборы, понимая, какая лежит на нем ответственность за будущее России. Это

подтолкнуло его внутренние ресурсы к действию, заставило настроиться на трудный предвыборный марафон.

— Я хотел бы, чтобы вы сосредоточились на подготовке летних президентских выборов. Руководить штабом будет Сосковец, а вы станете его заместителем. Вам придется работать с общественностью и интеллигенцией.

Согласившись, я лишь спросил, когда нужно приступать к работе. Борис Николаевич ответил, что объявит о своем решении баллотироваться на высший государственный пост 26 января, и вот к этому времени мне следует быть готовым, а пока можно отдохнуть. При этом он заметил, усмехнувшись, что я плохо отдохнул в 1995 году. Что и говорить, память у него крепкая. Я действительно отдыхал в 1995 году как бы под неким психологическим прессом, когда в первый же день пришло известие, что у меня снята охрана.

В конце нашего разговора Борис Николаевич сказал:

— Вы должны знать, что вы остаетесь в команде, что нам вместе предстоит еще многое сделать.

Но все обиды прочь, ибо слишком многое в России поставлено сегодня на карту. Рейтинг президента предельно низок, в обществе накоплен заряд раздражения и недоумения по разным поводам, вообще недоверия к власти. Никто не может понять, почему так обострились проблемы с зарплатами, с пенсиями, с неплатежами и особенно — чеченские проблемы. Но в глубине души у меня было ощущение, что мы на правильном пути, ситуацию еще можно изменить и Ельцин выборы выиграет.

После беседы с президентом решил на две недели отправиться в Железноводск, попить целительной водички. Есть там такой чудесный санаторий «Горный воздух», куда мы с Галей, а иногда и с внучками ездим отдыхать. Президент разрешил отбыть на 13 дней. Я стал искать запланированного преемника — того, кто примет у меня дела, с кем смогу поговорить о документах, о работниках теперь уже как бы и не моего секретариата. Слышал, что на мое место готовится назначение Н.Д.Егорова. Позвонил ему и от неожиданности едва не выронил трубку — на том конце провода была истерика:

— Вы что, Сергей Александрович, мне звоните по такому поводу? Кто вам сказал, что я буду руководителем администрации?! Я об этом

первый раз слышу, мне никто ничего не предлагал, мне моя собственная работа нравится, и я другой не хочу!..

Пришлось извиниться. Позвонил В.В.Илюшину, сказал, что Егоров, похоже, и впрямь ничего не знает о предстоящем своем назначении, но я бы хотел сохранить до возвращения из Железноводска бумаги в кабинете и людей в секретариате.

— Конечно, все это потерпит до вашего приезда, не волнуйтесь. Я думаю, что все нужно сделать по-человечески. Отдыхайте, я прослежу. — На том и повесили трубки.

Утром 10 января мы с женой только успели отправить вещи в аэропорт, как начались сюрпризы. На дачу позвонил заведующий моим секретариатом В.Н.Прямухин:

— Сергей Александрович, просят освободить ваш кабинет.

— Кто именно?

— Помощник Егорова — Румянцев. Похоже, он будет заведующим секретариатом.

— Егоров назначен вместо меня?

— Пока нет, но указ вот-вот подпишут.

— Когда нужно освободить кабинет?

— Просят, чтобы через час.

— Не знаешь, к чему такая спешка?

— Не знаю.

— Надо ли мне вернуться?

— Не надо, мы сейчас все запакуем и отправим к вам.

— Хорошо, если что — звоните.

Едва закончился этот диалог, по телевизору передали два сообщения: одно — о начале военных действий в Чечне, второе — о том, что я уезжаю в отпуск и буду отдыхать в Железноводске. События разворачивались столь неожиданно, что я начал подумывать: а стоит ли уезжать вообще?

Позвонил А.Б.Чубайс, поинтересовался, какое у меня настроение. Я рассказал Анатолию Борисовичу о последних событиях и о своих сомнениях, и он посоветовал мне отъезд отменить. Но я и сам уже принял такое решение.

А официальное назначение Н.Егорова состоялось 16 января. Вопреки моим ожиданиям, ни звонка, ни какого-либо иного сообщения от него не поступило. Правда, мне передали, что на первой же

оперативке он суровым голосом предупредил, чтобы никто не смел говорить что-либо плохое о его предшественнике. Но мне все равно было непонятно: неужели ему не интересна моя точка зрения на происходящее, на будущую структуру Администрации, на кадровые решения? А если неинтересно — стало быть, он подпитан информацией, идущей из других источников, скорее всего от Коржакова. А это, в свою очередь, значит, что отныне Администрация станет коржаковским плацдармом и в ней последуют глобальные кадровые изменения. К сожалению, так при Егорове и вышло.

Во главе кадров сразу же был поставлен полковник Антипов, довольно бездарный, но очень амбициозный человек. Начались кадровые перестановки в правительстве. Вот тогда и произошла наша встреча с Егоровым — вместе с моим бывшим заместителем В.Волковым он приехал ко мне на дачу. Николай Дмитриевич был уже серьезно болен, разговор шел товарищеский, но проблем мы почти не обсуждали. Единственно, он пообещал, что я останусь председателем комиссии по Госпремиям России в области литературы и искусства, но через месяц — даже для него неожиданно — указом президент сменил меня и здесь.

К отставкам в своем окружении президента подталкивали и региональные лидеры.

Из сообщений СМИ:

«Президент Башкирии М.Рахимов не видит альтернативы Б.Ельцину, но вместе с тем считает, что президенту надо менять окружение» (РИА «Новости», 10 февраля 1996 г.).

В разные дни указами президента были освобождены вице-премьер правительства РФ С.Шахрай, министр иностранных дел А.Козырев, министры В.Ефимов, Н.Травкин, С.Беляев. В Кремле президент провел коллегию МИД и представил дипломатам нового главу внешнеполитического ведомства Е.Примакова. А в один из дней программы ТВ сообщили, что состоялась беседа А.Чубайса с В.Черномырдиным, после чего Чубайс подал президенту прошение об отставке, которая была принята.

Отставка Чубайса вызвала острейшую полемику и в обществе, и в печати. Прослеживая вехи его политической карьеры и отмечая при этом плюсы и минусы руководимого им процесса приватизации, все задавались вопросом: что будет далее с реформами, ибо после ухода

Гайдара они в общественном мнении устойчиво связывались с именем Чубайса.

Итак, я остался в Москве с намерением начать подготовку к выборам президента, а 17 января Борис Николаевич сообщил о том, что «организован Общероссийский штаб по выборам Президента России. Его руководителем назначен первый вице-премьер О.Сосковец, а С.Филатов стал заместителем руководителя этого Общероссийского штаба». На вопрос тележурналистов: «Будет ли Президент России сам баллотироваться?» — Ельцин заявил: «Я скажу примерно 12–15 февраля окончательное свое мнение».

С сарказмом отреагировала на сообщение Б.Н.Ельцина газета «Правда»:

«Б.Ельцин усердно сколачивает команду, способную во всеоружии привести его к 16 июня. Без стеснения сформулированы приоритеты для помощников, остающихся на госслужбе: ежедневно 24 часа работать на победу на выборах, а двадцать пятый отдавать отправлению обязанностей в правительстве».

Созвонился с поэтической семьей наших с Галей друзей — Татьяной Кузовлевой и Владимиром Савельевым, первым секретарем Союза писателей Москвы. Этот Союз стал единственным островком демократических писательских сил после развала гигантского имперски-номенклатурного Союза писателей СССР. Но он же, как ни парадоксально, оказался невостребованным новой властью. И помощи от нее не дождался — ютился (и по сей день ютится) в двух крохотных комнатенках, отвоеванных у оппонентов, завладевших после августа-91 всем общеписательским имуществом. Савельев очень остро переживал безразличие властей к интересам и нуждам своих коллег, был полон разных планов, но, как правило, на всех этажах власти натывался в лучшем случае лишь на холодную вежливость. Дело дошло до того, что Ю.М.Лужков отказывался встречаться с представителями Союза писателей Москвы — видимо, под влиянием своего заместителя-коммуниста В.Шанцева, посчитавшего эту организацию излишне радикальной. Мы потеряли Владимира Савельева в августе 1998 года — его сердце не выдержало бесплодной борьбы с чиновничеством.

Тогда, во время телефонного разговора с друзьями о предстоящих выборах президента, я почувствовал тяжелое настроение, и, как оказалось, не только у них: обеспокоенная последними отставками и

назначениями, наша творческая интеллигенция внутренне воспротивилась этим «поворотам» президента.

Но еще за несколько месяцев до этих событий, в ноябре 1995 года, в газетах «Известия» и «Куранты» появилось письмо «Окружение президента теряет интеллигентность», адресованное Б.Н.Ельцину и подписанное Виктором Астафьевым, Артемом Афиногеновым, Борисом Васильевым, Фазилом Искандером, Риммой Казаковой, Анатолием Приставкиным, Львом Разгоном, Юрием Черниченко и другими не менее известными писателями:

«...Не следует забывать, что приход фашизма к власти в Германии «мирным, легитимным путем», — говорилось в письме, — был намного облегчен раздробленностью демократических сил, в среде которых каждый враждовал с каждым, подрывая на корню процесс формирования признанных демократических лидеров. Тем опаснее тенденция «вымыывания» из президентских структур, с ключевых постов в государстве — в интересах бывшей советской и коммунистической номенклатуры — именно тех, кто изначально был верен цивилизованному пути развития России...»

Внутреннее чутье не обмануло творческую интеллигенцию: в самый разгар предвыборной борьбы, в июне 1996 года, вице-премьер правительства О.Н.Сосковец вместе с другими фаворитами был освобожден президентом от должности как человек, препятствующий развитию реформ в России (!), а чуть позже и Н.Д.Егоров как-то почти незаметно вновь оказался на родной ему Кубани...

У демократов был довольно большой разброс мнений: от А.Чубайса («Ельцин нужен как гарант продолжения реформ») и В.Никонова («избрание Ельцина — это меньшее из зол») до Е.Гайдара («выдвижение Ельцина — это лучший подарок коммунистам»). Внутри демократического движения явно происходил раскол.

В знак протеста против войны в Чечне и последних кадровых решений президента вышли из президентского совета С.Ковалев, Е. Гайдар, О.Лацис, С.Алексеев. И тем не менее президентский совет состоялся. Ушедших заменили Ю.Лужков и Н.Сванидзе. Президентский совет рекомендовал Б.Н.Ельцину выставить свою кандидатуру на второй срок. Леонид Смирнягин посоветовал не повторять ошибок НДР и не делать ставку на чиновников, в том числе и на штаб О.Сосковца.

После разговоров с Владимиром Савельевым, Татьяной Кузовлевой, Юрием Черниченко было решено организовать в поддержку президента встречи московской и питерской интеллигенции. Существовали опасения, что обратной связи с президентом не последует.

Но я пообещал обязательно направить ему стенограммы встреч и обратить его внимание на все болевые точки.

Я выступил в «Известиях», изложил свой взгляд на итоги выборов в Госдуму, на последние отставки, на предстоящие выборы президента и попытался ответить на вопрос, почему нужно избирать президентом именно Б.Н.Ельцина. Суть статьи сводилась к тому, что «...с точки зрения гарантии реформ и стабильности в стране целесообразно сохранить президентство за Б.Н.Ельциным. Я пишу это убежденно. Почему?

Во-первых, с трудом, но мы продвигаемся по пути развития законодательства и, хотя бы того или не хотят некоторые политики, но факт остается фактом: именно нынешний президент является инициатором, организатором и гарантом конституционной и правовой реформы в государстве.

Во-вторых, хотя в продвижении реформ и преобразований получается не все, как задумывалось, как хотелось бы, но движение и некоторый прогресс есть, и гарантом здесь также выступает Б.Н.Ельцин.

В-третьих, именно в эти годы мы впервые ощутили свободу — свободу выбора, свободу слова, свободу жизни, если хотите,

Остается надеяться, что мы не совершим роковой ошибки, когда из-за наших сомнений, неумений и разобщенности к власти придет большевизм».

Статья позволила определить стартовую позицию для разговора с коллежой настроенной творческой интеллигенцией вкупе с лидерами политических партий и общественных объединений, встречу с которыми я провел в один из вечеров за общим столом. Помню, только А.Чубайс высказался категорично и твердо за поддержку Б.Н.Ельцина, Е.Гайдар — так же категорично — против, Г.Старовойтова, И.Хакамада, Л.Пономарев, В.Лысенко и другие заняли неопределенную, выжидательную позицию, некоторые были согласны с Е.Гайдаром — искать новую кандидатуру.

Меня часто спрашивают: «Были ли вы правы тогда?», «Как это видится теперь, когда Ельцин переродился?», «Вы себя не чувствуете виноватым?». Сразу скажу, что многим из того, что произошло потом, после выборов, я, конечно, недоволен, недоволен и жизнью, и работой, и поведением Ельцина. Но если сопоставить то, что принесло стране его президентство, и то, что могло произойти с приходом к власти коммунистов, то я твердо остаюсь на своих позициях — другого выбора тогда не было.

С Е.Гайдаром мы продолжили разговор за городом, на даче, где он писал книгу. Мы навестили его вместе с Александром Николаевичем Яковлевым. Мне было непонятно резкое изменение отношения Егора Тимуровича к президенту и хотелось знать его доводы. Но они были общеизвестны: Чечня, кадры и, наверное, резкий отход президента от реформаторов. Гайдар был настолько непримирим и возбужден, что готов был предложить любую кандидатуру — С.Ковалева, С.Юшенкова, А.Яковлева, Б.Немцова, но только не Ельцина. Мы так ничего и не добились в разговоре с ним, а это значит, его партия в движении поддержки Ельцина участвовать не будет. Напоследок я не удержался:

— Все равно вашей партии поддерживать Ельцина придется, если мы не хотим сдать власть коммунистам.

Я провел встречи с творческой интеллигенцией в Москве и в Санкт-Петербурге, как и намечал. Они были трудными, взаимопонимание на них складывалось тяжело. Слишком много накопилось претензий, обид, недоуменных вопросов и разочарований.

Именно на одной из таких встреч в здании мэрии Москвы внезапно скончался включившийся в горячий спор с Г.Сатаровым о Чечне поэт Юрий Левитанский. Помощь местных врачей и прибывшей «скорой» не смогли предотвратить его смерть. Ушел яркий мастер строки, совестливый гражданин России. Он не упускал ни одного случая, чтобы выступить против войны в Чечне.

— Я знаю, что от бомбежек погибло пять тысяч детей. Мы должны искать другие методы выхода из конфликта.

Это его почти последние слова. Помню, как он не хотел в дни чеченской войны принимать награду лауреата Государственной премии России из рук президента. И согласился лишь потому, что представилась возможность сказать открыто Ельцину о своем решительном несогласии с его силовой политикой...

На обеих встречах с беспощадностью говорилось о том, что исчезла связь президента с обществом, не стало должного его — и в целом власти — общения с людьми. Оно — это общение — появлялось ненадолго, лишь в периоды предвыборной кампании или кризисных для президента ситуаций, и то в силу необходимости.

И сам президент на удивление изменил своим правилам: ведь и в Свердловске, и в Москве он охотно выступал перед народом и всегда активно принимал те или иные решения. В последние же годы в основном стал пользоваться рецептами, которые составляли ему приближенные, а также силовики и олигархи. Они сделали свое дело: сузили круг общения президента и попытались подменить общественное мнение, живое общение с людьми своим влиянием.

К сожалению, кое-что им тут удалось, но страдальцей оказалась вся Россия. А президент все больше становился в глазах людей безвольным посмешищем, потому что своими решениями и высказываниями часто попадал впросак — то с «тридцатью восьмью снайперами» в Чечне, то с «присоединением к России Полтавы», а в последующем — то с обещанием защиты молодых реформаторов вплоть до 2000 года, то — в недавние времена — с отставками Черномырдина, Кириенко, Примакова, Степашина...

Между тем в переходное время важно общение власти с людьми. Например, подписал закон или отклонил его — выступи и объясни людям свои действия. Принял то или иное решение Конституционный суд — разъясни, что это народу дает. Люди вправе понимать, что планирует и предпринимает власть, а она должна помнить, что люди — ее союзники в преобразованиях и она призвана заботиться о них, защищать их, особенно в период отсутствия законов, то есть правил, по которым живет общество.

Правда, в нормальном государстве для защиты граждан существует развитая судебная-правовая система — суды, адвокатура, консультации... У нас же эту систему еще предстоит создать, а пока правит всем чиновник, да иногда вмешиваются и бывшие и настоящие сотрудники спецслужб и, вбрасывая публике компромат, пытаются влиять и на власть, и на чиновников. От чиновников, от их желания или нежелания, способностей или неспособностей зависит и соблюдение закона, и его разъяснение народу, и его интерпретация. Это особенно проявилось в вопросе о земле: старая номенклатура сделала все, чтобы

конституционное право крестьянина было заблокировано и земля ему не могла принадлежать. Не случайно именно в сельской местности так резко проявилось отрицательное отношение к федеральной власти и к президенту, не преодолевшим этого чиновничье-номенклатурного сопротивления...

После встреч с творческой интеллигенцией я направил письмо Борису Николаевичу:

«Прошу обратить внимание на следующее:

1. Все выступавшие отмечали недопустимость прихода коммунистического режима к власти.

2. Выражали тревогу и сомнение по поводу возможности положительного результата избрания Б.Н.Ельцина, в связи с чем в выступлениях звучали предложения о целесообразности выдвижения других кандидатур: Черномырдина В.С. и Лужкова Ю.М., что в основном связано с событиями в Чечне и особенно в Первомайском. При этом прозвучали два вывода: необходимость прекращения боевых действий в Чечне и наказание виновных в операции в Первомайском.

3. Во многих выступлениях звучал тезис: «Я буду голосовать за президента, но не хочу, чтобы страной управляли теневые люди и спецслужбы» (имелись в виду Коржаков и Барсуков, фамилии которых зафиксированы в стенограмме. — С.Ф.).

Аналогичными были выступления и на встрече с творческой интеллигенцией в Санкт-Петербурге, в которой я принял участие и выступал 6 февраля 1996 года».

В другой записке я обратил внимание президента и на его шаги, затруднявшие нашу работу.

«Мы теряем много союзников, соратников-демократов, фактически не приобретая новых, теряем из-за непоследовательных и непродуманных действий, совершаемых порой в грубой форме, не подготовив к этим действиям команду. Это прежде всего относится к освобождению ОМ. Попцова и огласке решения по А.Б.Чубайсу, что поставило в затруднительное положение многих редакторов газет и журналов, журналистов, а по А.Б. Чубайсу — предпринимателей, уже сориентировавшихся на поддержку Вашей кандидатуры. Сейчас не время полемизировать о Попцове (хотя именно он в самые трудные дни всегда находился

вместе с Вами, именно он создал талантливый коллектив ВГТРК), но убежден, что форма прощания с такими людьми должна быть иной...»

Неожиданная отставка О.Попцова была названа одной из газет «событием достаточно эпохальным». Я бы сказал, что это событие прискорбное. Созданную им Российскую телерадиокомпанию отличали высокий профессионализм ведущих и яркая подача информации. Если к этому добавить, что О.Попцов сам реформатор, то с его снятием можно было с грустью догадаться, какие грядут изменения на Российском телевидении. Было больно и за форму отставки — о ней президент объявил в Екатеринбурге во время выступления перед рабочими и не произнес ни слова благодарности создателю РТР.

Заработала версия о том, что отставка произошла то ли из-за каких-то финансовых дел, то ли из-за конфликта с некими финансовыми группировками. Однако А.Лысенко, сменивший О.Попцова на посту главы ВГТРК, на вопрос одного из журналистов: «Пострадал ли Олег Попцов от сговора финансовых групп?» — ответил, что так не думает, что «скорее всего бывший глава ВГТРК пострадал от политических интриг, происходивших во властных верхах».

И все же на встречах с творческой интеллигенцией и лидерами партий и общественных движений мы сообщая, шаг за шагом, приходили к тому, что кроме Б.Н.Ельцина другой проходной кандидатуры у демократов нет и что это единственный шанс продолжить преобразования и реформы в стране. В противном случае — победа Зюганова, победа КПРФ, то есть победа всех горестей прошлого над нашим настоящим и будущим.

В многочисленных дискуссиях постепенно выкристаллизовывалось решение организовать общественное движение поддержки Б.Н.Ельцина на выборах президента. Его рейтинг оставался низким, менее 6 процентов, и было件нятно, что нужно разворачивать большую агитационную работу, реализовывать программу общения с избирателями «от дома к дому». Ну а такое возможно лишь при объединении прогрессивных общественно-политических сил.

К этому времени после долгих, настойчивых, но тщетных попыток мне наконец удалось выйти на Сосковца.

Иногда все-таки полезно побывать вне власти и попробовать связаться или решить вопрос с кем-либо из высоких руководителей, с которыми еще недавно работал, общаясь каждодневно. Какие они все-таки разные для нас: одни — когда мы во власти, и совсем другие — когда от нее отдалены! Каюсь, я не верил тем, кто говорил мне об этом, но, как оказалось, Сосковец действительно вел себя с людьми по-барски. Мне, например, удалось наладить с ним контакты только после обращения к президенту.

Так или иначе, но у Сосковца стал собираться некий штаб. Часто там появлялись незнакомые, да и просто случайные люди. Бывал Коржаков, молчавший на заседаниях. Как-то неожиданно появился Кургинян, я даже опешил, когда его увидел, — было известно, что все эти годы он работал на КПРФ, предоставив ей свою базу и аналитические силы. Что он мог делать у нас, я так и не понял, и никто не мог этого объяснить. Заседания проходили вяло, было такое впечатление, что никто не знал, что делать, с чего начинать. Я высказал идею создания комитетов общественной поддержки в регионах во главе с общественными лидерами, понимая, что штабы Сосковца, создаваемые в регионах, опираются лишь на аппараты, а вся пагубность такой конструкции, вся ее омертвелость очевидны. Комитеты общественной поддержки имели ряд преимуществ перед штабами: во-первых, они объединяли рядовых людей; во-вторых, были лишены аппаратного, то бишь чиновничьего, остова; в-третьих, мы могли в таких комитетах начать работу задолго до регистрации кандидата в президенты.

Получилось же все как в старые добрые времена. В газетах на целых полосах стали печатать списки предприятий, коллективы которых поддерживают выдвижение Ельцина в президенты, — сотен, тысяч предприятий. А когда за подписью Сосковца в регионы ушла телеграмма с поручением образовать общественно-политические координационные советы, реакция на нее была быстрой, и мы получили более 80 таких советов, но — во главе их встали административные лица.

Нужно было исправлять положение — и тогда мы договорились с лидерами партий, общественных движений, творческих союзов — В.С.Черномырдиным и В.С.Бабичевым (движение «Наш дом — Россия»), В.Ф.Шумейко (движение «Реформы — новый курс»),

Ю.В.Петровым (движение «Реалисты»), И.П.Рыбкиным (фонд «Согласие»), Е.Ф.Лаховой («Женщины России»), В.В.Лащевским («Российский союз молодежи»), А.Панфиловым («Кедр») и многими другими — и создали Общероссийское движение общественной поддержки президента (ОДОПП). Уже через несколько дней мы получили более 200 заявок на вступление в движение, а в регионах начали образовываться его отделения.

Учредительная конференция ОДОПП состоялась 2 марта, в ее состав вошли более 400 партий, общественных движений, творческих союзов и 62 региональные организации. В работе конференции приняло участие 1115 делегатов. На конференции было принято Обращение к гражданам России, которое призывало политические партии и общественные движения, а также всех избирателей поддержать Б.Н.Ельцина на выборах Президента Российской Федерации.

В предвыборную президентскую кампанию деятели КПРФ и их лидер Г.А.Зюганов вновь предприняли попытки представить коммунизм и советский социализм как свидетельство «особого пути» России, ее «соборности и общинное™», ее «евразийской судьбы», то есть как воплощение «народного патриотизма».

Именно потому они пошли на хитрый шаг — создание народно-патриотического блока, надеясь под его прикрытием провести в президенты страны своего кандидата.

В начале предвыборной кампании важно было не только подчеркнуть приверженность демократическим приоритетам и ценностям, которые нам предстояло защищать вместе с нашим кандидатом в президенты, но и как можно глубже высветить и оценить политическую, экономическую и социальную политику оппозиции как главного оппонента. Этому я посвятил свое выступление на учредительной конференции нашего движения.

Начал с того, что цель проводимого форума — в мобилизации максимальной общественной поддержки Б.Н.Ельцина на июньских выборах. Поддержки политика-реалиста, с деятельностью которого связаны как кардинальные изменения в стране, десятилетиями находившейся в состоянии то гражданской и политической летаргии, то гражданской войны, так и надежды россиян на успех давно выстрадавших ими реформ и, главное, на то, что в прежних масштабах

тоталитарная античеловечность, духовное мракобесие более не повторятся никогда. Поддержки того, кто стал одним из признанных международных лидеров, добившихся уважения нашей страны не на основе исходящей от нее идеологической или, хуже того, ядерной угрозы, а благодаря курсу на цивилизованные ценности, на непереносимое признание прав личности и гражданина. Наконец, поддержки человека, чьи порядочность и политическое мужество были доказаны задолго до его президентства.

Я уверен, что люди, не утратившие совесть и память, всего этого отрицать не будут.

Вспомним некоторые итоги первых пяти лет его президентства.

1991 год, август.

Произошедший тогда как последствие действий ГКЧП и связанный с именем Ельцина антикоммунистический, антитоталитарный переворот по своему значению вышел за национальные, сугубо российские рамки.

Август покончил (и тогда казалось — навсегда) с утопиями многовековой давности о насильственном построении мифических «городов солнца», «государств-коммун» и прочих созданий надуманной, хотя в свое время и притягательной социальной инженерии. Он развенчал программы партий, никогда и никоим образом не считавшихся с мнением большинства граждан при проведении в жизнь своих планов «осчастливливания» страждущего человечества.

1992 год.

Россиянам возвращаются права на частную собственность, на личную инициативу в определении своей судьбы, а значит, на личную, а не государственную ответственность за будущее своих детей и внуков. В течение почти восьмидесяти лет, с октября 1917 года, наши сограждане были лишены и этих святынь прав, и этой святой ответственности.

1993–1994 годы.

Россия обретает новую государственность, обретает реально работающую, а не декларативную Конституцию, обретает дееспособный парламент взамен всегда жаждущих полной власти и контроля, окрикивающих любого и по любому поводу «советов

депутатов трудящихся», а также — Конституционный суд, полномочный оценивать конституционность шагов властей.

В эти годы Россия становится федеративным государством, в котором республиканские, региональные и местные власти обретают полноценные, а не по крупицам отмеренные центром права самоуправления.

1995 год.

Начало экономической стабилизации в России. Положен конец существовавшей с 1916 года эпохе очередей (кстати, общеизвестное название очереди «хвост» идет от фамилии министра внутренних дел России времен Первой мировой войны Хвостова), карточной системы, пустых магазинных полок, доставаний продуктов и товаров «по блату» и т. п.

Есть, разумеется, список и потерь, и провалов.

Тем не менее в преддверии президентских выборов необходимо было — и еще как необходимо! — принять во внимание последние политические события, связанные и с итогами выборов в Государственную думу в декабре 1995 года, и со сложившейся после их проведения ситуацией в стране.

Было очевидным, что единственной партией, способной серьезно противостоять нашему политическому курсу, была все та же неугомонная КПРФ.

Ее программа, принятая в январе 1995 года, — интереснейший документ для понимания целей и идейно-политического облика этой партии.

Лидеры КПРФ в последнее время прилагают немало усилий, чтобы навязать российской и особенно зарубежной общественности представление о демократичности и самой партии, и ее ориентации, о сугубо мирных, ненасильственных способах решения общественных проблем, о своем неприятии политического и экономического монополизма и о готовности поддержать частное предпринимательство. Эти постоянные усилия в конце концов приносят свои плоды.

Даже в некоторых, весьма далеких от коммунистов средствах массовой информации если не вся КПРФ, то, во всяком случае, ее руководящая верхушка стала изображаться тяготеющей то ли к социал-демократическим, то ли к левосоциалистическим тенденциям.

Подчас и некоторые серьезные политологи начали утверждать, что КПРФ является системной партией и приход коммунистов к власти якобы не внесет существенных изменений в общее развитие России.

Вполне понятно стремление коммунистических лидеров создать цивилизованный имидж своей партии: рассчитывая на приход к власти и трезво оценивая сложную экономическую ситуацию в стране, они не хотели бы оказаться отрезанными от иностранных кредитов и инвестиций. С этой целью озвучивается экспортный вариант партийной платформы, существенно отличающийся от внутригосударственного.

В деятельности любой партии важно отличать конъюнктурные тактические маневры от ее подлинных идеологии и политики. Программа КПРФ более адекватно отражает и то и другое, чем усыпляюще-умиротворяющие декларации коммунистических функционеров.

Вновь вместо объективного анализа исторического опыта и современной действительности явственно просматриваются всегда спасительные для коммунистов поиски врага. Вся программа обращена не к тем, кого надо убеждать логикой фактов, а к малообразованной, наименее способной к самостоятельному мышлению части общества, готовой поверить коммунистам на слово

И хотя авторы программы не ограничивают себя в выборе выражений, дело тут не просто в откровенной ругательской тональности определенных частей документа. Из истории хорошо известно, что ненависть и мстительность по отношению к политическим оппонентам и инакомыслящим, присущие партиям тоталитарного типа, перерастают в практику репрессий, едва эти партии оказываются у власти.

В положениях программы коммунистов по проблемам глобального общественного развития и противоречий современного мира вновь воскрешается опровергнутый жизнью тезис о противостоянии социализма и капитализма как о важнейшей черте современной эпохи. И это после сокрушительного краха «социалистического эксперимента» на необъятных просторах Евразии и других континентов, провала всех попыток его реанимирования и модернизации!

Перспектива принципиального спора социализма с капитализмом приобретает вполне конкретный смысл в разделе внешнеполитической концепции КПРФ, где нам обещают борьбу, и только борьбу, — то есть

международную изоляцию страны, раздувание внешней угрозы, что необходимо для укрепления власти коммунистов и подавления внутренней оппозиции.

Что же ожидает Россию в случае ее отказа следовать курсом развитых стран и провозглашения своего, особенного, соборно-патриотического пути?

В разделе «Программа-минимум», видимо, для расширения круга своего электората КПРФ постаралась выпятить тему прав трудящихся (заметьте: не человека, а трудящихся). Здесь и обещания скорейшей стабилизации производства при снижении цен на товары первой необходимости (читай: возврат к карточкам и талонам), и ликвидация безработицы, и создание благоприятных условий для творческого труда, и приведение минимальных зарплат, пенсий, стипендий и пособий в соответствие с прожиточным минимумом, и компенсация за утрату сбережений, и многое другое. Нетрудно представить, какой астрономической инфляции следует ждать в случае практической попытки воплощения в жизнь подобных голословных обещаний!

В то же время Программа провозглашает ведущую роль социалистических форм хозяйствования и господство в экономике общественных форм собственности на средства производства. Ясно, что после таких возвратных трансформаций рынок у нас будет уже просто невозможен.

Однако главная опасность в случае прихода коммунистов к власти располагается в политической плоскости. Партия Зюганова приложила немало сил, чтобы выглядеть на международной арене миролюбивой, законопослушной, склонной к компромиссу, поддерживающей прогрессивные преобразования и гражданский мир. Весь этот временный имидж находится в тесной связи с надеждами КПРФ на легальный — через выборы — приход к вождельной власти.

Но политические идеалы самой КПРФ и ее отношение к недавнему советскому прошлому, просматривающиеся в той же Программе, дают веские основания полагать, что, придя к власти, эта партия не только лишит народ многих его завоеваний в сфере политических прав и свобод, но и постарается отобрать у него главное — самую возможность выбора, являющуюся единственной гарантией продвижения вперед.

Программа нигде не упоминает о сохранении неформального идеологического и политического плюрализма и других атрибутов парламентской демократии. Она, напротив, игнорирует такие жизненно важные цели, как создание правового государства, независимого суда, развитие институтов гражданского общества.

О том, что КПРФ стремится не к свободной состязательности партий, а к милой ее сердцу политической монополии, красноречиво свидетельствует ее оценка советской истории. Поразительно, что сейчас, когда открыты спецхраны и опубликована масса некогда засекреченных документов, восстанавливающих историческую правду, когда крах ленинско-сталинской модели социализма стал очевиден для всех людей с незашоренным восприятием жизни, КПРФ фактически вновь пытается фальсифицировать историю советского общества, воскрешая ее пропагандистско-официальные оценки в духе «Краткого курса истории ВКП(б)».

Знаменательным примером сталинского реставраторства можно считать ностальгический возврат к одному из самых одиозных тезисов времен «большого террора» 30-х годов, о котором я вскользь упоминал чуть выше: «В значительной мере оправдалось, — пишут авторы Программы, — предвидение о том, что по мере созидания социализма сопротивление враждебных ему сил не только не затухает, но и приобретает нередко самые ожесточенные и уродливые формы». Вот и приехали — программный фундамент для обострения классовой борьбы в случае очередного витка «созидания социализма» уже заложен.

В отличие от посткоммунистических партий Балтики и Восточной Европы, эволюционировавших к социал-демократизму, КПРФ, как это следует из ее Программы, заняла, по сути дела, наследственные сталинские позиции. Программа откровенно показывает, что мы имеем дело с чрезвычайно опасной реставрационной силой, все идеалы которой, уповая на будущее, лежат в прошлом. Фактически ставка тут делается на восстановление прежней модели социализма, с ее неизбежным отрицанием рынка, частной собственности, гражданских прав и свобод, с ее упованием на государственное планирование и регулирование хозяйства, на восстановление советского варианта «народовластия»

Тогда, на учредительной конференции, я не случайно так подробно остановился на Программе КПрФ — мне хотелось как можно убедительней показать, что летом 1996 года мы будем выбирать не просто Ельцина или Зюганова, а то, в какой стране жить нам, нашим детям и внукам, какие ценности мы должны защитить. И тут в помощь мне оказались выдержки из Послания Федеральному собранию Президента РФ Б.Н.Ельцина. Они как бы подвели логический итог сказанному:

«История России полна славных успехов и суровых испытаний. Мы отражали нападения и переживали смуты. Из поколения в поколение россияне искали дорогу к счастью и справедливости, сбивались с пути и снова упрямо стремились к лучшей доле.

Мы и сегодня на пути реформ, на пути преобразований.

Мы свободны от идеологического диктата и монополизма в политике. Раскрепощаются экономика, духовная жизнь, инициатива граждан. Как никогда мы открыты миру, избавлены от опасных и изнуряющих противостояний.

Но движение вперед идет трудно, болезненно, противоречиво. Размыты многие ориентиры, велика инерция разрушительной борьбы между собой, не хватает терпения дождаться устойчивых позитивных результатов, и, как следствие, люди зачастую не слышат и не понимают друг друга.

Сегодня мы особенно остро нуждаемся в понимании происходящего, в диалоге, в видении будущего, в вере в будущее.

Ведь будущее есть только у такого общества, которое уважает собственную историю, понимает свое настоящее и видит пути дальнейшего развития...»

Во время работы конференции зал не терял чувства юмора. Когда популярная певица Надежда Бабкина гневно и горячо осудила с трибуны развернувшуюся перед выборами коммунистическую пропаганду и вдруг оговорила: «И пусть они агитируют сколько угодно, а мы все равно — не поддающиеся!...» — не только сидевший в первом ряду Геннадий Хазанов, но и почти все остальные буквально свесились с кресел от хохота. После короткой недоуменной паузы рассмеялась и сама певица, привыкшая выходить победительницей из любых ситуаций.

Замечательный сатирик и пародист Александр Иванов во время нашей совместной поездки в Ярославль созорничал в рифму: «Кто не участвует в ОДОППе, тот может оказаться в ж...» Если без ханжества, то так оно и было! Кстати, Александр Иванов не пропускал ни одной поездки в регионы, везде выступал ярко и, несмотря на состав аудитории, не особенно выбирал выражения по поводу коммунистов и их лидеров. Когда в Смоленске собралась явно коммунистическая аудитория, то после выступления Александра Иванова зал поредел наполовину. Правда, хохоту было мало, но и вслух возмутиться никто не захотел.

В ОДОПП вошли и инициативные группы по сбору подписей за Б.Н.Ельцина.

Из записки Президенту РФ от ОДОПП: «...Инициативные группы продолжают сбор подписей. На сегодняшний день уже собраны в разных группах от двухсот тысяч до миллиона подписей. Сбор проходит сложно, чему мешают в основном три обстоятельства: отсутствие согласия Б.Н.Ельцина баллотироваться кандидатом в президенты; задержки зарплаты на местах; мощная пропаганда, особенно со стороны радикальных демократов, против ныне действующего Президента. Мы договорились, что сбор подписей будет закончен к 20–25 февраля 1996 года...»

Большое количество инициативных групп, действующих в одних и тех же регионах, вносило сложности и сумятицу — никто не знал, какой же группе нужно реально помогать. К сожалению, закон не предусматривал ни предварительного общения с кандидатом в президенты, ни его согласия на образование инициативных групп, а потому в результате бесконтрольного роста — они возникали как грибы после дождя — их число достигло 15. Потребовалась координация.

Вначале мы решили не определять, от кого будут представлены в ЦИК подписи, и все группы в этом плане были поставлены в равное положение. Но наибольшую активность проявили московская инициативная группа М.Авдеевой, инициативные группы общественного движения «Реформы — новый курс», транспортников, энергетиков. В общей сложности было собрано более 8 миллионов подписей в поддержку президента, а предпочтение было по

справедливости отдано группе М.Авдеевой, с учетом того, что эта группа поддерживала Бориса Николаевича еще на выборах 1991 года.

Начало предвыборной кампании складывалось для Б.Ельцина нелегко, в какой-то степени даже драматично. По поводу штаба во главе с О.Сосковцом с некоторой легкостью иронизировали в печати, ибо штаб этот порождал много бумаг и слухов, в том числе и о том, что где-то скрытно якобы работала некая аналитическая группа. Как-то я зашел к В.В.Илюшину, и он мне показал огромный труд, переданный из штаба О.Сосковца, где под медные трубы доказывалось, что все подготовлено к предвыборной кампании и победа Б.Ельцина неизбежна. Не все получалось и с ОДОПП.

Трудно формировалась команда доверенных лиц. Когда же она была сформирована, потребовалось время для согласования с семьей Бориса Николаевича. Здесь мы впервые не нашли общего языка с Татьяной Дьяченко: некоторых известных политиков, преданных Ельцину, преобразованиям и реформам, она попросила убрать из списка. В конце концов после споров они остались в списке, но осадок от недоумения и обиды за своих товарищей у меня сохранился. Как будто мы решали семейные дела Ельциных, а не боролись за Ельцина — главу государства. Доверенных лиц насчитывалось 200 человек: это были люди из регионов и ведущие специалисты из министерств и ведомств, которые использовались как консультанты в предвыборной кампании в команде президента.

Много неясностей оставалось по поводу объявления даты вступления Бориса Николаевича в предвыборную кампанию. Одну дату он уже обозначил в разговоре со мной. Назывались и другие, в том числе и 15 февраля. По этому поводу я написал президенту специальную записку.

Из записки Президенту РФ от ОДОПП:

«...Во-первых, объявленная дата 15.02.96 г. принятия Вами решения о согласии баллотироваться кандидатом в Президенты совпадает с 5-й годовщиной вывода войск из Афганистана, в связи с чем в некоторых городах планируются митинги с требованием вывода войск из Чечни и прекращения военных действий. Поэтому необходимы дополнительные инициативы с учетом данных обстоятельств.

Во-вторых, представляется важным момент регистрации. Ведь кто будет зарегистрирован под номером 1, тот на протяжении большого периода до жеребьевки будет во всех списках, отчетах, исследованиях представлен под номером 1. Такую тактику применили коммунисты при выборах в Госдуму, что оказало сильное психологическое воздействие на избирателя...»

И мучил вопрос: есть ли угроза срыва выборов и откуда она исходит? Сообщения об этом стали появляться задолго до самих выборов и, кажется, были небеспочвенны. Ну вот пример.

Из сообщения Би-би-си 5–8 ноября 1995 года:

«Как сообщила англоязычная «Москоу таймс», заместитель Александра Коржакова посетил на днях московское отделение Центра Карнеги, чтобы обсудить значение переизбрания Ельцина для российско-американских отношений. По мнению одного из американских сотрудников этого Центра, команда, которую собрал вокруг себя президент Ельцин, готова сейчас на все. И первое, что сделают его помощники, если поймут, что Ельцин не сможет участвовать в выборах, — попытаются отменить июньские выборы вообще или же подтасуют результаты. По мнению сотрудника Центра Карнеги, президентская команда сейчас готова на все потому, что если к власти придут Жириновский, Зюганов или Руцкой, то команду Ельцина ждет не просто выдворение из Кремля, а нечто гораздо худшее...»

Таких сообщений было множество. Атмосфера неуверенности в победе на выборах ощутимо присутствовала в окружении Бориса Николаевича. Конечно, кое-кто ни за что не хотел отдавать свою частичку власти и стремился удержать ее любым — пусть даже незаконным — путем. Президенту постоянно внушали: зачем проводить выборы, если они все равно будут проиграны? Никто не простит такой игры в демократию и цены, которую придется за нее заплатить. Самый приближенный к Ельцину человек — генерал Коржаков — выражался более определенно:

— Какие выборы? Мы не для того брали власть, чтобы так просто ее отдать!

К счастью, иначе рассуждал президент. Рассуждал мудро, как и подобает гаранту Конституции: всякая отмена или простой перенос выборов ставят власть вне конституционного пространства, и тогда любая группировка вправе действовать также вне рамок Конституции,

что может спровоцировать беспорядки, перевороты, гражданскую войну.

Причем одно дело — 1993 год, когда президент распустил Верховный Совет и тут же объявил выборы в Госдуму, представив на референдум Конституцию. И совсем другое — 1996 год, когда выход за пределы Конституции явно смахивал на незаконное присвоение власти, что является тяжким преступлением и карается законом.

Однако мысль о возможном переносе или даже отмене выборов пошла гулять по стране, и при многочисленных встречах с избирателями приходилось каждый раз отвечать на связанные с этим непростые вопросы,

Большинство людей, зачастую допуская возможность переноса выборов из-за тяжелого экономического состояния и усилившихся кризисных явлений в стране, все же понимали опасность такого шага. Как предупреждение сторонников «удержания власти любой ценой» газеты постоянно сообщали результаты опросов общественного мнения, которые со всей определенностью показывали устойчивое, возрастающее с каждым месяцем нежелание избирателей переносить выборы.

Тема переноса выборов — уже просто как тема — в очередной раз всплыла после назначения А.И.Лебеда секретарем Совета Безопасности, когда стала реальной возможность контроля за деятельностью службы безопасности президента и ее руководителей Коржакова и Барсукова. И тогда Борис Николаевич поставил ту определяющую, ту безоговорочную точку, которую от него так долго ждали в обществе — он убрал их, а заодно и их «духовного отца» — О.Сосковца.

Особое место в предвыборной кампании предназначалось «Народным домам», которые я к тому времени возглавил. В них создавались общественные приемные и горячие линии телефонной связи с избирателями. Они же стали и финансовыми центрами и центрами распространения агитационной литературы. Уверяю, что это работа не чиновничья, ее способны выполнить люди, обладающие особым характером — сострадательным, терпеливым и человеколюбивым. Таких оказалось много.

Исторически «Народные дома» связаны с дореволюционным периодом, когда они осуществляли неказенные контакты с гражданами

России. Первый «Народный дом» был открыт Ф.Шаяпиным и М.Горьким в Нижнем Новгороде в 1886 году. Думающая Россия уже тогда почувствовала, какой намечается опасный отрыв интеллектуальной части общества от необразованной, какая существует глубокая пропасть между городской и деревенской культурами. И тогда на благотворительные средства стали создаваться десятки тысяч «Народных домов» в виде культурных центров, чайных, спортивных комплексов. Эта форма работы уже тогда зарекомендовала себя как прогрессивная, но была разрушена после революции 1917 года и преобразована в «культполитпроп».

В наши дни «Народные дома» стали возрождаться в городах и поселках, и нашлось много активистов, которые захотели проявить себя в них. К концу предвыборной кампании «Народных домов» по России насчитывалось 400 в 75 регионах. Через оперативные каналы «Народных домов» происходило общение с сотнями тысяч избирателей. «Народные дома» стали центрами реализации всех агитационных идей и аналитических замыслов. Эта структура на деле доказала, что в будущем она может быть использована как механизм взаимопонимания и взаимодействия избирателей и власти, формирования гражданского общества «снизу».

Однако мы чувствовали, что упускаем нечто важное. Отсутствуют концепция предвыборной кампании, план агитационной работы, организация рекламы, возникли сложности и в финансировании. Ощущалось отупляющее состояние застоя и пробуксовки — когда вроде бы что-то делается, но при этом никакого движения вперед нет. Своими тревогами я поделился с В.В.Илюшиным и А.Б.Чубайсом, написал несколько записок Борису Николаевичу.

Как выяснилось впоследствии, наша финансово-промышленная элита в Давосе встречалась с А.Б.Чубайсом и поставила условие, чтобы избирательную кампанию возглавил или, по крайней мере, стал в ней ключевой фигурой именно он, а не О.Н.Сосковец. После встречи представителей этой группы с президентом и состоялось его решение об образовании упомянутого выше совета.

Такому решению тогда мы были рады, и прежде всего — ключевому месту в нем А.Чубайса, зная его организаторские способности. Уже тогда, видимо, многим были обещаны определенные места «наверху» — и через некоторое время все мы получили —

увы! — власть, опутанную олигархическими интересами, далеко не всегда совпадающими с интересами государства. А если учесть, что в руках олигархов начали сосредоточиваться основные СМИ — телевидение, радио, газеты и журналы, финансы и собственность, — то понятно, что олигархи начали претендовать и на управление государством, и, как правило, с учетом своей выгоды. Чубайс понял это, став первым вице-премьером правительства, но было уже поздно — метастазы дали ростки, и государство еще долго будет избавляться от них, ибо, появившись один раз, они так просто из организма не выводятся. Думаю, что это стало трагической ошибкой и президента, и А.Чубайса, и, наверное, тех, кто был посвящен в их планы.

Вот тогда впервые проявился «великий талант» главного олигарха Б.А.Березовского — приватизировать людей, то есть, используя систему акционирования, «покупать» сотрудников СМИ или иных предприятий. И многое ему, к сожалению, удалось. Трагедия заключалась еще и в том, что заморозились процессы создания новых партий, способных разработать идеологию социал-демократического развития общества. На какое-то время управлением страной, действиями президента и других структур власти овладели олигархи, сомкнувшиеся с чиновничеством, и именно этот конгломерат не давал развиваться демократическим институтам.

Нашу тревогу по организации выборов разделяли и другие, потому что последовало решение президента о создании Совета избирательной кампании, куда вошли сам Б.Н.Ельцин, а также В.С.Черномырдин, В.В.Илюшин, О.Н.Сосковец, Н.Д.Егоров, Ю.Ф.Яров, А.Б.Чубайс, И.Е.Малашенко, С.А.Филатов, Т.Б.Дьяченко (дочь президента), М.И.Барсуков и А.В.Коржаков.

Пожалуй, с этого момента и началась настоящая профессиональная предвыборная работа. Хотя внутреннего согласия в Совете не было. Как оппозиция выступали в совете Коржаков, Барсуков, Сосковец. Резкие оценки давал Коржаков работе СМИ. По этому поводу происходили его стычки с Малашенко. В начале президент очень расхваливал работу Н.Егорова:

— Вот, учитесь. Егоров входит во враждебно настроенный зал, но стоит ему сказать несколько слов — и ситуация меняется на 180 градусов. И поддержка президента единодушная, и самого Егорова

выносят на руках с криками «ура». Так же действует и Никита Михалков. Вот так надо работать.

Но через некоторое время Ельцин обрушился на Егорова с такой критикой, что все поняли: с региональной поддержкой тот не справился.

Как-то раз на заседании совета Коржаков сделал выпад и против нас — в конце своего выступления по работе СМИ он вдруг заявил:

— И вообще, я советую Чубайсу, Филатову, Сатарову «слезть» с экранов телевидения. Вы очень раздражаете своим видом избирателей.

Этот выпад оказался настолько неожиданным, что мы даже не успели среагировать на него. Но и остальные промолчали — стало понятно, что ничего отвечать и не надо, это обычная злоба Коржакова, которую он не сумел сдержать.

На совет выносились ключевые вопросы избирательной кампании, а практическая текущая работа ежедневно обсуждалась на оперативных совещаниях, которые проводил В.В.Илюшин. Распределение обязанностей было такое: А.Б.Чубайс возглавил аналитическое направление, а также взялся за создание концепции предвыборной кампании и рассмотрение всех мероприятий и программ на их соответствие этой концепции; И.Е.Малашенко работал со средствами массовой информации и обеспечивал рекламу; Ю.Ф.Яров взвалил на свои плечи огромный груз организационной работы исполкома, региональных штабов, планирование, транспорт и другие дела; у меня были ОДОПП, уже развернувший свою деятельность в регионах, и работа с доверенными лицами кандидата; Татьяна Борисовна Дьяченко осуществляла неформальную связь с кандидатом, на свой вкус оценивала мероприятия, проходившие с участием Бориса Николаевича, и его встречи и вносила коррективы в планируемые. Такая вот команда приступила к работе, и тут же начал ощущаться ее результат.

Один раз после заседания совета у меня состоялся разговор с Татьяной Борисовной, который, по-моему, определил дальнейшие наши отношения:

— Сергей Александрович, когда вы хотите огласить что-то важное, не делайте этого, оставьте это для папы.

Речь, видимо, шла о моей пресс-конференции в гостинице «Славянская», когда один из корреспондентов спросил меня:

— Как вы относитесь к идее Жириновского сделать голосование второго тура в будний день?

— Эта идея не Жириновского, она давно обсуждается у президента. Борис Николаевич понимает, что июль — месяц, когда люди работают на дачах, уезжают за город отдыхать. Тем более что у нас не все праздничные дни номинально используются. Их должно быть 12, а используются только 10. Думаю, что такое решение будет принято. Но последнее слово за президентом.

Все это я пересказал Татьяне Борисовне и спросил, как я мог выйти иначе из этого положения. Не мог же я сказать, что идея Жириновского хорошая и я передам ее Борису Николаевичу. По-моему, Татьяна Борисовна ответом не удовлетворилась, а может быть, и обиделась:

— Я вас предупредила, а там как знаете.

Наше общение на этом прекратилось.

Был еще один любопытный случай на одном из советов. Видимо, накрученный Коржаковым, которому было поручено осуществлять контроль за расходованием средств, Борис Николаевич перед началом заседания обратился к В. Черномырдину с упреком:

— Виктор Степанович, мне сказали, что у нас воруют до 35 процентов избирательных средств. Это правда?

Контроль за финансами осуществлял Коржаков. Виктор Степанович, видимо, сразу смекнул, откуда ветер, и ответил:

— Борис Николаевич, мировая практика показывает, что предвыборных средств воруют до 65 процентов. Поэтому у нас, можно сказать, положение нормальное.

Все рассмеялись. Виктор Степанович умеет снимать напряженность, при этом никогда не лукавит и не уходит от ответов.

Конечно, основную предвыборную нагрузку нес на себе сам Борис Николаевич. В эти дни он весь преобразился, стал энергичен, побоевому активен, удачно совмещал деятельность кандидата с деятельностью президента. У людей вызывали любопытство и даже изумление перемены в повседневной жизни и ежечасной работе Б.Н.Ельцина. Многие на встречах открыто недоумевали, а то и возмущались тем, что при таком запасе активности он практически бездействовал большую часть предшествующего периода.

Да, в 1994–1995 годах президент действительно мало ездил, недостаточно общался с людьми. Тому видятся две причины: неостанавливаемая война в Чечне, а также затянувшееся нежелание президента баллотироваться на второй срок. При всех правовых решениях по Чечне, а это подтвердил и Конституционный суд, президент, думаю, не ожидал такого извращенного их исполнения. Естественно, он глубоко переживал по этому поводу и ожидал, как ему обещали генералы, что вот-вот все, наконец, закончится. Разочарование, как всегда, бывает тяжелым.

И вот 25 марта 1996 года подписи в поддержку кандидата в количестве более 1 миллиона 700 тысяч были представлены в ЦИК, а 4 апреля ЦИК зарегистрировала Б.Н.Ельцина кандидатом в Президенты Российской Федерации на второй срок. На этом закончился первый, тяжело набравший необходимую раскрутку этап предвыборного марафона.

Официальное вступление президента в предвыборную кампанию состоялось на съезде Общероссийского движения общественной поддержки, который прошел 6 апреля в зале московской мэрии. Решение выступить именно на съезде ОДОПП далось трудно — были противники. С.Шахрай считал, что нужно выступить просто перед друзьями и соратниками, Татьяна Дьяченко долго его поддерживала. И все-таки впоследствии все согласилось с вариантом, что выступление должно быть на съезде.

Перед началом съезда Борис Николаевич с неподдельным интересом осмотрел фотовыставку «Россия за 5 лет», дружески пообщался с теснившимися тут же делегатами съезда. На съезде прекрасно выступили Ю.М.Лужков, Н.С.Михалков, Б.Г.Федоров. Блестяще выступил сам президент, Он находился словно в ореоле вдохновения и полной уверенности в себе и в своей победе. И даже когда съезд закончился и все стали скандировать: «Ельцин-Ельцин», Борис Николаевич повернулся ко мне и, как будто подхлестывая зал, тоже повторял: «Ельцин-Ельцин».

Это был очень удачный старт. И те, кто сидел в зале съезда, и те, кто следил за ним по телевидению, увидели прежнего Ельцина — энергичного, волевого бойца, готового честно бороться и честно победить. С этим неослабевающим ощущением наша команда прошла дальнейший предвыборный марафон до конца. И сам Борис

Николаевич вплоть до первого тура голосования не экономил ни физической, ни душевной энергии и не снижал темпов борьбы.

Но съезд понравился не всем. На оперативке при разборе его итогов было сделано много жестких замечаний: отмечены и недостатки, и упущения, и просчеты. Особенно резкую оценку дала Татьяна Дьяченко. Она усмотрела многие мелочи, на которые едва ли кто-нибудь и обратил внимание. Отметила, что неудачно была расставлена охрана, которая загораживала президента от телекамер; упрекала за пустые места в зале, хотя они были единичные, а в проходах поневоле многие стояли; ставила в вину слабые выступления, за исключением выступлений Ю.М.Лужкова и Н.С.Михалкова.

А по поводу охраны президента продолжение разговора состоялось на совете, когда президент вернулся из поездки в Краснодар. Нам были представлены две фотографии: 1991 и 1996 годов, когда кандидат в президенты Б.Н.Ельцин был, так сказать, в массах. На первой — Борис Николаевич в окружении шахтеров, которые, взявшись за руки, прокладывают ему дорогу. На второй — Борис Николаевич в Краснодаре, в плотном кольце охраны и высших должностных лиц: вице-премьеров, министров, руководителей администраций... Всего мы насчитали 15 больших чиновников!

Разговор был и крутым, и дельным — какой умеет вести президент. Он категорически потребовал, чтобы охрана находилась впрямь только позади него и не вставала между ним и народом. «За границей — пожалуйста, а здесь, в нашей стране, от моего народа меня не отгораживайте». А чиновников он и вовсе просил в подобных ситуациях не приближаться к нему ближе чем на километр.

В Англии существует правило, согласно которому никто не может встать между королевой и фото- или телекорреспондентом: люди должны иметь возможность видеть в газетах, журналах и на экранах свою королеву и все знать о ней. Я однажды — при сопровождении королевы в Санкт-Петербурге — случайно оказался так близко к ней, что невольно преградил подступ корреспондентам. И тут же ко мне подошел сопровождающий из протокольной службы и попросил освободить это «неприкасаемое» пространство.

Для повседневной работы с избирателями были образованы более 10 тысяч агитационных групп, в которых насчитывалось более 100 тысяч агитаторов. В штабе ОДОПП действовали аналитическая группа,

пресс-центр, центр по работе с регионами, центр по работе с политическими партиями и движениями, центр по работе с доверенными лицами.

Группу аналитиков возглавлял Вячеслав Никонов, она провела огромную работу, в том числе подготовила множество аналитических материалов на самые злободневные и актуальные темы. Материалы эти тут же отправлялись в регионы для использования их нашим активом и средствами массовой информации. Поработав бок о бок с Вячеславом Алексеевичем, я так и не взял в толк, почему кто-то настойчиво пытался дать ему отрицательную характеристику по прошлой предвыборной кампании. Это талантливый, вдумчивый, хорошо знающий свой предмет специалист. Он возглавляет фонд «Политика», куда протоптали дорогу ведущие политики нашей страны и зарубежья. У него есть и своя профессиональная команда.

Исключительно мощно провели кампанию доверенные лица. 117 человек работали непосредственно каждый в своем регионе, а 83 — из федерального центра — были закреплены за целой группой регионов. Это были профессионалы по отраслевым направлениям, военные специалисты, артисты, музыканты, певцы, писатели и ученые, очень активно выступавшие в поддержку президента. Трудно подсчитать количество поездок, встреч, бесед, споров, которое пришлось на каждого из них. У некоторых такие «мероприятия» исчисляются трехзначными цифрами.

Главными направлениями действий доверенных лиц были прямое общение с избирателями, контакты со средствами массовой информации, агитационная работа. Каждое утро эта информация докладывалась на оперативном штабе — и как следствие немедленно предпринимались шаги по реализации всех дельных предложений. Вначале поток сообщений в основном касался производственных проблем, задержек зарплаты и пенсий. И тут мы судили о действенности мер, принимаемых президентом и правительством. Но постепенно темы сообщений переходили в область практических взаимоотношений с избирателем, и на первое место стали выходить вопросы полемики, наглядной агитации, помощи регионам, дополнительные поездки доверенных лиц и авторитетных политических деятелей.

Девизом ОДОПП, начиная с Учредительной конференции, стал лозунг: «Ельцин — наш Президент». В последующем он стал лозунгом и всей избирательной кампании. К тому времени совершенно отчетливо проявилась агрессивная концепция КПРФ, которая была традиционно ориентирована на отмщение тем, кто «сотворил со страной такое».

Из сообщений СМИ:

«В оставшееся до выборов время нам предстоит стать свидетелями грандиозной битвы коммунистов и демократов. Но если в цивилизованном мире смена президента не грозит обществу сменой строя или режима, то нам придется делать выбор между «светлым вчера» и «демократическим завтра» («Коммерсант-Daily», 15 февраля 1996 г.).

Концепции вечной войны нам нужно было противопоставить концепцию консолидации и согласия в расколотом обществе, созидательного мира и продолжения реформ. Не случайно поэтому основным компонентом агитационной работы стал упор на открытость и правдивость, власти по отношению к прошлому, настоящему и будущему в стране. Сильное воздействие на избирателя оказали и брошюры «Пятьдесят семь вопросов избирателей Президенту России» и «Президент Ельцин: 100 вопросов и ответов», в которых Борис Николаевич откровенно, порой довольно резко, в своей манере отвечает на те вопросы, которые доныне волнуют и будоражат общество, на которых и по сей день зачастую спекулирует оппозиция.

Случались недоразумения, связанные, как правило, с неверным восприятием на местах направляемой из центра информации. Так, ряд рекомендаций, изложенных в «Стратегии избирательной кампании», был кое-кем воспринят как запрет на критику КПРФ и ее кандидата, как пораженческий отказ от наступательной тактики в предвыборной агитации.

Пришлось срочно давать разъяснения, что «Стратегия» исходит из положения, по которому критика должна быть не огульной в отношении коммунистов вообще, к числу которых принадлежит значительная часть наших сограждан, а носить адресный характер. Ее прежде всего следовало нацелить на политические провалы и преступления верхушки КПСС /ВКП(б) в период пребывания у власти, на отсутствие у КПРФ реальной программы, на контрпродуктивную деятельность нынешних коммунистов в Госдуме. Была нами особо

отмечена и позиция КПРФ, ведущая к резкой дестабилизации обстановки внутри страны, к нарастанию экономического хаоса, к обострению международной обстановки.

К моменту проведения Учредительной конференции еще не было дурацкой формулы, придуманной Шахраем словно бы для провала предвыборной концепции, — не вести антикоммунистическую пропаганду. Эту ошибочную установку впоследствии скорректировала сама жизнь. В регионах нас начали обвинять в близорукости, в трусости, в беспринципности — в общем, чуть ли не во всех смертных грехах и предрекали нам полный проигрыш. На конференции после доклада делегаты потребовали размножить его текст и раздать каждому из присутствующих. Так началось наше письменное общение — спасибо Шахраю! — с регионами.

По мере развертывания предвыборной кампании происходил лукавый дрейф Зюганова в сторону рыночной экономики и демократических институтов. Видимо, почувствовав, что со старорежимной программой КПРФ выборы не выиграть, он стал отходить от нее, и уже трудно было понять, чьим кандидатом в президенты является генсек Зюганов. Еще раз наши коммунисты продемонстрировали миру, что ради захвата власти они готовы на все — и на жонглирование лозунгами, и на шантаж общественного мнения реальной возможностью уличных беспорядков, и на любые союзы и компромиссы, сулящие привлечение лишних голосов. А в основе всего, как всегда, были большевистская ложь вообще и обман своего избирателя в частности.

Но перечисленными методами исчерпывался далеко не весь тактический арсенал зюгановской команды. Как только активно заработали наши штабы, ОДОПП, доверенные лица, началось их запугивание, посыпались угрозы по телефону и в письмах. Кое-кому даже пристраивали похоронные венки на входные двери,

Наша команда во главе с Борисом Николаевичем могла противопоставить всей этой разнузданности только правдивую и открытую свою позицию. Людям нравились откровенные беседы о том, что произошло со страной за последние годы, каковы реальные итоги реформ, что удалось в них, а что нет, каковы перспективы намеченных нами направлений. Поначалу такой разговор, как правило, складывался тяжело, подчас на грани скандала и срыва на крик, но затем он

постепенно входил в деловое русло, и уже слышались вопросы: «Почему никто об этом не говорил с нами раньше? Почему никто нам ничего не объяснял? Почему вы спали до сих пор? Почему вы молчали?..»

На наших встречах с избирателями непременно присутствовали и сторонники Зюганова. Вели они себя в зависимости от настроения аудитории — иногда открыто скандалили, иногда что-то выкрикивали из зала и пытались «захлопывать» выступающих, а иногда исподтишка посылали в президиум записки, заранее заготовленные и отпечатанные под копирку. Заканчивались подобные вы ходки для них всегда печально: аудитория вставала на сторону президента, и сторонники Зюганова либо разочарованно покидали зал сразу же, либо выходили притихшими из него вместе со всеми в конце собрания.

Задача, которую мы себе поставили (вести агитацию «от дома к дому» и «от двери к двери»), в начале кампании никак не реализовывалась. Мы уж было подумали, что демократы разучились вести такую важную работу. Но тут сказывались и тяжелая социально-политическая обстановка, и — на ее фоне — откровенно лживая, но напористо-агрессивная пропаганда КПРФ, и криминогенная ситуация — все это породило тяжелую психологическую атмосферу в обществе.

В тот период было попросту небезопасно ходить по квартирам: кого-то не пускали на порог, кому-то угрожали, кое-кого, как рассказывали, и побили. Лишь в конце апреля — в мае обстановка стала резко меняться; благодаря действиям президента и его команды, она день ото дня становилась настолько благоприятной для нас, что Зюганов даже убрал из своих высказываний грозные намеки на уличные и силовые выступления.

Но по-прежнему ему вредило главное — коммунистами не была подведена черта под прошлым, что в перспективе угрожало нашему обществу вечным пребыванием в заколдованном круге конформизма. КПРФ провозглашает себя преемницей КПСС-ВКП(б)? Какие оценки советского периода мы услышим от коммунистов? А такие, что самым худшим временем они считают, оказывается, хрущевскую «оттепель» с осуждением культа личности, и «Сталин — это победа» для них остается по-прежнему основным лозунгом, под которым их предшественники репрессировали практически всю страну, цинично

убеждая нас сегодня, что избавлялись таким образом только от одних уголовников.

Если коммунисты не отказываются от своих убеждений и по сей день, то общественное мнение, по логике вещей, должно совершить свой суд над их позицией, над тем, что произошло в стране в большевистский период.

Для того и надо объединять все демократические силы, чтобы не допустить больше прежнего разгула мракобесия. Конституционный суд должен добиться выполнения своего решения от 30 ноября 1992 года. Люди, ответственные за появление партийных организаций на предприятиях, в учебных заведениях и т. д., должны быть наказаны. Наконец, если призывы компартии к оружию, насилию, разжиганию ненависти и национальной розни будут продолжаться в прежнем духе, то этим должна заниматься прокуратура. Наше издерганное общество заслужило право на спокойную жизнь.

К началу президентской избирательной кампании сложилась ситуация, обратная обстановке массовых демократических акций периода 1989–1991 годов, когда митинги и демонстрации, организуемые для противодействия находящейся у власти КПСС, выводили на улицы по призыву демократов десятки и сотни тысяч людей.

Со временем и КПРФ оценила те возможности влияния на сознание людей, которые оказывают массовые акции, но уже под ее, под агрессивными лозунгами, направленными против правительства и лично президента.

Максимально используя преимущества демократии, оппозиция сумела добиться положения, при котором улицы городов стали принадлежать ей. Ни один значительный для коммунистов день не проходил без митингов и демонстраций в Москве и других крупных городах России. Постепенно стало привычным видеть на экранах телевизоров красные флаги над искаженными злобой лицами коммунистических лидеров.

В такой вот обстановке мы заново осваивали науку завоевания улиц городов, и прежде всего улиц и площадей Москвы.

Приходилось учитывать особенность ситуации, связанной с усталостью общества от затянувшихся реформ, с неудовлетворенностью значительной части населения своим

материальным положением и просто с людской апатией, грозящей наступлением полного безразличия к происходящим в России сложным политическим процессам.

Но по мере приближения к выборам ситуация в стране постепенно менялась, политический климат день ото дня становился все благоприятнее по отношению к президенту. Его рейтинг заметно повысился, затем, по самым разным оценкам социологов, произошло пересечение рейтинга Ельцина с рейтингом Зюганова, а дальше — рост и отрыв от последнего.

Весь ход событий последней недели первого тура избирательной кампании создал ощущение: выборы уже состоялись — осталось только проголосовать. У нас появилась уверенность в победе, хотя расслабляться — и это тоже понимали все — было нельзя. Поэтому кандидаты на пост президента, их команды резко усилили контроль за ходом голосования, а также заострили внимание на подготовке своих действий в новой политической ситуации. Образовавшийся узел взаимного недоверия стянулся на проблемах организации выборов и подсчете голосов. Обменявшись резкими заявлениями по поводу «боевых отрядов КПРФ для корректировки выборов» и «секретного оружия президента», обе стороны в конечном счете объявили о создании двух параллельных систем контроля за ходом выборов на местах.

Наступательное продолжение своей избирательной кампании позволило Б.Ельцину буквально в ее последние дни и часы провести эффективные встречи с избирателями в Татарстане, Новосибирске, Ростове-на-Дону и Новочеркасске, выступить на многолюдной манифестации своих сторонников в Москве с хорошо воспринятой аудиторией речью. Страна получила возможность еще раз убедиться, сколь мощные силы стоят за нынешним Президентом России.

Да и основные темы указов Ельцина, подписанных за период предвыборной кампании, решали самые насущные проблемы, беспокоившие общество, и тем самым выбивали оружие из рук противников.

Некоторые говорили, что Ельцин «крадет» у оппозиции предлагаемую ею политику. Это неправда: оставаясь на тех же самых идеологических позициях, что и раньше, он обратился к реальным проблемам государства, доказывал, что забота о слабых (указы о

нормализации выплаты зарплат и пенсий, о компенсации пострадавшим вкладчикам, реанимирование Закона о ветеранах), попечение о мире, о величии и силе Отечества (указ о переходе к двухтысячному году к профессиональной армии, указ о демобилизации призывников, прослуживших полгода в «горячих точках», меры по восстановлению потенциала и дальнейшему развитию оборонной промышленности), радикальные шаги по прекращению чеченской войны — все это ни в коем случае не прерогатива коммунистов, которые в итоге лишались главных аргументов в предвыборной борьбе, оставаясь лишь с голой идеологией, неспособной эффективно воздействовать на избирателей. Именно в этом заключалась причина резкого роста рейтинга Ельцина, его популярности: перед страной предстал новый человек, ведущий новую политику...

Итоги первого тура показали явное лидерство Бориса Николаевича; они подтвердили существующий раскол в обществе: ведь 46 регионов проголосовало за Ельцина, но при этом 43 — все-таки за Зюганова; они определенно продемонстрировали абсолютную дифференциацию избирателей городов и деревень: Ельцина поддерживали в крупных городах, Зюганова — в сельской местности; Ельцин проиграл в некоторых мусульманских республиках, несмотря на вроде бы благоприятное для него развитие предвыборной кампании и активную поддержку руководителями этих республик.

После первого тура произошло событие, которое многие политики и журналисты охарактеризовали как попытку государственного переворота. Желание ближайшего ельцинского окружения — Коржакова, Барсукова, Сосковца — увести президента от выборов возникло давно, и к этому, казалось, складывались благоприятные условия: низкий рейтинг Бориса Николаевича, плохое состояние здоровья, недостаточная эффективность реформ. Эти трое разрабатывали различные планы, распускали всевозможные слухи, готовили объемные аналитические материалы, дабы психологически подтолкнуть Ельцина и общество к мысли о нецелесообразности выборов. Конечно, им нужен был не Ельцин как таковой, а статус-кво, который он должен был обеспечивать, оставаясь президентом, причем максимально подконтрольным президентом.

Эта тройка понимала, что в союзе с ними Ельцину будет сложнее победить легитимным путем. Поэтому не случайно последовало

предложение Коржакова перенести выборы, неспроста зародилась идея примирить Ельцина с Зюгановым, авторство которой, по слухам, принадлежит руководителю Службы безопасности президента.

Однако Б.Н.Ельцин предпочел закулисным интригам открытую игру. Он проявил и мудрость, и твердость, понимая, что только законность гарантирует ему и собственную власть, и личную безопасность. Он еще раз подтвердил, что был и остается гарантом Конституции и законности отнюдь не формально; настоял на проведении и думских выборов, и выборов президентских.

Но вопрос об отмене выборов вновь возник после удачного для президента первого тура голосования, возник, видимо, подогретый карьерной агонией этой троицы, решившейся на скандал вокруг коробки из-под ксерокса с 500 тысячами долларов США,

Была тревожная ночь с 19 на 20 июня, когда еще по передачам на ТВ и радио невозможно было что-либо понять, но А.Лебедь, только что назначенный секретарем Совета Безопасности, и А.Чубайс уже мчались к президенту, дабы предотвратить самое страшное — срыв выборов президента. Утром, услышав в машине о ночном скандале, я позвонил А.Чубайсу и предложил свою помощь, а если нужно, и участие во встрече с президентом. Анатолий Борисович поблагодарил, сказал, что пока, похоже, этого не требуется. Каким-то упавшим голосом поведал, что ОНИ (то есть Коржаков и Барсуков. — **С.Ф.**) уже там, у президента. Представляю состояние Чубайса, когда они с С.Лисовским появляются у президента после того, как там побывали Коржаков и Барсуков.

Результата этого скандала мы все ждали с волнением и нетерпением. И вот сообщение: Ельцин отправил в отставку вице-премьера Олега Сосковца, главу ФСБ Михаила Барсукова и начальника Службы безопасности Президента Александра Коржакова, которого считали ельцинской тенью. Борис Николаевич подтвердил свою репутацию политика, готового на самые неожиданные и нетрадиционные шаги. С точки зрения его имиджа избавление от людей, которые часто дискредитировали президента, — шаг безусловно эффектный. Как опытный политик, Ельцин не мог не понимать, что они не принесут ему дополнительных голосов во втором туре.

Но после первого тура случилась беда — у президента произошел инфаркт. Он иногда появлялся на людях, участвовал в совещаниях, но по его виду и бледности было видно, что он очень нездоров. В разгар

предвыборной кампании, когда победа уже была в наших руках, как-то не хотелось думать о плохом, верилось, что президент отдохнет и поправится. Но это состояние, как мы знаем теперь, затянулось на два года.

В те дни приехал ко мне Олег Попцов. Мы, как обычно, долго беседовали и обошли все горячие темы последних дней. Обсудили и опасную тогда тему дальнейшей судьбы и деятельности группы Коржакова. На вопрос Олега Максимовича, чем она будет заниматься в ближайшее время, я предположил, что скорее всего пустит в ход компромат, которым обзавелась на всех и вся в окружении президента. Он возразил: Сосковец и Барсуков заниматься этим не будут, а вот Коржаков, пожалуй, поквитается и с президентом. И он оказался прав.

Перед вторым туром работа ОДОПП, его региональных отделений, «Народных домов» и доверенных лиц была сориентирована на районные города и сельскую местность. Полным ходом началась реализация долгожданной программы «Земельная реформа», в основу которой лег — вот уж ко времени так ко времени! — указ президента о земле.

Кроме того, началась кампания по привлечению к совместным действиям избирательного актива Г. Явлинского и А.Лебедея. (В конечном счете с «Яблоком» Явлинского так ни до чего и не удалось договориться, а с властолюбивым Лебедем — лишь на определенном этапе и, как известно, лишь на небольшой срок.) Команды Лебедея во всех регионах вошли во взаимодействие с нашими штабами, а интеллигентные активисты Явлинского — везде, кроме четырех регионов, где местные демократы сами отказались от взаимодействия с ними.

Большое внимание на последнем этапе мы уделили формированию групп актива на день выборов, задачей которых было — не допустить возможности фальсифицировать итоги голосования. Усилили мы контроль и за общественно-политической обстановкой вокруг избирательных участков.

Начиная с утра предвыборного дня штаб ОДОПП установил круглосуточное дежурство в центре и связь с регионами. Доверенные лица, руководители ОДОПП, лидеры партий и общественных организаций, журналисты, активисты не отходили от телефонов и факсов. В дни выборов — первого тура 16 июня и второго тура 3 июля

— работал пресс-центр ОДОПП, при котором было аккредитовано более 1000 иностранных и 700 российских журналистов. На пресс-конференциях, проводившихся практически ежечасно, выступали руководители штаба, аналитики, политологи, социологи, регулярно выпускались пресс-релизы. Вся информация, которая поступала из регионов о нарушениях и ходе голосования, передавалась в пресс-центр. За 15–16 июня (первый тур) и 2–3 июля (второй тур) в штаб ОДОПП из регионов поступило более 500 информационных сообщений о ходе подготовки к голосованию и ходе самого голосования.

И вот 3 июля 1996 года, в час ночи, на пресс-конференции в помещении ИТАР-ТАСС я почувствовал по настроению журналистов, что победа Б.Н.Ельцина пришла. Это подтверждалось и моими несложными расчетами. В пресс-центре было многолюдно и шумно всю ночь. Журналисты брали интервью у каждого нового посетителя. Нас же теперь интересовал вопрос о составе нового правительства, о судьбе ОДОППа, «Народных домов», незаконченных реформ, о будущем всей многострадальной России. Но главное, как мне кажется, чего достигли эти выборы, так это того, что общество ушло от гражданской войны и выразило поддержку президенту, доверив ему дальнейшее управление государством и продолжение реформ, так необходимых стране. А затем последовали и официальные результаты.

Из Постановления ЦИК РФ:

«...Число избирателей, внесенных в список, 108 600 730.

Число принявших участие в голосовании, 74 706 645.

Число голосов, поданных за Ельцина Б.Н., 40 208 384.

Число голосов, поданных за Зюганова Г.А., 30 113 306.

**Центральная избирательная комиссия постановляет:
Признать выборы Президента Российской Федерации 3 июля 1996 года действительными.**

Считать избранным на должность Президента Российской Федерации на второй срок Ельцина Бориса Николаевича».

(По-моему, за «второй срок» поплатился своим местом Н.Т.Рябов. Не понравилось некоторым близким президента, когда Николай Тимофеевич подчеркнул это особо при вручении удостоверения Борису Николаевичу в ЦИК.)

Затем были встречи президента со штабом, встречи с доверенными лицами. Были фотографии на память. Была инаугурация Бориса

Николаевича. Предстояло пережить еще два тяжелых года борьбы за его здоровье, за сохранение реформ и преобразований. Но Борис Николаевич еще раз доказал, что человек он сильный.

Из сообщений СМИ:

«Во все переломные моменты последнего десятилетия меня поражал человеческий талант Бориса Ельцина», — эта вынесенная в заголовок цитата — суть содержания интервью режиссера театра «Ленком» М.Захарова газете «Российские вести». В нем известный режиссер и член Президентского совета рассказывает о своих встречах с Президентом России, неоднократно убеждавших его в человеческой и политической незаурядности главы государства».

Прошли, отодвигаясь все дальше в историю, вторые выборы Президента России, на которых убедительно победил Борис Николаевич Ельцин. Его команда ликует, но на душе пасмурно и тревожно: многое еще предстоит сделать, а трудностей впереди видится немало, да и в нескольких шагах позади тоже не все просто. Ошеломили кадровые перестановки. И мучает вопрос: неужели президента всегда нужно вот так встряхивать, чтобы принимались очевидные для всех решения?

Что же все-таки показали выборы президента, чему они должны были и смогли всех нас научить?

Во-первых, выборы выявили огромную заинтересованность в них людей и понимание каждым из нас того, что нужно решение принимать самостоятельно, потому что выбираем не просто президента, а будущее России. И уже в первом туре стало ясно, что народ за реформу и новое демократическое развитие государства, ибо против Зюганова и его программы проголосовало в первом туре более 80 процентов избирателей.

Во-вторых, определилось очень неоднозначное отношение к президенту — многие избиратели пребывали в лихорадочном поиске другого кандидата — не Зюганова, но и не Ельцина. Причины этого лежали на поверхности: трудности реформ, разгул преступности, непоследовательность, порой непредсказуемость действий президента, а порой и его бездействие, особенно в последние годы, иногда полное расхождение его слов с его же делами, приводящее к устойчивому убеждению, что власть слаба и поэтому правит всем, может быть, вовсе и не Ельцин. Такой взгляд высказывала интеллигенция.

В-третьих, результаты голосования показали, что наше и без того большое общество в опасной пропорции расколото: в первом туре соотношение регионов, проголосовавших за Ельцина и Зюганова, — 46:43. Конечно, требуется более глубокий анализ причин такого волеизъявления, простые и поспешные заключения здесь неуместны.

Некоторые пытаются объяснить такие результаты тем, что против Б.Н.Ельцина проголосовали регионы, в которых уже состоялись выборы губернаторов, и, следовательно, виновны те, кто эти выборы инициировал.

В том, что такое объяснение абсурдно, легко убедиться, если посмотреть внимательно на итоговую таблицу голосования. Из 13 глав республик и администраций, которые баллотировались в декабре 1995 года, избрали 10 действующих. Этим народ подтвердил безошибочность их назначения в свое время президентом.

Вокруг вопроса о выборах губернаторов развернулась скрытая, но неутихающая война: одна точка зрения сражающихся (ее, в частности, придерживался А.И.Казаков, работавший тогда начальником регионального управления) заключалась в том, чтобы держать жесткую вертикаль власти и ни в коем случае не проводить выборы губернаторов хотя бы до выборов Госдумы. Казакова почему-то особенно не устраивало такое положение, что в какой-то период перед губернаторами должен стоять на трибуне, как школьник, премьер правительства, тогда как должно быть наоборот — именно премьеру полагается держать губернаторов в подотчетном состоянии.

Другая точка зрения (ее разделяли некоторые здравомыслящие губернаторы, и я их, как мог, поддерживал) состояла в том, что в тех регионах, где готова законодательная база, где отсутствовала конфронтация между администрацией и законодателями, более или менее благоприятна социально-экономическая ситуация, где налицо поддержка избирателей, где сформированы местные элиты в виде как финансово-промышленных групп, так и научной и творческой интеллигенции, — там выборы необходимо проводить до избрания Госдумы.

Чем была продиктована вторая позиция? В одном из разговоров с Борисом Николаевичем я объяснил ее тем, что в регионах, особенно в дотационных (а их, как известно, в России на тот период было 89 минус 12, то есть 77), начали складываться элитные группы, проявлявшие

интерес к будущему развитию региона. Они хотели работать с энергичной, надежной местной властью, которой к тому же доверяет центр. Доверие же центра они рассматривали как его разрешение, его «добро» на проведение выборов главы администрации.

Если брать проблему в целом — на перспективу развития регионов как самостоятельных, прибыльных и сильных территорий, — то, безусловно, нужно идти и на выборы губернаторов, и на расширение их прав уже сегодня.

В-четвертых, и это, может быть, самое главное, — люди жаждут ясности в вопросах социального обеспечения. Мало кто понимает, что мы пока еще проходим не стадию реформ, а стадию глубокого экономического кризиса. Именно поэтому у нас нет возможности упорядочить, а точнее создать стройную систему социальных гарантий. Но коммунистам удалось, благодаря бездействию самой власти, внедрить в сознание миллионов избирателей мысль о том, что эта система в стране якобы существовала, да вот теперь полностью разрушена, и в развивающемся, дескать, диком рынке нет места социальным гарантиям.

Вообще поражает та жестокость, с которой лидеры КПРФ создали свою концепцию предвыборной кампании. Разработали они ее классически, с учетом особенностей нашей истории и нашего все еще не пришедшего в себя народа, воспитанного на образах врага и ставшей уже привычной внутренней розни. Концепция КПРФ такова: к власти пришли антинародные силы, ставленники империализма, которые разрушили страну, довели людей до нищенского существования, поставив их на грань уничтожения, — и если вы, избиратели, вернете власть народу, то мы, коммунисты, быстро наведем прежний порядок в стране и вновь сделаем ее богатой и могущественной. Очень знакомая песня, но, увы, и очень опасная! Именно эта концепция заставила одних избирателей объединиться вокруг КПРФ, но эта же концепция и просматриваемая за ней возможность возврата к старому режиму заставили объединиться других — всех думающих людей, всю подлинную интеллигенцию — для защиты демократии и свободы.

Глава 11. ЕЛЬЦИН

*Я сам дознаюсь, доищуся
До всех моих просчетов,
Я их припомню наизусть —
Не по готовым счетам.
Мне проку нет — я сам большой —
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.*

Александр Твардовский

Часто, беседуя с Александром Николаевичем Яковлевым о насущных проблемах, мы обращаемся к фигуре Ельцина. Однажды у нас состоялся такой разговор:

— Я вот припоминаю его здесь, в политбюро, — неторопливо начал Александр Николаевич. — Он ведь никогда не был яркой личностью, правда, надо отдать ему должное, в Москве ему удалось кое-что сделать. А так, в большинстве случаев, его трудно было понять. Он ведь ортодокс. И еще. Очень заметно, что он энергичен, когда — первый, но если не первый — моментально скисает.

— Надо еще суметь стать первым, — возразил я. — Почему-то именно на нем остановила свой выбор судьба, именно его так мощно, как никого в то время, поддержал народ, сначала в Свердловске, а затем и в Москве, избрав народным депутатом. Я часто думаю о нем как о феномене, и у меня не все вмещается в мозаику его портрета. Кажется, вот, все рядом, на виду, весь он, как на блюдечке, присмотришься — ан нет, все не так просто, многое видится в нем загадочным, кое-что — словно на замке. Да и сам портрет можно написать и как сугубо положительный, и как весьма отрицательный. И, видимо, не случайно, хотим мы того или не хотим, граница раскола общества проходит через наше отношение к Ельцину. В отрицательном портрете преуспела оппозиция. В портрете больного — СМИ. Демократы его рассматривают как гаранта реформ и преобразований. Коммунисты — как разрушителя. Личность эта объемная и очень противоречивая. Как-

то ехал в транспорте, разговорился со мной один рабочий. «Я, — говорит, — за Ельцина голосовал оба раза, мы от него многого ждали, поддерживали его. А что он сделал? Сейчас он стал главным мафиози в стране». Вот как меняются оценки людей. Почему? То ли не хотят ничего анализировать или действует пропаганда оппозиции, то ли смотрят и оценивают по-своему, по-простому. Ведь такая перемена отношения к нему в стране повторялась несколько раз. Особенно сильно она проявилась в год последних президентских выборов. Сложная натура...

— Да, это верно, — задумчиво подтвердил Яковлев.

— Мне хочется понять его объективно, разобраться в нем, начав с его человеческих качеств, с того, что лежит вроде на поверхности. Тогда яснее вырисовывается портрет политический, деловой... Мне кажется, Ельцин внутренне очень одинок, но при этом никого не подпускает к себе близко, что называется, держит дистанцию, как будто боится кому-то приоткрыть уголок его личной, потаенной жизни или что кто-то прочитает его сокровенные мысли. Наверное, поэтому он и старается говорить только о делах, при этом исподволь проверяя реакцию собеседника на задуманное им или на свои высказывания. Но решение вслед за этим может последовать самое неожиданное, хотя я часто ловил себя на мысли, что в том или ином принятом им решении присутствуют, скажем, отголоски нашего разговора. У вас нет такого чувства?

— Пожалуй. Но он скорее представляется мне человеком абсолютно непредсказуемых поступков и действий.

— Да, это так. Но в основе их обычно лежит забота не о деле, а об укреплении своей власти, подтверждение собственного образа властелина. Вы заметили, что когда им предпринимаются неожиданные, особенно неудачные шаги, в обществе начинают ругать не его, а некое его окружение, причем обычно безымянное. Скорее же всего такие решения и действия исходят от него самого. Он действительно, как правило, человек непредсказуемых действий и выводов. Однако коренные решения чаще всего заранее обдумывает, как это было с введением института президентства, с Указом № 1400, с Чечней, с отставкой Черномырдина. Он, по-моему, редко прогнозирует последствия своих начинаний, более полагаясь на собственную интуицию и на людей, которые могут и должны реализовать заявленное

им. На разных этапах таковыми были: Хасбулатов и Бурбулис — при введении должности президента в России, Руцкой — при введении осенью 1991 года чрезвычайного положения в Грозном, Коржаков — при реализации Указа № 1400, Грачев и Ерин — в Чечне в 1994 году, а если все идет из рук вон плохо — появляется Шахрай или кто-то другой, и начинается импровизация. Такое впечатление, что именно в такой «плохой» период наступает эпоха и стихия Ельцина — он становится энергичен, безжалостен, решителен. Здесь хорошо просматривается желание выйти за рамки закона, так как закон его сдерживает, повязывает в действиях, а ему хочется развернуться по-пугачевски, с петровской широтой.

— Это ты хорошо подметил, я, пожалуй, возьму на заметку.

— По-моему, также он очень боится и не любит пристальных соvestливых глаз, особенно если что-то в них читается о нем. Держится от таких людей подальше. Но, увы, любит лесть, любит, когда подхваливают, в таких случаях раскрывается больше, становится почти откровенным.

— Но зато жестоко и без жалости сдает друзей и расстается с соратниками, почти никогда потом о них не вспоминая.

— Да, это у него есть. Наверное, обидчив, злопамятен, но публично этого не показывает. Мне не однажды случалось это ощущать на себе. Тут, впрочем, иногда бывают и срывы, как в случае с Ю.М.Лужковым, когда президент не смог утаить свое недовольство по поводу намерения Юрия Михайловича выдвигаться в 2000 году на пост Президента России. Или такой пример. Однажды в поездке в Германию я встретился с писателем Владимиром Карповым. Он только что закончил книгу о Жукове, которую подарил мне и президенту. Мы поговорили о житье-бытье. Мне была эта встреча очень приятна, так как я много слышал о Карпове, в том числе и от отца, хорошего. Читал его книги о генерале Петрове и о маршале Жукове. Владимир Михайлович обратился ко мне с просьбой — походатайствовать перед президентом о Звезде Героя России. Ему, как он утверждал, по всем канонам войны положено иметь две Звезды (по его словам, он взял в плен более 76 «языков», а за каждые 36 давали Героя). Но что-то случилось в наградной бюрократии, его оклеветали, и вторую Звезду он тогда не получил. Как раз к 50-летию Победы, считал Карпов, это было бы к месту. Вот с этим я и пришел к президенту. Он поморщился и

отказал. Я понял, что президент таит на него какую-то обиду или что-то знает, неведомое мне.

— Да, пожалуй, это логично.

— И еще. В личном разговоре корректен, тон разговора мягкий, даже вяловатый, никогда не ругается матерными словами, а по телевидению и радио, на публике — совсем другой: напористый, твердый, порой грубоватый. Этот образ поддерживает и его окружение. Идея такова: «Ельцин такой был, такого любил народ».

— Все это верно, но чего-то все-таки не хватает в твоей штриховой зарисовке, нет какой-то малой изюминки, вокруг которой этот образ лепился бы полностью.

— Да? А может быть, мы знали не одного Ельцина, а нескольких? Может быть, он от природы мимикричен, потому и разный на разных этапах жизни?

Впервые я обратил внимание на Ельцина, когда он еще работал в Свердловском обкоме КПСС. На телевидении тогда открыли новую программу — встречи телезрителей с первыми лицами регионов. По тем временам это было что-то новое, прогрессивное, и с Ельцина начиналась серия таких передач. Видно было, что на экране — партийный функционер, но вместе с тем многим импонировали его подкупающая открытость, энергия, хорошее знание предмета, о котором он свободно говорил.

Но потом, на волне перестройки, Борис Николаевич стремительно оказался в Москве, в кресле секретаря горкома партии и кандидата в члены политбюро ЦК КПСС. Он быстро обратил на себя внимание москвичей (это было немудрено после В.Гришина, которого Москва не любила да и не знала, а если помнила, то по обилию помпезных торжеств), постоянно, как и вся страна, испытывавших неудобства от обвального дефицита товаров, неустроенности жизни, транспортных проблем. Сначала Ельцин отвлекал москвичей от трудностей перестройки, устраивая для них пышные ярмарки, праздники города, гулял «инкогнито» по магазинам и ездил в обычном троллейбусе, чтобы «знакомиться с жизнью и бытом простых трудящихся». Кроме того, москвичей прельщали его мобильность, желание вникнуть во все детали московской жизни и найти разрешение многих проблем столицы.

Добавим к этому фундаментальную хватку в кадровой политике: чисто по-партийному, имея неограниченные полномочия от ЦК, он обратил свое внимание на директоров крупных предприятий и институтов (кстати, и директор нашего НИИ, только-только начавший овладевать искусством управления в науке, был тогда же переброшен в секретари райкома, а затем и в секретари МГК КПСС); приплюсуем резкую критику существующих порядков, точнее, беспорядков; активное привлечение союзных республик на рынки Москвы и, конечно же, многочасовые встречи с активом.

Очень действенно ему помогала в работе газета «Московская правда», редактором которой в то время был Михаил Никифорович Полторанин — талантливый журналист, неугомонный, смелый и в чем-то авантюрный организатор. Этих двух могучих людей объединяло много общего. Не случайно Полторанин стал одним из влиятельнейших лиц и в последующей деятельности Бориса Николаевича.

И вот 1987 год — сенсационное выступление Ельцина на политбюро, где он обвинил генсека Горбачева, по сути, перетащившего его в Москву, в торможении перестройки. Поскольку Ельцин задел и Раису Максимовну, пути к компромиссу с Горбачевым у него не оставалось: по советской традиции Ельцина «разобрали на горкоме», предварительно доведя до сердечного недуга, и отправили на должность министра в Госкомитет по строительству и архитектуре.

Начало гонения на Ельцина и попытки разделаться с ним старыми советскими методами — отодвинуть в небытие — породили другого, второго, Ельцина. Именно в это время многим стало очевидным, что общество уже не то, оно меняется, прозревает и с ним трудно играть в большевистские прятки. Вот потому-то все связанное с Ельциным — борцом-одиночкой за справедливость в душных кабинетах ЦК КПСС — вдруг стало остро интересоваться и москвичей, и свердловчан, и других сограждан. Борис Николаевич начал часто выступать на митингах в Лужниках. Его главным коньком стала борьба с привилегиями. Но о серьезных преобразованиях он заговорил позднее, уже будучи в Верховном Совете РСФСР. Тексты его выступлений распространялись чуть ли не подпольно, и, может быть, благодаря и Ельцину в том числе, начала приоткрываться завеса над тайнами пленумов ЦК и политбюро, гласность начала просачиваться на страницы газет...

Вступала в свои права новая эпоха, когда массы почувствовали свою силу и порой с горячностью пытались ее реализовать, как правило, в плане противодействия власти. Это особенно сильно проявилось на выборах народных депутатов — сначала Союза, а затем и РСФСР. Может быть, именно поэтому среди тех и других было не очень густо профессиональных законодателей, но преобладали политические деятели, техническая, научная и творческая интеллигенция, общественники — все те, кого люди охотно слушали, поддерживали, кому верили. Но законы делать они не умели. Все законопроекты готовились в кабинетах ЦК КПСС. Уже тогда москвичи и свердловчане связали выбор нового пути России с Борисом Николаевичем.

Будучи народным депутатом и членом Верховного Совета СССР, Ельцин объединился с интеллектуалами из Межрегиональной депутатской группы, куда входили такие яркие фигуры, как А.Д.Сахаров, Ю.Н.Афанасьев, Г.Х.Попов, С.Б.Станкевич, А.А.Собчак, Ю.Д.Черниченко, Г.В.Старовойтова и многие другие. И хотя Ельцин был ими принят не сразу, но с этого времени начался третий Ельцин — тот, каким он вошел в историю, — яростный антикоммунист, реформист, борец за демократию. Кульминацией этого периода его жизни были избрание его российскими депутатами Председателем Верховного Совета РСФСР, избрание народом — первым Президентом России.

Подавление мятежа ГКЧП в августе 1991 года, подписание Беловежского соглашения, создание СНГ после развала Союза и начало реформ зимой 1992 года — весь этот период прошел для него в жесткой борьбе с ЦК КПСС, союзным руководством и парламентом, а с первых дней экономической реформы в России началось его противостояние с Верховным Советом РСФСР, которое возглавил Р.Хасбулатов. Из союзников реформ часть законодателей превратилась в их противников. Они добились смены Е.Гайдара на посту премьер-министра и повели дело к ограничению полномочий президента и к его импичменту.

Конечно, многому мешало состояние здоровья президента и его загадочный недуг, о котором очень много говорили и писали. Этот недуг старательно скрывался, и мы все, кто находился рядом с Ельциным, могли судить об этом, следя за СМИ и выступлениями лидеров оппозиции. Меня не раз тянуло поговорить об этом с

президентом, но мешало отсутствие прямых поводов. Мешали слишком частые и неожиданные его отсутствия, незапланированные отъезды или внезапные изменения планов.

Иногда мы попадали и в неприятные ситуации. В Третьяковской галерее собралось много народу на открытие выставки документов военных лет — с нее начинались официальные мероприятия к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ждем президента И вдруг приходит сообщение, что президента не будет. Все в растерянности — ведь он должен был открыть выставку и ответить на вопросы журналистов. Мероприятие в зале отменили, а с корреспондентами пришлось встречаться мне — об этом попросил и наш главный протоколист Владимир Шевченко. Конечно, их уже не интересовала выставка — все вопросы были посвящены причинам отсутствия Ельцина.

Один раз я случайно оказался свидетелем, как два самых главных его охранника, расставив на столе несколько бутылок с коньяком, проводили дегустацию. Дегустатором был президент, а они наливали ему и аккуратно записывали оценки. Я тогда подумал, что нечто подобное, наверное, практикуется ими, когда нужно склонить президента к определенному решению. В тот раз это было распределение квартир в президентском доме. Перед выборами 1996 года Борис Николаевич в книге «Пятьдесят семь вопросов избирателей Президенту» так ответил на вопрос, правда ли, что он злоупотребляет алкоголем:

— Скажу «да» — это будет неправдой. Скажу просто «нет» — тоже покажется неубедительным, у нас ведь, пока сами не проверят, все сомневаться будут да еще скажут: «Какой же ты русский мужик, если выпить не можешь?» Так что скажу одно: выпить могу, но не злоупотребляю.

Много шуму в прессе наделала поездка президента в Германию в 1994 году, посвященная выводу Западной группы войск из этой страны. Особое оживление вызвал эпизод, когда Борис Николаевич, выйдя из здания ратуши, после встречи с бургомистром Берлина взялся дирижировать оркестром мальчиков, которые играли в честь высокого гостя русские мелодии. Именно по этому факту оппозиция остро поставила вопрос о здоровье президента.

Я обычно нигде не сопровождал президента, став руководителем его Администрации. Но на этот раз попросился сам, так как еще народным депутатом неоднократно бывал в Западной группе войск, помогал в решении ряда вопросов по их непростому переезду в Россию, у меня установились хорошие отношения с командующим Михаилом Бурлаковым и другими командирами войсковых соединений. Да, президент с первых дней был в тяжелом состоянии, которое усугублялось жуткой жарой в те дни. В ратуше жара вообще стояла тягчайшая, народу — не протиснуться, и я заметил, как Борис Николаевич мучается без платка, который он осторожными движениями правой руки просит сопровождающих ему передать. Пот лил с него ручьем. Он хорошо выступил. После этого все выпили по бокалу шампанского и вышли на улицу.

Думаю, что желание подирижировать оркестром по явилось под воздействием тогдашнего непростого настроения. Ну, во-первых, сама процедура вывода войск, когда все вокруг говорили, что делается это преждевременно, не способствовала приподнятому настроению, а его надо было держать. Во-вторых, детский оркестр, русская «Калинка» располагали к сентиментальности. И президент эту игру подхватил. Да, мы все нервничали, глядя на президента и утром, и в обед, и вечером, — боялись, что он сорвется.

Но мы видели и другой эпизод, когда после ратуши последовало посещение Ельциным и Колем памятника жертвам фашизма и возложение венков к Вечному огню. На большой площади собралось много народу, и на противоположной стороне расположилась группа немцев с плакатами: «Долой Коля!», «Позор Колю». Они и скандировали что-то в этом духе. После процедуры возложения венков Борис Николаевич присмотрелся к противоположной стороне, набылчился и неожиданно для всех пошел прямо на эту группу немцев. Что он там делал, о чем говорил им, не знаю, но когда мы проезжали на автобусах мимо этой самой группы, никаких обидных транспарантов уже не было и немцы скандировали какие-то приветствия всему потоку сопровождающих Ельцина и Коля.

Заканчивая эту тему, напомним только одно: и свое поведение, и свое состояние президент должен соизмерять с ответственностью за такой могучий инструмент в его руках, как «черный чемоданчик».

Со временем романтический имидж третьего Ельцина поблек, поистрепался и к выборам 1996 года начал сходиться на нет... Многие недели в больнице, затрудненное иногда владение речью, мысль, казалось, с трудом ворочающаяся в голове, — все это стало слишком напоминать на телеэкране незабвенного Леонида Ильича времен «расцвета застоя». Ельцин всегда-то выступал коряво, и с первых его публичных выступлений, когда он говорил без бумажки, я слушал его, внутренне съежившись от боязни какой-нибудь досадной оговорки или, хуже того, какого-нибудь невыполнимого обещания, а здесь все чаще стал ловить себя на мысли, что эти явления усугубляются. Он практически всегда стал прочитывать заранее подготовленный текст.

В обществе происходили тяжелые процессы. Война в Чечне — совершенно непонятные, бездарные действия военной верхушки. Провалы в экономике. Рост преступности. Бандитские разборки с банкирами и коммерсантами. Распоясавшееся поведение Коржакова, который стал вмешиваться и в дела правительства, и в дела банкиров, создал специальное подразделение для сбора компромата на руководящий состав страны и финансовой элиты, начал даже выступать от первого лица в государстве. Демократы отшатнулись от президента.

Тем неожиданнее оказалось — и для демократов, и для коммунистов, и для всей страны вообще — явление четвертого Ельцина, — как будто бы нового человека и нового политика. Новый человек — это необычайная витальность, динамизм, открытость, быстрота действия, сопровождаемые ощущением правоты и уверенности в себе и своих силах. С новой политикой дело обстоит сложнее. Ранее — в случаях прежних Ельциных — политические определения были вполне однозначными и полярными. Линия партии, последовательный коммунизм в одном случае, и столь же последовательный и бескомпромиссный антикоммунизм, ориентация на рыночную экономику и политическую свободу — в другом. Короче, осуществлялся переход от одного идеологического полюса к другому — к либерализму.

Теперь же однозначное идеологическое определение новой политики становится невозможным. Это уже не столько идеологически мотивируемая, сколько реальная политика, диктуемая требованиями жизни... В период предвыборной кампании многие документы, подписанные Ельциным, касаются не только сегодняшних больных

вопросов и их решения, они затрагивают развитие страны и в следующем столетии.

Выборы выиграны, но еще до их конца недуги вновь охватывают президента, тяжелые заболевания сменяют друг друга и полностью выбивают Ельцина из активной политики. Только резкими и неожиданными шагами по смене кадров Ельцин показывает, что держит руль в руках. Все очевиднее накопившаяся в нем огромная усталость, но вместе с тем — и незаурядная воля, которая не позволяет взять тайм-аут даже тогда, когда нет сил для дальнейшей деятельности. В остальном — полная неясность и некоторая хаотичность шагов как внутри страны, так и на международной арене.

А внутри страны к тому же — усиленное влияние олигархов, их разборки между собой и с противниками из власти сотрясают общество компроматами, сменами кадров, уголовными делами. В экономике — зловещее 17 августа, когда рухнула государственная «пирамида». Особая боль за очередное ограбление людей, увеличение безработицы и числа живущих за чертой бедности сограждан. И вновь — отсутствие доступного и понятного объяснения случившегося, умолчание ошибок.

На международной арене — под давлением оппозиции государственные институты и чиновники вновь торят тропки имперских амбиций, пытаются создать образ врага из тех, кто в ближайшие годы были их союзниками по преобразованиям. Оппозиция снова усиленно готовит импичмент президенту, явно подгадывая эту процедуру к очередным выборам, думским и президентским. Обвинения носят политический, но не правовой характер и рассчитаны на идеологическую обработку населения.

И вот в этой ситуации мы видим уже следующего Ельцина. Он вновь здоров, энергичен, его шаги и расстановка кадров на этот раз логичны и направлены не толь ко на укрепление своих позиций, но и на создание политической стабильности в стране, особенно после провала экономики 17 августа 1998 года, когда России грозил социальный взрыв. Однако, чувствуя силу левой оппозиции, он во многом ей подыгрывает: и сближением с Лукашенко, и подготовкой некоего трюка с созданием Союза, и отходом от многих совместных договоренностей с

Западом, и удалением из правительства реформаторов. Но уже заметно и то, что последними перестановками кадров в правительстве

он задумывает и готовит какую-то новую комбинацию против оппозиции.

Ельцин — политик не для спокойной, стабильной ситуации. Он хорош, активен, здоров в периоды обострений ситуации, в периоды «бури и натиска». Такое впечатление, что ему просто необходимо все время с кем-то сражаться. Все битвы за демократию, начиная с путча 1991 года, включая борьбу с парламентом в 1993 году, драматические выборы 1996 года, войну в Чечне, перестановки первых лиц в правительстве, — не убежден, что все это было необходимо. Напряжение могло быть снято в ходе нормальной политической и хозяйственной деятельности. Мне кажется, он умеет это делать. Ведь по отношению к запрещению компартии он ведет терпимую политику. Может быть, потому, что чувствует там силу. В других же случаях он должен создать себе врага, а затем и победить его в драматической и, безусловно, опасной схватке. А Россию, да и весь мир при этом, весьма и весьма трясет.

Каждый раз на встречах с общественностью в каком-нибудь регионе России возникает разговор о происходящем — о реформах, о кадрах, о трудностях в жизни и простого народа, и целых предприятий. Но больше всего людей интересует фигура президента: им хочется разобраться и понять, что за человек правит государством, почему так много вокруг него противоречивых, порой диаметрально противоположных, мнений и оценок.

И особенно людям бросается в глаза, как президент неровно, небрежно обращается с кадрами, со своими соратниками, подгребая сначала их под себя, используя с максимальным прагматизмом чужие интеллектуальные дрожжи до той поры, пока в этих дрожжах живет брожение. Дальше — очередная смена действующих лиц. Порой на таких встречах люди гневно выкрикивают: «Ведь это вы привели его к власти!» Порой застенчиво спрашивают о его здоровье и тех нелепых сценах, показанных по телевидению, которые наводят на всякие нехорошие мысли. Да я и сам все больше и больше размышляю о том, что же значат для президента его соратники — люди, с которыми он вместе прошел определенный отрезок своего президентства.

У Ельцина не было своей программы преобразования России — именно поэтому он всегда искал людей со свежими идеями, умеющих по-новому взглянуть на решение вечных проблем в России. Именно

поэтому вокруг Ельцина стала собираться способная молодежь — и экономисты, и юристы, и аналитики, и военные специалисты, Но именно поэтому же вместо цельной программы действий формировался некий гибрид, фрагменты которого были позаимствованы у разных разработчиков. Сам по себе этот прием обычен. Вспомним, как Ленин взял программу эсеров по земле: «Да, программа ваша, но выполним ее мы». Наша беда в том, что куски программ плохо сочетаемы, и не было у нас теоретика (идеолога), который их мог бы объединить. Здесь кроется одна из причин частой сменяемости кадров и плохих отношений внутри команды.

К тому же в отдельные периоды, когда напряжение в обществе доходило порой до грани гражданской войны, Ельцину требовались не просто соратники, а люди особо преданные, способные защищать с оружием в руках завоевания демократии и его самого. Но не все выдерживали такое доверие до конца: бывали случаи — и в силовых структурах тоже, — когда эти же люди шли против президента.

Кадровую чехарду можно объяснить и тем, что в исполнительную власть в основном привлекались народные депутаты, а впоследствии — депутаты Госдумы. И не всегда хороший законодатель оказывался действенным, эффективным чиновником в исполнительной власти. Многие бывшие депутаты, прожив короткий срок в исполнительной власти, изгонялись из нее, а обиды и недоуменные вопросы у них оставались.

А каких ярких депутатов лишалась законодательная власть! Оксана Дмитриева, Михаил Задорнов, Александр Починок, Борис Федоров, Иван Рыбкин, Ирина Хакамада, Георгий Боос, а на раннем этапе — Владимир Шумейко, Сергей Шахрай, Юрий Яров и многие, многие другие. Решая задачу усиления исполнительной власти,

Ельцин неминуемо ослаблял демократическое крыло законодательного органа, который к концу своего срока, а то еще и до новых выборов превращался в агрессивное большинство по отношению к нему самому и к тем реформам, ради которых усиливалась исполнительная власть. Это особенно сильно проявилось в 1993 году, кульминацией которого был кровавый октябрь.

Ельцину всегда хотелось всего достичь побыстрее: побыстрее ликвидировать КПСС, побыстрее сделать Россию демократической страной с рыночной экономикой, побыстрее провести приватизацию,

побыстрее принять новую Конституцию, побыстрее встать в ряд с международной элитной «семеркой», побыстрее навести порядок в Чечне. И, может быть, в этом тоже кроется его позыв к постоянной перетасовке кадров, их перестановке, замене. Но при этом, думаю, он должен понимать, что никто толком не успевал не только что-то сделать, но и познакомиться с делами, осмотреться, освоиться. В этом я нахожу одну из причин многих наших неудач. В этом мне видится одна из причин отсутствия у Ельцина цельной команды.

Ельцин постоянно хотел доказать, что демократию сам он не подомнет и покуситься на нее никому не даст. Именно поэтому он готов менять министров и других чиновников по требованию сильной оппозиции. Над этим порой смеются, над этим порой издеваются, но это гарантия, что надпартийный президент способен учитывать мнение сильной партии. В этом можно винить и демократов, которые с каждым годом сдавали свои позиции, слабели в организационно-политическом плане. И он, вынужденно подыгрывая сильной и агрессивной оппозиции, вынужденно же отходил все дальше от демократов. А вначале сам предполагал их возглавить.

В 1993 году в окружении президента впервые проявились разные оценки его отношения к демократическим партиям и движениям. Впервые прозвучало, что «президент независим от партий и находится над партиями».

В день работы съезда «Выбор России» пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков выступил с таким сообщением: «Борис Ельцин очень чувствителен к голосу России. Он ощущает себя россиянином, представляющим всю Россию. Именно поэтому, несмотря на все политические симпатии, его не будет на съезде блока «Выбор России».

Тогда президент лишил демократическое движение объединительного центра — это факт. Отсюда и вялость, и поражение демократов на различных этапах наших реформ. Никто не понимал, кого же мы представляем и от чьего имени делаются реформы. Их осуществляют одни, а шишки за них собирают другие.

У многих на памяти манипуляции, которые проводились с кадрами сначала в Верховном Совете, а затем президентом. Тогда менялись фавориты и как бы действовало живучее правило: сегодня ты в фаворе — твоя программа предпочтительнее остальных. И могут приостанавливаться идеи рынка, и внешне плацдарм демократии как бы

начинает уже завоевываться совсем другой системой, и все это продолжается до той критической черты, до того возвратного момента, пока не наступает внезапное контрнаступление. Думаю, ни для кого не секрет, что эти годы мы так и жили — по этапам. Да и время заставляло проявлять гибкость, чтобы сохранить поступательное движение реформ.

Я и сам находил в этом определенную силу Ельцина как президента. Если взять за главное сохранение курса реформ, то ради этого можно было пойти и на жертвы. Нужно для этого произвести кадровые перестановки? Пожалуйста. Нужно сменить команду? Пожалуйста. Нужно сменить какого-то лидера? Пожалуйста, Нужен референдум? Пожалуйста, только не останавливать реформы. То есть Ельцин вынужден был все время лавировать во имя главной цели, и это было, разумеется, заметно многим. Хотя, повторяю, иногда это превращалось в кадровую свистопляску, ничего общего не имеющую с улучшением ситуации в стране. Но если все остальное можно как-то объяснить или оправдать, то ни оправдать, ни понять, ни простить невозможно то, как порой президент расставался с соратниками — с некоторыми так и не попрощавшись.

Часто кадровый выбор президента невозможно было объяснить, появлялись новые, какие-то серые, порой скандальные личности, а то и просто противники и самого президента, и проводимых им реформ. Таких примеров было много. Наиболее яркие из них — Руцкой, Ильюшенко, Коржаков.

Когда в ночь перед регистрацией кандидатов в президенты в Центральной избирательной комиссии выбор Ельцина пал на Руцкого как на кандидата в вице-президенты, многие оказались в шоке и никак не могли понять, что заставило Ельцина принять такое решение. Но, с точки зрения избирателя, Борис Николаевич выбор сделал точный: военный летчик, Герой Советского Союза, в Верховном Совете проявил себя напористым депутатом, умеющим защищать социальные права военнослужащих.

Однако выбор Ельцина в конечном счете оказался трагичным для страны. Сложные отношения складывались у президента Ельцина с вице-президентом Руцким постепенно, не сразу. Руцкой — человек с амбициями, привык решать вопросы по-военному жестко и быстро, порой не вникая в последствия таких решений, будучи не всегда в ладу

с законом. Ему казалось, что он имеет часть президентской власти и может ею распоряжаться по своему усмотрению. На самом же деле, по Конституции, он мог делать только то, что поручал ему президент. И президент допустил несколько ошибок, когда доверил Руцкому введение ЧП в Грозном, когда поручил ему возглавить межведомственную комиссию по борьбе с преступностью, когда обязал заниматься сельским хозяйством. Шуму от Руцкого было на всю страну, а проку — никакого. Сама манера обращения с людьми, когда он ставил их «на ковер», уже в то время была недопустима.

И вот, с одной стороны, Руцкой — защитник демократии, прав человека, с другой — самый ярый нарушитель и демократии и прав человека. Эти 11 чемоданов компромата — свидетельство нарушения закона и прав человека, так как оперативные данные были оглашены в форме обвинения людей, обладающих правом презумпции невиновности. Провал ЧП в Грозном чуть не стоил войны в этом регионе. Руцкой явно проиграл, но признаться в этом у него не нашлось мужества. «Человек без тормозов» — так многие тогда характеризовали А. Руцкого. Это особенно стало проявляться после победы над ГКЧП, когда Руцкой оказался в центре внимания прессы и общественности. А затем последовала его война с молодым правительством и с либеральными реформами. А затем — война и с президентом, когда Руцкой согласился и с импичментом, который объявил Б.Н.Ельцину Белый дом, и с занятием кресла президента страны на нелегитимном съезде народных депутатов...

Из сообщений СМИ:

«Вице-президент сомневается: «Меня такое правительство не удовлетворяет, потому что в нем нет практиков», — сказал А.Руцкой, выступая в Новосибирске на встрече с активистами местного отделения народной партии «Свободная Россия».

«Сегодня я практически отстранен от механизма принятия решений, но это не значит, что я не могу выражать свое мнение. Я заявлял и продолжаю говорить: программы реформ не существует, ибо простое перечисление мер на съезде народных депутатов не является программой. Я выступал и выступаю против освобождения цен. Я также не согласен с политикой рыночных отношений, при которой на территории Российской Федерации создано более 600 бирж и свыше 1200 коммерческих банков,

занимающихся спекуляцией. Я полностью поддерживаю цивилизованный рынок, однако мы не та страна, которая может перейти к рынку всего за неделю» (*«Российская газета»*, 29 ноября 1992 г.).

Конечно, есть вина и окружения Бориса Николаевича в том, что руководители службы безопасности подстегивали неприязнь президента к Руцкому, подсовывая ему записи прослушанных разговоров. А поскольку Руцкой — прямой и бесхитростный вояка, он и говорил все то, что в данный момент думал, но обычно в такой «данный момент» он воевал. Стоило все это нам, обществу, стране — октября 1993 года и отсутствия в Конституции такой должности, как вице-президент Российской Федерации.

Мне представляется, что Борис Николаевич выбрал абсолютно неправильный тон общения с экс-президентом СССР М.Горбачевым — тон человека обиженного и еще не отомщенного.

Из интервью Ельцина итальянской газете «Република»:

«В новом Содружестве Независимых Государств не предусмотрено места для Михаила Горбачева, и у Президента Советского Союза есть время до конца декабря, максимум — до середины января, чтобы принять решение о своей отставке».

Бесстрастно, не повышая голоса, Борис Николаевич произносит этот своеобразный приговор творцу перестройки. А мне казалось, что в новой демократической системе государства нам удастся построить иные отношения с теми, кто раньше был у власти, а теперь могли бы стать советниками, аналитиками, использоваться для различных рабочих контактов — и все это во имя усиления и обогащения своей страны!

Как-то, во время пребывания в Англии, мне подарили местную газету, где во всю страницу была изображена голова Михаила Сергеевича, а на лысине сидел маленький Борис Николаевич и маленьким молоточком бил по ней. В этой забавной шутке оказалось много правды. Мы потом были свидетелями, как Ельцин почти никогда не упускал возможности «постучать молоточком» по голове Горбачева. После той поездки я показал Борису Николаевичу газету и при этом сказал, что не надо бы ему в его новом положении относиться к Горбачеву так, что даже мелкие уколы мир замечает. Нам постоянно нужно думать о будущем — ведь сейчас закладываются основы того,

как будут потом относиться к ушедшим руководителям. Правда, после этого разговора Ельцин стал меньше выпускать стрел в ту сторону, но отношения своего к Горбачеву не изменил.

Очень часто в прессе и в устах оппозиции все, что исходило от Ельцина, особенно плохое, связывалось с окружением президента. Чаще всего, напомним, подразумевалось некое анонимное окружение. Вот один из комментариев в СМИ по этому поводу.

Комментарий газеты «Генераль-анцайгер»:

«Проблема Ельцина состоит в том, что его окружает «почти анонимная дворцовая камарилья, к нашептываниям которой он прислушивается даже в большей степени, чем наученный опытом Михаил Горбачев».

Однако окружение у Бориса Николаевича было разным. И его долголетие на посту президента, его шаги по преобразованию страны могли осуществиться именно благодаря тому, что в основном это были деловые, грамотные, авторитетные люди. С самого начала деятельности Ельцина вокруг него объединилась довольно мощная группа творческой интеллигенции, которая его поддерживала всегда, а в критические моменты, быть может, особенно. Многие из них вошли в Президентский совет.

На разных этапах они по-разному оценивали его деятельность, но всегда сходились в главном: Ельцин — гарант демократических преобразований в России и ему нужно помогать. И у каждого, с кем приходилось накоротке или обстоятельно обсуждать положение в стране, ход реформ и преобразований, было много различных претензий к власти, к Ельцину, но были и убедительные доводы, почему его нужно поддерживать.

Пожалуй, наиболее емко это отношение выразил писатель Даниил Гранин: «Что можно сказать о Ельцине как о человеке, о личности? Он болеет за Россию. Он умеет слушать и слышать, обладает здоровым чувством юмора. Кроме того, в нем есть, конечно, обаяние человека, разбирающегося в людях и понимающего собеседника... Видно, что Ельцин — человек, прошедший серьезные испытания властью, и мне кажется, он один из немногих сумел выдержать эти испытания. Его дорога к власти была совершенно необычной, в чем-то даже революционной дорогой. Ведь что только не делали, какие только препоны не ставили у него на дороге, какие только не возводили на

него напраслины. Сколько на него выливали грязи, что только ему не приписывали: и сионизм, и алкоголизм, и донжуанство, и карьеризм. Перечислить всего невозможно. Как симпатичен мне был Ельцин, который твердо стоял на своем и никому и ничему не поддавался, отчаянно боролся против той власти и сумел устоять!»

А вот характеристика режиссера Марка Захарова: «...Мышление Ельцина — это мышление демократа. Я уже признался, что во мне иногда гуляют радикальные суждения и намерения совершать резкие поступки. Ельцин всегда этому противился. Ему трудно нарушить демократические заповеди и нормы демократического поведения руководителя, человека, который сформирует политику. Хотя это никак не может его застраховать от просчетов и ошибок. У меня есть твердое убеждение (оно, может быть, и интуитивно), что время все равно работает на нас и на политику президента при всем ее несовершенстве...»

Многие сходятся еще в одной оценке Б.Н.Ельцина: он — человек четких нравственных ориентиров. Он не перекладывал вину на других — будь то Чечня, октябрь 1993 года или срывы в экономике...

Находясь за рубежом, он никогда поименно не давал отрицательных оценок другим. Не знаю, что это — те же воспитание, некая внутренняя установка или некоторый зарубежный опыт. Например, во Франции существуют неписанные правила этики для депутатов и руководителей всех уровней: никогда не ругать и плохо не отзываться о своих коллегах и о своей стране за ее пределами. Но внутри страны эти правила прекращают действовать.

Он пошел на выборы 1996 года. А выборы означают, что придется признавать совершенные ошибки, освобождаться от наиболее одиозных союзников и подчиненных и анализировать настроения масс и пытаться что-то объяснить народу.

Но были случаи, когда шептуны точно использовали настроение и состояние президента, чтобы «капнуть» ему на кого-то, вызвать раздражение, гнев и направить такую реакцию против собственных недругов, делая их недругами и президента. У меня было несколько таких телефонных звонков от президента, когда не оставалось никаких сомнений, что кто-то из близких, находящихся рядом с ним, действовал именно так.

Вот один из звонков. Поднимаю трубку прямой связи и слышу раздраженный и напористый голос президента:

— Мне сказали, что вы продолжаете дружить с Бурбулисом. Вы должны прекратить с ним всякие отношения...

Я опешил:

— Борис Николаевич, то же самое мне говорил Хасбулатов, но я не отказался от дружбы с Бурбулисом и сейчас не вижу необходимости. Тем более что он очень многое отдал общему нашему делу. А вас кто-то пытается на него натравить.

Президент положил трубку.

Другой звонок.

— Вы скажите своему Голембиовскому, чтобы он «Известия» не использовал для печатания всяких пакостей.

— Борис Николаевич, во-первых, Голембиовский не мой, я в Верховном Совете стоял за газету, за ее независимость, которую, слава Богу, она сейчас имеет. Во-вторых, вы никогда не вмешивались в дела СМИ. Кто вас подтолкнул на этот шаг, кому и зачем это нужно? Ведь только один звонок, и вы будете дискредитированы.

— Ну хорошо. — Президент положил трубку.

И вот примерно такой же третий звонок.

— Вы знаете наше отношение к Степашину. Перестаньте с ним дружить, если хотите остаться в нашей команде.

И тут я взорвался:

— Борис Николаевич, почему вы позволяете натравливать себя на ваших единомышленников? Степашин ваш соратник. А кому-то из ваших близких он, видимо, мешает, и я предполагаю кому. Давайте встретимся и обо всех этих делах поговорим

— Хорошо, давайте поговорим.

Конечно, мне нетрудно было предположить, кто в это время дышал в затылок и шептал в ухо президента. К сожалению, иногда это имело результат, которого шептуны добивались.

Может быть, такие многочисленные нашептывания подготовили президента к тому, чтобы дать неограниченные полномочия службе своей безопасности по сбору компромата на высших должностных лиц, на банкиров, на руководителей СМИ, прибрать к рукам «Росвооружение», контрольные функции и многое другое, что явно противоречило Конституции и, как правило, нарушало права человека.

Был даже создан вычислительный центр, куда поступала вся информация о банках и можно было в любую минуту получить любые сведения о каждом из них. При чем здесь Служба безопасности президента?

Была даже попытка создать финансовую разведку России, по сути, противоречащую Конституции (ни одна из российских спецслужб не имеет права вести самостоятельный поиск зарубежных счетов российских юридических и физических лиц вне системы судебных исков и разбирательств, осуществляемых в ходе проведения официальных расследований по уголовно наказуемым делам). Идеология действий, видимо, была такой: законы касаются спецслужб, правительства, Администрации Президента, а Служба безопасности вне этих и других структур, а значит, и вне закона.

Когда появился проект указа о Службе безопасности президента, дававший коржаковскому ведомству полномочия, которые не снились никаким другим службам, мы с В.Илюшиным схватились за голову, но президента не было в Кремле — он отдыхал в Сочи и поговорить с ним не было возможности. Проект указа придержали до его приезда, но через некоторое время другой экземпляр указа был подписан, вопреки действующему положению, без визы руководителя Администрации Президента.

В июне 1996 года такая практика работы Службы безопасности президента была прекращена, но она не получила достойной оценки ни президента, ни наших правоохранительных систем. А надо бы — чтобы не повадно было другим.

Сегодня у Ельцина, пожалуй, больше противников, чем было когда-либо. Но мы вместе с ним прожили целую эпоху — со всеми ее противоречиями, шатаниями, стрессами, заклинаниями, надеждами, пророчествами и разочарованиями. Эпоха Ельцина — это полный отказ от перекраски фасада, от идеологии перестройки по Горбачеву, это не оживление старых социальных институтов, а утверждение нового, это, наконец, радикальные перемены в обществе, сознание необходимости глубинных исторических перемен, но... при отсутствии ясного ответа на вопрос, как их осуществить. Это и ощущение того, что нужно непрерывно бежать, бежать не останавливаясь.

И вот — бежим. 150 миллионов человек после ГКЧП и проведенных у себя референдумов побежали из СССР, другие 150

миллионов человек, совершенно неподготовленных, без какого-либо представления о маршруте, с твердым желанием убежать подальше от коммунистического прошлого и смутным желанием радикальных перемен к лучшему, побежали в сторону частной собственности и приватизации, демократии и рынка. Может быть, именно поэтому мы каждый год с нелегкой душой входим в праздник независимости России, или, как его еще называют, — День принятия Декларации о суверенитете России, не понимая ни его сути, ни того, чего же мы достигли. Может быть, именно поэтому общество не понимает до конца того, что произошло в 1993 году, когда страна буквально чудом избежала гражданской войны.

В чем должен состоять радикализм реформаторства, долгое время не знали и сами авторы реформ, не знал этого и президент. Мы знали только, что надо бежать. А о конечном результате догадывались смутно, и, как оказалось, каждый представлял его по-своему.

Сочетаются радикальные реформы с «возрождением России» — лозунгом, с которым демократы шли на выборы, — или нет? Как будто да, но во многом первое противоречит второму. Конечно, речь шла о духовном возрождении, о возрождении рыночной экономики. Но повернулось все к иному качеству. Отсюда — путаница. Путаница в мозгах, мешанина лозунгов, девизов, позиций. Одних только партий и политических движений, формально имеющих право на участие в выборах на федеральном уровне, даже в последнее время, уже после перерегистрации, — свыше 150, и у каждого лидера свое видение будущего России. А бежать надо.

Необходим был человек, который, взяв на себя ответственность, скомандует: «Вперед! К другому берегу, примерно вон туда, не останавливаясь, там разберемся!»

И таким человеком оказался Ельцин. В этом и заключается его историческая миссия, в этом историческое значение и глубинный смысл того, что он и мы вместе с ним строили и создавали все недавние годы, со всеми нашими взлетами и падениями, противоречиями и логикой.

Ельцин — это принятие абсолютно радикальных решений в абсолютно не подготовленной к ним ни духовно, ни материально стране, в отсутствии традиций реформаторского радикализма; с интеллектуалами, выросшими в условиях всеобщего подавления мысли

и неспособными на настоящий протест; со старыми кадрами, не готовыми к новой работе даже теоретически; с огромной партией тоталитарного типа, невероятно коварной и опытной, значительно сросшейся с армией, службами госбезопасности, прокуратурой, судом, директорским корпусом, усвоившей множество большевистских приемов, и прежде всего приемов разобщения общества, поиска врага, революционных выступлений.

У Ельцина никогда не было поддерживающего его устойчивого большинства, даже при его выборах Председателем Верховного Совета РСФСР и Президентом России. И отсутствие ЕГО большинства приводило страну не раз на грань катастрофы. Но именно оно и заставляло Ельцина бороться за победу на выборах, используя весь свой потенциал в критические минуты.

Что знали реформаторы, когда начинали реформы? Монетаристскую теорию. Но эта теория выросла в Америке. Она, наверное, хорошо заработала бы у нас при других условиях, близких к американским, но таковых у нас не было. Хотя нужно признать, что степень ожидания этой теории и степень доверия к ней в обществе были достаточно высокими благодаря политике, которую небезуспешно проводил Андрей Козырев на укрепление доверия между Россией и США, но которую так бездарно растоптали позже, изменив внешнюю политику России и вновь пытаясь представить Америку нашим врагом. А значит, и все, что оттуда исходит, для нас — враждебно, как и было при большевиках.

Для того чтобы монетаристская теория реформ заработала, нам изначально нужно было иметь другое, более развитое в правовом отношении население, другую, более гибкую общественную психологию, приемлющую частную собственность, а не продирается шаг за шагом сквозь бешеное сопротивление бывших партocrats, с их огромным негативным опытом, с их порочными связями, с их репрессивным влиянием на народ и умением пользоваться скрытыми партийными средствами,

Было ясно, что реформировать общество в целом одними лишь макроэкономическими методами невозможно, что рассчитывать на экономический подъем сразу после отпуска цен — наивно. Но не сделать всего того, что сделали и Гайдар, и его команда, было еще хуже.

Из многих зол приходилось выбирать меньшее, а альтернативы даже меньшему злу просто не существовало.

Любое решение было плохим, и поэтому терпеливо, порой стиснув зубы, приходилось выстраивать цепочку плохих решений, в конце которой при благоприятных условиях могло бы получиться что-то сносное. Так что молодые реформаторы своим молодым задором, энергией и решимостью столкнули страну с мертвой точки. Хотя как-то столкнули. Может быть, — тогда — без ясной конечной цели, но они приняли на себя ответственность за этот рывок в неизведанное.

Вся история России усыпана обломками несостоявшихся реформ. И нужен был совершенно особый человек, чтобы еще раз поднять в России — в условиях общего кризиса и крутого исторического перелома, крушения величайшей империи, социалистического мировоззрения, идеалов и ценностей — реформаторское знамя. И таким человеком тоже оказался Ельцин.

Выросший в партийной среде, занимавший отнюдь не последнее место в партийной иерархии, он нашел в себе мужество поверить новым людям, невероятно от него отличавшимся по возрасту, по образованию, по опыту жизни, по убеждениям и взглядам. Он рискнул опереться на людей чуждого ему сословия и принять на себя всю тяжесть их возможных и совершенных ошибок с опасностью быть проклятым современниками. Может быть, этим уравнивается его нерешительность, которую мы так часто наблюдаем. Действительно, кто может оставаться неизменно решительным в условиях жесточайшей борьбы?

Но какие бы ошибки ни совершал Ельцин и его соратники, Россию они все-таки сдвинули с места в направлении цивилизации. А сдвинуть экономику централизованную, безынициативную, милитаризованную в сторону экономики гражданской, рыночной, ориентированной на человеческие потребности, — в историческом смысле это нечто невероятное.

...По нашей истории видно, что в России первое лицо государства — понятие культовое. Российская традиция всегда связывала время с властной личностью: эпоха Ленина, эпоха Сталина, эпоха Хрущева, эпоха Брежнева... Мы до сих пор мыслим словно бы категориями прошлого, драматично прорастающими сквозь новую реальность. Эпоха Ельцина.

До Первой мировой войны существовала реальная возможность построить в России нормальное общество, но страну обманно увели за собой большевики. Путь оборвался на стадии, когда общество еще не успело подготовиться к собственной реконструкции. Мы теперь расплачиваемся за то, чтобы вернуть Россию на путь нормального исторического развития. Расплата тяжела, а платить приходится тем, кто ни в чем не виноват. Отсюда и охватившие многих апатия, безверие, неприятие реформ. Отсюда и непонимание не просто Ельцина, хотя в его внешнем поведении в последнее время много озадачивающего, а той цены, которую требуют реформы. Причем непонимания и со стороны противников преобразований, и со стороны сторонников. Но тут уж ничего не поделаешь.

Через коррупцию, безнравственность, бездуховность, через спекулятивное предпринимательство, беспредел, карикатурную демократию, кризис культуры, экономики, общественной жизни мы наугад движемся вперед в поисках самих себя, в поисках своей человечности. Демократия, правовое государство, социально ориентированная экономика — все это останется пустыми словами, бессодержательными формулами, если россияне не станут терпимее друг к другу, не научатся сопереживать и сострадать друг другу. Если мы не признаем, что мировоззрение и философия обывателя, которые мы столько лет третировали под аккомпанемент красных барабанщиков, это и есть мировоззрение и философия жизни. Ее главная аксиома, ее центральный постулат: человек превыше всего, не он — слуга государства, а государство — на службе у человека.

На эпоху Ельцина выпало разрушение аварийной государственной структуры ради возведения площадки нулевого цикла реформаторского строительства.

Новый президент, новый лидер начнет строить новое здание. Площадка подготовлена. Остается одно — поверить в реальность цивилизованного будущего России. Я — верю.

ПОСКРИПТУМ

В последние годы для меня стало привычкой, закончив намеченные дела, выйти на крыльцо никологорского дома, постоять, запрокинув голову к шумящим верхушкам огромных сосен, глянуть окрест, придирчиво отметить на своих пятнадцати сотках все, до чего пока еще не

Почти два с половиной года назад я стоял вот так же на крыльце, обдумывая начало будущей книги. За это время далеко и надолго (а для людей моего поколения — навсегда) унеслась в загадочный космос прекрасная незнакомка — комета Галлея; давно уже выложена квадратными плитами дорожка от калитки до крыльца и даже дальше — вокруг дома; стали старше и мудрее мы с Галей, незаметно вступают в зрелый возраст наши дочери и очень заметно подрастают все пять

Много событий вместились в тот небольшой отрезок жизни, который совпал для меня с привязкой к рукописи. Были среди них и события личного плана, как в каждой семье, особенно в такой большой, как наша; были и события общественные, политические, — те и другие, тесно переплетенные между собой, так или иначе влияли на жизнь мою, моих домочадцев, друзей и коллег. Влияли

Не раз у меня возникало обманчивое чувство, что книга вот-вот будет закончена, что еще два-три вечера, две-три ночи — и я смогу наконец поставить в ней последнюю точку. Но наступал следующий день, и подчас то, что еще недавно виделось главным, становилось второстепенным, а то, что я замечал как бы мимоходом, вдруг вырастало в значительное явление. Так же происходило и с людьми: одни словно бы уходили в тень и сегодня оказались почти забытыми; другие остаются до сих пор на виду, хотя отношение к ним в обществе претерпело серьезные перемены, третьи — они, увы, в подавляющем меньшинстве — остались (для меня, во всяком случае) на прежних нравственных и гражданских позициях.

Особенно трудно далась мне глава о президенте: я делал на нее несколько заходов, пытаюсь ухватить главное в этой столь же масштабной, сколь и противоречивой фигуре. И счел в результате нецелесообразным концентрировать все, что в моем повествовании связано с президентом, в одной главе (хотя такая и существует), но как

бы «рассыпал» Ельцина по всему содержанию, — вычленив его из того, чем жила и живет по сей день страна, из его окружения невозможно. Да и неоправданно это было бы ни с какой стороны. Как неоправданным с точки зрения элементарной чистоплотности было бы вступление в мелкий обмен уколами с теми, кто очень уж хотел обидеть меня в своих опусах, находясь в другой (как бы сказать помягче?) интеллектуальной категории.

И вот книга дописана. Но меня не покидает ощущение, что точку я поставил рано, что я недосказал, недо-вспомнил нечто действительно важное.

Я всматриваюсь в ту сторону, где два с лишним года назад светила космическая странница и откуда вот-вот проступит розоватое предрассветное марево. Обычно его появлению предшествует внезапный всплеск птичьих голосов, обрывающийся как по команде в то мгновение, когда узкая полоска солнца выползет из-за горизонта. Теперь, мне кажется, я понимаю смысл этой короткой паузы: перед рождением нового дня, перед обращением к новым заботам — помолчать, вглядываясь и вслушиваясь в жизнь, не опережать то, чему давно и не тобой установлен свой порядок на земле, не опаздывать с тем, чего ждет от тебя нынешнее утро.

И никогда не спешить с последней точкой: как правило, жизнь все равно заменяет ее на многоточие...

Я отстаивал свое мнение как мог, уходил от интриг и политических перевертышей, хотя не всегда это мне удавалось. Система нашептывания и провокаций сделала свое дело, и в начале 1996 года я был отправлен в отставку с поста руководителя Администрации Президента. Правда, не так, как этого хотели недруги. Но за президента я боролся и на выборах 1996 года. Надеюсь, что в этой книге мне удалось сохранить свободным от зла и обид свой взгляд на события и на их участников.

С.Филатов